

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. А. Курбатов

Военные реформы  
в России  
второй половины XVII в.  
Конница



ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство



КВАНТ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ



МОСКВА  
Квадрига  
2017

О. А. Курбатов

Военные  
реформы в России  
второй половины XVII века  
Конница



МОСКВА  
Квадрига  
2017

УДК 001.8:009"654"

ББК 74.202в7

И21

Рецензенты:

*Р. Г. Пихоя*

*профессор, доктор исторических наук*

*А. В. Малов*

*кандидат исторических наук,*

*А. Н. Лобин*

*кандидат исторических наук*

**Курбатов О. А.**

И21 Военные реформы в России второй половины XVII века:  
Конница / О. А. Курбатов. – М.: Квадрига, 2017 – 304 с. +  
илл. (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-210-3

В основе монографии лежит диссертация (2003), написанная автором в период «битвы за военную историю», в центре которой были численность и качества армий Восточной Европы XVI–XVII вв., проблемы критики источников, методика подсчета состава и потерь. Автору вместе с единомышленниками удалось развенчать мифы о «тъмочисленности» царских ратей XVI–XVII вв., их «отсталости» и неэффективности на поле боя.

История Новгородского полка – одно из «белых пятен», и из-за чего многое предстает искаженно, в т.ч. командование: талантливый, но «дерзостный» воевода князь И. А. Хованский, честный и дотошный князь Б. А. Репин, сам царь Алексей Михайлович.

Знаменательно совпадение начала и конца карьеры Хованского. Во главе Псковского полка он за пару месяцев добился перелома и разгромил главные силы шведов под Гдовом. Победа прославила его. Ровно через четверть века среди пунктов «измены» был назван Гдовский бой... Анализ его военно-административной и полководческой деятельности, создания рейтарских и гусарского полка, кампаний 1661 и 1664 гг., походов Русско-польской войны 1665–1666 гг. – дань памяти полководцу.

Походы Новгородского полка отразились на судьбах дворянства, тысяч казачьих, стрелецких, солдатских семей. Книга будет полезна и исследователям генеалогии, краеведам и любителям микроистории.

УДК 001.8:009"654"

ББК 74.202в7

ISBN 978-5-91791-210-3

© Курбатов О. А., 2017

© Стариков Н. А., дизайн переплета, 2017

© Издательство «Квадрига», оформление, 2017

## ОТ АВТОРА

Исследователь-историк, когда берется за разработку своей особой темы, становится в подлинном смысле этого слова первоходцем – он открывает сначала для себя, а потом для читателей множество сведений, давно позабытых, мало кому известных даже понаслышке и уж тем более не прошедших научного осмысления, анализа и обобщения. Предлагаемая вниманию книга, вместе со всей ее чисто военно-исторической ценностью и новизной, – это отчет автора об одном из первых «глубоких погружений» в мир исторических источников, а также в обширный круг сочинений российских и зарубежных исследователей. Написанная в 2003 г. в качестве кандидатской диссертации, работа местами может утомить читателя обилием цифр и перечней, но такова специфика первичной обработки военных источников любой армии Раннего Нового времени.

Нужно иметь в виду, что время создания монографии пришлось на период нашей своеобразной военно-исторической «битвы за историю». Камнем преткновения историков XVI–XVII вв. специализирующихся на военной и близкой проблематике, стал тогда вопрос о численности и боевых качествах воевавших в Восточной Европе армий и связанные с этим проблемы научной критики источников, методики подсчета боевой численности и потерь и т.п. Одни исследователи продолжали пользоваться данными старой историографии, другие более излишне доверяли мемуарам и иным нарративным источникам, третья же настаивали на пересмотре ряда устоявших положений и более внимательном изучении делопроизводственных документов, во множестве сохранившихся для России периода 1626–1700 гг. (и значительных фрагментов более раннего времени). Автору работы вместе с такими молодыми тогда исследователями, как Александр Витальевич Малов, Алексей Николаевич Лобин, Николай Валентинович Смирнов, Игорь Борисович Бабулин и рядом других, удалось последовательно развенчать мифы о «тъмочисленности» царских ратей XVI–XVII вв. и, соответственно, их «отсталости» и неэффективности на поле боя. Сейчас, когда основные положения этой дискуссии прошли уже стадию теоретического и методологического осмысления<sup>1</sup>, данный этап

<sup>1</sup> В ходе подготовки раздела «Дискуссии» – «...И бе их столько, еже несть

развития военной историографии можно считать пройденным. Он не нашел своего отражения в подробном историографическом очерке, открывающем монографию, и поэтому достоин упоминания хотя бы в предисловии. Кроме того, читатель может составить представление о дискуссиях того времени из нескольких статей, публикуемы в качестве приложения.

И все же главная ценность предлагаемой вниманию работы – в другом. История Новгородского полка или разряда русской армии – это одно из тех «белых пятен» общего исторического полотна, из-за которого многие события прошлого и характеры исторических деятелей предстают в откровенно искаженном виде. В отношении лиц это касается в первую очередь верхушки русского командования: талантливого, но «дерзостного» воеводы князя Ивана Андреевича Хованского, честного и дотошного ближнего боярина князя Бориса Александровича Репнина, ряда других полководцев и самого царя Алексея Михайловича.

Знаменательное совпадение, совершенно необъяснимое и от того интригующее, мы видим в моментах начала и конца карьеры князя Ивана Андреевича Хованского, одного из лучших царских полководцев. Назначенный командовать Псковским полком (армией у Пскова) после несчастной гибели молодого стольника Матвея Шереметева, он всего за пару месяцев добился реванша над шведами и разгромил их главные силы в Прибалтике «на граф Магнусовом бою» под Гдовом. Победа не только вознесла воеводу на пьедестал одного из лучших полководцев царского войска, но и заставила прекратить уголовное следствие против дворян Новгородского разряда, которых сородичи Шереметева обвинили в преступном поведении в предыдущей битве – ведь «победителей не судят». Отмеченный торжествами и салютами, Гдовский триумф совпал с радостным событием в царской семье – рождением царевны Софии Алексеевны, которое пришлось на следующий день после битвы – 17 сентября 1657 г...

Минула ровно четверть века, и 16 сентября 1682 г. судья приказа Государевой надворной пехоты боярин князь Иван Андреевич Хованский отправился из столицы в Троице-Сергиев монастырь поздравить с именинами царевну-регентшу и отчитаться о своей деятельности на посту главы мятежных московских стрельцов. Однако вместо ожидаемых почестей боярина, как и его сына князя Андрея, встретили скорый неправедный суд и смертная казнь. Каково же было, наверное, возмущение престарелого полководца, когда среди многих пунктов своей «измены» он, 25 лет спустя Гдовского боя, услышал: «А ваша служба

не точию им, Государем, и всему государству ведома, что где вы ни бывали, везде их государских людей своеольством своим и ослушанием их, государских, указов, и безумною своею дерзостию напрасно теряли и отдавали неприятелям, и тем государству приносили поношение и убыток, а их, Великих государей, имени на вечную хвалу и всему государству к прибыли ничего не учинили<sup>2</sup>. Продолжал ли фаворит царевны князь Василий Голицын традицию своего предшественника, главы Посольского приказа Афанасия Ордина-Нащокина, который некогда враждовал с князем Хованским, или просто выписал эти обвинения из латинских и польских реляций 1660-х гг., мы не знаем. Известно, что на импровизированном судилище, на дороге у села Воздвиженского, князья Иван и Андрей «небезответно с сильными очистками... себя правили», но по «военному» пункту обвинения ничего подобного и не требовалось. Ведь среди ратных людей, тех же стрельцов, Хованский имел стойкую репутацию «доброго», заслуженного воеводы, несмотря на несколько громких неудач в одной из прошедших войн...

Князя Ивана Андреевича можно назвать, пожалуй, первым государственным и военным деятелем Русского царства, чья память была настолько успешно опорочена его палачами, что он до сих пор известен в историческом дискурсе в основном как государственный преступник и воевода-неудачник<sup>3</sup>. Прошло немного времени, и подобная же судьба постигла царевича Алексея Петровича, а затем императоров Петра III и Павла I. Поэтому рассказы о военно-административной и полководческой деятельности Хованского, как то о создании рейтарских и гусарского полка Новгородского разряда, кампаниях 1661 и 1664 гг. и последних, «Борисоглебских» походах русско-польской войны (1665–1666) – это лишь справедливая дань памяти полководцу, без которого невозможно представить себе русскую военную историю XVII столетия.

Легендарные походы Новгородского полка напрямую отразились и на судьбах как известных дворянских фамилий, так и тысяч казачьих, стрелецких, солдатских семей. Можно упомянуть, к примеру, крестьян Ижорской земли, которые добровольно составили в начале Русско-шведской войны 1656–1658 гг. пешие ватаги «вольных казаков»: с 1659 г. эти станицы превратились в одно из постоянных подразделений Новгородского разряда – сотню копорских и сомерских казаков; или другую конную часть – не более полусотни запорожцев, которые вышли на службу с Дона в том же 1656 г., а затем остались жить в

<sup>2</sup> ПСЗРИ. Т. II. С. 465.

<sup>3</sup> Хотя еще историк второй половины XIX века Михаил Погодин справедливо опроверг эту точку зрения (Погодин М. П. Как установилось самодержавие Петра // Русский вестник. М., 1875. № 4. С. 357–415).

Великом Новгороде и были отнесены к категории новгородских ново-крещенов под названием «новгородцы иноземцы черкасы».

Или вот, например, краткие сведения о роде помещиков Бежецкой пятины Висленевых, известных в Новгородской земле еще с первой половины XVI в. После Смуты, в Смоленскую войну 1632–1634 гг. в строю осталось лишь двое представителей этой некогда многочисленной фамилии – Андрей Вьялицын сын и Денис Иванов сын. Однако уже в первые кампании войны 1654–1667 гг. место выбывшего из строя Дениса заняли его сыновья: Федор и Матвей в 1654 г., Петр в 1656 г.; кроме того, в списках сотенной службы появляются Андреевичи: Моисей и Иван, – и еще трое Висленевых из других ветвей рода, всего девять человек. В неудачном бою под Брестом 13 ноября 1655 г. сложил голову один из них – рядовой сотни Тихона Бровцына Кирилл Фаддеевич, а его родной брат Петр был ранен, выслужив за это дворовый чин. Затем, за исключением старшего Андрея (видимо, отставного), все Висленевы прошли бои Русско-шведской войны 1656–1658 гг., а весной 1659 г. всемером были зачислены в один полк рейтарского строя полковника Мартина Рецца. В результате бедственной «литовской службы» 1659–1661 гг. в строю осталось всего двое из них, остальные же были убиты, попали в плен или оставили службу по ранению и бедности.

Федор Висленев, к примеру, попал в руки к полякам в октябре 1660 г. «в загоне» под Толочином (во время грабежа и разорения вражеской местности) и вышел на Русь только через пять лет; замечательно, что через двадцать лет, упоминая о «полонном терпении» как о заслуге, он утверждал, что был взят в плен при Полонке (1660) – во время самого тяжелого и известного поражения русских войск в Литве. Усиленная мобилизация 1661 г. вернула строй престарелого Андрея Висленева, который в списке сотенных людей выступает иногда уже не как «Вьялицын», а как «Патрикеев сын» (видимо, по крестильному имени отца). К 1665–1666 гг. численность Висленевых в коннице Новгородского разряда достигает семи человек, которые служат в разных «строях»: кто-то снова в сотенной службе, кто-то по-прежнему в рейтарах, а Петр Денисович, Яким Кириллович и Иван Андреевич – во вновь созданном гусарском полку подполковника Микифора Карапурова. Впоследствии вообще большая часть Висленевых переходит в состав гусар. До чина же начальных людей за всю войну дослужился один только Моисей Андреев сын, который к осени 1660 г. стал прапорщиком рейтарского полка Якова Бильса, но вскоре попал в плен при Толочине и умер в Смоленске, едва выйдя из полона. Успешнее всего сложилась судьба потомков Андрея Вьялицына, часть из которых дослужилась до московского дворянства...

Интерес к истории Отечества через историю конкретных родов только возрастаёт в последние годы, и предлагаемая книга, несомненно, поможет многим исследователям генеалогии, краеведам и любителям микроистории.

Диссертация по реформам конницы «полковой службы» Новгородского разряда за 1654–1667 гг. изначально задумывалась с более широким охватом – включая и все разряды ратных людей и все «службы» (пехоту, конницу, артиллерию), и разные аспекты их истории. В частности, помимо перемен в организации, предполагалось рассмотреть новые черты тактики и вооружения всех родов войск, а также вопрос о создании офицерского корпуса полков «нового строя» в рамках отдельного разряда. Объем обнаруженных документов и необходимость их подробного анализа не позволили уложить все это в рамки кандидатского диссертационного сочинения. Но в качестве дополнения вниманию читателя предлагаются отдельные статьи по тактике русской конницы и другие работы, вышедшие к моменту создания монографии.

Иллюстративный ряд по военной истории России XVII в. крайне скучен, одни и те же репродукции неминуемо кочуют из книги в книгу. Благодаря сотрудничеству с клубом исторической реконструкции «Рейтарский приказ» и объединением «Московские стрельцы» появилась счастливая возможность выйти из этого замкнутого круга и украсить данное издание замечательными фотоработами Игоря Перфильева, а также фотографиями Марины Савченко, сделанным на совместных маневрах на конно-спортивной базе «Храброво» осенью 2015 г. Эти образы, с известной долей условности, позволяют читателю составить себе представление о внешнем виде русских всадников 1650–1660-х гг., их образе боя и вооружении. Кроме того, в книге приводятся репродукции из собраний европейских музеев с изображением предметов вооружения и снаряжения кавалерии, которые поступали в русские войска из Западной Европы.

ВОЕННЫЕ  
РЕФОРМЫ В РОССИИ  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА  
КОННИЦА



## ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время история Вооруженных сил России, в особенностях их реформирование, вызывают повышенный интерес в широких общественных кругах. Во многом это связано со сложным периодом становления новой государственности и затяжным экономическим кризисом, заставляющим искать новые пути строительства армии.

Совершенно не случайно, в данной связи, то внимание, которое привлекает к себе период реформ XVII – начале XVIII вв. Круг проблем, с которым правительство России столкнулось тогда в военной сфере, перекликается с современным: необходимость оптимальной мобилизационной системы для борьбы с могучими западными соседями при ограниченных финансово-экономических возможностях и людских ресурсах; стремление освоить эффективные стороны военной организации, тактики и вооружения Европы Нового времени и, в связи с этим, интенсивная военная учеба командного и рядового состава и тесные контакты с «немецкими» военными специалистами. Наконец, и в глобальном плане эпохи схожи: и в то время Россия выбирала между возможностями безоглядно «броситься в объятья» западноевропейской культуры или более уважительно и строго отнестись к сохранению традиционной православной цивилизации.

Еще одной причиной интереса к данной теме является т.н. феномен «обретения истории», связанный с настоящей информационной революцией, которая произошла в России в конце 1980–1990-х гг. Зачастую политизированное обращение к петровской и «допетровской» эпохам заставило начать пересмотр многих историографических традиций, связанных в единый миф о Великом Преобразователе – «Петровскую легенду». Отдельные составляющие этого мифа, известные всем еще по школьным учебникам, при новом обращении к источникам пересматриваются. Среди наиболее ярких моментов можно назвать историю «Хованщины»<sup>1</sup>, причины уничтожения стрелецкого войска<sup>2</sup>, цер-

<sup>1</sup> Лавров А. С. Регентство царевны Софии Алексеевны. М., 1999. С. 24–47.

<sup>2</sup> Орленко С. П. Стрельцы и «немцы» в России XVII века // Западноевропейские специалисты в России XV–XVII веков: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 24–25 сентября 2002 года). М., 2002. С. 54–56.

ковную реформу<sup>3</sup> и, наконец, некую исключительную роль Петра I и его сподвижников в создании регулярной армии.

Актуальность последней темы лучше всего характеризуется тем фактом, что до сих пор в историографии существуют порой совершенно противоположные точки зрения на состояние вооруженных сил Русского государства в XVII в.: от крайне негативных до восторженных. К сожалению, причиной этого является политизированность авторов, т.к. обе точки зрения мало подкреплены документально.

Выход из данного положения видится во введении в научный оборот того огромного массива архивных материалов, который сохранился от приказного делопроизводства XVII в. и до сих пор редко используется при изучении военных реформ. Для выяснения вопросов реальной эффективности военной системы и уровня боеспособности войск необходим компаративный анализ организации вооруженных сил России и иных армий XVII в., а также предметное исследование хода боевых действий. Наконец, путь выхода из замкнутого круга «петровских» и «антипетровских» дискуссий видится в применении новых исторических методов и, возможно, выявлении и освещении тех тенденций в развитии русского войска, которые не замыкаются только на вопросах его регулярности или «недорегулярности».

Плодотворным и уже оправдавшим себя путем в изучении отечественных вооруженных сил XVII в. является внимание к отдельным родам и подразделениям войск, ограниченное временными и территориальными рамками. В данном случае выбран Новгородский разряд периода войн с Речью Посполитой (1654–1667) и Швецией (1656–1661). Выбор этот не случаен. Данный военный округ обладал четко определенной территорией, ограниченными людскими ресурсами и, в отличие от столичных подразделений («московских чинов» поместной конницы, московских стрельцов, «выборных полков солдатского строя» и т.п.), не имел какого-то элитного характера. Это были те самые «рабочие войны», которые и вынесли на своих плечах основную тяжесть дальних походов и локальных боевых действий указанного периода. Вместе с тем, по своему стратегическому положению войскам разряда пришлось в разное время сражаться как со старыми (по своему устройству), но все еще эффективными в бою шляхетскими полками Речи Посполитой, так и с корпусами остзейских генералов шведского короля, носителями передовой для Западной Европы тактики. Влияние на организационную структуру и тактику опыта этих столкновений и определяет интерес именно к войскам Новгородского разряда.

<sup>3</sup> Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000.

При обращении к теме историографии реформ русского войска XVII в. сразу необходимо констатировать, что подавляющее большинство работ не носит самостоятельного характера, а тесно связано с такой важной проблемой, как преобразования Петра I. Вне зависимости от оценки успешности реформ, их места и влияния на последующие события, историк заранее ставил себя в четкие рамки «до» и «после» примерной даты 1700 г.; даже кропотливые, основанные на обширнейшем архивном материале исследования, способные порвать с узостью такого подхода, заранее определяли себе место «допетровского» периода истории и предполагали, таким образом, со сменой царя некое качественное изменение<sup>4</sup>. Корни этой ситуации лежат в историографической традиции, особенно консервативной в своей военно-исторической части.

Бурная эпоха петровских преобразований сопровождалась решительной ломкой многих традиций и нуждалась, ввиду этого, в идеологическом обосновании. Чертой, определившей на будущее оценку военной реформы того времени, стал тезис о полной боевой непригодности войска, доставшегося Петру I от предшественников. То, как сам Петр относился к разным частям своей армии, хорошо просматривается уже в его детских игрищах: войска «нового строя» («хорошие») там явно противопоставлены стрельцам и иным традиционным разрядам русского войска<sup>5</sup>. Стрельцы вообще были обозначены царем как янычары, склонные к бунту и неспособные к войне из-за своих торговых промыслов и отсутствия дисциплины и обучения<sup>6</sup>. Именно ему принадлежит первая официальная трактовка строительства регулярной армии (в предисловии к Уставу Воинскому 1716 г.): «Понеже всем есть известно, коим образом отец, блаженной памяти... в 1650 году начал регулярное войско употреблять, и Устав Воинский издан был...», и с этим войском были одержаны грандиозные успехи. Однако, «потом оное не токмо умножено при растущем в науках свете, но едва не весьма оставлено», что повлекло за собой поражения в боях «не то чию с регулярными народы, но и с варварами»<sup>7</sup> – прямое указание на Крымские походы кн. Голицына.

Надо сказать, что перед нами – один из первых примеров рационального, еще необычного на Руси осмысления причин исторических событий. Не только писатели эпохи Смутного времени, прямые наследники летописцев Средневековья, но и отец Петра видели причины поражений своих войск в Божьем попущении за грехи самих право-

<sup>4</sup> Кристенсен С. О. История России в XVII веке: Обзор исследований и источников / Пер. с дат. В. Е. Возгрин, ред. В. И. Буганов. М., 1989. С. 25–26.

<sup>5</sup> Кожуховский поход. 1694. (Современное описание) // Военный сборник. СПб, 1860. № 1. С. 49–106.

<sup>6</sup> Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 101.

<sup>7</sup> Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 52.

славных, за их неблагочестие, гордыню и т.п.<sup>8</sup> Пожалуй, первым образцом высокого идеологического документа, в котором присутствует иное понимание событий, стал указ об отмене местничества в 1680 г., где вражда воевод из-за мест трактовалась как причина «многого упадка ратным людем» в самых громких недавних поражениях русской армии – под Конотопом (1659 г.) и Чудновым (1660 г.)<sup>9</sup>. Современный уровень знаний о тех битвах заставляет отвергнуть подобное утверждение<sup>10</sup>, что приводит к выводу о выборе данных примеров в чисто идеологических целях. В петровской же трактовке, в качестве основной причины неудач русской армии назван упадок ее регулярности (взамен вражды воевод из-за мест).

Вообще, насколько в это время в обществе был велик запал недовольства малоуспешными военными походами 1678–1700 гг., ярко продемонстрировали острые публицистические сочинения И. Т. Посошкова. На первый взгляд, созвучно с предисловием к Уставу 1716 г. в них постулировалось утверждение о полной небоеспособности прежнего войска: как дворянской конницы (ретаря), так и пехоты – правда, не стрельцов, а солдат. И все же, глядя на эти сочинения уже сквозь призму «петровского мифа», историки XIX в. не заметили, что главным объектом критики Посошкова стали иноземцы и иноземные военные обычай, бесполезные в бою, а в качестве первого примера автор привел действия Петровской лейб-гвардии под Нарвой, не видя в них ничего выдающегося<sup>11</sup>. Так что, третий современник событий видел причины тех же поражений не в местничестве или отсутствии регулярства, а в упадке воинского духа и слепом доверии иноземцам!

Важным моментом официальной идеологии Российской империи стал тезис о строительстве Петром Великим регулярного государства, а в рамках его – «образования войск по правилам военной науки»<sup>12</sup>. В полном соответствии с философией Просвещения, преобразовательная деятельность царя рассматривалась как устроение на принципах

<sup>8</sup> Записки отделения Русской и Славянской археологии... СПб., 1861. Т. 2. С. 742–749.

<sup>9</sup> Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1826. Ч. IV. С. 399–400.

<sup>10</sup> Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб, 1884. Кн. 5; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука. 1994. С. 60–68; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 195–198.

<sup>11</sup> Посошков И. Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. Б. Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 245–272.

<sup>12</sup> Известие о начале, учреждении и состоянии легиурярного войска в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были / Пред. А. В. Терещенка // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Смесь. С. II, 1, 2.

разума и рационализма, просвещения доселе варварского, хотя храброго и преданного государю народа. При этом формировался настоящий культ Петра, чьему исключительному гению приписывалась идея о столь радикальном обновлении всех сторон русской жизни. Последующие два столетия история России решительно делилась временем Петровских реформ на Древнюю (или Среднюю) и Новую, причем считалось, что с Петра «началась та сфера, в кой мы живем»<sup>13</sup>.

Первое научное обращение к истории допетровских войск было вызвано практической причиной: около 1793 г. в связи с замыслом гр. П. А. Румянцева и кн. Г. А. Потемкина «устроить высшее военное училище для образования офицеров» была составлена краткая записка о «начале, учреждении и состоянии регулярного войска в России». В ней была дана следующая периодизация создания «порядочного войска»: начало ему положил Иван Грозный учреждением постоянно готовых к службе стрельцов; Алексей Михайлович уже стал «содержать его по правилам военной науки», «выписав» иноземных специалистов; при его преемниках в ходе смут 1680-х гг. оно пришло в упадок и было вновь создано Великим Петром<sup>14</sup>. Нетрудно заметить, что это лишь расширенная схема петровского устава, которую должен был знать каждый офицер.

Записка обнаруживает еще одно препятствие для целостного восприятия процесса развития вооруженных сил России XVII–XVIII вв.: регулярные полки екатерининской армии вели свою историю с эпохи Петра (или позже), и данные полковых архивов и архива Военной коллегии не могли ничего сообщить о боевом пути и преобразованиях допетровских формирований. Кроме того, кардинальное изменение делопроизводства в начале XVIII в. потребовало от исследователя специальной подготовки для понимания приказной документации, причем не только палеографической, но и, что важнее – психологической: по меткому замечанию Б. Ф. Поршнева, «устаревшие тексты воспринимаются нами несколько свысока: они ассоциируются с современными архаизмами и провинциализмами», вызывая неосознанную снисходительность к их авторам, сомнение в их компетентности, особенно в

<sup>13</sup> Устрилов Н. Г. О системе прагматической русской истории: рассуждения написанные на степень доктора философии... СПб., 1836. С. 45; в военной историографии: Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб; 1891. Вып. 1. 1683–1762 г. С. 1.

<sup>14</sup> Известие о начале, учреждении и состоянии легионного войска в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были. С. I–IV, 1–61; часть этого сочинения, включая раздел о допетровской армии, вошла в записки, подготовленные для Павла I (Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандусских и о военных школах. СПб; 1904).

сложных вопросах политики или военного дела<sup>15</sup>. Современные учёные, в большинстве своем, свободны от подобных стереотипов, но для историков XVIII–XIX вв. они представляли определенную проблему<sup>16</sup>.

Тем не менее, постулат о том, что имели место именно преобразования, проводимые первыми Романовыми с целью заведения «строевых пехотных и конных полков по примеру и образцу прочих европейских государств», стал обосновываться в отечественной историографии первой половины XIX в.<sup>17</sup>

1830–1840-е гг. – это время начала критики «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и вообще начало критического исследования отечественной истории, преодоления описательного подхода в историографии («по князьям и царям»), поиска и массовой научной публикации летописей, актов и иных документов давнего прошлого. На основании капитального изучения комплекса документов Смоленской войны 1632–1634 гг., опубликованных в актах императорской Археографической экспедиции, историк И. Д. Беляев провел первое специальное исследование организации, состава и вооружения русских войск XVII в. Работа эта со всеми своими неточностями, неизбежными при первом обращении к источникам, сохранила свою исключительную ценность до самого начала XX в. – до появления новых строго документальных исследований<sup>18</sup>. Надо сказать, что у автора, славянофила по воззрениям, уже иное понимание сути развития войска Михаила Федоровича: его правительство «не стало изменять главных и коренных положений и условий тогдашнего войска; но оставил ему прежний основной состав..., присоединивши несколько новых частей, составленных частью из наемных иноземцев, частью из русских, которым давалось оружие одинакое с иноземцами, и требовалось, чтобы они учились немецкому строю»<sup>19</sup>. Таким образом, это уже не реформы, а небольшие дополнения, не разрушавшие традиционного порядка военной службы, который, как утверждалось, длился до самого Петра.

<sup>15</sup> Поршинев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976. С. 7.

<sup>16</sup> См., например, сетования авторов на характер информации документов XVII в.: Елагин С. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. СПб., 1866. № 1. С. 109–127.

<sup>17</sup> Мальгин Т. Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год. М., 1825. С. 381, 383–384; Зотов Р. М. Военная история Российского государства СПб., 1839. Ч. 1. С. 185, 188–190, 198.

<sup>18</sup> Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 4. Прим.

<sup>19</sup> Беляев И. О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 2.

Господствующие позиции в официальной историографии стала занимать «государственная школа», видевшая цель в истории России в изучении «постепенного перехода государства из одного состояния в другое», рассматривая «совокупность всех явлений» и, таким образом, «вникая в общий дух истории»<sup>20</sup>. Это идеалистическое направление, плодами которого стали капитальные труды Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева и других, сыграло отрицательную роль в исследовании такого относительно локального вопроса, как военное дело и реформы XVII в. Уже в 1836 г., намечая план «прагматической русской истории», Н. Г. Устрялов утверждал, что царь Алексей Михайлович, «не вводил, подобно великому сыну своему, почти ничего нового; не изменил форм управления...» и т.п., но во всем стремился к стройности и порядку<sup>21</sup>. По всей видимости, именно это априорное утверждение, а также задачи, подчинявшие повествование истории реформ Петра I, определили характер и выводы одной из глав устряловской «Истории царствования Петра Великого», изданной отдельно в виде брошюры в 1856 г. Перечислив на ее страницах многочисленные нововведения в устройстве войска, произошедшие при первых Романовых, автор в итоге решительно отказывает ему в звании «регулярного, т.е. правильного устроенного, хорошо вооруженного и привычного к делу ратному в той степени, как военное искусство развилось в Западной Европе». Ни новые офицерские звания, ни перевооружение, ни наличие опытных иноземцев в полках «нового строя» – «ничто не могло переродить старых воинов Руси». Основывая свое мнение на единственном документе периода правления царевны Софьи, он считал всех многочисленных русских ратников лишь «землевладельцами разных названий», не имевшими ни опыта, ни обученности<sup>22</sup>. Такой взгляд на допетровское войско столь прочно вошел в историографию, в т.ч. в сочинения С. М. Соловьева<sup>23</sup> и В. О. Ключевского<sup>24</sup>, что и ныне остается одним из стереотипов<sup>25</sup>. Из него вытекал общий вывод о безуспешности допетровских «попыток» преобразований, а точнее, отдельных улучшений русского войска XVII в. по европейским образцам.

<sup>20</sup> Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории: рассуждения написанные на степень доктора философии... С. 40.

<sup>21</sup> Там же. С. 80, 81.

<sup>22</sup> Он же. Русское войско до Петра Великого. [СПб., 1856]. С. 69, 70.

<sup>23</sup> Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VII. С. 66–71.

<sup>24</sup> Ключевский В. О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М. 1991. С. 79.

<sup>25</sup> Пенской В. В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 1996. С. 173, 174; критику подобных взглядов см.: Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). Автореферат... докт. ист. наук. М.; 1950. С. 24.

Сугубо военные исторические сочинения середины–второй половины XIX в. долгое время шли в фарватере общеисторических работ: видя в последних «источник» своих данных, военные историки не заботились об их самостоятельной критике. Это можно сказать о работах П. К. Гудим-Левковича, кн. Н. С. Голицына и А. К. Пузыревского<sup>26</sup>, что во многом было обусловлено специфической задачей этих работ: они лежали в основе лекций перед слушателями Академии Генерального штаба. По определению Г. А. Леера, известного военного теоретика и историка того времени, ради самостоятельности при принятии боевых решений офицер должен был изучать военное дело не по теоретическим инструкциям, а на примере отдельных показательных эпизодов из военной истории. Таким образом, последней отводилась роль источника для воспитания практических навыков будущих полководцев<sup>27</sup>. История «классического» военного искусства в академии вообще не включала в себя русского отдела, поскольку наши полководцы не оставили комплексных военно-теоретических сочинений, а история их походов не была достаточно разработана. Первым преподавателем, обосновавшим необходимость особого курса истории русского военного искусства, стал профессор Д. Ф. Масловский, который и возглавил соответствующую военную кафедру в академии<sup>28</sup>. Исходя из его отношения к истокам национального военного искусства, он считается основоположником «русской школы» военной историографии того времени. Однако методы работы отнесенных к этой группе историков сильно разнились. Сам Масловский в изучении предпосылок петровских преобразований исходил из идеалистических взглядов. Систему устройства русского войска XVII века в целом он характеризовал как поместную, а главный принцип последней – «чтобы земля, как главное богатство России, всецело служила государству»<sup>29</sup>. За исключением нескольких новых документов, давших ему основание оспорить уничижительное мнение Устрялова о поместной коннице, историк основывался на работе Беляева и разделял мнение об отсутствии существенных военных преобразований в XVII в.

Совершенно других оснований в работе придерживался его сотрудник А. З. Мышлаевский. Он указал на идеализацию Масловским царя Петра, считая, что таким образом в качестве важнейшего двигателя

<sup>26</sup> Голицын Н. С. Русская военная история. Спб. Т. 1. 1877; Гудим-Левкович П. К. Историческое развитие вооруженных сил России до 1708 г. СПб. 1875; Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб. 1889.

<sup>27</sup> Леер Г. А. Значение критической военной истории в изучении стратегии и тактики // Военный сборник. СПб., 1863. № 5. Отд. II. С. 57, 90.

<sup>28</sup> Масловский Д. Ф. // Советская военная энциклопедия М, 1978. Т. 5. С. 178–179.

<sup>29</sup> Масловский Д. Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. СПб., 1890. № 9. С. 7, 30–31.

военной истории России научно обосновывается элемент чистой случайности – гений самодержца. «Нет той крупной меры Петра, решение которой не было бы так или иначе подготовлено его предшественниками», – писал он. «Такая коренная погрешность, скажу более, такое преувеличение значение Петра Великого, как реорганизатора русских вооруженных сил, будет повторяться до тех пор, пока русский военный исследователь... не займется аналитической работою над допетровским периодом по первоисточникам»<sup>30</sup>. Блестящим практическим подтверждением этого положения стало его исследование боевых действий корпуса русских войск в Финляндии на исходе Северной войны, чему предшествовала капитальная публикация архивных документов<sup>31</sup>. По наблюдениям автора, успеху русских войск здесь предшествовала тяжелая и упорная работа по анализу командованием боевого опыта, даже неудачного, и совершенно нет того «вдохновения», «гениального творчества», предполагавшегося у Петра его апологетами<sup>32</sup>.

Таким образом, ценным теоретическим положением ученого стала необходимость дальнейшего исследования военной деятельности русских войск «допетровского периода» по архивным документам; на практике это лучше всего осуществлять в отношении отдельных устойчивых соединений и театров военных действий.

Ярким представителем «западной» школы русской военной истории был П. О. Бобровский. Стержнем его работ являлось изучение правовой системы западных армий и их влияние на русские военные законы XVII в., артикул и инструкции Петра I. Взгляды ученого на исторический процесс и суть петровских военных реформ хорошо характеризует его фраза: «Подражание – удел всех народов, не достигших зрелости»<sup>33</sup>. Документы из трудов Соловьева дали возможность Бобровскому выделить главные недостатки, присущие войскам допетровского периода, и направить на них острие критики: поместное снабжение, приводившее к грабежам и опустошению огромных территорий, плохая дисциплина и низкая степень боевой выучки. Упомянув, что Алексей Михайлович к старым войскам «прибавил» полки нового строя, он отрицал успех этого предприятия: до Петра «основой могущества Московского государства» все равно оставались дворяне и стрельцы<sup>34</sup>.

<sup>30</sup> Мышилаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. СПб., 1896. С. XV.

<sup>31</sup> Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893.

<sup>32</sup> Мышилаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. С. 48–49.

<sup>33</sup> Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. СПб; 1885. С. 11.

<sup>34</sup> Там же. С. 143, 147.

Подводя итог историографии императорского периода, приходится констатировать, что вопрос об изучении реформ русского войска в XVII в. как таковых не был даже поставлен. Четкая иерархия событий – традиционализм до Петра и всеобъемлющие преобразования после его воцарения – мешала рассмотреть значение освоения армией первых Романовых новой тактики, перехода к новой структуре и вооружению. Поскольку в самом факте этого сомнений оставалось все меньше, и могло появиться уже закономерное сомнение в новизне и радикальности петровских реформ в военной сфере, был выдвинут тезис о неудаче и неполноте указанных изменений. Задача кропотливого изучения массива военно-исторических документов допетровского периода была только поставлена представителями «русской школы» военной историографии.

В советской историографии вопросы петровской военной реформы, а, тем более истории войск XVII в., отдельно не поднимались вплоть до 1940-х годов. Основными чертами новых работ стала их преимущественно социально-экономическая тематика и повышенное внимание к истории классовой и национально-освободительной борьбы, а также подробная разработка узких исторических сюжетов в противоположность общим курсам истории России дореволюционного периода.

Поворот к социально-экономической истории наметился еще в начале века, в рамках чего появилась работа Е. Д. Сташевского, посвященная вооруженным силам Московского государства в период Смоленской войны 1632–1634 гг.<sup>35</sup> Новизной ее стало изучение в динамике известных по денежной смете 7140 г. разрядов русского войска: их состояния после Смуты и реорганизации накануне новой войны. При этом, в равной мере подробно рассмотрены отношение правительства с вольным казачеством, военное использование местного населения и процесс формирования наемных и русских полков «нового строя». Автор пришел к выводу, что правительство остро нуждалось в пополнении полевой армии опытными бойцами, поскольку большую часть наличных ратных людей приходилось оставлять в гарнизонной службе. С этой точки зрения, призыв казаков с Поля и найм полков в Германии оказываются явлениями одного порядка – что, конечно, не исключает необходимости привлечения иноземцев для реорганизации армии. Гораздо менее удачной оказалась его работа по армии Алексея Михайловича на основе общей сметы русского войска 1662–1663 гг.<sup>36</sup>: автор плохо разобрался в структуре документа и не знал особенностей военного дела того периода, допустив, в итоге, ряд ошибок и неточностей<sup>37</sup>.

<sup>35</sup> Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.

<sup>36</sup> Сташевский Е. Д. Смета военных сил Московского государства в 1663 году. Киев, 1910.

<sup>37</sup> Курбатов О. А. Рец. на книгу: Саганович Г. Невядомая война 1654–1667.

Также с финансово-экономических позиций обратился к истории русской армии XVII в. К. В. Базилевич в своем исследовании денежной реформы 1654–1663 гг. и ее социально-экономических последствий. Задачей введения медных денег и иных мероприятий правительства было обеспечение ратных людей жалованьем в связи с небывало высокой численностью армии. Автор подробно на основании архивных данных изучил процесс девальвации медных денег, его причины и следствия, особенно для ратных людей действующей армии, а также ход «Медного бунта» 1662 г. Несмотря на тяжелые последствия реформы, историк расценил ее как успешную, освободившую население страны от чрезвычайных налогов в период 1655–1662 гг., когда и произошли основные события войн с Польшей и Швецией<sup>38</sup>.

Слово «реформа» по отношению к русской армии XVII в. было вновь произнесено исследователем внешней политики России в эпоху Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Б. Ф. Поршневым. Историк установил прямую связь между заключением военно-политического союза Швеции и России накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. и началом создания полков «нового строя» при участии группы офицеров шведской армии – передовой в то время европейской военной машины<sup>39</sup>. Несмотря на интереснейшие данные, работа была встречена в штыки учеными, специализировавшимися на отечественной истории – слишком смело и непочтительно звучали ее выводы для уже сложившихся канонов изложения военной истории России<sup>40</sup>.

Первые специальные обращения советских историков к данному вопросу были связаны с возобновлением интереса к ярким страницам боевого прошлого нашей страны, в основном в период Второй мировой и Великой Отечественной войн. Майор В. Д. Верходубов в своей диссертации прямо указывал, ссылаясь на речь И. В. Сталина, что в это время «героическое прошлое русского народа, русской армии вошло в арсенал идеологической борьбы с немецким фашизмом»<sup>41</sup>. Его работа, а также соответствующие разделы «Истории военного искусства» полковника Е. А. Разина демонстрируют применение классового подхода в освещении состава русской армии XVII в. и, в то же время, зависимость от наработок дореволюционной историографии: самостоятельный анализ архивных документов производился ими довольно

Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 343.

<sup>38</sup> Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 14, 15.

<sup>39</sup> Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. С. 230–270 (глава V) и далее.

<sup>40</sup> Верходубов В. Д. Создание русской регулярной армии: Дис. канд. ист. наук. М., 1948. С. 76.

<sup>41</sup> Там же.

редко. Интерес к проблеме петровских реформ у дореволюционных историков-офицеров питался дискуссией о природе национального военного искусства. В советской военной науке вопрос этот был решен окончательно, и во второй половине XIX века внимание к нему историков в погонах сошло на нет.

Честь подлинного прорыва в изучении преобразований в русском войске времен первых Романовых принадлежит историку-архивисту, профессору Историко-архивного института А. В. Чернову. Его титанический труд явился этапом историографии и «закрыл» (в области фактографии) почти все предыдущие работы по данному вопросу. Историк бросил вызов «петровской легенде» отечественной военной истории, обосновав тезис о планомерном и успешном строительстве регулярной армии в Русском государстве в период 1630–1680-х гг. и лишь завершении этого процесса при Петре I. Впервые изучив массив материалов Разрядного и иных приказов в сугубо военно-исторических целях, он восстановил процесс создания большинства основных подразделений и разрядных округов русского войска того времени и предложил периодизацию реформ<sup>42</sup>. Основное содержание процесса он нашел в постепенном увеличении удельного веса регулярных частей в общем объеме вооруженных сил, причем ратные люди старых служб частью вливались в их состав, а частью переводились в гарнизоны (за исключением стрельцов и отборной дворянской конницы). В свойственном для сталинской эпохи тоне утверждалось, что «Это было регулярное войско в России, которое появилось гораздо раньше, чем в Западной Европе»<sup>43</sup>. Под регулярностью историк понимал то, что эти части постоянно несли боевую службу, проходили систематическое воинское обучение и полностью состояли на государственном обеспечении.

Надо сказать, что эта концепция не была развита в советской историографии. Если раздел по войску XVII в. в «Очерках истории СССР» 1955 г. написан Черновым<sup>44</sup>, то в «Очерках русской культуры XVII века» 1978 г. – его идейным противником П. П. Епифановым<sup>45</sup>. Диссертация Чернова так и не увидела свет, а изданная на ее основе книга (почти брошюра), по справедливому замечанию С. Л. Марголина<sup>46</sup>, имела довольно неудачную структуру и допустила огромные

<sup>42</sup> Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Дис... доктора исторических наук. М. 1949.

<sup>43</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 221, 222.

<sup>44</sup> Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII век / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 439–456.

<sup>45</sup> Епифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1978. Ч. 1. С. 234–264.

<sup>46</sup> Марголин С. Л. Рец. на книгу А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского

важные пробелы (в частности, в ней ни слова не сказано о «выборных» полках). Хотя ученый был идеяным марксистом и патриотом, его позиция оказалась для того времени слишком независимой и неуязвимой, ввиду хорошего архивного обеспечения. Поэтому ее не громили, а предпочли просто забыть, а выводы автора постепенно вывести из научного оборота.

Гораздо точнее вписался в сложившуюся схему истории петровских преобразований П. П. Епифанов. Исходя из теоретического догмата советской исторической науки, что регулярная армия – это обязательный элемент абсолютистского государства, а последнее возникло только при Петре I, он оспорил позицию Чернова<sup>47</sup>. В XVII в. могли складываться лишь «отдельные элементы регулярного устройства», но для создания целой армии еще не было экономических предпосылок. Как видно уже из этого, дискуссия велась не на основе анализа широкого круга источников, а совсем по другим правилам. Ученый императивно раз за разом подчеркивал, что то или иное явление – «шаг к регулярной армии, но не сама регулярная армия»<sup>48</sup>, обосновывая это простым сравнением с тем состоянием войска, которое было достигнуто к концу правления Петра. Таким образом, военная история допетровского времени снова теряет свою самоценность, приобретая, казалось бы, уже изжитый характер «подготовительного периода». Данный взгляд прочно обосновался в историографии 1980-х гг.<sup>49</sup>

Для современного исследователя необходимо сразу уяснить себе, что в силу принадлежности к советской исторической школе для обоих ученых в первую очередь был важен вопрос о регулярности армии как таковой, а степень ее боеспособности, качество вооружения и обучения носили подчиненный характер: они не занимались, как Мышлаевский, исследованием участия реформированных войск в боевых действиях «по первоисточникам». Современный этап развития отечественной исторической науки характеризуется кризисом формационного взгляда на исторический процесс и полиметодологическим подходом к его изучению. То, что появившаяся при Петре военная машина так же, как и предшествовавшая ей, не имела аналогов в Европе, да и не могла их иметь в силу цивилизационных отличий России<sup>50</sup>, вооб-

государства в XV–XVII вв.» // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 154–157.

<sup>47</sup> Епифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Дис. ... докт. ист. наук. М., 1969. С. 142.

<sup>48</sup> Епифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.) // УЗ МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167. С. 85, 87, 90.

<sup>49</sup> История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 23–29; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 45–46, 101–102.

<sup>50</sup> Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества

ще ставит под сомнение ценность споров о регулярности, по крайней мере, для определения эффективности и целесообразности реформ.

Корень этих споров, как представляется, в определении значения термина «регулярный». Впервые он появился в лексиконе Преобразователя и его сподвижников, то есть, строго с источниковедческой точки зрения применение его для XVII столетия неправомерно. При этом, смысл, который вкладывался в это слово и в понятие «регулярной армии» в начале XVIII в., явно не совпадает с первоначальным – ведь сейчас несколько дико звучит выражение из Устава 1716 г. «регулярные народы», которые противопоставлены «варварам»<sup>51</sup>. Наконец, третий вариант является польская историография: там обычно «регулярным» называют войско Речи Посполитой XVI–XVII вв., состоящее на государственном жаловании, для отличия от «посполитого рушения» (ополчения шляхты) и частных, «приватных» отрядов магнатов<sup>52</sup>. При этом подразделения, аналогичные русским частям «нового строя» (т.е., «регулярным», по А. В. Чернову), существовали во всех трех упомянутых отделах польско-литовского войска.

Ярким примером новых возможностей, которые в методологическом плане может дать свобода от стадиального, черно-белого (нерегулярное – регулярное) восприятия военно-исторического процесса, является работа видного представителя англо-американской историографии Ричарда Хели «Закрепощение и военные преобразования в России»<sup>53</sup>. Преобразования рассматриваются здесь в общеевропейском контексте «пороховой революции», изменившей на протяжении XVI–XVII вв. всю технологию войны и обеспечившей странам Европы военное пре-восходство на Земном шаре до XX в. Основная цель книги – доказать, что успех подобных преобразований в России, не имевшей европейского экономического потенциала, был оплачен закрепощением сословий и усилением «рабства». Автор дает свою периодизацию реформ: 1) внедрение осадной и крепостной артиллерии; 2) массовое производство ручного огнестрельного оружия и учреждение стрельцов; наконец, 3) всеобъемлющий импорт западных военных технологий, специалистов и принципов организации войск<sup>54</sup>. Именно на последнем этапе («триумф реформ» и «пороховой революции» автор относит к периоду войн 1654–1667 гг.), проявились такие новые черты, как возможность быстро и регулярно восполнять боевые потери набором даточных, что

Российского (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М., 1984. С. 32–44.

<sup>51</sup> Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 52.

<sup>52</sup> Baranowski B. Organizacja regularnego wojska Polskiego w latach 1655/1660 // Studia I Materiały do Historii Sztuki Wojennej. Warszawa, 1956. T. II. S. 209–229.

<sup>53</sup> Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago; L., 1971.

<sup>54</sup> Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. P. 234.

было невозможно в старом, сословном войске, и конец господства на поле боя конницы: она уступила место вооруженной мушкетами пехоте<sup>55</sup>. При всей спекулятивности замысла книги и обилии фактических ошибок и неточностей она убедительно показывает, что значение петровских реформ в военно-техническом плане ничтожно по сравнению с теми преобразованиями, которые были успешно проведены в России в предшествующие два столетия.

Между тем, вопрос о регулярности русских войск XVII в. продолжает волновать отечественных историков, причем, совершенно неосознанно следуя схеме еще петровского Устава, они напрямую увязывают уровень их боеспособности со степенью регулярности (т.е., чем больше регулярного в том или ином подразделении, тем оно боеспособнее)<sup>56</sup>. Чтобы преодолеть это следствие долгого господства идеалистического и формационного подходов к изучению истории, требуется не только введение в научный оборот новых данных, но и теоретический, методологический поиск новых критериев оценки боевых качеств ратных людей.

Важную роль в качественном улучшении наших познаний о военных реформах времени первых Романовых сыграл ряд исследований локальных сюжетов военного строительства. Так, работы С. Л. Марголина, посвященные стрелецкому войску, выявили существенные особенности в комплектовании, обеспечении и вооружении стрелецких частей в разных регионах страны – в зависимости от местных условий и государственных задач<sup>57</sup>. Артиллерию в полевых войсках и крепостях на юге России в период борьбы с турецко-татарской агрессией 1670-х гг. посвящена диссертация А. К. Левыкина<sup>58</sup>, а динамике размещения и численности стрелецких гарнизонов в том же регионе – В. А. Александрова<sup>59</sup>. Созданию и комплектованию полков солдатского строя на

<sup>55</sup> Ibid. P. 201.

<sup>56</sup> Чего стоит только утверждение П. П. Епифанова о том, что полки солдатского строя, даже «выборные», еще не вполне регулярны, поскольку... московские стрельцы в 1670-х гг. считаются надежнее их. Иными словами, малая боеспособность по сравнению с однозначно нерегулярными, сословными частями (стрельцами) используется как аргумент против регулярности новых полков (Епифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»... С. 89).

<sup>57</sup> Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного исторического музея. М., 1948. С. 85–105; Он же. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // УЗ Московского областного педагогического института. М., 1953. Т. 27: Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 63 – 96.

<sup>58</sup> Левыкин А. К. Пушечный наряд и пушкари во второй пол. XVII в. в России (По материалам южнорусских городов): Дис.... канд. ист. наук. М., 1985.

<sup>59</sup> Александров В. А. Стрелецкое войско на юге русского государства в XVII в.

Белгородской черте посвятил свою работу по материалам Разрядного приказа В. М. Важинский<sup>60</sup>. Англо-американская школа «русистов» также сочла приемлемой подобную форму изучения военной истории XVII в., результатом чего стали как минимум две интересные работы: К. Белкин-Стивенс о создании и совершенствовании системы снабжения русских войск на границе со степью<sup>61</sup> и Б. Дэвиса о причинах и процессе перевода крепостных крестьян Лебедяни и Доброго в государеву драгунскую службу (1630-е – 1640-е гг.)<sup>62</sup>.

Упомянутые работы содержат один важный недостаток: при большом внимании к социальной, классовой, экономической и материальной стороне изучаемых вопросов, они не ставили целью самостоятельно оценить степень боеспособности изучаемых подразделений или целых родов войск (как артиллерия). А это, в свою очередь, не позволяет полноценно оценить успех того или иного мероприятия правительства в военной сфере. Полное игнорирование военно-исторических сюжетов сильно затрудняет понимание логики преобразований, степени их обусловленности боевым опытом, потребностями государства и изучением иностранного военного дела. Сами упомянутые здесь авторы, как правило, были вполне удовлетворены традиционной «петровской» схемой развития вооруженных сил и не стремились выводить из своих наблюдений какие-либо новые теории.

Как исключение, можно отметить отдельные попытки воспользоваться сравнительным анализом как критерием для оценки реформ – сравнить военные системы России и современных ей государств. Впервые подобным образом построил свое исследование Пузыревский, который поставил в один ряд процессы строительства армии Петровской России и Франции Людовика XIV<sup>63</sup>. Не смотря на обычную для его времени идеализацию деятельности этих самодержцев, самой постановкой вопроса работа является новым словом по интересующей нас теме. В советское время Ф. И. Калинчев, схематично, но целостно изложив свой взгляд на военную организацию России в период войн 1654–1667 гг., заявил, что она «не уступала, с точки зрения современных ей требований, системам военного устройства соседних стран, а системы многих из

Дис.... канд. ист. наук. М. 1947.

<sup>60</sup> Важинский В. М. Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (по материалам южных уездов) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1976. Т. 157. С. 52 – 68.

<sup>61</sup> Belkin S. C. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. Dekalb, 1995.

<sup>62</sup> Davies B. Village into Garrison: the Militarised Peasant Communities of Southern Muscovy // The Russian Review. 1992. Vol. 51. № 4. October. P. 481–501.

<sup>63</sup> Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.

них, как показал исторический опыт, значительно превосходила»<sup>64</sup>. Хотя данный вывод базировался на общих наблюдениях, в т.ч. относительно исхода военного противостояния, новизна его – в постановке русской армии XVII в. в общий ряд реально существовавших военных систем того времени, а не сравнение ее с каким-то идеалом.

Трудности подобного анализа рельефно отразились в диссертации американского историка Питера Боумана Броуна о приказной системе Московского государства<sup>65</sup>. Ее деятельности в период т. н. «Тринадцатилетней войны» (1654–1667) посвящена значительная часть второго тома работы: долгая война не только изменила структуру приказов и их взаимоотношения, но и стала своеобразным испытанием на прочность этой системы. В сравнении с Речью Посполитой автор выделил главные, на его взгляд, недостатки военного управления в России – чрезмерную централизованность, ограничивавшую инициативу воевод на местах, и некомпетентность, поскольку дьяки не являлись военными специалистами. Это позволило более самостоятельным польским военачальникам нанести царским войскам несколько сокрушительных поражений на втором этапе войны, но их последствия «были преодолены твердостью воли московитов в их замыслах и мобилизацией возможностей приказной системы в области безжалостного извлечения ресурсов для вооруженных сил». Автор возражает поспешным упрекам такого рода системе, поскольку централизация изначально была жизненно необходима для выживания Московского государства и внедрения всех новаций, и русские по-другому и не представляли себе систему управления. Зато Польша, отстоявшая свои «демократические ценности» шляхетской республики, оказалась бессильной перед соседями в XVIII столетии<sup>66</sup>.

Последнее глубокое исследование по рассматриваемому сюжету – это диссертация А. В. Малова по истории «выборных» полков солдатского строя<sup>67</sup>. В методологическом плане автор сделал главной задачей введение в научный оборот целостного комплекса архивных документов по истории двух отборных полков солдатского строя (полкового архива 1-го Выборного полка в составе материалов Устюжской чети, а также Разряда, Оружейного приказа и т.п.) и, на основе этого, изучение обстоятельств и хода их создания, комплектования, организации и службы. В целом придерживаясь теоретических положений о раз-

<sup>64</sup> Калинчев Ф. И. Русское войско во второй половине XVII в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2. С. 74–86.

<sup>65</sup> Brown P. B. Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III to Peter The Great 1478–1717. Chicago, 1978.

<sup>66</sup> Ibid. P. 476–479.

<sup>67</sup> Малов А. В. Выборные полки солдатского строя. 1656–1671 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

личной природе сословной и регулярной армии и отдельный ее частей, автор не ограничился доказательством регулярного характера изучаемых им подразделений. Вывод о том, что при современном господстве полиметодологических подходов в историографии «дискуссии историков о времени появления в России регулярной армии затруднены вариативностью и многослойностью смысловых нагрузок используемых ими понятий» (с. 301), позволил ему освободиться из «прокрустова ложа» старых дискуссий и, впервые в историографии реформ XVII в., сосредоточиться на сугубо военно-исторических вопросах.

Более половины работы<sup>68</sup> посвящено изучению боевой деятельности выборных полков в 1658–1671 гг. Проведенное в контексте общей истории военных действий против Речи Посполитой, украинских казаков и «вольницы» С. Разина, оно позволило установить высокую боевую ценность этих частей, постепенное повышение их доли в составе действующей армии, и, соответственно, роли в вооруженных силах страны в целом. Обращение к источникам позволило опровергнуть целый ряд застарелых мифов историографии реформ XVII в.<sup>69</sup> и обнаружить вообще неизвестные ранее процессы, например, планомерное верстание солдат «выборных полков» за их службы поместными окладами и перевод, таким образом, в сословие служилых людей «по отечеству»<sup>70</sup>. По совершенно справедливому заявлению автора, «Военная история России, которая в XVII в. больше находилась в состоянии войны нежели мира, и история ее вооруженных сил на уровне, отвечающем современному развитию и состоянию исторических исследований и источников базы, до сих пор не написаны историками»<sup>71</sup>.

Подводя итог данному обзору, отметим одну закономерность: все поспешные и ошибочные суждения о русском войске XVII столетия были вызваны доктринальными соображениями: низкая оценка их боевых качеств служила удачным фоном для восхваления преобразовательной деятельности Петра I. И на каких бы теоретических основаниях не строились эти суждения: идеи торжества Разума над варварством; смены родового начала государственным; превращения феодально-сословной монархии в абсолютную, – новые архивные изыскания неизменно приводили к сомнению в их оправданности. Однако историки-архивисты, вводившие в научный оборот массу новых

<sup>68</sup> Там же. С. 138–300.

<sup>69</sup> Сам автор остановил особое внимание на двух из них: о времени формирования и перечне командиров выборных полков (ошибки были вызваны в основном недостоверностью или нехваткой источников) и о боевой ценности и задачах этих подразделений (критика утверждений А. В. Чернова о не боевом, а полицейском характере этих полков).

<sup>70</sup> Малов А. В. Выборные полки солдатского строя. С. 299, 300.

<sup>71</sup> Там же. С. 301.

данных, сами почти не стремились к теоретическому переосмыслению установившихся концепций. Исключение составил А. В. Чернов, но незавидная судьба его исследования ярко характеризует силу инерции и консерватизма отечественной исторической науки. В настоящее время новое обращение к архивным фондам, а также к творческому наследию Чернова и ряда других историков, в условиях свободы от диктата одной официальной концепции и при тех возможностях, которые предоставляют современные методики исторических исследований (антропология, «микроистория», компаративистика), позволяет совершить настоящий прорыв в изучении военных преобразований в России эпохи первых Романовых.

Как уже говорилось, русская конница XVII в. долгое время рассматривалась через призму «петровских военных реформ» – кризис поместного дворянского ополчения считался и считается одной из предпосылок этих преобразований. Еще одной чертой было обычное отождествление конного ратника XVI и XVII вв., так что для характеристики его поведения и вооружения в начале Северной войны 1700–1721 гг. могли использовать записи С. Герберштейна 1520-х гг. или Флетчера 1580-х<sup>72</sup>. Известные к середине XIX в. источники: сочинения Полоскова и мемуары иноземцев, а также польские и шведские боевые реляции, – довольно согласно рисовали картину огромного (до нескольких сот тысяч чел., в зависимости от «осведомленности» автора), но пестро вооруженного и плохо организованного конного войска. Оно билось варварским «лучным боем» и атаковало неприятеля нестройной толпой с саблями наголо, побеждая не уменьем, а числом<sup>73</sup>. Подобный образ, в сопоставлении с известной чередой успехов русского войска в XVI–XVII вв., вызывал искреннее недоумение у военных историков<sup>74</sup> и уже вскоре был подвергнут критике Д. Ф. Масловским на основании документов, опубликованных в 1 томе Актов Московского государства<sup>75</sup>.

Специальные главы, посвященные России в военно-академических трудах по общей истории конницы (работы Дж. Денисона 1877 г.<sup>76</sup>, Г. О. Р. Брикса<sup>77</sup> 1879 г. (обе опубликованы на русском языке в 1897 г.),

<sup>72</sup> Ключевский В. О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 70–79.

<sup>73</sup> О происхождении подобного взгляда и его критику: Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–58 гг.... С. 150–154.

<sup>74</sup> Голицын С. Н., кн. Всеобщая военная история новых времен в Восточной Европе и Азии. 1613–1740. СПб., 1878. Отд. 1. С. 7, 8, 41.

<sup>75</sup> Масловский Д. Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. СПб., 1890. № 9. С. 7–31; Акты Московского государства. СПб., 1890 Т. 1.

<sup>76</sup> Денисон Дж. История конницы. М., 2001. Кн. 1.

<sup>77</sup> Там же. Примечания Брикса.

С. Л. Маркова<sup>78</sup> 1887 г. и В. Сахарова 1889 г.<sup>79</sup>) не представляют ничего интересного, будучи полностью подчинены сведениям и оценкам общей историографии. Книга Маркова любопытна своими наблюдениями офицера-практика (он являлся полковником Московского лейб-драгунского полка), в частности, относительно восточно-европейской конницы XVII в. Он отметил, что если одна ее часть (тяжелая «гусария») может быть приравнена к рыцарям, наносящим неотразимый удар, но неспособным к «малой войне», то другая (казаки, польская и турецкая легкая конница и т. п.) – к «азиатской коннице», не обладавшей устойчивостью строя, но своей легкостью и подвижностью способной изнурить и уничтожить более тяжелого противника. «Относительно их обучения мы распространяется не будем, так как вечная война и опасности, в которых они находились, доставляли им такую практику, которую не может заменить самое щательное и продолжительное мирное обучение»<sup>80</sup>. Только недостаток знаний не позволил автору включить в перечень традиционных кавалеристов Восточной Европы русских дворян и детей боярских, однако наблюдения кавалерийского офицера ценные своей свободой от линейного взгляда на развитие конницы от «нестройной» к «регулярной».

Из дореволюционных работ необходимо упомянуть монографию еще одного офицера – Н. П. Волынского<sup>81</sup> (1912 г.), хотя она и выходит из хронологических рамок обзора. Исследуя зарождение драгунской конницы Петра I (1698–1706 гг.), автор ввел в научный оборот огромный массив архивных сведений по истории начального этапа Северной войны и составу русских войск в то время. Сам он без сомнений принял все клише «петровской» историографии (в том числе и об обучении рейтар раз в год после сбора урожая), но приведенные им сведения рисуют не столь однозначную картину. Материалом для первых драгунских полков послужили прежние рейтары и копейщики, «имевшие с детства общение с лошадью и привыкшие смотреть на саблю, как на достояние своего сословия», а тяжесть первых полевых боев со шведами вообще легла на конных ратных людей «старых служб». Перевод же этих воинов в драгуны заключался в обучении «салдацкому артикулу» и перевооружении пехотным ружьем. Тот факт, что командный состав был полностью укомплектован русскими начальными людьми прежних полков, а об обучении первых драгун

<sup>78</sup> Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1.

<sup>79</sup> Сахаров В. История конницы. СПб., 1889.

<sup>80</sup> Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1. С. 158.

<sup>81</sup> Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. 1698–1706: В 4 кн. СПб., 1912. Вып. 1.

конному строю упоминаний в источниках нет<sup>82</sup>, заставляет (даже вопреки автору монографии) сильно усомниться в «кризисе дворянской конницы» к 1700 г. и ее пресловутой плохой обученности.

Дальнейший обзор литературы целесообразно разбить на два направления: социальную историю военно-сословных групп, составлявших в XVII в. конницу Русского государства, и специальные военно-исторические работы. Первое направление представлено исследованиями по истории «служилого города» плеяды таких блестящих ученых, как С. В. Рождественский<sup>83</sup>, Е. Д. Сташевский<sup>84</sup>, С. Б. Веселовский<sup>85</sup> и А. А. Новосельский<sup>86</sup>. Их работы составили фундамент современных знаний по истории дворянских корпораций и помещичьего землевладения.

Наиболее близки к военно-историческим сюжетам исследования Новосельского, в которых рассмотрены вопросы дисциплины, снабжения, боевых качеств и «чести» городовых служилых людей «по отечеству» в их взаимосвязи, причем взгляды его, основанные на серьезном анализе архивных источников, гораздо более реалистичны, чем у многих «военных историков» более позднего времени. Интересны его наблюдения о природе дворянской сотни и причинах создания «выборных», сводных подразделений конницы; впервые рассмотрены факты местничества целых военно-служилых корпораций, а также их «обыкновение активно вмешиваться в действия воевод»<sup>87</sup>. В наше время вновь обратился к этим сюжетам В. Н. Козляков, который на богатом материале рассмотрел судьбы «служилых городов» в Смутное время, преодоление последствий Смуты, верстания и службу дворян и детей

<sup>82</sup> Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... С. 17–19, 139–144.

<sup>83</sup> Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.

<sup>84</sup> Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.

<sup>85</sup> Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947; *Он же*. Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

<sup>86</sup> Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1994. С. 178–197; *Он же*. Распад землевладения «служилого города» в XVII в. (по десятням) // Русское государство в XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 231–253.

<sup>87</sup> Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1994. С. 117–135; *Он же*. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Там же. С. 178–197.

боярских в первой половине XVII столетия<sup>88</sup>. При этом необходимо отметить, что подобные вопросы для второй половины века, осложненные созданием полков «нового строя», до сих пор не получили в научной литературе освещения на должном уровне.

Значительную часть ратных людей конной службы составляли в XVII в. городовые казаки. Истории зарождения и развития сословия «вольного казачества» в эпоху Смуты, а также их превращения в поселенные военно-служилые корпорации государевых ратных людей посвящено блестящее исследование А. Л. Станиславского<sup>89</sup>.

Из специальных работ следует выделить в первую очередь статью М. М. Денисовой о вооружении поместной конницы XVI–XVII вв., в которой был убедительно опровергнут один из мифов «петровской» историографии – о военно-технической отсталости этого войска. Единообразие его вооружения наблюдается уже во времена Ивана Грозного, что достигалось едиными требованиями к «конности, людности и оружности» дворян и детей боярских. После Смуты дворяне поголовно перевооружились огнестрельным оружием, предпочитая, правда, рейтарским карабинам легкие пистолеты ближнего боя, а «лучный бой» стал уделом немногих умельцев. Это потребовало совершенствования тактики, что и привело к созданию полков рейтарского строя<sup>90</sup>. В целом же упомянутая работа, как и исследования А. В. Чернова, П. П. Епифанова, С. К. Богоявленского<sup>91</sup>, В. М. Воробьев<sup>92</sup> и других ученых кардинально поменяли представление о том, что представляла собой русская конница времен первых Романовых.

В современной историографии необходимо отметить новое направление, распространенное прежде всего в англо-американской литературе. Это – интерес к «микроистории», к быту «человека повседневности», к вопросам его самосознания и мироощущения, тому, что еще называется исторической антропологией. Ученые активно привлекают арсенал методов социологии, культурологии, лингвистики и т. п. Среди авторов, чьи работы затронули историю военно-сословных групп России XVII в., можно назвать уже упомянутого Р. Хели, Н. Шилдса

<sup>88</sup> Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

<sup>89</sup> Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

<sup>90</sup> Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник. М., 1948. Вып. XX. С. 29–46.

<sup>91</sup> Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // ИЗ. М., 1938. Т. 4. С. 269–289.

<sup>92</sup> Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 82–91; Воробьев В. М. Как и с чего служили на Руси в XVII в. (к истории русского дворянства) // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 451–462.

Коллманн<sup>93</sup>, В. А. Кивельсон<sup>94</sup> и др. В России наиболее плотно к этой теме подошел И. Л. Андреев<sup>95</sup>, чьи работы, пожалуй, окончательно похоронили тот образ допетровского дворянина-помещика (который в мирное время «менее всего думал о ратном деле»), что с легкой руки Устрилова вошел в массовое историческое сознание. Вместе с тем, недостаточная определенность в теоретических взглядах<sup>96</sup> и иллюстративный подход к источникам и событиям, что еще понятно у представителей англо-американской историографии, снижают научную ценность работ Андреева. В качестве альтернативы хочется указать на монографию П. В. Лукина<sup>97</sup> о восприятии царя и царской власти в России (после Смуты до Петра I), которая сочетает совершенно новую для отечественной историографии тематику со строгой научностью методов работы (полнота охвата, критика источников и т. д.). Вообще, изучение мотивации поведения служилых людей Средневековья, их отношения к службе, чести (родовой, личной и государевой), монарху – необходимая часть современного исследования отечественных вооруженных сил того времени и тот «камень преткновения», недооценка которого стала причиной многих заблуждений и мифов историографии.

Вместе с тем, необходимо отметить еще одну черту, характерную для современной исторической литературы, которая связана скорее с общественно-политическими явлениями в обществе. Всплеск интереса к истории, в том числе и военной, привел к созданию ряда работ, авторы которых не являются профессиональными историками. Эти книги пользуются спросом, но простая неосведомленность авторов-энтузиастов приводит к возрождению уже давно изжитых в научной литературе мифов – в частности, в отношении русской конницы XVII в.<sup>98</sup> С другой стороны, безответственное отношение к военно-исторической тематике, которая долгое время находилась «в загоне» у советской историографии, вызывает появление подобных работ и из-

<sup>93</sup> Шилдс Коллманн Н. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

<sup>94</sup> Kivelson V. A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996.

<sup>95</sup> Андреев И. Л. О бедном дворянстве замолвите слово... // Родина. 1997. № 9. С. 37–43; Он же. Дворянство: служба в XVII в. // ОИ. 1998. № 2. С. 164–175.

<sup>96</sup> И. Л. Андреев то призывает изучать «человека повседневности», «среднего человека», обращается к рассмотрению категории «службы» в сознании дворян и детей боярских, то вспоминает про «процесс консолидации господствующего класса» (тезис А. А. Новосельского 1920-х гг.)

<sup>97</sup> Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

<sup>98</sup> Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской конницы. М., 1992. С. 18–43; Тараторин В. В. Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999. С. 313–321.

под пера маститых ученых. Имеется в виду статья М. М. Крома о численности русского войска в первой половине XVI в., которую иначе как казусом не назовешь. Исходя из математического сопоставления цифровых показаний хроник и летописей (!) с данными разрядных книг, он заявил, что «русское войско численностью в 100 тыс. чел. и более – это реальное, хотя и не частое явление» в литовских и казанских походах времен Василия III<sup>99</sup>. Достаточно вспомнить, что большая часть московского войска в то время состояла из конницы, и сопоставить эту цифру с демографическими данными<sup>100</sup>, чтобы понять всю фантастичность и несерьезность выводов маститого историка. Подобные явления только повышают актуальность новых научных исследований по военной истории XVI–XVII вв.

Подводя итог данной части обзора, отметим, что при больших успехах в изучении землевладения, материального обеспечения, прохождения службы, а в последнее время – и самосознания конных ратных людей России в XVII в., в историографии существует большой пробел в военно-историческом плане. Роль конницы в военных походах, ее тактическое мастерство, эффективность в различного рода операциях, причины перевооружения и реорганизации (в основном, создания полков «нового строя») остаются на периферии исследований. Тем не менее, установлено, что в военно-техническом плане русские ратники шли в ногу со временем, и это делает целесообразным знакомство с историографией военного дела их западных соседей.

Появление новых разновидностей пехоты и конницы, изменение структуры и вооружения необходимо изучать в тесной связи с боевым опытом действующей армии. Старый примитивный взгляд, что роды полков «нового строя» были взяты в готовом виде из Западной Европы и, оставаясь без изменений, постепенно превратились в своеобразные чины и разряды служилых людей, должен быть отброшен. Такой стереотип, господствовавший в XIX в., не предполагал какого-либо движения теоретической и практической военной мысли в XVII в. Между тем, в польской военной историографии изучение различных родов конницы XVI–XVII вв. (гусары, панцирные казаки, рейтары и др.) является традиционной темой. Учреждение и развитие их увязывается и

<sup>99</sup> Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посв. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 67–81.

<sup>100</sup> Кацтанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 112–115; Он же. Россия // История Европы. М., 1991. Т. 3. С. 118–138.

с боевым опытом прошедших войн, и с изменениями в тактике, и со взглядами полководцев, и с социально-экономическими причинами, и даже с политической борьбой<sup>101</sup>. Если вспомнить, что в 1660–1700-х гг. русская конница, кроме «сотенной» или «ротной» службы, включала в свой состав подразделения гусарского, копейного и рейтарского строя, то стоит задуматься о причинах такого разнообразия.

Ориентиром как для сравнения с параллельными по времени процессами на Западе, так и в теоретическом плане, может стать фундаментальный труд немецкого историка Ганса Дельбрюка «История военного искусства». Одна из глав его тома, посвященного истории Нового времени, называется «Преобразование рыцарства в кавалерию». «Различие этих двух понятий... заключается в том, что в основе рыцарства находится квалифицированный одиничный боец, в основе же кавалерии – тактические единицы, составленные из всадников». Если оставить в стороне вопросы тактики и вооружения, окажется, что переходным моментом является создание рейтарской кавалерии, преимуществом которой стали четкое послушание командам и большая слаженность действий крупных конных построений. Лишенная такой внешней дисциплины строя, шеренга рыцарей-копейщиков в атаке на ведущие непрерывную пальбу эскадроны рейтар или же на строи пехоты добиралась до противника обычно сильно поредевшей: «Ибо тогда остаются в строю лишь немногие храбрецы». Таким образом, с кризисом рыцарского способа боя, основанного на личной отваге и чести знатного дворянина, появилась потребность во внешнем факторе, удерживающем бойцов в строю.

Основным оружием старого рыцарства оставалось копье, а у новой кавалерии им стало огнестрельное (аркебуза или карабин и пистолеты). Это напрямую повлияло на требования, предъявляемые к личному составу конных частей: «Копейщиков набирают из дворян или вообще из выдающихся хороших солдат, а таковых всегда немного. К кирасирам же – и к людям и к лошадям – предъявляют настолько невысокие требования, что их всегда можно набрать гораздо большее количество...» Действительно, искусство действовать рыцарским копьем, вырабатывавшееся на турнирах и в знатных семьях, не шло ни в какое сравнение с ремеслом стрелка из пистолета или карабина. Итак, преимуществами рейтарской кавалерии стали ее дешевизна и, главное, возможность пополнения из невоенных сословий, за счет отработанной методики обучения всадника и его лошади. Рыцарский способ боя, кроме трудностей с подготовкой одиночного бойца, слишком решительно, для воина эпохи Ренессанса, потребовал от него готовности

<sup>101</sup> Nagielski M. Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648–1668). Warszawa, 1989.

к самопожертвованию. Указанный процесс, кроме того, в организационном плане привел к распаду личной свиты – «копья» рыцаря – и появлению командного офицерского состава и иных административно-хозяйственных чинов в кавалерии<sup>102</sup>. Решение вопросов о том, каким образом соотносятся причины аналогичных процессов и сами эти процессы в войске Алексея Михайловича с установленными Дельбрюком для Запада, и правомерно ли их обозначить, чем-то подобным «преобразованию рыцарства в кавалерию», поможет уточнить место русского военного искусства и военной мысли в европейской истории XVII в.

Для более предметного выявления тенденций развития кавалерии большую помощь могут оказать специальные исследования по отдельным армиям Европы. Относительно Западной и Северной Европы, исчерпывающую информацию содержат общие монографии Ф. В. фон Рюстова<sup>103</sup> и Г. О. Р. Брикса<sup>104</sup> и капитальные труды по вооруженным силам Дании<sup>105</sup> и Нидерландов<sup>106</sup>, написанные в лучших традициях критической историографии второй пол. XIX – нач. XX вв. Современные работы, выпускаемые специальным военно-историческим издательством «Osprey Military», нередко носят чисто иллюстративный характер и отличаются небрежностью и неточностями, однако те из них, что посвящены истории Гражданской войны в Англии<sup>107</sup> и армии Густава II Адольфа, написаны хорошими профессиональными историками на довольно высоком уровне. Особенno ценным оказалось исследование Р. Бжезинского<sup>108</sup>, на архивном материале последовательно опровергающее миф о гениальности еще одного военного реформатора Нового времени – шведского короля Густава II Адольфа. По шведской армии непосредственно периода 1654–1660 гг. богатая информация содержится в работе немецкого историка Г. Тессина: помимо общих вопросов организации и комплектования, она включает в себя подробные справки о всех полках и «шквадронах», в которых служили солдаты немецкой национальности<sup>109</sup>. Правда, автор работал только с доступными ему архивными фондами капиталистических стран, и ему остались неизвестны документы государственных архивов Эстонской

<sup>102</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 87–103 (глава «Преобразование рыцарства в кавалерию»).

<sup>103</sup> Рюстов Ф. В. фон. История пехоты / пер. с нем. Пузыревского. СПб., 1876.

<sup>104</sup> История конницы. Кн. 2. Примечания Брикса.

<sup>105</sup> Vaupell O. Den Danske Haers Historie til nutiden og den Norske Haers Historie indtil 1814. Kjobenhavn, 1872.

<sup>106</sup> Ten Raa F. J. H., De Bas F. Het staatsche leger 1568–1795. Breda, 1918.

<sup>107</sup> Tincey J. Soldiers of the English Civil War. L., 1990.

<sup>108</sup> Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. L., 1993.

<sup>109</sup> Tessin G. Die Deutschen Regimenter der Krone Schweden. Köln; Graz, 1965. Teil I.

и Латвийской ССР с информацией о «немецких» частях Лифляндской армии шведов. Этот пробел отчасти восполняется статьями советского эстонского исследователя М. Лайдре<sup>110</sup>, основанными как раз на материалах указанных архивов. Упомянутые работы позволяют достаточно полно представить себе все стороны состояния вооруженных сил в тех странах, чьи военные специалисты приносили свои знания и опыт в Россию в середине XVII в.

Привлечение для данного исследования польской военной историографии XVII в. является обязательным. Во-первых, польско-литовская армия – главный оппонент царских войск середины столетия – воевала на тех же территориях, теми же средствами и сталкивалась с теми же трудностями, что и русские. Вообще, подобные постоянные противники всегда взаимно влияют друг на друга в области вооружения, тактики и т.п. Кроме того, в Речи Посполитой в то время также шло создание войск западноевропейского образца (т.н. «чужеземский ауторамент»), и поэтому многие процессы и нормы в польской и русской армиях имеют значительные параллели. Иноzemные военные специалисты поступали в них со схожим боевым опытом, имели одинаковые взгляды на строительство вооруженных сил, а зачастую и переходили с одной службы на другую (например, Патрик Гордон за шесть лет успел послужить в шведской, польской и русской армиях).

Чертой, выгодно отличающей польскую военную историографию, является отсутствие в ней мифов, подобных «петровскому»: процесс развития вооруженных сил не делится на искусственные периоды «до» и «после». Более того, войны середины XVII в., а в особенности польско-шведская (т.н. «Потоп») – это не просто одна из основных ее тем, это поистине часть национальной идеи, чье значение правомерно уподобить эпохе 1812 г. в российской историографии. Знакомство с военным делом середины XVII столетия по польским исследованиям способно прояснить многое из боевой практики и царских войск того же времени.

Данные вопросы были довольно хорошо разработаны уже в давленной польской историографии, о чем свидетельствуют, в частности, книги С. Хербста и статьи из «Энциклопедии войсковой»<sup>111</sup>. После Второй мировой войны основной трибуной военных историков стали периодические сборники «Исследований и материалов по истории военного искусства», а затем – «...по истории военного дела». Из круп-

<sup>110</sup> Лайдре М. Количество и состав шведской армии в Лифляндии в 1655–1661 гг. // Скандинавский сборник. Таллин, 1986. Т. XXX. С. 27–39; Он же. Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655–1661 годах // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Т. XXXI. С. 64–77.

<sup>111</sup> Herbst S. Wojska Inflanckie 1600–1602. Warszawa, 1938. Encyclopedja wojskowa / Red. O. Laskowski. Warszawa, 1931–1937. Т. 1–7.

ных ученых можно назвать Б. Барановского<sup>112</sup>, Х. Виснера, подробно рассмотревшего ряд аспектов развития литовского войска<sup>113</sup> и, главное, Яна Виммера. Из-под пера этого военного историка вышли многочисленные работы как по ходу военных действий<sup>114</sup>, так и по различным аспектам организации и финансирования польской армии<sup>115</sup>, включая публикации и исследования смет («компутов») коронного войска<sup>116</sup> и первого пехотного устава<sup>117</sup>. Книги и статьи ученого – настоящая энциклопедия польских коронных войск той эпохи.

Многочисленные статьи ряда авторов, посвященные отдельным моментам военной истории (конкретные походы и сражения), обычно содержат в себе очерки состояния участвовавших в них войск и особенности их тактики. В. Маевский суммировал данные по ряду сражений и проанализировал состояние военного дела, прежде всего, тактики, в Речи Посполитой 1655–1660 гг. в специальном исследовании<sup>118</sup>. Историк пришел к выводу, что при столкновении со шведской регулярной армией поляки предпочли усовершенствовать приемы собственной тактики и развили традиции национального военного дела, используя, в частности, опыт знаменитых «лисовчиков».

Из современных авторов следует отметить Мирослава Нагельского, чьи работы основаны на кропотливом изучении новых архивных материалов. Книга о гвардии короля Яна Казимира (1648–1668)<sup>119</sup> построена в виде подробных справок по отдельным частям этого войска, напоминая этим рассмотренную выше работу Г. Тессина. Историк связывает изменения в составе гвардейских подразделений не только с ходом военных действий, но и со сложной внутриполитической обстановкой в Речи Посполитой, в частности, с борьбой между

<sup>112</sup> Baranowski B. Organizacja regularnego wojska Polskiego w latach 1655/1660 // *Studia i Materiały do Historii Sztuki Wojennej*. Warszawa, 1956. T. II. S. 209–229.

<sup>113</sup> Wisner H. Działalność wojskowa Janusza Radziwiłła 1648–1655 // *Rocznik Białostocki*. Warszawa, 1976. T. XIII. S. 53–109; *Ibidem*. Wojsko Litewskie I połowy XVII wieku. Cz. 1 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1973. T. XIX. Cz. 2 // *SiMHW*. Warszawa, 1976. T. XX. S. 5–26. Cz. 3 // *SiMHW*. Warszawa, 1978. T. XXI. S. 45–148.

<sup>114</sup> Wimmer J. Przegląd operacji w wojnie Polsko-Szwedzkiej 1655–1660 // *Wojna polsko-szwedzka 1655–1660*. Warszawa, 1973. S. 127–197.

<sup>115</sup> *Ibidem*. Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa, 1965; *Ibidem*. Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978.

<sup>116</sup> *Ibidem*. Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Szwecją 1655–1660 // *Wojna polsko-szwedzka 1655–1660*. Warszawa, 1973. S. 37–99.

<sup>117</sup> *Ibidem*. Błażeja Lipowskiego pierwszy polski regulamin piechoty // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1976. T. XX. S. 333–357.

<sup>118</sup> Majewski W. Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Szwedzkiej 1655–60 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Wrocław, 1978. T. XXI. S. 333–345.

<sup>119</sup> Nagielski M. Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648–1668). Warszawa, 1989.

королем и магнатами по вопросу о наследовании трона. Нагельский не только вводит в оборот новые источники, но и ищет оптимальные методы изучения и подачи материала, определения его места в контексте общественно-политической и военной истории страны. Подобный поиск определил тему и структуру другой его работы – монографической статьи по истории одной гусарской хоругви литовского войска (с 1648 г. А. Х. Полубенского, а с 1655 г. – короля)<sup>120</sup>. В отдельных главах автор рассмотрел вопросы комплектования, личного состава подразделения, его организацию, срок и порядок службы «товарищей», а также, явно под влиянием новых веяний в мировой историографии, ввел раздел «гусар и общество». Вообще, работа написана уже в рамках «микроистории» и антропологии: главное внимание в ней уделено личностям, рядовым участникам исторического процесса. Она не содержит данных о боевом пути изучаемого подразделения, эволюции его вооружения или тактики, в силу чего для настоящей работы представляет интерес больше в методологическом и композиционном плане.

Итак, польская военная историография XVII в. содержит богатейший материал для компаративных исследований и, вместе с тем, интересна своими новейшими теоретическими поисками.

По истории Новгородского разряда и боевых действий его войск в середине XVII в. в первую очередь, необходимо отметить коллективные труды ленинградских (петербургских) историков под редакцией А. Л. Шапиро об аграрной истории Северо-запада России<sup>121</sup>, которые позволяют отчетливо представить себе особенности землевладения военно-служилых корпораций новгородцев и псковичей, содержат обобщенные данные писцовых описаний по размерам их поместий. Более ранняя монография Б. Д. Грекова обстоятельно освещает условия службы и состав такой своеобразной категории землевладельцев, как дети боярские новгородского Софийского дома (т. е. архиепископа, а затем митрополита Великого Новгорода)<sup>122</sup>.

Боевым действиям, которые вели войска Новгородского разряда в 1654–1667 гг., посвящено немного работ, что, впрочем, относится и к истории этой «неизвестной войны» в целом. Впервые с научных позиций к этой теме обратился А. П. Барсуков: изучая историю рода Шереметевых, он посвятил несколько разделов своего труда деятель-

<sup>120</sup> *Ibidem. Choragwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i krola Jana Kazimierza w latach 1648-1666...* // *Acta Baltico-Slavica. Wrocław*, 1983. T. XV. S. 77–138.

<sup>121</sup> Аграрная история Северо-Запада России / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1989; История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.

<sup>122</sup> Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины) СПб., 1914. Часть I.

ности воеводы Новгородского полка 1654–1655 гг. Василия Петровича Шереметева и его сына Матвея, воеводы Псковского полка в 1657 г.<sup>123</sup>.

В XX в. вновь к той же теме – боевым действиям Новгородского полка в 1654 г. – обратился А. А. Новосельский, возможно, в связи с подготовкой очередного тома «Очерков истории СССР»<sup>124</sup>. Историк впервые использовал комплекс полкового и приказного делопроизводства, сохранившийся в фондах Разрядного приказа; в частности, им были использованы столбцы оперативной переписки, Приказного стола (челобитье Ж. Кондырева), а также послужные списки дворянской конницы. Интересен комплексный подход к изучению боевых действий: помимо основного похода, были последовательно рассмотрены операции местного значения, состояние тыла, а также боевой обстановки в зимний период. Работа не была опубликована своевременно, поскольку в «Очерки» вошла статья А. Н. Мальцева, охватывавшая военные действия русско-польской войны 1654–1667 гг. в более широком объеме. Написанная на основе статьи первая часть монографии Мальцева<sup>125</sup> также интересна новыми архивными данными по походам новгородцев в 1654–55 гг., а также обзором военно-стратегических замыслов командования.

В период Великой Отечественной войны вышли две обстоятельные работы С. С. Гадзяцкого, посвященные истории боевых действий против шведов в 1656–1658 гг. на территории Карелии и Ижорской земли<sup>126</sup>. Документы Разрядного приказа позволили не только в подробностях восстановить их ход, но и рассмотреть такие сюжеты, как отношения с мирным православным населением отторгнутых от России земель, формирование добровольческих отрядов «вольных казаков» и действия донских казаков в этом регионе. Последние вопросы напрямую относятся к организации и комплектованию войск Новгородского разряда 1650-х гг. Из военно-исторических сюжетов важно описание битвы под Гдовом 16 сентября 1657 г., которую автор назвал незаслуженно забытой славной страницей боевого прошлого нашей Родины.

Напоследок необходимо остановиться и на новейшей работе белорусского автора Г. Сагановича<sup>127</sup>. На первый взгляд, это очень ценная работа, как никогда подробно описывающая боевые действия в Ли-

<sup>123</sup> Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4.

<sup>124</sup> Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. С. 5–6, 117–135.

<sup>125</sup> Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

<sup>126</sup> Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноzemного владычества// ИЗ. М., 1945. Т. 16. С. 14–57; Он же. Карелия и южное Приладожье в войне 1656–1658 гг. // ИЗ. М., 1941. Т. 11. С. 236–281.

<sup>127</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. Мінск, 1995.

товском великом княжестве и сообщающая многое доселе малоизвестных, отчасти по идеологическим причинам, фактов. Однако, подход автора к источникам совершенно ненаучный: в предисловии он с порога заявляет о лживости русских документов, даже цифр «царской канцелярии» (!)<sup>128</sup>; польские же источники – шляхтские письма и воспоминания, к которым, несомненно, надо относиться весьма осторожно – цитирует или пересказывает обильно и без оговорок. По этому и ряду других признаков эту работу невозможно отнести к научному исследованию<sup>129</sup> – скорее, судя по проникнутым русофобскими интонациями терминологией и фразеологией, это своеобразная хрестоматия для белорусских националистов (работа написана в 1995 г.).

Итак, такие вопросы истории войск Новгородского разряда, как их организация, комплектование и участие в боевых действиях в отечественной историографии лучшим образом изучены за начальный период войн с поляками и шведами – 1654–1658 гг. Последующие события были известны либо по главам из «Истории России» С. М. Соловьева, либо по таким неудовлетворительным сочинениям, как уже упомянутая работа Сагановича. Автором данного диссертационного сочинения были изданы две статьи по истории «Литовского похода» 1659–1660 гг. кн. И. А. Хованского<sup>130</sup> – яркого события не только для Новгородского разряда, но и для всей русско-польской войны 1654–1667 гг.

Обзор литературы показал всю важность нового комплексного обращения к истории военных преобразований в России в XVII в., а также помог определиться с методикой такого исследования. В первую очередь, необходима кропотливая работа с самым широким кругом источников, в основном с приказной документацией, а также освобождение от традиционного взгляда на развитие русской армии того времени через призму «петровской легенды». Трактовка деятельности «государственных мужей» России XVII столетия только как «предтеч» петровских реформаторов или их консервативных противников, а исторического пути страны – как времени «формирования предпосылок» преобразований и борьбы «старого» и «нового», вытекает из устаревших концепций исторического процесса и лишает возможности понять реальные мотивы деятельности русских людей того времени. Это в полной мере относится и к изучению военного строительства в Московском государстве.

<sup>128</sup> Там же. С. 5–7.

<sup>129</sup> Подробнее: Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 339–344.

<sup>130</sup> Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 г.» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г. // Славяноведение. 2003. № 4. С. 25–40; Kurbatow O. A. Połonka 1660 – spojrzenie z Moskwy // Mówią wieki: Magazyn historyczny. 2000. № 10/00 (490). S. 27–36.

Исходя из этого, цель исследования состоит в том, чтобы изучить преобразования в вооруженных силах России середины XVII в., их содержание и особенности, на примере одного из боевых и высокопрофессиональных соединений русской армии относительно устойчивого состава – конницы Новгородского разряда. Конкретизируя эту задачу, отметим следующее: ввиду того, что одним из критериев перехода от армий средневековых к армиям Нового времени («регулярным») считается сословность или внесословность подразделений и, следовательно, их комплектование, моральный облик, способы передачи военных знаний, обеспечение, основное внимание уделено изучению взаимоотношений старой, военно-сословной, и новой, полковой структуры конницы Новгородского разряда за период 1654–1667 гг.

Для достижения указанной цели автором поставлены задачи:

- подробно воссоздать картину преобразований «полковой службы» конных ратных людей Новгородского разряда начиная с исходного состояния и до окончания активных боевых действий войн 1654–1667 гг.;
- проанализировать влияние на данные процессы военно-политической и экономической обстановки, а также конкретной ситуации на театре боевых действий;
- установить роль личностей в руководстве разрядом в качестве проводников преобразований;
- установить критерии для оценки эффективности результатов реформ безотносительно к традиционной схеме историографии об их соответствии стандарту «регулярной армии».

**Объектом исследования** стали все ратные люди, которые несли конную службу в полках этого разряда, их сословные группы («города», «станицы» и др.) и подразделения «полковой службы».

Сразу необходимо оговорится, что в этом плане рамки данной работы достаточно условны и взяты во многом для удобства в выяснении главных тенденций. Так, представители казачьего сословия нередко в течение войны переходили из пешей службы в конную и обратно, поэтому нет иного выхода, как освещать историю сословных групп, а не конных подразделений. С другой стороны, существовали части, лишь временно входившие в состав конницы разряда: рейтары подчинения Рейтарского приказа, донские казаки, татары и «присяжная» шляхта. Из них необходимо остановиться на рейтарах, как образце для будущего реформирования конницы Новгородского разряда, и донских казаках, чьи станицы практически поселились в некоторых его городах и также послужили там образцом при создания конных подразделений из «вольных людей».

Драгунские формирования в России XVII столетия не могут быть отнесены к конным ратным людям ни по каким признакам. Как и в остальной Европе, это были посаженные на лошадей мушкетеры,

призванные сопровождать конные отряды, а при столкновении с противником спешиваться и поддерживать их огнем. Их начальные люди ведались не в Рейтарском (как у рейтар, копейщиков и гусар), а в Иноzemском приказе, способы комплектования, вооружение, снаряжение не отличались от солдатских. Наконец, и в документах того времени драгуны называются «пехотой»<sup>131</sup>. Все это не позволяет включать в рамки исследования историю полков драгунского строя Новгородского разряда.

Итак, предметом исследования стал процесс преобразований русской конницы в середине-второй половине XVII в. Ход боевых действий 1654–1667 гг., за некоторыми исключениями, довольно скучно освещен в историографии, поэтому еще одним, крайне необходимым для прояснения предпосылок и причин преобразований предметом работы стало изложение военной истории самого малоизученного периода – 1659–1667 гг.

За начальную дату принят 1654 г. – год начала регулярной походной жизни конницы Новгородского разряда после длительного перерыва. Изучение порядка «полковой службы» с 1654 г. позволяет составить довольно ясное и полное представление о ее традиционной организации, сложившейся в течение последних полутора – двух веков непрерывного развития. Исходя из задачи выявить влияние на реформы военно-политической ситуации и боевого опыта войск, хронологические рамки совмещаются с периодом непрерывной боевой деятельности 1654–1667 гг. По окончании военных действий характер преобразований изменяется, будучи подчинен уже не решению конкретных боевых задач, а процессу перехода на мирное положение; прерывается и регулярный сбор ратных людей в полки. Таким образом, верхняя дата исследования – 1667 г., год Андрусовского перемирия с Речью Посполитой и прекращения войны на западной границе государства.

Источниковую базу удобнее охарактеризовать традиционно по двум основным видам – документальные и нарративные. Надо сказать, что в ряде случаев деление это условно: такие документы приказного делопроизводства, как коллективные челобитные ратных людей о жаловании или рассказ стольника Чемоданова, посла в Венеции, о царском войске содержат много живых подробностей нарративного характера, а в «памятной книге» С. Медекши<sup>132</sup> можно найти «компут» (смету) литовского войска 1661 г.

Основным законодательным источником является, конечно, Соборное уложение 1649 г., особенно глаза VII, «О службе всяких ратных

<sup>131</sup> Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников. С. 151, 157.

<sup>132</sup> Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Proszcza Medekszy ksiega pamietnicza. Krakow, 1875.

людей Московского государства». Здесь устанавливаются правила в основном для поместной конницы, прежде всего в отношении самого больного вопроса: бегства со службы или неявки, условий отпуска домой и замещения отставленного даточным или беспоместным. Кроме того, в I томе Полного собрания законов Российской империи содержится большое количество царских указов, но отнесение их к законодательству достаточно условно: в основном это такие же документы приказного делопроизводства, какие впоследствии были опубликованы в массе других сборников.

При работе над данной темой были использован целый ряд сборников документов, начиная с изданных в 1830–1840-х гг. «Актов Археографической экспедиции» и «Актов исторических». Документы Разрядного приказа содержатся в таких публикациях, как «Дворцовые разряды»<sup>133</sup>, «Акты Московского государства»<sup>134</sup>, Сборник МАМЮ и «Записные книги Московского стола»<sup>135</sup>. Особенno облегчает работу над одним из важнейших периодов в истории Новгородского разряда (1660–1661 гг.) почти полная публикация нескольких столбцов по этой тематике в 3-м томе Актов Московского государства. Необходимо также отметить подготовленную к печати С. Б. Веселовским смету военных сил Московского государства 1661–1663 гг.<sup>136</sup>: та ее часть, что содержит данные о Новгородском разряде, сопровождается емкими замечаниями боярина кн. Б. А. Репнина о подразделениях этого войска (конец 1662 г.). Среди сборников, изданных в советское время, следует назвать «Разрядную книгу 1637–1638 года»<sup>137</sup> и роспись русского войска 1604 г.<sup>138</sup>: их данные важны для изучения ранней истории отдельных категорий ратных людей.

Замечательная переписка по военным действиям 1654 – начала 1660-х гг. содержится во 2-м томе «Записок отделения Русской и Славянской археологии» – она составлена из документов Тайного приказа. Обстановку в окрестностях Витебска на протяжении 1654–1667 гг. довольно полно характеризуют материалы, собранные А. Сапуновым в одном из томов «Витебской старины»<sup>139</sup>.

<sup>133</sup> Дворцовые разряды, издаваемые по высочайшему повелению... СПб., 1852. Т. III (1645–1676); Дополнения к III тому Дворцовых разрядов... СПб., 1854.

<sup>134</sup> Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2; СПб., 1901. Т. 3.

<sup>135</sup> Записная книга Московского стола 7171 (1662–1663 гг.) // РИБ. Т. 10. СПб., 1888; Записная книга Московского стола 7173 (1664–1665 гг.) // РИБ. Т. 11. СПб., 1889.

<sup>136</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства. 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 1–60.

<sup>137</sup> Разрядная книга 1637/1638 года. М., 1983.

<sup>138</sup> Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.

<sup>139</sup> Витебская старина / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2.

В большинство упомянутых сборников вошли документы разных видов, образовавшиеся в процессе приказного делопроизводства, поэтому их тематическую и видовую характеристику целесообразно будет дать совместно с неопубликованными материалами тех же приказов, хранящимися в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Львиную долю использованных в работе документов составляют материалы Разрядного приказа – учреждения, ведавшего ходом военных действий, службой служилых людей «по отечеству» и некоторых других категорий ратных людей. Задействованными оказались документы таких описей Фонда 210 (Разрядный приказ), как Описи 4 (Десятни), 5 (Смотренные списки), 6 (Книги Московского стола), 6-а (Книги Новгородского стола), 9 (Столбцы Московского), 11 (Новгородского), 12 (Белгородского) и 13 (Приказного столов), Дополнительные описи 17 и 19.

Материалы Приказа тайных дел содержатся в фонде-коллекции Госархива (Ф. 27) и интересны прежде всего «статьями» царя к воеводам. Их происхождение вызвано практикой посылки с важными заданиями к воеводам знатных дворян московских чинов, которые устно (а порой и тайно) передавали царские наказы и выполняли особые поручения – к примеру, независимо оценивали состояние полка и боевую обстановку. Немаловажно, что тексты каждого документа (включая и неотправленные) сохранились как в черновом, так и в беловом варианте. Кроме того, значительная часть материалов отложилась в составе столбцов Московского стола Разряда: дело в том, что долгое время царь осуществлял личное руководство боевыми действиями, и оперативная переписка шла через приказ Тайных дел. Лишь после упразднения этой царской канцелярии соответствующие столбцы были переданы в Разряд, но, к сожалению, не все сохранились – как, например, «9-й столп 168 г.» с важнейшими грамотами к Хованскому и от него во время Литовского похода 1659–1660 гг.<sup>140</sup>

По видам все эти документы делятся на столбцы, тетради и книги. Столбцы содержат в основном текущую переписку: указные и челобитные грамоты, отписки воевод, наказы, памяти, сказки, сметы и всякого рода росписи. Что же касается тетрадей и книг, то к ним относятся такие документы, как смотренные списки, раздаточные и окладные книги жалованья, разборные книги служилых людей или записные книги столов, то есть те, что содержат какие-либо подробные отчеты и росписи, необходимые при повседневной деятельности приказа и используемые чаще, чем столбцы.

---

<sup>140</sup> Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. С. 917–924.

Представление о составе и численности вооруженных сил в целом дают уже упомянутые сметы военных сил, а также разрядные книги. Аналогичные данные об отдельных отрядах содержатся в исходящих документах приказов и воеводских отписках (особенную ценность представляют сведения на тот или иной момент похода), а также в документах о выдаче жалованья тем или иным категориям служилых людей и, конечно, в смотренных списках. В частности, книга выдачи жалованья ратным людям после битвы при Полонке в августе 1660 г., сохранившаяся в составе одной из коллекций МГАМИД – в фонде 137. «Боярские и городовые книги»<sup>141</sup>, – ценна «сказками» ратных конных людей о состоянии их поместий и отметками, участвовали ли они в бою или были «в посылке», съезжали после боя из Полоцка или «жили без съезду», и т.п. Однако, работа с этим видом документов часто осложнена отсутствием числовых итоговых данных, так что подсчет приходится проводить самостоятельно по именным спискам.

Подобная же методика работы с послужными списками позволяет поднять огромный пласт информации, доселе неизвестный исследователю. Каждый сотенный голова имел именной список своей сотни (отсюда, видимо, и его иное название – «письменный голова»), и по окончании похода, либо после какой-либо битвы составлял «послужной» список: в нем указывались заслуги каждого бойца («былся явственно», «убил двух мужиков», «взял шляхтича» и т.п.), а также сведения о его ранении, гибели или потери лошади. Какова бы ни была степень достоверности информации о заслугах, сам список, при сопоставлении с единовременными данными смотров и раздач жалования, позволяет проникнуть в структуру «сотенной службы»: установить численность подразделения, состав по «городам» и «станицам», родство рядовых внутри сотни, наличие даточных и т.п.

Самый большой по объему комплекс использованных документов – это оперативная переписка между воеводами внутри полка Новгородского разряда и с Москвой. Она содержится в основном среди столбцов Московского и Новгородского столов, а также в записных книгах этих столов. Изучение ее позволяет представить ход военных действий и военно-политическую обстановку в регионе (благодаря «роспросным речам» пленных и иных людей), что особенно важно для малоизвестного периода 1660–1667 гг. Она же дает яркое представление о разных сторонах подготовки к боевым действиям, в частности, о процессе сбора ратных людей в полки. Донесения воевод о сражениях, хотя и очень лаконичные, порой позволяют увидеть как процесс руководства войсками, так и ход боя в целом и роль в нем тех или иных подразделений. Для данных целей

<sup>141</sup> РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64.

особенную важность представляет отписка воеводы И. А. Хованского о сражении под Гдовом в ночь на 16 сентября 1657 г.<sup>142</sup>

Значительный материал к размышлению представляет собой сведения о потерях, которые содержатся в смотренных списках, отписках воевод и челобитных самих раненых. Конечно, их достоверность во все времена является самым больным вопросом для военных историков, однако, кроме чисто цифровых данных, из этих списков можно извлечь массу информации другого рода. Впервые о подобном их использовании, на примере списка раненых при штурме Динабурга в 1655 г., сообщил в 1995 г. А. А. Михайлов<sup>143</sup>. При отсутствии или недостатке других источников из них можно выяснить, какие подразделения участвовали в штурме, сражении, осаде, «посылке» и т.д. Соотношение их потерь помогает уточнить степень участия в бою тех или иных частей, тому же служат и сведения о характере ранений. Дело в том, что размеры царского жалованья «на лечьбу» зависели от тяжести ранения, и поэтому подьячие добросовестно записывали, куда, чем и из чего ранен служилый человек, тяжела ли рана и т.п. Это, кстати, говорит о достоверности данных о числе раненых: ведь за жалованьем обращались даже легко пострадавшие. Добавим, что описание ранений дает представление об оружии, которым в основном сражался противник, а значит, и о характере боевого столкновения.

Челобитные ратных людей также являются очень ценным источником. Для данной темы особую важность имеет давно известная в историографии челобитная дворян и детей боярских Новгородского разряда на воеводу кн. С. А. Урусова, дополненная ответами самого боярина (материалы следствия отложились в документах приказа Тайных дел)<sup>144</sup>. Она не только дает представление о ходе одной из боевых операций – походе на Брест осенью 1655 г., – но и содержит массу ценной информации о взаимоотношениях воеводы и различных групп служилых людей его полка.

Фонд 141. «Приказные дела старых лет», а также фонд 159. «Приказные дела новой разборки» содержат документы Новгородской четверти, которой руководили дьяки Посольского приказа. Как известно, Новгородская четь (или Новгородский приказ) являлась территориаль-

<sup>142</sup> Сборник МАМЮ. СПб., 1914. Т. VI. С. 340–343.

<sup>143</sup> Михайлов А. А. Использование списков раненых для изучения русской военной истории XVII в. // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 355–360.

<sup>144</sup> Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 659–681. Одним из первых внимание на нее обратил С. М. Соловьев (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. 6. Т. 11. С. 619–621). См. также: Кошелева О. Е. Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // ОИ. 1982. № 12. С. 171–177; Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // ОИ. 1998. № 2. С. 164–175.

ным приказом наподобие Сибирского или приказа Казанского дворца, и поэтому в ее фондах отложились документы воеводского управления, в т.ч. о назначении и смене городовых воевод, а также по личному составу городовых служилых людей «по прибору».

Большой информационный потенциал имеют книги Печатного приказа (фонд 233) – в них в хронологическом порядке ежедневно велись краткие записи о государевых грамотах, на которые в приказе после уплаты соответствующей пошлины (или без оной) ставили печать. В самом полном виде представлена картина производства из чина в чин начальных людей Новгородского разряда, а также смены воевод, стрелецких и казачьих голов в его городах.

Итак, документы официального делопроизводства позволяют воссоздать довольно полную картину происходившего, получить исчерпывающие сведения о войсках Новгородского разряда в 1654–1667 гг.

Источники личного происхождения, тем не менее, также представляют значительную ценность. В первую очередь, это сочинение Г. Ко-тошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Автор по своему служебному положению – подьячего в Посольском приказе и «у полковых дел» – был хорошо осведомлен в военных делах и сообщил массу ценных сведений. Правда, при использовании их необходимо помнить, что они относятся к началу 1660-х гг. и более достоверны в отношении центральной группировки войск, где служил сам автор. Ближе по времени лаконичное, но очень интересное свидетельство стольника Чемоданова о русском войске, относящееся к 1657 г. Наконец, прекрасно освещен быт и боевая жизнь русской армии в дневнике П. Гордона<sup>145</sup>, правда, и им необходимо пользоваться с оговорками, учитывая время и место его создания, а также некоторую пристрастность автора.

Сочинения иностранцев, побывавших в России, также содержат ряд интересных сведений. Многие из них в свое время оказали сильное влияние на взгляды историков, поскольку были более доступны, чем отечественные источники. Думается, что использовать их можно только как дополнение, иллюстрацию к уже освещенным на основе архивных данных проблемам, поскольку очень важно не только верно их интерпретировать, но и учитывать порой весьма серьезную пристрастность авторов. В работе были использованы малоизвестные записки итальянца А. В. Де Ченеда (был в России в 1657 г.) и датчанина А. Роде<sup>146</sup>. Они содержат ряд сведений о русском войске, в том числе об иноземцах и

<sup>145</sup> Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000; Гордон П. Дневник. 1660–1668. М., 2002.

<sup>146</sup> Ченеда А. В. да. Известия о Московии... в 1657 году // ОЗ. 1829. № 105. С. 13–32; № 106. С. 224–253; № 107. С. 421–441; Ч. 38. № 108. С. 79–94.; Роде А. Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Оделунда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М., 1991.

военном деле, и особенно ценные тем, что носят самостоятельный характер, получены из первых рук, а не являются, как во многих случаях, пересказами известий более ранних авторов, вплоть до С. Герберштейна.

Имеются свидетельства и противной стороны - шведов и поляков. Они рассчитаны на западную публику, в среде которой уже тогда сформировалось мнение о России как о своего рода «империи зла» и восточной деспотии, и авторы не ограничивали себя в преувеличении численности «московитов», а также значимости своих побед и нанесенных врагу потерь<sup>147</sup>. Но с точкой зрения о русской армии как о беспорядочной и огромной полутатарской орде соседствовала и другая, особенно у поляков. Они, напротив, превозносили боевые качества русских частей западного, «немецкого» образца, удивляясь большому количеству иностранных офицеров и вооружения<sup>148</sup>.

Конкретно для истории Новгородского разряда представляют интерес мемуары «товарищей» дивизии С. Чарнецкого Я. Х. Пасека<sup>149</sup> и Лося<sup>150</sup>, а также дневник литовского гусара Я. В. Почубута-Одляницкого<sup>151</sup>, за период 1660–1661 гг. Пасек является настоящим классиком польской литературы XVII в., однако его записки, созданные уже через десятилетия позднее, несколько теряют ценность как исторический источник. По словам В. Чаплинского, шляхтич превозносит польские войска «и в связи с этим преувеличивает их успехи, преуменьшает неудачи, одновременно, правда, чертит довольно верно последовательность событий и довольно верно передает настрой тех, кто эти события переживали»<sup>152</sup>. В рядах дивизии С. Чарнецкого Пасек и Лось успешно сражались с войсками кн. И. А. Хованского под Полонкой и Толочином (1660 г.). Почубут столкнулся с новгородцами позже, летом 1661 г.: его дневник позволяет восполнить пробелы о боях в русском актовом материале, добавляет ряд ценнейших сведений относительно катастрофы при Кушликовых горах, отличаясь отсутствием бахвальства и своеобразной солдатской иронией.

<sup>147</sup> Критику подобного рода источников: Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников. С. 150–166; Приложение 1 к настоящему изданию.

<sup>148</sup> Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб, 1884. Кн. 6. С. 300.

<sup>149</sup> Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / Opr. J. Czubek. Lwow, [1929].

<sup>150</sup> Łos. Pamietniki Łosia, towarzysza chorągwii pancernej Władysława margrabiego Myszkowskiego, wojewody Krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667, z rękopisem współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane. Kraków, 1858.

<sup>151</sup> Poczobut J. W. Pamietnik Jana Władysława Poczobuta Odolanickiego (1640–1684). Warszawa, 1877.

<sup>152</sup> Pasek J. Pamietniki / Wstep. Wl. Chaplinski. Wyd. 5. Wrocław, 1979. S. LXI.

---

## ГЛАВА 1

---

# «ПОЛКОВАЯ СЛУЖБА» КОННИЦЫ К НАЧАЛУ РЕФОРМ

## § 1.1. Государева служба «по отечеству»

Государственный аппарат управления Русского государства XVII в. органически вырос из аппарата Московского великокняжеского двора и в период своего наивысшего развития, в правление царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), сохранял многие его традиции и облик в целом. На вершине власти находилось несколько десятков «думных чинов» – бояр, окольничих, думных дворян и дьяков. Следом шло несколько тысяч человек знатных «чинов московских»; замечательно, что в глазах современников главными определяющими их положение обязанностями были дворцовые: у стольников «служба... такова: на обедах носят есть и пить...»; у стряпчих «чин... таков»: на царских выходах и в походах носить и возить царские регалии и оружие, – ответственные военные и другие государственные назначения являлись для них лишь «посылками». Во многом та же картина наблюдается и в отношении «дворян московских» и «жильцов» – соответственно, столичного и представителей лучших родов провинциального дворянства. Последние вызывались в Москву «на житье» «для походу и для всякого дела, спят на царском дворе, человек по 40 и болши»<sup>1</sup>.

В уездных корпорациях служилых людей «по отечеству» («городах») существовала своя довольно сложная иерархия. Во-первых, по «чести» различались группы городов: следом за Замосковными шли города Новгородского разряда, а также различные южные украинные<sup>2</sup>; кроме того, внутри разрядов существовала своя очередность. Все это имело свои исторические корни, связанные со временем испомещения детей боярских и их «породой»: местнические тяжбы между городами

---

<sup>1</sup> Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 28–31.

<sup>2</sup> Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). С. 121.

за место в списке показывают, что ратные люди прекрасно помнили историю не только своих родов, но и «города» в целом<sup>3</sup>. Далее, помещики делились на выборных дворян, дворовых и городовых детей боярских, а также неверстанных и «новиков». Наконец, внутри первых трех названных «списков» служилые люди различались величиной поместного (в «четвертях – четях») и денежного (в рублях) окладов, имевших не столько буквальное, сколько такое же иерархическое значение. Продвижение по службе проводилось «по родству и за службы» и выражалось в «пожаловании» в иной список (из городового – в дворовые, из выборного – в жилецкий и т.п.) и (или) в прибавке к окладу внутри списка.

Но, даже формально находясь на одной ступени этой лестницы, служилые люди различались между собой в силу принадлежности к разным по «честности» родам: «только по породе своей одни з другими неровны»<sup>4</sup>. Это «место» рода зависело от давности его службы Московскому великому князю и положения его представителей в официальных документах – «разрядах» на эту службу, фиксировавших назначение воевод и иных чинов из года в год. Списки с них имелись во всех знатных семьях и пускались в дело в местнических спорах: дворянин был просто обязан перед своими сородичами быть челом государю при малейшей угрозе «порухи» его «чести» при новом назначении. Без учета существования этой реальной иерархии не понять, к примеру, почему в 1657–1659 гг. окольничий кн. Т. И. Щербатов был младшим товарищем воевод Псковского полка стольников М. В. Шереметева и кн. И. А. Хованского: для первого окольничество было пределом карьеры, а последние по знатности рода жаловались в бояре прямо из стольников, минуя этот чин.

Замечательно, что чем усерднее государственный муж выполнял свои служебные обязанности и геройствовал на войне, тем более рьяно и дерзко он защищал и утверждал честь своего рода в местнических спорах – несмотря на их несомненный урон и вред для государства<sup>5</sup>. Знатность группы служилых людей и ее боевые качества были в сознании современников тесно связаны между собой: «А его Государеву полку: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, – бываются

<sup>3</sup> Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. С. 190–192.

<sup>4</sup> Котошихин Г. О. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 31.

<sup>5</sup> Яркий пример этому является служба кн. Г. А. Козловского, который не только храбро и бескорыстно выполнял государевы поручения, но и рьяно отстаивал свою честь: Ср.: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 184, 196, 205, 206, 209; Ф. 188. Оп. 1. № 475. Л. 118–122об. (Послужной список боярина кн. Г.А. Козловского).

таким обычаем: только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли остры; на которое место ни наедут, никакие полки против них не устоят»<sup>6</sup>.

Все государство воспринималось в сознании людей как собственность, «вотчина» царя и великого князя, а управляющие и непосредственно обслуживающие двор самодержца – как его слуги: они и сами гордо именовали себя верными служами, «холопами» великого государя. Будучи православными христианами, служилые люди считали себя рабами Божьими – Царя Небесного, и, по аналогии с этим, холопами государя, царя земного<sup>7</sup>. Это уподобление любил повторять в своих посланиях Алексей Михайлович: «Благословил и предал нам, государю, правити и рассуждати дела Своя на востоке и на западе и на юге и на севере в правду, и мы Божии дела и наши, государевы, на всех странах полагаем, смотря по человеку...» Своих ратных людей он называл Божьими, верного воеводу – «архистратигом великого Царя царем небесного, земного Его воинства»; боярская честь, по его мнению, «даетца произволением великого и вечного Царя и Небесного Владыки и нашим тленным призыванием» – «писано бо есть: сердце царево в руце Божии»<sup>8</sup>. Соответственно, по меткому замечанию В. В. Зеньковского, подданный царя, помазанника Божия и своеобразного церковного чина, освобождался от евангельского противопоставления: «Богу Бого, а кесарю кесарево»<sup>9</sup>. Служба православному государю «верой и правдой» была для дворянина необходимым условием спасения души, а служебная провинность иногда влекла за собой почти церковную царскую проповедь и такое же ответное покаяние<sup>10</sup>.

### *Порядок службы городов внутри Разряда*

В 1653 г. в предстоящем походе на Речь Посполитую царь Алексей Михайлович видел прежде всего религиозный смысл, стремился придать ему облик священной войны за освобождение православных христиан Малой и Белой России – и подготовка к войне велась не только с московской обстоятельностью и размахом, но и по церковному торжественно и чинно<sup>11</sup>. В разгар этих приготовлений (осень 1653 г.)

<sup>6</sup> Цит. по: Зотов Р. М. Военная история Российского государства. СПб., 1839. Ч. 1. С. 189.

<sup>7</sup> Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216–305.

<sup>8</sup> ЗОРСА. С. 751–752, 772, 774.

<sup>9</sup> Зеньковский В. В. История русской философии. Ростов на Дону, 1999. Т. 1. С. 95.

<sup>10</sup> ЗОРСА. С. 742–749; АМГ. Т. 3. С. 208.

<sup>11</sup> ДР. Т. 3. С. 356, 357, 369–372, 408–421; Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 347–351.

представитель знатного московского рода боярин Василий Петрович Шереметев и выехал в Новгород и Псков, чтобы возглавить формирование Новгородского полка – будущего полка Новгородского разряда.

Ядро этого войска составили, собственно, «новгородцы» – дворяне и дети боярские Великого Новгорода Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин, а также большей частью беспоместная корпорация «новокрещенов Бежецкой пятини» – татар, литовцев, черкас и т.д., приравненных за крещение к служилым людям «по отечеству».

Предки «новгородцев» были планомерно переселены из Московского княжества и испомещены в «пятинах» еще при Иване III, закреплявшим присоединение непокорной республики<sup>12</sup> – отсюда и старшинство их в этом «разряде». Следующими в списках шли помещики Псковского, Великолукского и Торопецкого уездов, а также двух служилых корпораций, чьи земли по Деулинскому перемирию 1618 г. отошли во владение Речи Посполитой – Ржевы Пустой и Невеля (в то время – Невля). Подобно «смолянам», «пусторжевцам» и «невлянам» сохранили свою общность, как служилый «город», и «прописались по» Пскову и Лукам Великим. Бедствия, которые обрушились на северо-запад России во второй половине XVI – начале XVII вв., внесли опустошение в ряды как служилых людей «по отечеству», так и их крестьян; к 1646 г. новгородцы представляли собой в основном массу мелкопоместного служилого люда. Зажиточностью отличались лишь псковичи: в среднем они имели по двадцать дворов против шести у новгородцев<sup>13</sup>.

В 1656 г., одновременно с появлением термина «полк Новгородского разряда» и в связи с подготовкой его похода на Юрьев Ливонский (Дерпт), в Новгородский разряд из числа Замосковных городов были переведены помещики Тверского, Новоторжского и Старицкого уездов<sup>14</sup>. Наконец, осенью 1663 г., когда в ожидании наступления короля Яна Казимира этот полк собирался во Ржеве Володимеровой и на Белой, его усилили «ржевичи» и «зубчане» – также замосковные помещики<sup>15</sup>. Отметим, что по мере своего появления эти новые, более «честные» «города» отодвигали лучан и торопчан в конец списков ратных людей Разряда, но стояли ниже Новгорода и Пскова.

Обычно при устроении полков, происходившем заново перед каждым походом, ратные люди распределялись между товарищами-воеводами одного полка по «городам» (или, у новгородцев, по пятинам). Это распределение зависело от их «чести» и численности: чем старше воевода, тем «честнее» города и многолюднее полки. Однако, в 1654 г.

<sup>12</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 23–24.

<sup>13</sup> Аграрная история Северо-Запада России. С. 82, 103.

<sup>14</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 169–182.

<sup>15</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 640–655.

случай был особый, и правительство поступило в соответствии с торжественностью момента – «Государевым походом» на Смоленск. У нас есть возможность взглянуть на «кухню» разрядной деятельности.

Сначала было решено «написать боярину 1500 чел., окольничему 800, думному дворянину 615». По результатам предварительных смотров в Новгороде и Пскове всех выборных дворян, почти всех дворовых и часть городовых (с высокими окладами) детей боярских новгородских пятин определили в полк боярина Шереметева; его товарищ, окольничий С. Л. Стрешнев получил человек сорок дворовых (Шелонской пятиной) и городовых детей боярских средних статей – к примеру, «новгородцев Воцкие пятины городовых с 250 чети с поместных окладов»; остальные, вместе с новокрещенами, поступали под начало третьего воеводы – думного дворянина и ясельничего Ж. В. Кондырева. Судя по сохранившимся служебным спискам (*Таблицы 1.1, 1.2, 1.4*), в полку у Кондырева оказалась лишь часть новгородцев Бежецкой и Обонежской пятин, не считая новокрещенов и «невлян по Лукам».

Другие «города» (т. е., помимо новгородских пятин) избежали подобного дробления и были распределены между воеводами целиком<sup>16</sup>. В следующем году указанный принцип был сохранен, но затем от него все же отказались. Должно быть, такой порядок оказался неудобен не только новгородцам, но и дьякам Разряда: воеводы составляли отдельные «смогренные списки» по полкам, и единого списка пятини по «естям» и «нетам» не получалось. Боярин кн. А. Н. Трубецкой, уряжая четыре воеводских полка весной 1656 г., вернулся к принципу распределения пятин, как и городов, целиком между всеми «товарищами» – так же по убывающему принципу (*Таблица 3.1*).

Переход к обороне требовал от правительства уже более практического отношения к распределению городов на службы. Создавалось несколько полков с особыми задачами, и важное значение приобретало географическое положение уездов. Так, после взятия г. Юрьева Ливонского (12 октября 1656 г.), государь указал тверич, новоторжцев и старицан отпустить по домам до весны, псковичам, пусторжевцам и невлянам «по Пскову» быть во Пскове «всем по списку», а лучанам, пусторжевцам и невлянам «по Лукам» и торопчанам – там же «по третьим с переменою». Новгородскому воеводе предписывалось оставить в порубежных «острожках» две пятини, «которые подошли к тем местам» (ими оказались Водская и Шелонская), а остальным новгородцам быть в Новгороде с переменою, «как пристойнее» (по третьим или по пятинам)<sup>17</sup>. На следующие два года, с весны 1657 г. по весну 1659 г., в распоряжении Новгородского воеводы была оставлена только одна

<sup>16</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 67–76.

<sup>17</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 70–72.

— самая многочисленная Бежецкая пятина, а остальные «города» разряда несли полковую службу во Пскове<sup>18</sup>. Особенно внимательно подходили к «зимовой» службе: если зимой 1657–58 гг. в Псковском полку состояли помещики Шелонской пятины и Псковского уезда<sup>19</sup>, то через год, когда «зимовая служба не была сказана» заранее, пришлось, видимо, выбрать из всех «городов» 1000 готовых к ней человек<sup>20</sup> (подобное уже предписывалось боярину С. А. Урусову в 1655 г.<sup>21</sup>).

Данный обзор позволяет нам заключить, что «город» в «полковой службе» являлся прежде всего административно-хозяйственной единицей, сообществом служилых людей определенной территории, соседей и сородичей. Тактическими же единицами были воеводский полк и сотня, зачастую не совпадавшие с четкими границами «городов».

### *Тактическая структура дворянской конницы*

Упомянутая тактическая структура создавалась в процессе т.н. «роли-списи в сотни», проходившей в период сбора ратных людей перед походом. Изучение корней тех писаных и неписаных законов, по которым она проводилась, может увести нас в глубокую древность, во времена родового строя и «военной демократии». Сами термины: «боярин» и подчиненные ему «дети боярские» — имеют ряд прямых аналогий в самоназвании вождя и его соратников европейских дружин еще I тыс. н.э.<sup>22</sup>

Как уже говорилось, местнические отношения между родами не заканчивались «московским списком» и продолжались во всех «городах». Здесь дворяне так же зорко следили за соблюдением чести своего рода, начиная от места за столом и заканчивая правом записи в тот или иной «список»<sup>23</sup>; некоторые из них даже местничали с присланными из Москвы воеводами<sup>24</sup>! Сложности местнических отношений и материальные факторы привели к тому, что у городовых корпораций будущего Новгородского разряда выборный чин, едва появившись после Тысячной реформы 1550 г., полностью исчез к концу 1580-х гг. С одной стороны, эти помещики были разорены Опричниной и Ливонской войной и мало годились к придворной службе — с другой, они претен-

<sup>18</sup> Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // ИЗ. М., 1945. Т. 16. С. 30, 32–34; Ф. 210. Смотренные списки. № 120. Л. 1–51.

<sup>19</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 143.

<sup>20</sup> Подсчитано автором по послужным спискам февраля 1659 г. (Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488).

<sup>21</sup> Ф. 27. Оп. 1. № 277. Л. 7, 11.

<sup>22</sup> Кардина Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000. С. 130–133.

<sup>23</sup> Русская бытовая повесть. М., 1991. С. 164, 407, 408; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века. С. 127.

<sup>24</sup> Там же. С. 87–90 и Таблица 1; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. С. 200–201.

довали на высокое положение по местническому счету, что вызывало у правительства дополнительные трудности при назначениях наряду с московскими и «замосковными» дворянами. Поэтому, оно ограничило сферу их воеводских и иных важных назначений собственно регионом новгородско-псковских земель, а также «немецких городов» (во время Ливонской войны). К примеру, новгородец Г. Ф. Колычев, который в 1577 г. был выборным дворянином по Водской пятине, через 10 лет исчез из списков Государева двора и в 1605 г. значился дворовым сыном боярским своей пятине. При этом, он продолжал занимать воеводские и приказные должности в своем уезде (воевода и голова в Новгороде и воевода в Орешке) и местничать со знатными московскими дворянами. Только после Смоленской войны 1632–1634 гг. правительство Михаила Федоровича вновь стало жаловать дворовых детей боярских Новгорода и окрестных городов в выборный чин<sup>25</sup>, размеры которого стали стремительно увеличиваться в ходе следующих – Русско-польской 1654–1667 и Русско-шведской 1656–1661 гг. войн. Однако, к этому времени выборные дворяне, как некогда – дворовые дети боярские – уже перестали считаться членами Государева двора, превратившись в высший чин городовых корпораций.

Таким образом поговорка: «Послужи, и “выбор” будет у тебя близок»<sup>26</sup>, – в начале войны 1654–1667 гг. была актуальна для многих новгородцев. Не случайно, что первыми на службу в полк, намного раньше срока, являлись «лучшие» люди Разряда<sup>27</sup> – ведь честь можно было «истерять» бедностью или леностью. Так, в 1659 г. тверитин Г. Я. Давыдов «грехом своим от бедности закоснел: служу тебе, великий государь, по городовому списку», хотя родственники его были выборными дворянами; «чтобы... перет своею братьею до конца в позоре не погинуть», он был целом о переводе его в «дворовые»<sup>28</sup>. А новгородец Я. А. Мелницкий в 1662 г. донес на своего юного двоюродного брата, что тот обманом уклоняется от службы; просьбу выслать его в Новгород он заканчивает словами: «Чтоб, государь, ему, Василью, не быть вечным неслугою, и нам, холопем твоим, не быть в нем, брате нашем, в вечном позоре»<sup>29</sup> – поистине, «береги платье снову, а честь смолоду»!

Добавим, что, кроме принадлежности к тому или иному роду, при росписи в сотни несомненное значение имели и личные качества слу-

<sup>25</sup> Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI–XVII вв. // От Древней Руси к России Нового времени: Сб. статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.

<sup>26</sup> Цит. по: Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века. С. 128.

<sup>27</sup> Ф. 210. Смотренные списки, № 21. Л. 1об.–42.

<sup>28</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 180.

<sup>29</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 105.

жилого человека: его опытность, обеспеченность припасами (особенно для «зимовой службы»), «конность, людность и оружность» и, наконец, просто явка на службу. Естественно, все это, как и общее планируемое число «сотен», варьировалось от похода к походу, что и вызывало каждый раз серьезные изменения в их списочном составе.

Основная масса дворян и детей боярских составляла городовые сотни: обычно в них входили представители одного «города», а в случае с пусторжевцами и невлянами – помещики одного уезда. При этом вместе служили родственники и, видимо, соседи, для облегчения снабжения из общих «кошней» и из соседних поместий: ведь обозника, «человека в кошу», выставлял только один из 4–5 помещиков<sup>30</sup>. Красноречиво говорит об этом членовитая новгородца И. Л. Зиновьева, у которого все «сродичи» служили по Водской, а сам он для получения поместья, «для деревнишка», поверстался по Деревской пятине: «И деревнишко, государь, я променил – выменял для одиначи своей в Воцкой пятине. А живу, государь, я с братом своим с родимым в одном домишке, и на службе будучи, з братом рознился и от всех сродичей отбыл: стал, будучи в Деревской пятине, одинок и безсемеян, и от безсемейства, будучи на твоей государевой службе врозни с сродичи, вконец погиб». Просьба его заключалась в формальном переводе в список по Водской пятине, без чего он не мог служить со «сродичами» в одной сотне<sup>31</sup>. Можно себе представить, сколько сложностей вызывала у служилых людей роспись в сотни образца 1654–1655 гг., когда жившие в одном доме родственники оказывались не то что в разных сотнях, но и в разных полках<sup>32</sup>!

Еще одним непродуманным моментом сотенной организации первого похода стало отсутствие постоянных отборных подразделений в полках младших товарищей В. П. Шереметева. По воеводским наказам «береговой службы» 1610–1620-х гг., «во всякие посылки» – операции местного значения – требовалось «посыпать дворян выборных и детей боярских лутчих, чтоб... во всякие посылки ездили, а даром на службе не жили... А меньшие б статьи дети боярские больших статей дворян выборных и детей боярских лутчих не ослуживали, чтоб... молодым на службе посылок лишних однолично не было»<sup>33</sup>. Однако в 1654 г. си-

<sup>30</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №156. Л.6: на 1884 чел. дворян и детей боярских приходилось 427 «людей их в кошу».

<sup>31</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 311, 313 (Членовитая от 2 февраля 1659 г.).

<sup>32</sup> Шелонской пятине Артемий Семенов сын Дворецкий оказался в сотне Г. Г. Чиркова (полк С. Л. Стрешнева), а его брат Михей – в сотне М. А. Бешенцева (судя по скрепе) (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Столпик I. Л. 3, 65). К 1659 г. Михей имел поместье в «один двор бобыльский», а Артемий являлся беспоместным (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 6. Л. 155, 156 об.).

<sup>33</sup> Книги разрядные... СПб., 1853. Т. 1. Стб. 131, 631–632, 1190–1191.

туация сложилась как раз обратная: пока боярин со старшими и родовитыми людьми стоял под Полоцком и Витебском, его товарищи с «молодыми» детьми боярскими гарцевали в передовом отряде и бились в «посылках» под Друей и Глубоким<sup>34</sup>. Для успешного выполнения этих задач Кондыреву пришлось создавать отборное подразделение прямо в походе, причем в ертоул под командованием его сына Петра вошли дворяне всех воеводских полков (*Таблица 1.3.*).

Трудно сказать, были ли созданы выборные сотни в боярском полку В. П. Шерemetева в 1654 г. – по составу дворян он целиком являлся элитным – но со следующего года мы постоянно встречаем их в по служных списках Новгородского полка. В Выборную сотню входили заслуженные и опытные представители всех городов одного «воеводского» полка. К примеру, осенью 1655 г. Водская пятна поставила туда 7 выборных дворян, 4 «дворовых», 2 «городовых» детей боярских и неверстанного «новика 7162 г.», а Торопец – 14 человек «по выбору» и 7 «по дворовому списку»<sup>35</sup>. Такое соотношение легко объясняется при сравнении общего числа чинов этих «городов»<sup>36</sup>:

Город	Дворян и детей боярских		
	выборных	дворовых	всех
Водская пятна	30	62	452
Торопец	51	89	371

Подъезжая сотня резко отличалась чиновным составом: так, в ертоуле воеводы кн. Т. И. Щербатова (январь 1659 г.) из 77 человек удалось определить лишь одного дворянина и около 20 «дворовых» детей боярских – остальные относятся к «городовым» и «неверстанным». Судя по именам, из каждого «города» этого воеводского полка в сотню попали в большинстве случаев по одному представителю от основных его родов: прямых родственников очень мало<sup>37</sup>. Невысокое положение рядовых и полное отсутствие связей «отец – сын» наводит на мысль, что здесь служили молодые представители каждого рода, выбранные по принципу или лучшей вооруженности, боеспособности, или же знатности.

Добавим, что помимо значения отборного, надежного в бою отряда, эти части представляли собой «лицо» полка в иных ситуациях. Так, возвращаясь из-под Бреста в ноябре – декабре 1655 г. и приводя к «крестному целованию» литовские поветы, воеводы Новгородского

<sup>34</sup> Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. С. 121–128.

<sup>35</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113. Л. 181–187.

<sup>36</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210, Смотренные списки. № 13.

<sup>37</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, № 488. Л. 144–151, в сравнении с: Ф. 210. Смотренные списки. № 21.

полка кн. С. А. Урусов и кн. Ю. Н. Барятинский «ездили в гости к шляхте, покиня полк, взяв с собою Государево знамя, да Выборную, да Поезжую сотню»<sup>38</sup>.

Количество и численность сотен, как и воеводских полков, менялись от похода к походу. В 1654 г. к В. П. Шереметеву было послано из Разряда 50 знамен, что, за вычетом казачьих и стрелецких, дает нам около 40 сотен<sup>39</sup>. Ввиду особого принципа росписи в сотни, только по сохранившимся служебным спискам двенадцати подразделений их численность варьировалась от 66 до 137 чел.<sup>40</sup>! Боярин кн. А. Н. Трубецкой, в полку которого (в 1656 г.) было уже не менее 60 конных сотен<sup>41</sup>, должен был более-менее унифицировать их состав. По крайней мере, в 1657 г. в Бежецкой пятине у новгородского воеводы (кн. Г. С. Куракина) и в Ертоуле Псковского полка (кн. Т. И. Щербатова) нормальная боевая численность сотен – ровно по 50 чел.<sup>42</sup>; служебный список Мядзеловского боя (1659 г.) дает небольшой разброс их величины – от 57 до 82, а в среднем – 66 чел. (по «естям» и «нетам»). Общее же количество дворянских сотен Псковского полка в 1658–1659 гг. – 33<sup>43</sup>, да еще 10 – у новгородского воеводы<sup>44</sup>.

Теперь, в отличие от 1654 г., элитные дворянские подразделения в Новгородском (1655–1656 гг.) и Псковском (1657–59 гг.) полках имелись в распоряжении каждого воеводы-«товарища». Так, в Брестском походе 1655 г. две сотни было у кн. С. А. Урусова и одна сводная – «Выборная и Подъезжая» – у его товарища. К 1659 г. стольник кн. И. А. Хованский имел Выборную и Подъезжую сотни, а окольничий кн. Т. И. Щербатов – Выборную и Ертаульную, по 60–75 чел. в каждой<sup>45</sup>. В тех случаях, когда полку придавались сотни жильцов (одна в 1664–1666 гг. и, видимо, две – в 1656 г.), они занимали свое место в «выборе», а в списках стояли выше сотен разряда<sup>46</sup>.

Наконец, очень важно отметить существование сводных отрядов дворян сотенного уровня, создававшихся для какой-либо цели уже после «росписи в сотни». Так, в январе 1659 г. одна из передовых сотен (В. Непейцына, 35 чел. в «естях») была удвоена за счет бойцов из свиты Хованского: 4 есаулов, 31 «розных городов» (судя по всему,

<sup>38</sup> ЗОРСА. С. 668.

<sup>39</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 177, 186, 223.

<sup>40</sup> Подсчитано по: Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Л. 1–216.

<sup>41</sup> АМГ. Т. 2. С. 578, 581.

<sup>42</sup> Гадзяцкий С. С. Указ. соч.. С. 30, 32–34; Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 191.

<sup>43</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

<sup>44</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 120. Л. 1–51.

<sup>45</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

<sup>46</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 644 об.

«завоеводчиков»), 2 рейтар и солдатского поручика.<sup>47</sup> Несомненно, это усилило «ертоул» в тех сложных условиях, когда каждая сабля была на счету. Традиции Средневековья, когда каждый воин являлся минимальной тактической единицей, были живы в дворянской коннице XVII столетия, что прекрасно отражает ее гибкая сотенная структура.

### *Снабжение и обеспечение поместной конницы*

Долгий перерыв в верстаниях детей боярских и начало боевых действий вызвали резкое увеличение численности поместной конницы за счет еще не верстанных поместьями «новиков»: если в 1646 г. в новгородских пятнах насчитывалось 1500 поместных владений<sup>48</sup>, то к 1654–1656 гг. количество служилых людей «по отечеству» возросло до 1900 чел.<sup>49</sup>, не считая отставных. Первые «новичные» верстания произошли только в 1657–58 гг., а до того несколько сот «служилых новиков» годами воевали в одном ряду с пожалованными поместьями сородичами: «А служили мы... многие... неверстаны за твоей величайшего государя службою, а иные многие не верстались за бедностию, а иные мы, холопи твои, верстались после Мядиловского боя, и разрядные подъячие нам... за брестенскую службу (1655 г. (!) – О. К.) придачу справляют, а за Мядиловской бой придачи нам... не справляют...», – писали они в апреле 1659 г.<sup>50</sup>.

Добавим, что долгая война, наборы даточных и иные повинности привели к разорению многих поместий<sup>51</sup>, из-за чего заинтересованность их владельцев в денежном жалованье также постоянно возрастила. К примеру, для зимнего Брестского похода 1655 г. царь велел «сказать» жалованье готовым к нему дворянам по 20 руб., если их вместе с казаками наберется 1000–1500 чел., и по 30 руб. – если только 500<sup>52</sup>. Но, судя по служебным спискам, в поход двинулось как минимум 1745 чел. дворян и детей боярских<sup>53</sup> – недостатка в желающих не оказалось! Деньги выдавались при летнем сборе войск: обычно по 10 руб. беспоместным и с вычетом у поместных по рублю за двор<sup>54</sup>; для «зимовой» службы предусматривалось отдельное жалованье не только деньгами, но и хлебом<sup>55</sup>. Тысяча человек, принявших участие в зимнем походе

<sup>47</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488. Л. 54–64.

<sup>48</sup> Аграрная история Северо-Запада России. С. 82.

<sup>49</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 6, 8 (1654 г.); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 169–182 (1656 г.)

<sup>50</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 305.

<sup>51</sup> Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 112 об. и след.

<sup>52</sup> Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 7, 11.

<sup>53</sup> Подсчитано по: Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113.

<sup>54</sup> Ф. 210. Дела десятн. № 141. Л. 1, 2.

<sup>55</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 293, 296.

1659 г., видимо, также рассчитывала не только на придачи к окладам или верстание, но и на денежное вознаграждение; после битвы при Мядзелях некоторые дворяне отказались от положенных им за ранение назначений «на воеводства и приказы» и били челом о замене их дополнительным денежным жалованьем<sup>56</sup>. Надо сказать, что выплачивалось оно всегда исправно, что позволило некоторым «городам» Новгородского разряда (Шелонская пятна, Псков) с 1656 г. безболезненно перейти на фактически постоянный режим службы.

Не менее важным способом обеспечения служилых людей во время нахождения на вражеской территории являлся захват добычи и полона и «сбор кормов» – зерна и фуражка. Уже зимой 1654 г., после взятия Витебска, было велено «ратным людям запасы возить в Витебск, хлеб... с уездов збирать дворяном, сколько возможно»<sup>57</sup>. Через год изъятие у ратных людей 1500 четей ржи для гарнизона в Ковно и запрет захватывать и покупать «полон» (в связи с принятием Алексеем Михайловичем титулов «Белая России самодержец» и «великий князь Литовский») вызвал взрыв недовольства детей боярских «меньших статей», что выразилось в их бегстве «с животами» из полка и в наглом противостоянии воеводе кн. С. А. Урусову<sup>58</sup>. Кстати, в их челобитной встречается указание на захват добычи во время победы при Верховицах (17 ноября 1655 г.): боярин предложил собрать «всякую рухльдь» и лошадей в «дуван» или «на черной пай» и разделить, но «после де бою дворяне дувану не учинили: хто што взял, и то все побрали сами»<sup>59</sup>: видно, для боевых трофеев эта традиция уже строго не соблюдалась – в отличие от захваченного в «загонах».

Эти специальные экспедиции – «загоны», проводившиеся служилыми людьми для захвата добычи и «кормов», нередко были главным их занятием во время частых осад крепостей и даже вели к немальным потерям. Так, в сентябре 1655 г. всего за неделю литовцы полковника Приклонского убили и захватили в плен 12 детей боярских Новгородского полка, больше 20 их холопов и десятки драгун, которые «ездили для хлеба и конских кормов по деревням»<sup>60</sup>. Подобное, должно быть, повторилось и через год, когда шведский отряд внезапным нападением освободил из лагеря в Кастерсанце, под Юрьевом Ливонским, 500 чел. взрослых и детей – «полон», предназначенный к отправке в поместья бояр и дворян<sup>61</sup>. Добычу делили на «дуване» посредством

<sup>56</sup> Там же. Л. 274.

<sup>57</sup> ЗОРСА. С. 737.

<sup>58</sup> Там же. С. 660; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 562–564: № 164. Л. 100, 314, 542.

<sup>59</sup> ЗОРСА. С. 667–673.

<sup>60</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 328–329.

<sup>61</sup> *Carlon M. Ryska Kriget 1656–1658. Stockholm, 1903. S. 66.*

«жеребьев», и нарушение неписаных правил раздела могло стать причиной судебного разбирательства в Приказном шатре воеводы<sup>62</sup>.

«Загоны» были необходимы для снабжения конницы в походе, но их практика, приведя к страшному опустошению Белоруссии и Прибалтики, не улучшала положение на землях «служилой мелкоты» Новгородского разряда. В отличие от крупных помещиков и вотчинников, мелкопоместные дворяне и дети боярские не могли прочно устроить полонянников, а то и просто довести их живыми до своих домов. В Рижском походе 1656 г. ратные люди Большого полка кн. Я. К. Черкасского «на дороге ... и под Ригою ... имали в полон мужиков». По словам боярина, «И тех, Государь, взятых мужиков мы, холопи твои, держали у твоего государева Разрядно[го] шатра (у ставки воеводы. – *O. K.*) и роздавали твоим государевым ратным людем. И их никто не емлет, а нам, [холо]пем твоим, кормить их нечим». И уже накануне снятия осады, 25 августа, воеводы Большого полка «тех взятых мужиков послали к тебе...» – в Государев полк, к дворовым воеводам Б. И. Морозову и И. Д. Милославскому<sup>63</sup>. У обычных незнатных ратников не было лишних людей «в кошу», с кем они могли бы отправить полон по домам, а также средств, чтобы кормить их в столь дальней дороге. На этом фоне дворяне Государева полка имели гораздо больше возможностей заниматься хозяйством и обустраивать «мужиков» на своих землях.

## § 1.2. Казачество «городовое», «донское» и «вольное»

«Смутное время» начала XVII в. – это прежде всего страшное смущение и смятение в душах и умах русских людей. Пораженные бедствиями, обрушившимися на Русскую землю при царе Борисе, вдохновленные ложной надеждой на «воскрешение» царевича Дмитрия, сбитые с толку все новыми самозванцами и опьяненные видом разгульной жизни разбойной вольницы, нахлынувшей с южных окраин государства и из Речи Посполитой, многие из них теряли нравственные ориентиры и порывали с вековым укладом жизни предков. И все же путь этого ухода из любого сословия был... одинаково традиционен – стать казаком! Благо, в начале века для этого не надо было бежать в степи, на Дон или Волгу: главное казачье гнездо находилось тогда в сердце страны – под Москвой. Люди, воспитанные в традиционном обществе, строго соблюдали принесенный с Дона внутренний уклад жизни и организации своих новых семей – казачьих «станиц»: невыдачу любого, записавшегося в казаки, человека; отказ от обработ-

<sup>62</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 285–288.

<sup>63</sup> Ф. 210. Оп. 20. № 119. Л. 160.

ки земли и жизнь за счет грабежа, «приставств» (архаичной формы эксплуатации крестьян, обязанных их кормить), жалованья от того или иного государя или, в крайнем случае, ремесла и рыбной ловли; выборность атаманов и непререкаемость их власти в походе; четкое деление на «старшину», рядовых казаков и их «чуров» – бесправных учеников, часто взятых в станицы насильно; отказ от семейной жизни; самоуправление на казачьем круге и т.п.

Таким образом, зародилось новое сословие русского общества, все четче осознавшее свои интересы и идеалы. Стоило развеяться мифу об очередном самозванце, а полякам оказаться в Кремле, и не нашлось в стране более принципиальных противников любого иноземного владычества, чем казаки! Полтора года они теснили врага в Москве, а после победы почти сразу двинулись на Смоленск и Новгород. Еще много раз казачьи отряды начинали бунтовать, шатались к новым претендентам на трон, превращались в огромные банды разбойников... Казак боролся за доброго царя, требовал от него справедливого «полного» жалованья, ненавидел коварных бояр и богатых помещиков..., каялся в проступках<sup>64</sup>, делал вклады в монастыри<sup>65</sup> и готов был честно сложить голову за царя и веру православную. Именно последнее дало возможность, наконец, договориться с казачеством и превратить это стихийное бедствие в надежные, опытные и верные гарнизоны десятков крепостей или отряды помещиков. Не отказывая самому сословию в праве на существование и сохранение основ уклада их жизни, правительство перевело его в один из разрядов «служилых людей по прибору», включило в структуру государственной военной службы<sup>66</sup>.

### *Городовые казаки Новгородского разряда*

Монография А. Л. Станиславского блестяще осветила многие перипетии казачьего движения Смутного времени и процесс их «верстания». В отношении Новгородской земли, подробности боевых действий на ее территории еще ждут своего исследователя, но и по имеющимся данным можно заключить, что поселенные здесь казачьи станицы много лет воевали именно в этих окрестностях. Так, в 1617 г. в Новгороде собирались станицы из гарнизона Тихвина и «плавных казаков», а также сотня, посыпавшаяся «на Валдай на воровских казаков». Интересно, что за пять последующих лет их численность не изменилась совершенно – все те же 362 чел.<sup>67</sup>

В числе и новгородских, и иных казаков выделялись «верстанные» – формально наделенные поместными и денежными окладами. Однако,

<sup>64</sup> Палицын А. Сказание Авраамия Палицына. М., 1955. С. 224–227.

<sup>65</sup> Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 129.

<sup>66</sup> Там же. С. 93–242.

<sup>67</sup> Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 139, 142, 172, 233–234.

реально поместья получили лишь несколько десятков человек из атаманов и казаков, поселенных в Пскове и Великих Луках<sup>68</sup>. Остальные, «верстанные» и «неверстанные», оставались «кормовыми», как и казаки Новгорода, Ладоги и Опочки<sup>69</sup>. Кстати, и здесь не обошлось без выселенных с бывших Московских земель отрядов: несколько себежских казаков – реликта Ливонской войны – проживали на Опочке<sup>70</sup>, а среди луцких имелись «невельские» – 50 чел. с есаулом<sup>71</sup>. Последние – «посадские люди, и их дети и братья и захребетники» – составили «охочую» станицу во время последней, Смоленской войны после взятия Невля и вышли оттуда вместе с русскими войсками<sup>72</sup>. Большинство из этих бывших «вольных людей», сберегая свой уклад, видимо сами желали служить только за годовое жалованье и месячный «корм»: попытки правительства наделить их землей не удавались<sup>73</sup>, и даже у казаков помещиков почти не было крестьян: в 1655 г. из всех 60 поместных луцких казаков крепостные имелись только у 13 чел.<sup>74</sup>

Если в организации дворянского ополчения мы встречаем лишь отголоски, реликты древних дружинных порядков, то в случае с казаками имеет место прямое воспроизведение норм архаических обществ периода «военной демократии». Трехкастовая структура: выборный вожак – атаман, рядовой казак и его «чур» – бесправный слуга и раб, – характерна и для современного уголовного мира<sup>75</sup>. «Верстание» надолго законсервировало эти стихийно сложившиеся структуры: и через 35 лет, в середине века, во всех пяти городовых казачьих отрядах Новгородского разряда сохранилось изначальное количество атаманов – а, значит, и станиц. Среди луцких казаков, по крайней мере до 1658 г., существовала «станица Еремы Соломыкова», хотя сам он – атаман 1619 г. – в списках уже давно не значился...<sup>76</sup>

И все же со временем, по мере смены поколений, городовые казаки все больше приближались к иным служилым людям «по прибору», жившим в соседних с ними слободах. Строгое ограничение численно-

<sup>68</sup> Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 206.

<sup>69</sup> Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1848. Т 3. С. 119–133.

<sup>70</sup> Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 113–115.

<sup>71</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 562.

<sup>72</sup> Книги разрядные, по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. 1. Стб. 456, 816; Малов А. В. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной: На материале Великих Лук // Цейхгауз. 2002. № 2 (18). С. 12–15.

<sup>73</sup> Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // УЗ МОПИ. М., 1953. Т. 27. С. 69–70; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 201–202.

<sup>74</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 146. Л. 244.

<sup>75</sup> Малов А. В. «Конность, людность и оружность»... С. 14.

<sup>76</sup> Там же. С. 214; Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 109–116 об.

сти получавших жалованье превращало их в замкнутое сословие, так как для восполнения убыли достаточно было казачьих детей и племянников. Исчезает навсегда категория «чуров» (последний раз «малые» казаки сопровождали бывалых в луцких станицах в ходе Смоленской войны)<sup>77</sup>. Должность атамана, при наличии обязательного казачьего «головы» из дворян, теряла прежнее значение и превращалась в обозначение казака с более высоким окладом. В итоге, место убывшего атамана зачастую занимал его сын или родственник: так, в 1655 г. луцкий поместный атаман Симон Бедрин был отставлен и заменен в списках сыном Филатом – из «кормовых» станицы Е. Соломыкова<sup>78</sup>; в 1654 и 1658 гг. опочецкими атаманами были, соответственно, Ларион и Игнатей Костровы.<sup>79</sup> Наконец, летом 1658 г., когда ладожские казаки прибыли из-под Лавуи в Новгород, среди них уже не было ни атаманов, ни есаулов<sup>80</sup>. Пожалуй, лишь в крупном луцком отряде эти должности еще сохраняли значение. В марте 1657 г. во главе двух списков луцких казаков «сотни» Е. И. Байкова (в 72 и 167 чел. соответственно) шли «ясаулы»: атаманы, видимо, были в отъезде<sup>81</sup>. Иногда же есаулы, как у невельских казаков, возглавляли отдельный отряд внутри станицы.

Казачьи «головы», в отличие от «голов» дворянских сотен, назначались не при росписи в сотни, а по грамоте из приказа Новгородской четверти. Ими были дворяне или дети боярские Новгородского разряда, пожалованные «на приказ» сроком на несколько лет, по очереди, установленной в четверти: в ходе войны это являлось наградой за раны или полонное терпение<sup>82</sup>. Во главе всех назначенных в поход станиц города они и несли «полковую службу».

С началом войны большая часть казаков выступила в поход в составе Новгородского полка, и на первом ее этапе их численность в главном полку оставалась стабильной<sup>83</sup>:

1654 г. – 625 чел. конных и 250 пеших;  
 1655 г. – 662 чел. конных;  
 1656 г. – 670 чел.;  
 1658–1659 г. – 424 чел.

<sup>77</sup> Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.

<sup>78</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 557, 560.

<sup>79</sup> Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. С. 128; Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 106об.

<sup>80</sup> Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66.

<sup>81</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 260. Л. 27–42.

<sup>82</sup> АМГ. Т. 3. С. 460.

<sup>83</sup> Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. С. 118; Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 4. С. 191–192; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 173, 177, 181: подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

К зиме 1658–1659 гг. 200 чел. составляли конную охрану послов на переговорах со шведами и конницу гарнизонов Вильно и Юрьева Ливонского<sup>84</sup>. Здесь кроется их крупное преимущество перед дворянами: состоя на жаловании и проживая компактными слободами в городах, они находились в расположении воевод и в зимнее время. Так, осенью 1658 г. кн. И. А. Хованский отправил все свои городовые казачьи отряды, а также новгородских новокрещенов, в защиту г. Друи; в январе все они присоединились вновь к полку Хованского, в котором из-за «нетства» оставалась едва треть списочного состава служилых людей «по отечеству»<sup>85</sup>.

Особый менталитет в прошлом «вольных людей» позволил боярину кн. С. А. Урусову положиться на них в своем противостоянии с новгородскими дворянами в брестском походе 1655 г. Так, голова И. Володимеров с пешими новгородскими казаками был направлен на заставу «перенимать» побежавших домой с награбленными «животами» и полоном дворян<sup>86</sup>. Огромную же «сотню» луцких казаков (323 чел.)<sup>87</sup> во главе с «держалником своим» К. Козловым боярин посыпал «в ертоулы... для грабежу» – в то же время, под предлогом склонения к покорности окрестных земель, запрещая грабить служилым «по отечеству». Были казаки при нем и на неудачных переговорах с П. Сапегой, а на обратном пути, «пришод против Вилны», Урусов послал их «в Вилню, для оставленные своей рухляди»: по его объяснению, «в честь, а не неволею». Уважение, как и выгода, несомненно, были взаимными: как показал К. Козлов: «Поднесли боярину в почесть все сотенные головы и луцкие атаманы и казаки... ковер, чепрак, пояс серебряной, кафтан соболей под сукном..., а ево сотни луцкие казаки поднесли золотых свой пай, что им досталось»<sup>88</sup>.

Необходимыми оказались городовые отряды и в операциях местного значения. В 1654–1655 гг. опочецкие казаки осаждали Резицу, Лужу и другие городки польской Лифляндии; с открытием боевых действий против шведов в Ижорской земле туда были направлены пешие новгородские и ладожские казаки (около 200 чел.). Там же с ними произошли важные изменения: при возвращении из похода в 1658 г. все ладожские казаки были уже конными<sup>89</sup>.

<sup>84</sup> Луцкие казаки в Вильно (50 чел.), псковские казаки в Юрьеве (50 чел.), луцкие казаки в охране послов (100 чел.): Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 243, 244, 310–311; Там же. № 162. Л. 71; Ф. 210. Оп. 17. № 214 Л. 1–2.

<sup>85</sup> Ф. 210. Оп. 17. № 214. Л. 20, 21; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, № 488. Л. 102–121, 211–221.

<sup>86</sup> ЗОРСА. С. 660–661.

<sup>87</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113. Л. 112–130.

<sup>88</sup> ЗОРСА. С. 664, 668, 670, 674.

<sup>89</sup> Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66.

### *Донские казаки в Новгородском разряде*

В описываемое время вряд ли еще какое войско в России было столь овеяно легендами и покрыто славой, как Донское. Котошихин, рассказывая о казачьих обычаях самоуправления, о том, что «с Дона выдачи нет», не скрывает своей симпатии: по его мнению, именно казакам принадлежит главная заслуга в присоединении к России Казанского, Астраханского и Сибирского ханств<sup>90</sup>! У всех на памяти еще было их героическое «осадное сидение» в Азове (1637–1642 гг.), по поводу которого созывался Земский собор.

Отношения царского правительства с Войском строились на условиях уважения к их обычаям и той верности, с которой они служили православному государю «с травы и с воды Тихого Дона Ивановича». Через Посольский приказ принимали и кормили их посланцев, отправляли им жалованье, а при начале войны приглашали на службу в Москву. Здесь им платили «за приезд» и устанавливали поденный «корм» и годовое жалованье<sup>91</sup>. В торжественном Смоленском походе 1654 г. в Государевом полку, среди московских чинов и других отборных дворян, шла и донская сотня под знаменем с образом св. мученика Меркурия Смоленского<sup>92</sup>.

Если после периода острых разногласий с казачеством в конце 1620-х на Государеву службу под Смоленск в 1632 г. вышло с Дона только 500 чел., то через 20 лет, к новому царю прибыло уже гораздо больше. Так, в апреле–начале мая 1655 г. в Воронеже собирались отряды донских казаков П. Федорова (120 чел.), а также, «в судах» (т.е., пешие) – Я. Бронина (400 чел.) и Б. Васильева (200 чел.)<sup>93</sup>. Видимо, они приняли участие во втором Государеве походе, когда донской отряд в 1 тыс. чел. находился в Особом Большом полку кн. А. Н. Трубецкого под началом атамана Я. Дронова и головы В. М. Новосильцева (затем, с января 1656 г., Г. В. Волкова). Он «зимовал» в Могилеве, блокируя Старый Быхов<sup>94</sup>, а летом вновь присоединился к армии Алексея Михайловича и участвовал в Рижском походе. За зиму отряд сократился втрое, поскольку большинство донцов с добычей – «зипуном» самовольно отправились на Дон, а в конце 1656 г. был вообще расформирован в Москве. Однако, другие отряды ежегодно приходили на смену ушедшим казакам.

<sup>90</sup> Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 119.

<sup>91</sup> Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 154.

<sup>92</sup> Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898. Т. 1. Приложения. С. 10.

<sup>93</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 274. Л. 82.

<sup>94</sup> Куц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50-х – начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV–XVII вв. С. 437–463; АМГ. Т. 3. С. 450; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 274. Л. 36, 42, 50–54.

Видимо, упомянутое появление пеших донцов «в судах», неспособных к дальней полковой службе без дополнительного крупного жалования, натолкнуло правительство на мысль использовать их в виде «судовой рати». Новый замысел – направить казачьи станицы в Ижорскую землю в 1656 г., возможно, принадлежал... патриарху Никону, фактическому главе правительства в Москве во время государева Рижского похода. В конце мая он сообщил царю «о посылке донских казаков в полк к Петру Потемкину и о благословении им в Стекольной (Стокгольм – *O. K.*) и в иные места морем»<sup>95</sup>. Как ни странно, но сама отправка станиц в Ижорскую землю была почти традицией: «При царе Иване... многие атаманы и казаки государеву службу служили – в осаде Орешка... Блаженные памяти при царе Федоре Ивановиче, ходил царь под Ругояк и под Иван-город, выходили атаманы и казаки с Дону... На другой год ходили под Выборг, и царь Федор Иванович призывал атаманов и казаков с Дону»<sup>96</sup>. Оригинальной была только мысль использовать их мореплавательные навыки для набегов на шведское побережье.

Во исполнение этого замысла, под Орешек к воеводе стольнику П. С. Потемкину отправилось два отряда казаков, ровно 600 чел. Первый, во главе с есаулами К. Игнатьевым и К Ивановым (251 чел.), прибыл на стругах по Волхову и Ладоге 6 июля. Через 10 дней в конном строю подошел и второй отряд (349 чел.), во главе с Иваном Семеновым – судя по всему, это Иван Семенов сын Черкес, запорожец, вышедший «на государеву службу» с Дона в сопровождении полусотни запорожских казаков и, надо полагать, в силу своего авторитета выбранный главным походным атаманом. В качестве обычного сотенного головы их сопровождал новгородец сын боярский С. Маврин, который, правда, не справился со своими обязанностями: вместо того, чтобы унимать казаков от бесчинств, он прошел с этой ватагой грабительский поход из Новгорода в Ижорскую землю, из-за чего, собственно, и опоздал с прибытием в полк<sup>97</sup>. В дальнейшем росписи вообще не упоминают в данном полку сотенных голов донских казаков, хотя в отношении остальных, как видно на примере отряда Я. Дронова и казаков Псковского полка, это правило обычно соблюдалось.

Структура такого крупного войска складывалась в соответствии с казачьими традициями, а также с требованиями правительства. В августе 1657 г. упоминаются «обе станицы» донских казаков<sup>98</sup>, а жалование было выплачено одному атаману, трем есаулам и 489 рядовым, включая и черкас<sup>99</sup>. В декабре того же года жалование получают уже

<sup>95</sup> ЗОРСА. С. 592.

<sup>96</sup> Цит. по: *Гордеев А. А. История казаков. М., 1992. Ч. 2. С. 178.*

<sup>97</sup> Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 197–199.

<sup>98</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 416.

<sup>99</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 118. Л. 50.

3 станицы и отряд черкас, правда, одна из этих станиц, судя по ее атаману (Н. Ларионов), состоит из новоприборных копорских вольных казаков<sup>100</sup>. Наиболее подробные сведения об организации этого войска сохранила отписка о смотре 23 мая 1658 г., после роспуска Лавуйского полка. Тогда в Великом Новгороде собирались станицы К. Иванова, И. Горбuna и К. Назимова в составе 3 атаманов, 7 есаулов, 3 сотников, 2 знаменщиков и 612 казаков, а также отдельная уже черкасская «сотня» – сотник И. С. Черкес, есаул и 43 рядовых<sup>101</sup>. Из тактических соображений донцы, возможно, были разделены по 100 чел. между атаманами и сотниками. Приведенные данные говорят об изменчивости структуры указанного отряда и смене старшины. Так, вначале на все войско лишь один атаман, но со временем их становится два, а затем – три, причем И. С. Черкес, «отличившийся» еще до начала кампании грабежом Ижорской земли, смещается на должность сотника у запорожцев. В июне 1658 г. станицы К. Иванова, И. Горбuna и К. Назимова состоят под началом лишь двух атаманов (К. Иванова и В. Федорова)<sup>102</sup>; в марте 1659 г. в шедшей на Дон от «свейского рубежа» станице атамана Д. Свишова (атаман, 2 есаула, 47 рядовых) одним из есаулов числится бывший атаман Кипреян Иванов<sup>103</sup>!

Годовое жалование и положенный «корм» выплачивался всем им из Новгородской четверти<sup>104</sup>, медными деньгами или ефимками «с признаком». Хотя реальная обстановка не позволила совершить планируемый набег на Стокгольм, целый ряд успешных предприятий донцы все же осуществили на стругах<sup>105</sup>. Впоследствии все они были обеспечены лошадьми – вместе с копорскими вольными и ладожскими городовыми казаками – и составили основную часть конницы Лавуйского полка.

В период активных летне-осенних боевых действий казаки честно выполняли свои обязательства по государственной службе, но едва воевода отводил свой полк на зиму в Новгород, они снова проявили свой норов и качества «вольных людей». Так, в 1656 г. более 400 казаков ринулись грабить Ореховский уезд, другие разоряли и «приставничали» в новгородских деревнях, а унимавшего их Петра Потемкина «ляяли матерны всякою позорною бранью» и грозились убить – так что даже пришлось послать пехотный отряд для их поимки<sup>106</sup>. Однако, пойманных вскоре отдали в Лавуйский полк стольнику А. С. Потемкина, и зимой

<sup>100</sup> Там же. Л. 48.

<sup>101</sup> Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66.

<sup>102</sup> Там же; Ф. 210. Оп. 17. № 214. Л. 53.

<sup>103</sup> Донские дела. Кн. 5 // РИБ. Пгр., 1917. Т. 35. С. 451–456.

<sup>104</sup> Ф. 159. Оп. 3. № 164. Л. 1, 1 об.

<sup>105</sup> Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье в войне 1656–1658 гг. С. 264–266.

<sup>106</sup> Там же. С. 268.

1657–1658 гг. все повторилось в деталях: «Многие, государь, казаки, взяв твое государево жалованье, разъехались с Лавуи по деревням, верст по сту от Лоуского острогу, и стоячи с полоном по деревням, всю зиму воровали, у крестьян свои конские кормы имали безденежно, а в Лоуской острог во всю зиму не бывали»<sup>107</sup>. По окончании боевых действий летом 1658 г., несмотря на предостережения Потемкина, новгородский воевода выплатил им сразу («вдруг») по 10–12 руб. годового жалованья: в итоге многие «вольные люди» пропились и проигрались на «кружечном дворе» «донага»<sup>108</sup>. Не удивительно, что правительство не стало задерживать большую их часть на службе после этой войны.

Во Псков донские казаки прибыли весной (200 чел. станицы И. И. Есипова) и в августе (93 чел. Е. Савельева) 1657 г., составив «сотню» под началом Б. Бешенцева. Они отличились в первом же бою, под Валком 9 июня, когда лихой атакой выбили из деревни полк шведских драгун<sup>109</sup>. В дальнейших походах кн. И. А. Хованского (1657–1659 гг.) они покрыли себя новой славой: достаточно сказать, что с «сеунчем» о победе на «граф Магнусовом Гдовском бою» 16 сентября 1657 г. князь отправил от себя именно их голову, псковитина Богдана Бешенцева<sup>110</sup>.

При этом, донские казаки всегда находились в его воеводском полку в полном составе<sup>111</sup>. Вообще, у псковских воевод не было с ними таких сложностей, как у лавуйских: видимо, им удалось поладить. Красноречиво свидетельствовали о взаимоотношениях между Хованским и казаками новгородские дворяне в своей «воровской заводной celibитной» 1665 г.: «В нынешнем году донские казаки разграбили у Курляндского герцога двор, а боярин про то не сыскивал: «Дуваны были большие; и из тех дуванов казаки подвели боярину в подарках два возика каретные, и иные многие подарки к нему пошли»<sup>112</sup>. Думный дворянин и воевода Лифляндии А. Л. Ордин-Нащокин пожаловался на них уже в августе 1657 г.: «И от Пскова донские казаки частыми посылками к тому Альсту (швед. Мариенбург. – O. K.) приходят, твоих городов окольние уезды запустошили, а промыслу до сего времени над городом не чинят: вместо Азова держат для своей добычи»<sup>113</sup>.

Станица Есипова осталась во Пскове до конца войны с Польшей: в 1665 г. она носила название станицы «старых донских казаков» атама-

<sup>107</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 307, 308.

<sup>108</sup> Там же. Л. 306, 307.

<sup>109</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 193–194.

<sup>110</sup> Сборник МАМЮ. Т. 6. С. 343.

<sup>111</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 248–257 (август 1657 г.); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 118. Л. 244, 245 (весна 1658 г.); Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 486. Л. 122–136 (январь 1659 г.).

<sup>112</sup> Соловьев С. М. Сочинения. С. 603.

<sup>113</sup> АМГ. Т. 3. С. 592, 593 (№ 1003).

на А. Филиппева<sup>114</sup>. Уже в 1658 г. ее рядовые были разбиты на десятки и отданы под начало майора М. А. Лошакова – не исключено, что для обучения драгунскому или рейтарскому строю<sup>115</sup>.

### **«Вольные казаки» Ижорской земли**

С русско-шведской войной связано возникновение еще нескольких отрядов, изначально носивших название «вольных казаков». Вступление царских войск на отторгнутые у России в 1617 г. территории вызвало поголовное восстание и массовый исход православного населения – русских и карел, которых оперативно расселяли на запустевших новгородских и тверских землях<sup>116</sup>. Е. Д. Сташевскому удалось выяснить, что воеводы по крайней мере с 1614 г. пользовались в подобных ситуациях услугами местного населения, для разведки и пополнения своих полков<sup>117</sup>. Была выработана и процедура формирования новых отрядов: желающие били челом о поступлении «на вечную государеву службу», выбирали у себя атамана и «ходили своей станицей», следуя во внутреннем устройстве все тем же казачьим обычаям<sup>118</sup>.

Уже в 1656 г. на службу поступили жители Копорского уезда: к январю 1657 г. в составе полка П. Потемкина прибыли в Новгород 37 чел. «копорских вольных казаков» атамана Микиты Ларионова<sup>119</sup>. Они изначально были конными и действовали, видимо, в рядах донских и черкасских казаков. Через год их численность возросла до 70 чел. Второй отряд – «вольные люди ямляня Осипко Усолской со товарищи» – первые годы был пешим и имел на вооружении казенные мушкеты. Интересно колебание его численности: в феврале 1657 г. из Новгорода в Сомерскую волость выступило 35 чел., к марта к ним присоединилось еще 100 чел., а через два года конная станица этих уже «сомерских казаков» атамана Дениса Левонтьева вновь сократилась до 31 чел.<sup>120</sup> По окончании войны со шведами, в 1658 г., оба отряда поселились в Новгороде и под прежними названиями составили новые станицы полностью на правах городовых казаков.

К этому времени общая численность казачьих формирований в Новгородском разряде достигла 2 тысяч человек: для сравнения, 2 июля 1658 г. во Пскове собралось только 1534 чел. дворян и детей бояр-

<sup>114</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 446об.

<sup>115</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488. Л. 122–136.

<sup>116</sup> Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье... С. 248, 278–279; Он же. Борьба русских людей... С. 53, 54.

<sup>117</sup> Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. С. 156, 157.

<sup>118</sup> Там же; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 193 (случай 1662 г.).

<sup>119</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 272, 274–275.

<sup>120</sup> Там же. Л. 269–270, 285–287, 294; АМГ. Т. 3. С. 118 (№ 126).

ских<sup>121</sup>. Постоянный характер службы служилых людей «по прибору», их особый менталитет и боевые навыки – вот что импонировало командованию и заставляло его мириться с обычной для казаков разнозданностью. Можно лишь поражаться той настойчивости и уважению, с каким правительство привлекало на службу, вооружало и всячески опекало ватаги этих смелых и опытных в боевом отношении людей, по разным причинам некогда порвавших с привычным сословным укладом жизни.

### § 3. Первые полки «рэйттарского строя»

Уже в первые годы войны под началом воевод Новгородского разряда появилась конница принципиально нового для России типа – рейттары. Образцом для ее организации, вооружения и тактики послужила кавалерия Западной Европы, и целесообразно сначала в общих чертах дать краткую характеристику того, что же представлял из себя источник заимствований.

#### *Линейная кавалерия Запада в середине XVII в.*

Здесь в ходе долгой и изнурительной Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. различия между родами кавалерии окончательно стерлись. Исчезли разнообразные «кирасиры», «аркебузиры», «копейщики», «карабинеры» и т.п., и в большинстве стран полки стали называть просто конными или кавалерийскими: «Cavalerie» во Франции, «Horse» в Англии и Шотландии, «Reuter» в Северной Германии, «Rytter» в Дании, «Ryttares» в Швеции. Только в Испании, Австрии и иных германских, – большей частью, католических землях – сохранились «кирасиры», но это было просто иное название той же стандартной кавалерии, дань традиции; в Речи Посполитой вся вербованная конница «немецкого» типа была известна как «rajtaria». Вербованные полки редко существовали дольше нескольких кампаний, их личный состав после роспуска охотно поступал в любую другую армию, и благодаря такому «свободному рынку» основные нормы тактики, вооружения и организации (или «штатного состава») стали интернациональными.

В мирное время кавалерия ввиду своей дороговизны была малочисленной, и резкое увеличение ее численности происходило только на кануне войны. Парламенты и правительства определяли необходимые размеры полков и денежные суммы, после чего начиналась вербовочная кампания. Так, шведы, хотя и имели сильные национальные полки мирного времени, перед вторжением в Польшу (1655 г.) навербовали к

<sup>121</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 43об.–158.

6 тыс. еще 15–20 тыс. рейтар<sup>122</sup>. Датчане в начале 1657 г. планировали увеличить десяток наличных конных рот до 25-тысячных полков, но и через год смогли довести самые крупные из них только до 300 чел.<sup>123</sup>

Формирование полка осуществлялось на основании патента – контракта между полковником и государством, в котором оговаривались структура и численность подразделения, сроки вербовки, вооружение и т.п. Полковник получал крупную сумму денег, договаривался с ротмистрами и другими вербовщиками, и набор рейтар окончательно превращался в коммерческое предприятие<sup>124</sup>. П. Гордон в своем дневнике замечательно изобразил те выгоды, которые сулила ему вербовка кавалерийского полка для Австрии в 1661 г.: «Я обязался набрать две полные роты и должен был получить за каждого рейтара по 40 рейхсталеров... Сам я становился старшим ротмистром и получал бы по 35 рейхсталеров за каждого рейтара, приведенного мною на место сбора сверх моих двух рот.

Одной из причин, побудивших меня согласиться, было предвкушение великой выгоды от вербовки, ибо я узнал о роспуске курфюрстом Бранденбургским в Пруссии 4 конных полков, так что многие будут рады снова поступить на службу. Я не сомневался, что приведу свои роты еще и с избытком к месту сбора, назначенному нам в Силезии, из расчета 15 или 20 рейхсталеров за рейтара, помимо того преимущества, что я мог бы получить от моих офицеров, кои должны были набрать известное число людей согласно своему чину»<sup>125</sup>.

От успеха «предприятия» зависела боевая численность полка. Обычной нормой, закрепленной в Австрии, Дании и др. странах, был состав в 10 рот по 100 рядовых<sup>126</sup>, но, имея богатый опыт провала вербовочных кампаний, другие «заказчики» стали оговаривать более реальные, несколько заниженные штаты. Так, в 1655 г. шведский король Карл X Густав установил размер роты в 70, а с 1658 г. – в 60 рядовых, но и это число достигалось редко<sup>127</sup>. Также и в ходе Гражданской войны в Англии роты «кавалеров» и «круглоголовых» уменьшились до 60–80 чел.<sup>128</sup> Количество рот в полку было минимальным: в среднем 8 у шведов, 6 – у англичан, хотя более знатные и богатые шефы могли позволить себе и увеличить их число<sup>129</sup>. В Речи Посполитой и Лифлян-

<sup>122</sup> Tessin G. Die Deutschen Regimenter der Krone Schweden. Teil I. S. 6–8, 28.

<sup>123</sup> Vaupell O. Den Danske Haers Historie til nutiden og den Norske Haers Historie indtil 1814. København, 1872. S. 18, 22–23.

<sup>124</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т IV. С. 43.

<sup>125</sup> Гордон П. Дневник. 1660–1668. М., 2002. С. 94, 95.

<sup>126</sup> Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. С. 138; Vaupell O. Den Danske Haers... S. 23.

<sup>127</sup> Tessin G. Die Deutschen Regimenter... S. 5, 54, 108.

<sup>128</sup> Young P. The English Civil War. L., 1973. P. 13–14.

<sup>129</sup> Ibid.; Tessin G. Die Deutschen Regimenter... S. 7.

дии скучная вербовочная база заставила искать выход в создании более мелких отрядов – отдельных рот («корнетов» или «лейб-кампаний») и «шквадронов» по 2–4 роты<sup>130</sup>. Гордон называет еще одну причину их преимущественного создания: «Дворяне, имевшие под начальством независимые роты, не соглашались дать их для организации полка главным образом из-за выгод, которые они имели»<sup>131</sup>. Вполне обычным делом было пополнение частей военнопленными, из которых порой составлялись целые полки<sup>132</sup>. Указываемые в смотренных списках (Musterrolle) цифры всегда превышали наличность: полковники, в случае инспекции, пополняли ряды своими слугами или просто бродягами, а жалованье за «мертвые души» клали себе в карман. В общем, и реальные, и установленные размеры рот и полков меньше всего зависели от каких-либо идеалов, определяемых линейной тактикой того времени<sup>133</sup>. Это изначально были чисто административные единицы, мало или вообще не связанные с тактическим построением. Именно поэтому утверждение П. П. Епифанова о том, что отсутствие единого штата для русских полков рейтарского строя в 1680-х гг. якобы затрудняло обучение их личного состава линейному строю<sup>134</sup>, совершенно ошибочно.

Добавим, что в связи с прогрессом в этой тактике, в частности, уменьшением глубины строя до трех шеренг, окончательно отпала необходимость строго оговаривать численность эскадрона. Шведы устанавливали его в 4 роты; англичане – то в 2, то, по одной из инструкций – в треть роты; австрийцы – в 2 роты, и т.д.<sup>135</sup> Солдаты настолько привыкли к этим построениям, что можно было без труда сводить в один эскадрон даже части разных полков; шотландцы Гордона однажды составили «эскадрон» из 16 посаженных на коней польских крестьян, которых нарядили рейтарами по краям к которым добавили 5 своих товарищей (21 человек – 3 шеренги по 7 рядов):

<sup>130</sup> Лайдре М. Шведская кавалерия и артиллерия в Лиффляндии в 1655–1661 годах // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Т. XXXI. С. 66–67, 76; Wimmer J. Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Szwecja 1655–1660. S. 69, 134, 275–276.

<sup>131</sup> Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000. С. 189.

<sup>132</sup> Tessin G. Die Deutschen Regimenter... S. 58, 310; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 414–415 (датчане и поляки на шведской службе).

<sup>133</sup> Подробнее: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. История зарождения линейной кавалерии блестящее изложена автором в главе «Преобразование рыцарства в кавалерию» (С. 87–103); вопрос же о соотношении численности роты и полка с численностью эскадрона ни разу не поднимался (см., напр., выдержку из записок Г. де Со-Таванна – Там же. С. 40, 41 (Прим. 40 к гл. 2)).

<sup>134</sup> Епифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.). С. 86, 89.

<sup>135</sup> Брикс Г. О. Р. История конницы... С. 77–78, 136, 138; Tincey J. Soldiers of the English Civil War. L., 1990. Т. 2. Cavalry. P. 7–10, 16, 18.

внушительный вид этого «корпуса» позволил им уйти от преследования<sup>136</sup>!

### *Иноземные офицеры в России*

Приехав в Московское государство, «немецкий» офицер попадал в совершенно иной мир. Главу Рейтарского приказа – боярина кн. И. Д. Милославского – интересовало прежде всего его умение обучать подчиненных «рейтарскому строю» и личные боевые навыки<sup>137</sup>. По сословному статусу служилый иноземец никак не превосходил своих подчиненных – в основном дворян и детей боярских. Не имел он и привычных финансовых рычагов могущества: денежное жалованье, казенную «рейтарскую службу» и «корм» выдавали и ему, и рядовым напрямую дьяки, подьячие или «целовальники», от которых требовалось «за очи, и подставов, и на убитых, и на взятых, и на мертвых, и одному человеку на двух или на трех человек никому нашего жалованья не давать», составлять заручные раздаточные книги и отправлять их в приказ<sup>138</sup>. Зато и жалованье это, невиданных в России размеров, выплачивалось с завидной регулярностью – при том, что, к примеру, П. Гордон за 1,5 года, проведенные в шотландской лейб-роте фельдмаршала Р. Дугласа, «ни разу не получил ни гроша жалованья за вербовку или службу от Шведской короны»<sup>139</sup> и был вынужден пробоваться грабежом и мошенничеством. Описанные выше условия и привлекали на царскую службу сотни военных специалистов, в то же время вызывая у этих «солдат удачи» постоянный дискомфорт и чувство ограничения свободы.

В большинстве случаев и в походе полковники-иноземцы были лишь исполнителями воли воевод, только рационально «уряжая» полки к бою или консультируя по инженерным, артиллерийским вопросам и другим «хитростям ратного строения»<sup>140</sup>. Зато царская служба предоставляла им полный простор для применения своих творческих способностей в чисто профессиональной сфере. Перед Смоленской войной (1632–1634 гг.) полковники сами составляли штаты своих полков и «смету» необходимого вооружения, запасов и «окопных снастей»<sup>141</sup>, и позже наиболее уважаемых из них нередко привлекали в приказы для консультаций.

Датчанин Н. Боуман, «полковник, инженер и гранатных дел мастер», приглашенный на службу русским послом в 1657 г., через два

<sup>136</sup> Гордон П. Дневник. 1635–1659. С. 177–179.

<sup>137</sup> «Перевод с галанского письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исаак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. VI. С. 9 (комментарии А. В. Малова).

<sup>138</sup> Воспроизведение этой стандартной формулы по: Ф. 141. 1654 г. № 100. Л. 110.

<sup>139</sup> Гордон П. Дневник. 1635–1659. С. 194.

<sup>140</sup> Ченеда А. В. да. Известия о Московии... С. 92, 247, 248; АМГ. Т. 3. № 440.

<sup>141</sup> Сташевский Е. Д. Указ. соч. С. 80, 91.

года был уже полковником 3-тысячного полка усиленно инженерного назначения<sup>142</sup>. Он с увлечением показывал землякам «изобретенные им полевые пушки», сверхлегкие, скорострельные и казнозарядные, 12 из которых уже были готовы; ввиду подготовки похода на Украину он «составил проект укрепления из телег, в котором могли поместиться более 1600 всадников и пеших, и которое можно было использовать на коротких и на дальних переходах при нападениях казаков и татар»<sup>143</sup> – то есть, привычный для степной войны, но рационализированный «табор». За отличие при отходе от Конотопа в 1659 г. Боуман был произведен в генерал-поручики и служил еще 10 лет до чина полного генерала. По окончании войны он все-таки «вырвался из этой некультурной страны»...<sup>144</sup>, но через год попросился обратно: в мирной Дании он оказался просто лишним! Но безуспешно: царь редко принимал обратно однажды отказавшихся от его службы офицеров<sup>145</sup>.

### *«Рейтарский строй» в России*

Столь же тщетно на 30 лет раньше слал письма из Вены с просьбой принять его обратно на царскую службу и Самуил Шарль де Эберт – первый русский полковник «рейтарского строя»<sup>146</sup>. Созданный по его проекту кавалерийский полк отличился в боях под Смоленском<sup>147</sup> и был распущен по окончании войны в 1634 г. Тем не менее, значительное число прошедших в нем службу офицеров остались в России, среди поместных и «кормовых» иноземцев<sup>148</sup>, и их опыт был востребован через 15–20 лет. В 1649 г., после образования Рейтарского приказа, доверенное лицо его главы боярина И. Д. Милославского, голландец Исаак Фанбуковен, возглавил новый полк «рейтарского строя»: по сути, этот полк стал офицерской школой для подготовки командного состава пехоты и кавалерии «нового строя» из русских дворян и детей боярских<sup>149</sup>. Одновременно возобновился массовый прием на царскую службу иноземных военных специалистов, уволенных из армий Европы

<sup>142</sup> Цветаев Д. В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 90–91, 299; Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 60. Л. 1об.–2об., 4, 8об., 9 и т.д. (Жалованье полку М. Бовмана, по грамотам из приказа Тайных дел).

<sup>143</sup> Роде А. Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Оделунда в 1659 г. // Проезжая по Московии. С. 299, 301.

<sup>144</sup> Там же. С. 312.

<sup>145</sup> Цветаев Д. В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 299, 321, 322.

<sup>146</sup> Акты о выездах в Россию иноземцев // РИБ. СПб., 1884. Т. 8. С. 322.

<sup>147</sup> АМГ. Т. I. С. 570.

<sup>148</sup> Ф. 210. Книги Московского стола. № 49. Л. 940–1450.

<sup>149</sup> Цветаев Д. В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 707.

пы после Вестфальского мира 1648 г., а также покинувших по политическим соображениям Англию.

Таким образом, у правительства имелись все возможности быть в курсе новейших веяний европейского военного дела 1630–1640-х гг., а в наличии желания к этому вряд ли стоит сомневаться: существует ряд убедительных свидетельств того, что в XVII столетии «народ российский... паче о бранех, неже о книгах, паче об обучении воинском, неже об обучении школьном, тщание имеяше»<sup>150</sup>. Служилый люд с живым интересом относился к нововведениям в ратном деле. Так, дворянин И. А. Бутурлин после Смоленской войны заявил о необходимости сократить гигантские расходы на иноземных офицеров и набрать рядовых из «тунеядцев» – приказных людей, но в самой целесообразности рейтарского полка не сомневался<sup>151</sup>. В 1649 г. рядовые рейтары полка И. Фанбуковена ворчали по поводу своих новых командиров – иноземцев, «что они сами большей частью не служили, а бывшие под Смоленском русские понимают больше них»<sup>152</sup>.

Алексею Михайловичу, любившему любому, хоть самому малому делу придавать свой чин и «уряд», не могли не понравиться стройные и красивые ряды «немецкой» конницы. В августе 1649 г. в Оружейном приказе были сделаны «червчатые» и белые знамена «в Рейтарской в новый полк»<sup>153</sup>, под которыми на встрече польского посольства «стояли рейтарским строем» рейтары «с полковником с Исааком Фандуковым и с начальными людьми»<sup>154</sup>. В апреле 1651 г. царь устроил своеобразные маневры в походе в с. Покровское, в котором центральное место заняли рейтары: «ехали... с полковники и с иными начальными людьми, рейтарским строем, 500 человек»<sup>155</sup>. Одно из его писем к кн. Ю. А. Долгорукому содержит описание тактики рейтар<sup>156</sup>. Среди бумаг приказа Тайных дел сохранились интересные наброски штатной структуры рот, сотен и полков Государева полка (похоже, почерком Алексея Михайловича). Рейтарский полк выглядел так<sup>157</sup>:

<sup>150</sup> Цит. по: Мышиловский А. З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899. С. 5 (из предисловия к латинскому лексикону Максимовича издания 1724 г.).

<sup>151</sup> Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. С. 134.

<sup>152</sup> Цит. по: Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 707 (из донесения Де Родеса).

<sup>153</sup> Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII веке // Вестник археологии и истории... СПб., 1904. Вып. XVI. С. 158 (№ 18).

<sup>154</sup> Записные книги Московского стола 1636–1663 гг. // РИБ. Т. 10. С. 471.

<sup>155</sup> ДР. Т. III Стб. 241, 242.

<sup>156</sup> ЗОРСА. С. 763–764.

<sup>157</sup> Ф. 27. Оп. 1. № 568. Л. 1об.

«Шквадрона»	«Рейтар»			«Драгунов»		
	Число рот	Людей в роте	Всего в шквадроне	Число рот	Людей в роте	Всего в шквадроне
«полковника»	4	2 по 80 2 по 70	300	4	80	320
«полуполковая»	3	1 из 80 2 по 70	220	2	80	160
«у маеора»	3	1 из 80 2 по 70	220	2	80	160
Всего	10		740	8		640

Добавим, что каждая графа исправлена: у полковника, например, предполагалось в 1-й роте 100 чел., в двух – по 80, и в последней – 70. При западной системе комплектования полковник просто мог позволить себе иметь более «полную» лейб-роту; в тактическом же отношении предварительное деление полка на неравные части было неудобно при создании временных эскадронов перед боем. Так что, подобное распределение рот по численности совершенно не имеет западных корней. Зато эти умозрительные «разряды» напоминают уже описанное выше распределение дворян Новгородских пятин по чинам и окладам между разного ранга воеводами в 1654 г. (см. § 1). Да и рассматриваемый список содержит прямую аналогию – первые две сотни жильцов имели по 80, а вторые – по 70 чел.<sup>158</sup> Надо полагать, что перед нами – проект какого-либо небольшого придворного похода (вроде упомянутого похода в с. Покровское) – в боевой практике подобные вещи не встречаются. Таким образом, Алексей Михайлович, образованнейший человек своего времени, находил особую эстетику в ратном деле «иноземного строя».

Перед началом войны путем записи неверстанных и беспоместных «новиков» количество рейтар было доведено до 6 тыс. человек, разбитых на роты по 100 рядовых<sup>159</sup>. В связи с тем, что архив Рейтарского приказа не сохранился, мы не располагаем текстами указов, определявших штатную структуру этих полков – так же, как и их обучение, снаряжение и т.п. Однако, сличение списков личного состава и смет десятков подразделений «рейтарского строя» за 1650–1660-е гг.<sup>160</sup> указывает на наличие единой номенклатуры офицерских чинов: отклонений от нее, не связанных с обычным некомплектом части, единицы.

<sup>158</sup> Ф. 27. Оп. 1. № 568. Л. 1.

<sup>159</sup> Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. 1. Л. 237; Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 286. Л. 111.

<sup>160</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. С. 16–17; Ф. 210, Книги Московского стола. № 56; Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 138–188, 342–460об. (полк Д. Д. Фонвизина) и др.

Эта строгость в соблюдении числа офицеров и иных чинов во многом вызывалась чисто финансовой причиной, ведь величина окладов их месячного жалованья (до 40–50 руб. в месяц!) и корма для лошадей накладывали на дьяков большую ответственность.

Рассмотрим набор этих чинов. В области строевых должностей (офицерских от полковника до прапорщика, а такжеunter-офицерских, музыкантских вплоть до рядовых) отличий от европейских стандартов не наблюдается. Зато мы не найдем разного рода вербовщиков, совершенно лишних в служилом государстве; в штатах нет аудиторов (военных судей), палачей и профосов, так как судебной властью полковники не обладали; священники и мастеровые, если и придавались полкам, получали жалованье и «корм» по другим статьям и не состояли в списках полков; денщики или «пажи» были личными слугами начальных людей и также не включались в штат. Все это ясно свидетельствует, что произошло заимствование именно «рейтарского строя», тактических форм, а не слепое копирование устройства европейской конницы.

Рейтары – большей частью беспоместные дети боярские – получали годовое жалованье в 30 руб. и казенное вооружение, которое, как и конский состав, при утрате в боевых и походных условиях восполнялось за счет казны<sup>161</sup>. В некоторых полках состояли представители более 40 «городов» самых разных концов страны<sup>162</sup>, что лишний раз подчеркивает оторванность рейтар от своих домов. Это позволяло при распределении их в действующую армию больше руководствоваться чисто военными соображениями.

Размеры частей и время их службы зависели не от случайностей вербовки или сроков контракта, как на Западе: в Рейтарском приказе, которому подчинялись все рейтары от рядового до полковника, вели централизованный учет сроков службы, выплаты жалованья и т.д., и наряжали на службу по справедливости. Так, в набросках царя перед совещанием с боярами, осенью 1657 г., одним из пунктов значилось: «И зимовать ли боярина князя Алексея Трубецково полку Денису Фонвисину с полком рейтарским, а ныне он, Денис, и с полком, со столником и воеводою с князь Иваном Хованским, а прошлые зимы в Новгороде и во Пскове зимовал он же, или иному полку зимовать..., а очереди их ведают в Рейтарском приказе, и о том велеть выписать и, поговоря, указать зимовать в Новгороде и во Пскове по очереди»<sup>163</sup>.

<sup>161</sup> Котошихин Г. Россия в царствование Алексея Михайловича. С. 115–116: Ф. 210, Столбцы Московского стола, № 387. Л. 281. (Запрос о нехватке оружия и лошадей у рейтар в Новгороде в феврале 1657 г.).

<sup>162</sup> По списку рейтар полка Д. Д. Фонвизина (Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 138–188, 342–460об).

<sup>163</sup> ЗОРСА. С. 734–735.

В зависимости от этой очереди и от потребностей момента полки направлялись к тому или иному воеводе в размере от 5 до 14–17 рот, хотя большинство их все же имело единообразный состав в 1 тыс. рядовых (10 рот) при 33 начальниках людях<sup>164</sup>. Например, летом 1657 г. из Москвы в поход отправились полки следующего состава<sup>165</sup>:

Место назначения	Командир полка	Рейтар		Драгун	
		Начальники рот	Число рот	Начальники рот	Число рот
г. Царевич-Дмитриев (Динабург)	Майор В. Волжинский	Майор 4 ротмистра	5	–	–
г. Полоцк*	Полковник В. Змеев	Полковник, 2 майора, 7 ротмистров	10	Майор, 2 капитана	3
г. Борисов	Полковник А. Троурнхт	Полковник, подполковник, майор, 4 ротмистра	7	2 капитана	2
	Полковник А-Г Фан Стробель	Полковник, подполковник, майор, 7 ротмистров	10	2 капитана	2

\*В августе 1657 г. переброшен во Псков.

Назначение в состав некоторых полков драгунских отрядов указывает на хорошее знакомство с практикой усиления посредством драгун огневой силы эскадронов. Этот прием имел давнюю историю. Впервые поддержка рассыпанных на пересеченной местности стрелков помогла кавалерии Германского императора, уступавшей в численности и находившейся «в дурном состоянии», одержать победу над отборными французскими жандармами в знаменитой битве при Павии (24 февраля 1525 г.)<sup>166</sup>. Затем имперцы стали применять шахматное построение конных (рейтарских или кирасирских) и пеших полков против осман-

<sup>164</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 146; Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. С. 16–17.

<sup>165</sup> Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183. М., 1908. С. 19.

<sup>166</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. С. 73; Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1. С. 34–35; Pavia // Wörterbuch zur Deutschen Militär-Geschichte. Berlin, 1985. S. 761–762.

ской армии, обладавшей подавляющим превосходством в коннице. К 1616 г., судя по сочинению И. Якоби фон Вальгаузена «Военное искусство кавалерии», в протестантских армиях роль мобильной огневой поддержки копейщиков и кирасир отводилась ротам и командам (по 50 чел.) драгун, а также мушкетерам, размещавшимся среди эскадронов конницы<sup>167</sup>. Шведский король Густав II Адольф в борьбе с польской «гусарской» так отработал методы взаимной поддержки рейтар, драгун и мушкетеров, что некоторые историки до сих пор приписывают ему само «изобретение» данного тактического приема. На заключительном этапе Тридцатилетней войны, а также в ходе Северной войны 1655–1660 гг. и Английской Гражданской, драгунские или мушкетерские команды, иногда даже усиленные легкими пушками, располагались между эскадронами конницы практически во всех армиях. В Россию данный прием пришел уже во время Смоленской войны (со шведскими и протестантским немецкими офицерами), когда рейтарский полк по штату включил в себя роту драгун, а драгунский – отряд рейтар<sup>168</sup>.

Кстати, в западных армиях расстановка в шахматном порядке рейтар и драгун происходила обычно только накануне сражения<sup>169</sup>; организационное соединение двух родов войск в штатах одного полка было редкостью и вызывалось частной инициативой его знатного шефа (гетмана или короля) – в России же подобное становилось практикой.

Если посмотреть на динамику численности этого вида кавалерии в Новгородском разряде, можно легко обнаружить ее связь с оперативной ситуацией на фронте. Первый полк (Д. Д. Фонвизина) был направлен туда при начале войны со Швецией для адекватного противостояния ее рейтарам. При переходе к обороне его разделили пополам и оставили во Пскове и Новгороде еще на год<sup>170</sup>. После поражения новгородцев от шведской кавалерии под Валком (9 июня 1657) во Псков перебросили крупный полк стольника В. А. Змеева (будущего «думного генерала»), с помощью которого разгромили армию графа М. Делагарди под Гдовом<sup>171</sup>. После победных походов кн. И. А. Хованского в Эстляндию часть рейтар «отпустили к Москве»<sup>172</sup>, и во Псковском полку до февраля 1659 г. остались полки, а по сути, шквадроны «полуполковников» Д. И. Зыбина и Ф. Зыкова<sup>173</sup>.

<sup>167</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. С. 74; Марков С. Л. История конницы. С. 66, 156–157; Рюстов Ф. В. фон. История пехоты. СПб., 1876. Т. 2. С. 108.

<sup>168</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 136.

<sup>169</sup> Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. Vol. 2. P. 15–16.

<sup>170</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 138, 138об., 159, 159об.

<sup>171</sup> Сборник МАМЮ. Т. 6. С. 340–343.

<sup>172</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 143.

<sup>173</sup> Там же. № 120. Л. 113, 247; Ф. 233. Оп. 1. № 90. Л. 106, 590.

Московские рейтары являлись очень дорогим для казны видом конницы: до 35 тыс. руб. в год тратилось только на жалованье среднему полку, а еще оружие, знамена, лошади... Однако, затраты оправдывали себя: боевая эффективность новых полков ни у кого из воевод не вызывала сомнений, и к концу 1650-х гг. командование окончательно пришло к выводу, что «рейтары на боях крепче сотенных людей»<sup>174</sup>. Кстати, особенно ярко это проявилось во время походов войск Новгородского разряда в Прибалтику, что заставило правительство принять довольно кардинальное решение по реформированию кавалерии...

### Выводы

В воины 1654–1667 гг. конница Новгородского разряда вступила со своей традиционной военно-сословной структурой, созданной усилиями правительства московских великих государей от Ивана III до Михаила Федоровича.

Основную ее массу составляло привилегированное сословие служилых людей «по отечеству» – городовых дворян и детей боярских, помещиков тех уездов, которые организационно относились к разряду. Служба и отношения внутри их корпораций регулировались неписанными законами чести, местничества в той же мере, что и государственными указами. Прочность позиции служилых людей по отечеству заставляла воевод считаться с интересами этого сословия – при назначениях на службу, выплате жалованья, верстании и, как правило, при принятии боевых решений. В боевом отношении существовало качественное неравенство внутри и между корпорациями, что требовало создания отборных сводных подразделений и более внимательного, личностного отношения к каждому дворянину.

Второй по численности и военному значению группой служилых людей разряда, несшей преимущественно конную службу, были городовые казаки, наследие бурного Смутного времени. Всего несколько десятилетий оседлой жизни в городских казачьих слободах превратили их в сословие, по своему положению близкое к стрельцам, пушкарям и прочим служилым людям «по прибору». Большинство станиц стали подразделениями столь же постоянной численности, что и стрелецкие сотни, а должности атаманов и есаулов теряли боевое значение, иногда становились наследственными званиями, возможно, только сохраняя некоторую роль во внутренней жизни станицы. Вместе с тем, мощное в плане самосознания отличие вольных казаков от остальных государственных служилых людей не могло исчезнуть столь же быстро, и традиционные боевые навыки, а также неприятие оседлой жизни ча-

<sup>174</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 146.

сто использовалось воеводами в военных или иных целях. В боевом отношении (по стойкости и вооружению) лишь поместные казаки приближались к дворянам и детям боярским; некоторые станицы вообще несли пешую службу.

В организационно-тактическом плане в начале войны наблюдается внешняя однотипность полковой структуры конницы: вся она сведена в сотни во главе с сотенными головами. У дворян и детей боярских сотни обычно включают в себя представителей одного уезда, а внутри его – родственников и соседей; у казаков – все выступившие в поход станицы одного города. Сотни подчиняются главному воеводе территориального (разрядного) полка или одному из его товарищей, образуя конницу соответствующих воеводских полков. Вместе с тем, они сильно различаются между собой как по численности, так и по качеству снаряжения; несомненно, их боевая ценность зависит и от сословной принадлежности «сотенных людей».

Первые же походы ознаменовались нововведениями и изменениями в этом, по-своему стройном, порядке полковой службы конных ратных людей. В 1654 г. помещики Новгородских пятин были распределены по полкам и сотням не по семейно-соседскому, а по более формальному принципу – по чинам и окладам. Впрочем, вскоре пришлось отказаться от этого больше парадного мероприятия – видимо, ввиду сложности учета и неудобства для дворян. Отметим еще и ставшее правилом формирование в каждом воеводском полку отборных подразделений – Выборной и Подъезжей сотен.

Казачье сословие, менее замкнутое, было пополнено несколькими новыми отрядами. Прежде всего, это станицы донских казаков, некоторые из которых – как и «черкасская сотня» (отряд запорожцев) – на долго остались в составе войск Новгородского разряда. Кроме того, из русского населения Ижорской земли в ходе русско-шведской войны образовались станицы конных копорских и пеших сомерских «вольных казаков». Наконец, один из отрядов (ладожская станица) был переведен в конную службу.

И все же, все указанные нововведения в целом не выходят за рамки традиций: и прибор вольных людей, и различные варианты создания отрядов из дворян встречаются и ранее и не противоречат принципам сословности военной службы как таковой. Предвестником более глубоких изменений стала присылка в Псков и Новгород подразделений принципиально нового для России типа – полков «рейтарского строя».

Личный состав их – это такие же служилые люди «по отечеству», формально сохранившие принадлежность своим городам или, в случае с иноземными офицерами, к сословной группе служилых иноземцев («старого» или «нового выезда»). Но и материально, и организационно они вырваны из этих корпораций: большинство их бес- или пустопо-

местные, а назначение на службу получают не из Разрядного, а из Рейтарского приказа. Последний определяет их принадлежность к той или иной роте и полку, а также очередь выступления на службу.

Еще более разительно их отличие в организационной структуре и, естественно, способе боя. Все это подчинено требованиям «рейтарского строя» – т.е., выработанной на Западе линейной кавалерийской тактике. Рейтары сведены в роты и полки единообразной штатной численности во главе с опытными начальными людьми – иноземцами и русскими; в бою они действуют в шеренгах и рядах эскадронов, строго подчиняясь западного образца командам и сигналам труб и литавр. Важно отметить, что новый порядок их организации и регулярного обучения изначально предполагал возможность объединения в одном строю ратных людей разных сословий. В пехоте последнее уже произошло, и лишь не вполне боевые причины (удобство учета и комплектования), а также сословное сознание, особо сильное в таком консервативном роде войск, как конница, еще удерживали подобный процесс у рейтар.

В плане материального обеспечения конных ратных людей наблюдается неуклонное усиление роли денежного жалованья, а также само-снабжения на территории военных действий, в ущерб традиционному поместному обеспечению. Именно возможность, благодаря чеканке медных денег и «ефимков с признаком» и иным мероприятиям этого рода, платить более частое и крупное денежное жалованье позволила увеличивать казачью конницу, более интенсивно использовать поместную (в т.ч. и в зимних походах), а также содержать значительное количество рейтарских подразделений. Успех финансовой политики, пик которого пришелся на конец 1650-х гг., и стал еще одной важной предпосылкой нового этапа военных реформ в России.

---

## ГЛАВА 2

---

### ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОННИЦЫ В 1659–1662 ГГ.

#### § 1. Разбор 1659 г. и создание полков «рейтарского строя» в Новгородском разряде

Окончание Рижского похода Алексея Михайловича (осень 1656 г.) знаменовало собой начало длительной паузы в широкомасштабных боевых действиях. Правительство использовало это время для осмысливания уроков прошедших и текущих (в Прибалтике) кампаний и серьезных военных преобразований. В частности, уже по дороге из-под Риги особые комиссии произвели «выбор» из возвратившихся полков лучших солдат для новой царской гвардии – «Государева выборного полка солдатского строя», с исключительно русским начальным составом<sup>11</sup>. Что же касается конницы, то здесь выбор был окончательно сделан в пользу рейтарского строя. Массовое производство в офицерские чины опытных рейтар, крупные закупки за рубежом и налаживание собственного производства «рейтарской службы» – карабинов, пистолетов, лат и шишаков, – новая чеканка медной монеты и «ефимков с признаком» для жалованья ратным людям, – все это создало условия для перевода в «новый строй» уже большей части существующей конницы, что и было сделано. Так, в 1658 г. по разбору думного дьяка С. Заборовского 5 тыс. служилых людей Белгородского разряда были определены в драгуны, а 2,4 тыс. – в рейтары; на следующий год все оставшиеся еще в сотнях разрядного полка 2050 дворян и детей боярских также перешли в рейтарский строй, так как «рейтары на боях крепче сотенных людей»<sup>22</sup>. Одновременно, в июле 1659 г., было запрещено «писать в рейтары на Москве» (т.е., в старые полки) детей бояр-

<sup>11</sup> Малов А. В. Начало выборных полков – предшественников Петровской гвардии // «За веру и верность»: 300 лет Российской императорской гвардии: Тезисы научной конференции. СПб., 2000. С. 56–59; Он же. Русско-шведская война 1656–58 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековые и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 126–149.

<sup>22</sup> Чернов А. В. Строительство... С. 373, 457, 468, 898–900.

ских «украинных» и «польских» городов «по черте и за чертой»<sup>3</sup>, что указывает на несколько иной статус новых рейтарских полков: по области комплектования и подчинению они принадлежали исключительно своему разряду (военно-территориальному округу), жалование для рядовых получали не из Рейтарского, а из Разрядного или каких-либо финансовых приказов, и в значительной мере являлись лишь новой формой тактической организации служилого «города»...

После Белгородского очередь дошла до Смоленского и Новгородского разрядов, где с 1659 г. также стали формировать рейтарские части<sup>4</sup>.

### *Разбор 1659 г.*

Как уже говорилось, в победоносном январском (1659 г.) походе на Браславль и Мядзелы участвовала едва половина конницы «сотенной службы» Новгородского разряда: большинство дворян оказались не готовы к нему и разъехались по домам в период завершения «посольских съездов» со шведами в Валиесаари (перемирие там было заключено 20 декабря 1658 г.). По их словам, «немецкие и свитцкие люди, устрашаясь столника и воевод князя Ивана Ондреевича Хованского с товарищи и убояся твоих государевых ратных людей – нас, холопей твоих, – [...] учили мирной договор, и та немецкая служба в совершение [пришла]»<sup>5</sup>. А в середине февраля с богатой добычей вернулись по домам и участники битвы под Мядзелами<sup>6</sup>. Через месяц Хованского вызвали в Москву<sup>7</sup>, где на Вербное воскресенье (27 марта 1659 г.) он был пожалован в бояре с почетным титулом «наместника Вятского».

Тогда же царь сделал первую, довольно неуклюжую попытку централизовать управление Новгородским разрядом, послав Государево знамя новгородскому воеводе боярину кн. Ф. Ф. Куракину и указав псковскому воеводе Хованскому, подобно воеводам пригородов и застав, писать «о своих государевых делах» тому же новоиспеченному «наместнику Псковскому», т. е. ссылаясь с Москвой через Новгород. Конечно, гордый своими победами Тарапуй возмутился и пригрозил, что ему «есть чем бить челом» на Куракина, который был, по сути, администратором и не ходил лично на литовцев и шведов; в итоге, указ

<sup>3</sup> Там же. С. 457.

<sup>4</sup> О смоленских рейтарах см. указ от 21 февраля 1659 г. (ПСЗРИ. Т. I. С. 483 (№ 246)).

<sup>5</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 290, 291 (Челобитная Новгородского разряда ратных людей всех городов), 292.

<sup>6</sup> Рейтары Ф. Зыкова были членом об отпуске 10 февраля 1659 г. уже в г. Икажно, по пути обратно (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 247). Послужные списки участников боя и книги раненых прибыли в Москву 3 и 7 марта 1659 г. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 114, 263).

<sup>7</sup> Ф. 210. Оп. 17. № 214. Л. 4.

был отменен<sup>8</sup>. Судя по фактическому положению дел в 1659–1661 гг., Хованский сам получил Государево знамя и командование над всем «полком Новгородского разряда» (его полевыми войсками), номинально сохранив за собой и воеводство во Пскове<sup>9</sup>, а Куракину (как и сменившему его кн. И. Б. Репнину) было доверено координировать высылку ратных людей, сбор денег и запасов, подвоз их и другие важные тыловые задачи и вообще городовые дела разряда<sup>10</sup>. В период же между роспуском и новым сбором общего полка псковский, новгородский и остальные воеводы разряда ведали ратными людьми только своих уездов.

В выписке о государевом указе от 18 апреля 1659 г. впервые упоминается новый разбор ратных людей Новгородского разряда: «а велено для службы дать государева денежного жалованья дворянам и детем боярским и новокрещеном: которым по разбору быть в полковой службе в сотнях, тем по 15 рублей, *рейтарам по 30 рублей* (выделено мной. – *O. K.*)»<sup>11</sup>. Служилые люди в своей члобитной называют примерно это же время: «В прошлом, государь, во 167-м году по твоему государеву указу велено нам, холопем твоим, быть на твоей государевой службе в Великом Новгороде и во Пскове у разбору. И высланы мы, холопи твои, из домишков своих в Великий Новгород и во Псков *вешним путем, в водопол, без запасов*»<sup>12</sup>.

Еще 16 февраля во Псков шли грамоты о рейтарских начальных людях полков Д. Зыбина и Ф. Зыкова, остававшихся там с 1657 г. (см. Гл. 1), но 27 марта впервые упоминается производство в офицеры уже в новом «рейтарского строю в Денисове полку Фонвизина» в Новгороде<sup>13</sup>. Д. Д. Фонвизин еще в декабре 1658 г. возглавлял свой старый полк под Смоленском и Витебском<sup>14</sup>, но теперь, после его роспуска по домам, должен был прибыть в Новгород с уже готовым штатом начальных людей. Итак, указ о создании конницы «рейтарского строя» Новгородского разряда был отдан около марта 1659 г. – вспомним, что смоленские рейтары формировались по грамоте от 21 февраля. Разбор

<sup>8</sup> ДДР. Стб. 179, 180, 182.

<sup>9</sup> Грамоты во Псков выдавались на имя Хованского и в период нахождения последнего в походах: См. например: Ф. 233. Оп. 1. № 94. Л. 55 об. (сентябрь 1659 г.); № 96. Л. 133 (февраль 1660 г.); № 101. Л. 81 об. (сентябрь 1660 г.) и др. Фактически воеводой там оставался его товарищ, кн. Т.И. Щербатов.

<sup>10</sup> Так, кн. Г. С. Куракин должен был переслать во Псков кн. Т. И. Щербатову государев указ о молебне по случаю восстановления подданства Малой России (4 ноября 1659 г.) (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 505–508).

<sup>11</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 432. Л. 33.

<sup>12</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 84.

<sup>13</sup> Ф. 233. Оп. 1. № 90. Л. 590; № 91. Л. 229.

<sup>14</sup> Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 99–100 (№ 47); Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. Л. 183 (состав отряда О. Сукина).

продолжался и в мае<sup>15</sup>, но должен был завершиться до августа, когда полк кн. Хованского прибыл в Полоцк<sup>16</sup>. Правда, догонявших его «новиков 168 году» (с сентября 1659 г.) продолжали «разбирать» и определять в сотни или рейтары<sup>17</sup> – отныне такая практика стала обычной.

В Новгород для разбора прибыли дворяне и дети боярские из всех новгородских пятин, Твери, Торжка и Старицы. Там же собирались конные новгородские, копорские, сомерские, ладожские и оставленные на службе донские казаки. Помещиков из Пскова, Лук Великих, Торопца, а также псковских, опочецких и луцких казаков разбирали во Пскове. Оценивая боеспособность каждого служилого человека, воеводы, дьяки и «окладчики», как обычно, зачислили постаревших и искалеченных соратников в отставные; многих отправили по домам из-за их молодости; несколько человек даже оказались «в избыльных», по каким-то причинам не принятых в полковую службу на этот год<sup>18</sup>.

В результате, сильно поредели «сотни» городских казаков: отныне в Новгороде, на Опочке, во Пскове и Луках Великих большая их часть получила название «казаков рейтарского строя»; ладожские стали рейтарами поголовно; в полк Фонвизина попали донские казаки из Новгорода. Зато черкасы, а также отряды бывших «вольных казаков» – копорских и сомерских – сильно сокращенные при разборе, остались полностью в сотенной службе.

Но наиболее серьезные изменения в связи с записью в рейтарский строй претерпела структура «служилых городов» Новгородского разряда. Принцип отбора в рейтары, на первый взгляд, был прост: ими становились наименее обеспеченные поместьями дворяне и дети боярские. Кроме того, необходимо было «уложиться» в, должно быть, заранее установленные нормы – 1000 человек во Пскове и 1800 – в Новгороде (возможно, с этим связано появление категории «избыльных»). В целом все это соблюдалось. Так, из новгородцев 400 чел. остались в сотнях, а 1500 чел. записали в рейтары (21 и 79% соответственно); при этом, по данным писцовых книг 1646 и 1678 гг., около 85% этих помещиков имело менее 10 дворов крестьян. У состоятельных псковичей цифры получились другие: их среднее поместье равнялось 20 дворам в 1646 г. и 13 – в 1678 г., соответственно, 66 чел. остались в сотенной службе, а 90–100 чел. стали рейтарами<sup>19</sup>. Поскольку обеспеченность дворами даже внутри одной семьи сильно разнилась, близкие родственники попали

<sup>15</sup> Ф. 233. Оп. 1. №. 92. Л. 29.

<sup>16</sup> Ф. 27. Оп. 1. №. 176. Л. 69; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 87–88 (грамота к Хованскому в Полоцк от 7.09.1659).

<sup>17</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. Кн. 6. Л. 168, 590об., 631об., 841; Поручные записи и сказки авг.–сент. 1659 г. см.: Ф. 141. 1626 г. № 7. Л. 187–191.

<sup>18</sup> АМГ. Т. 3. С. 231; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 349. Л. 595.

<sup>19</sup> Аграрная история.... С. 82, 95–96, 103.

в разные разряды конницы: так, старичанин Иван Ильин сын Хомутов стал рейтаром, а его родной брат Василий остался сотенным<sup>20</sup>. Но все же именно родовое самосознание служилых людей «по отечеству» и присущее им понятие «чести» ярко проявилось и при этом разборе.

При изучении «сказок» ратных людей о своих поместьях обращает на себя внимание наличие не только среди рядовых сотенной службы, но и среди завоеводчиков и есаулов беспоместных и пустопоместных дворян и детей боярских<sup>21</sup>. В чем же причина такого несоответствия?

Рассмотрим более пристально обстоятельства данного разбора. Государству необходимо было, с одной стороны, в целях повышения боеспособности своих ратных людей сформировать из беднейших рейтарские полки, где те будут получать крупное жалование и казенную «рейтарскую службу», а также различные компенсации, и при этом регулярно обучаться новому способу боя и соблюдать более строгую дисциплину. С другой стороны, хорошо обеспеченных дворян, которых все же было немало в Новгородском разряде, и таких же казаков следовало оставить в «сотнях», что экономило бы средства казны. В свою очередь, дворянин должен был понимать, что в обмен на статус рейтара и регулярное жалование он включается в новую, иную систему прохождения государевой службы. Чиновное деление на городовых, дворовых и выборных, перевод из чина в чин и оклады сохранялись, но параллельно устанавливалась шкала европейского образца званий; отныне повышение по должности могло происходить под контролем полковника, воеводы и Рейтарского приказа только по линии «начальных людей рейтарского строя» (в прапорщики и далее), на вакантные (т.н. «убылье») места. В награду за полонное терпение или ранение рядовой рейтар не мог уже попасть на воеводство или «на приказы» (в стрелецкие или казачьи головы и т.д.); его не назначали и на престижные временные командные должности в «полковой службе» (сотенные или иные головы, есаулы и т.п.).

От лица государства разборы осуществлял боярин «со товарищи», в т.ч. с дьяком, а также «окладчики» – собственно, верхушка «служилого города»<sup>22</sup>. Эти представители знатнейших родов вполне могли повлиять на результаты разбора в выгодную для себя сторону, в частности, игнорируя размер поместья дворянина на данный момент.

Так, в рейтарах мы не обнаружим никого из князей Мышецких и Елецких, хотя среди первых, по крайней мере, двое были беспоместными<sup>23</sup> (из 9 чел.). Из 7 чел. помещиков Водской пятини Елагиных только один стал рейтаром, тогда как из оставшихся еще четверо на-

<sup>20</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 305, 246.

<sup>21</sup> Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 25об., 29 и далее.

<sup>22</sup> Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века. С. 90–92.

<sup>23</sup> Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 22, 24об., 30, 30об., 31, 120.

звались в «сказках» беспоместными<sup>24</sup>. Похожая ситуация с псковичами Нашокинами и Елагинами, да и с другими знатнейшими родами Новгородского разряда, представители которых ранее чаще всего бывали «головами» сотен и приказов, воеводами, окладчиками и т.п. Таким образом, служба в сотнях была в глазах дворян гораздо «честнее» рейтарской, что и отразилось на результатах «разбора».

В конечном итоге, было создано три полка рейтарского строя. В Новгороде из дворян и детей боярских Водской, Шелонской и Деревской пятин, Твери, Торжка и Старицы, новгородских новокрещенов, а также новгородских и донских казаков, образовали «1-й новгородский полк» в 1 тыс. чел, первоначально под командой Дениса Фонвизина. Помещиков Бежецкой и Обонежской пятин и ладожских казаков свели в другой полк – Мартина Ретца (Реца), что составило всего 800 рядовых. У Хованского во Пскове в полк Томаса Бойта вошли псковичи, пусторжевцы и невляне «по Пскову», лучане и торопчане, дополненные рейтарами из псковских, луцких и опочецких казаков – всего также 1 тыс. чел.<sup>25</sup> Итак, в едином строю одной роты стали прежние антагонисты – дворяне и казаки, причем вперемешку из разных городовых отрядов<sup>26</sup>. Возможно, формирование проходило по мере прибытия их на службу, поэтому затем приходилось хлопотать о переводе в другую роту: 3 октября 1660 г. даже в Москве была дана грамота «по челобитью лучанина рейтарского строю Матвея Никитина сына Пестрикова: велено ему служить в одной роте с братьями»<sup>27</sup>. С созданием новых полков многие рейтары продолжали рассматривать роты как прежние сотни: они в основном закупали хлебные запасы и конские нормы за счет жалованья, но при этом не теряли связь с поместьями, в целях самообеспечения<sup>28</sup>, что сохраняло заинтересованность в службе с родственниками. Но замечательно, что воеводы при комплектовании рейтарских рот уже сочли возможным этот мотив проигнорировать, чего они не позволяли себе при росписи в сотни в 1656–1658 гг.

Как и в прежней «сотенной службе», у полков сложилось своеобразное, но довольно устойчивое старшинство. Первым в списках (по смотрам, потерям и т.д.) шел «1-й новгородский полк» Д. Фонвизина, затем псковский (по месту формирования) Т. Бойта, и, наконец, меньший из новгородских полков М. Реца. Роты (по 10 в первых двух и, видимо, 8 в последнем) различались по номерам и насчитывали изначально по 100

<sup>24</sup> Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 30, 31об., 73об., 81.

<sup>25</sup> Подсчитано по: АМГ. Т. 3. С. 117–119 (№ 126).

<sup>26</sup> Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 275–360 – списки 1-й – 4-й рот полка А. П. Данилова (псковского, бывшего Т. Бойта) за 6 августа 1660 г.

<sup>27</sup> Ф. 233. Оп. 1. № 101. Л. 158.

<sup>28</sup> Судя по их челобитной от 28 июня 1660 г. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 84–87).

рядовых. Высоким моральным духом, успехами в походе и немалым частым царским жалованьем можно объяснить, что даже через год после создания полков их некомплект «по нетям» не превысил 5% (159 чел.)<sup>29</sup> – ранее невероятно малое число для новгородской дворянской конницы!

По мере этого разбора воеводы проводили и обычную «роспись в сотни» – в отношении дворян и казаков, оставленных ими в «сотенной службе». На протяжении всех последующих походов этой войны сотенная структура больше принципиально не менялась. Возглавляли списки Выборная и Подъезжая (или Ертоульная) сотни – но отныне по одной на весь разрядный полк<sup>30</sup>. Остальные дворяне и дети боярские составляли городовые сотни – 9 в 1659 г. и 5 – 6 после битвы при Полонке (18 июня 1660 г.).

Теперь в один отряд чаще всего сводили представителей двух и более «городов» или пятин, и принцип отбора «сотенных» сделал их своеобразной элитой войска, что принципиально отличает сотню до разбора 1659 г. от сотни после этого разбора. В списках они стояли выше рейттар, а ниже последних находились отряды казаков (городовых, донских и вольных). «Черкассы» заняли более высокое положение, близкое к новокрещенам (практически, на правах служилых людей «по отечеству») – их название теперь звучало как «новгородцы иноземцы черкасы»<sup>31</sup>. На 1659 г. сотенных людей насчитывалось до 1300 чел.<sup>32</sup>, что составило треть от числа всей конницы разряда. Надо сказать, что их удельный вес в «полковой службе» по мере продолжения войны увеличивался. И дело здесь не в какой-то сознательной политике, а напротив – в суровых реалиях войны: потери и уклонение от службы у рейттар были намного выше, а на подкрепление Новгородского разряда редко удавалось прислать конные полки «нового строя». Обычно это были разнообразные казаки (донские, смоленские, полоцкие и др.), белорусская (чаще всего полоцкая) шляхта (1659–1663 гг.), а в 1661 г. – еще и отряды астраханских татар.

## § 2. «Литовский поход 7168 г.» кн. И. А. Хованского и создание конницы «гусарского строя»

Итак, к августу 1659 г. вновь созданный единый полк Новгородского разряда собрался в Полоцке, в ноябре, по «первому зимнему пути»,

<sup>29</sup> АМГ. Т. 3. С. 117–119 (№ 126).

<sup>30</sup> В «чиновной росписи» полка кн. А. И. Хованского 1661 г. Подъезжая сотня не обозначена (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 52 – 63), однако, в июле – сентябре существовала сводная сотня (ертоул) А. Т. Нащокина и И. С. Валуева (АМГ. Т. 3. С. 409 (№ 471), 424 (№ 492); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 235, 247).

<sup>31</sup> Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 134.

<sup>32</sup> Подсчитано по: АМГ. Т. 3. С. 117–118 (№ 126).

двинулся на запад, освободил от перманентной блокады местной шляхты г. Вильно, а затем с яростью обрушился на изменившие царю юго-западные поветы Литвы в направлении Бреста. Русские документы по этому походу сохранились плохо, но он оставил необычайно глубокий след в польской мемуаристике и историографии. Б. Радзивилл, описывая в письме начало кампании, так изобразил конницу русских: «Под Хованским … 90 корнетов (рот. – *O. K.*) рейтарии, снабженной пистолетами и бандолетами (карабинами. – *O. K.*), каждый силой в 60 или 70 коней, 5 хорунг думных бояр, под каждой 100 коней… Под Щербой (кн. С. А. Щербатов, товарищ Хованского. – *O. K.*)… 30 корнетов рейтарии такой же силы, 3 кампании цесарской лейб-гвардии по 100 коней…»<sup>33</sup> В описании замечательны два момента: источник Радзивилла, впечатленный рейтарами Хованского, совершенно не заметил отрядов шляхты и городовых казаков (хотя, видимо, и посчитал их всех вместе), а сотни дворян снабдил пышными титулами «думных бояр» и «лейб-гвардии». Полковник М. Обухович, попавший в плен к Хованскому 15 января 1660 г. при Малчиках, в своих воспоминаниях уже уверенно определил появление русских рейтар на поле боя<sup>34</sup>.

Взяв Лиду, Гродно, Брест, Новогрудок, осадив Ляховичи и Несвиж и приведя вновь к присяге окрестную шляхту, Хованский должен был вести себя как полновластный наместник огромного края и оперативно реагировать на возникающие угрозы. Так, когда «державца Белицкий» Ф. Рор стал нападать на русских, «Хованский послал две хорунги рейтарские хватать его как шиша (разбойника. – *O. K.*) и Белицы сжечь, а шляхту лидскую грабить и рубить». Вскоре туда же он отправил «Василия Богдановича Данилова подполковника (заместитель раненого Т. Бойта<sup>35</sup>. – *O. K.*) [с отрядом] в тысячу человек хватать Рора»<sup>36</sup>. Как можно увидеть из этих примеров и по «книге раненых» похода<sup>37</sup>, основными участниками «посылок» оставались рядовые дети боярские (только теперь «рейтарского строя»): Подъезжую сотню боярин послал на разведку только 17 июня, за день до решающей битвы, и снова усилил ее рейтарами<sup>38</sup>. Заметим, что на Западе рейтары и кирасиры были тяжелой

<sup>33</sup> Цит. по: *Kotlubaj E. Galereja Nieswiezska portretow Radziwillowskich. Wilno, 1857. S. 222 (№ 14)* – письмо от 9.01.1660. (н. ст.).

<sup>34</sup> *Pamietniki historyczne do wyjasnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku / Wyc. M. Balinskij. Wilno, 1857. S. 66.*

<sup>35</sup> АМГ. Т. 3. С. 118 (№ 126).

<sup>36</sup> *Maskewiczy S. i B. K. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kaziemierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wroclaw, 1961. S. 300–301.*

<sup>37</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 1–64.

<sup>38</sup> Путая, видимо, А. Л. Ордина-Нащокина с сотенным головой Ульяном Нащокиным, Пасек пишет: «[Хованский] послал ведь Нащокина, второго гетмана, на несколько миль вперед себя, с пятью тысячами отборных людей, чтобы нас поприветствовал [...]】 Даже когда перед этим того самого Нащокина

кавалерией, наследницей традиций рыцарства, и для местных операций там предпочитали легкую конницу (казаков, кроатов, венгерских гусар и т.д.) или драгун. В нашем же случае мы видим прямо противоположную картину, связанную с прежними обычаями дворянской конницы. Добавим, что когда во втором штурме Ляхович (15 мая 1660 г.) приняли участие не только солдаты и стрельцы, но и все кавалеристы, включая сотенных людей<sup>39</sup>, это произвело огромное впечатление на царя. Разная «честность» в XVII в. была присуща и различным видам чисто боевой деятельности, так что подобное усердие и самоуничтожение до чисто пехотной задачи вызвало особую похвалу Алексея Михайловича...<sup>40</sup>

Битва при Полонке 18 июня 1660 г. стала роковым рубежом в истории Новгородского разряда. Невиданный разгром – после целого ряда непрерывных побед (с 1657 г.), – гибель и пленение сотен дворян и детей боярских и более половины пехоты, потеря обоза и всех «животов» ратных людей – все это решительным образом сказалось прежде всего на моральном духе новгородской конницы. «Дробны, за грех наш, ратные люди стали, не видев неприятельских сабель, бегут неведомо от кого, не остаются ни мало... огурисся за грех, многие обезстыдили, поехали по домам»<sup>41</sup>, – сокрушался князь Хованский – сам, даже по отзыву своих противников, человек «отважного сердца»<sup>42</sup>.

Отступив с боя под Ляховичи, а оттуда с частью обоза и пехоты – в Погоцк<sup>43</sup>, боярин стал предпринимать усилия по восстановлению войска. Всем ратным людям было выплачено повышенное жалованье (до 70 руб.); количество рот в полках и сотен было уменьшено, и назначены новые командиры<sup>44</sup>. Но для повышения морального духа и боеспособности требовались необычные меры, и решение, судя по всему, подсказал сам ход последней битвы...

Шок, испытанный войсками Хованского при Полонке, не мог не связываться в их памяти со впечатляющими атаками польских «крылатых»

посыпал, поручил ему предприятие: «Чтобы старался живьем взять Чарнецкого и Полубенского, чтобы Гонсевскому было с кем повеселиться (гетман Гонсевский, взятый в плен в 1658 г., сидел в это время в Москве. – О. К.)» – *Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / opr. J. Czubek. Lwow, [1929].* S. 92–93 – о составе указанного отряда см.: АМГ. Т. 3. С. 117–119 (№ 126); Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 39об.

<sup>39</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 25об.–27.

<sup>40</sup> Ф. 27. Государственный архив. Разряд 27. № 176. Л. 78–79.

<sup>41</sup> АМГ. Т. III. С. 208 (№ 220): отписки от 26.10.1660.

<sup>42</sup> *Maskiewicz S. i B.K. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII).* Wrocław, 1961. S. 271.

<sup>43</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 86–87; АМГ. Т. 3. С. 118–119 (№ 126).

<sup>44</sup> См. списки конницы разряда на август 1660 г. (Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64) и март 1661 г. (Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 85–193).

гусар, определившими исход противоборства<sup>45</sup>. Теперь воеводы даже других русских полков особенно стали стараться выведать у «языков» количество именно гусарских хорунг в противостоящих отрядах<sup>46</sup>.

Польские «крылатые» гусары, постепенно «утяжеляясь» на протяжении XVI в., превратились в тяжелую ударную конницу рыцарского типа, прекрасно приспособленную к условиям Восточной Европы (в отличие от «облегчавшихся» в то же самое время венгерских гусар). Организованы они были на польский манер в «хорунги», отличаясь от «казачьих» или «воловских» более знатным составом и крупной численностью (до 200 – 250 чел.). «Товарищи» – шляхтичи поступали «под хоругвь» со своим «почтой» – боевой челядью, от одного до трех человек; таким образом, «пocht» являлся прямым наследником и аналогом средневекового «копья», включавшего боевых слуг и оруженосцев рыцаря.

Гусар был вооружен особым нарядным копьем, полым от наконечника до «яблока» (место ухваты), почему при всей своей длине (до 5 м) оно обладало относительной легкостью, а также целым арсеналом иного холодного и огнестрельного оружия (сабли, кончары, пистолеты, карабины и т.п.). Баснословно дорогими были их аргамаки восточных кровей и особые гусарские доспехи, снабженные леопардовыми или тигриными (у челядников – медвежьими или волчьими) шкурами и, иногда, знаменитыми «крыльями» – роскошно отделанными рамами с рядами перьев, крепившимися за спину на доспех или седло. Гусары были настоящей элитой не только войска, но и общества Речи Посполитой<sup>47</sup>. На поле боя они наносили решающий копейный удар на полном скаку, особенно эффективный против линейных построений, но могли и менять тактику, благодаря своему многообразному вооружению. Так, при Полонке они вначале произвели удачную атаку из засады на русскую пехоту «с палашами»<sup>48</sup> – сберегая хрупкие копья для последнего натиска.

В России свои роты гусар впервые появились в Смоленскую войну 1632–1634 гг. и комплектовались первоначально выходцами из Речи Посполитой. К 1654 г. они были развернуты в тысячный полк «гусарского строя» за счет беспоместных «новиков» из детей боярских<sup>49</sup> – наподобие первых рейтарских полков. Но этот-то набор «худых» и «непожалованных» служилых людей и предопределил их главное несответствие гусарскому стандарту: русский и польский гусары стали занимать слишком несопоставимое положение в обществе и армии (по

<sup>45</sup> Kurbatow O. A. Polonka 1660 – spojrzeniye z Moskwy. S. 33–34.

<sup>46</sup> См., например: АМГ. Т. 3. С. 166 (№ 186).

<sup>47</sup> Nagielski M. Choragwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i króla Jana Kazimierza w latach 1648–1666... S. 109–138.

<sup>48</sup> Łos. Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi pancernej ... Krakow, 1858. S. 53.

<sup>49</sup> Чернов А. В. Строительство... С. 988; Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. С. 348, 354.

имущественному статусу и знатности). Достаточно сказать, что их численность в самой Речи Посполитой в это время снизилась до 2 тыс. человек и продолжала падать<sup>50</sup>. Русские гусары торжественно выступают из Москвы весной 1654 г. и... пропадают из документов уже через год. Судя по всему, они не оправдали себя и были переведены в рейтарский строй<sup>51</sup>. Тактические выгоды заставляют в 1658 г. создать подобные ударные части из рейтар Белгородского разряда, но этих украинных детей боярских правды ради прозвали уже просто «копейщиками».

Дальнейший ход событий на просторах Восточной Европы буквально воскресил в Польше этот вид кавалерии. Говорит об этом прямо итальянец С. Цефали, секретарь гетмана Любомирского: «Гусарские хорунги были почти заброшены в войнах с казаками и татарами, т.к. мало были пригодны в столкновениях с неприятелем, незнакомым с регулярным военным искусством. Но когда началась война со шведами и «московой», они вновь приобрели прежнее значение»<sup>52</sup>. В высшей степени мобильные гусарские хорунги, при грамотном командовании, представляли серьезную угрозу для неуклюжих линейных построений рейтар и пехоты – что в полной мере испытали на себе ратники Хованского при Полонке...

Вероятно, где-то в конце августа–сентябре 1660 г., когда большинство сотенных и рейтар снова собралось в Полоцке и получило жалованье, боярин приказал «выбрать» из каждого рейтарского полка по 100 рядовых для рот «гусарского строя»<sup>53</sup>. Никакого указа о принципе отбора, как и в случае с рейтарами, не сохранилось, но можно сделать некоторые предположения. Во-первых, среди гусар не оказалось ни одного казака, а только служилые «по отечеству»<sup>54</sup>. Во-вторых, это были далеко

<sup>50</sup> Baranowski B. Organizacja regularnego wojska polskiego w latach 1655–1660 // Studia i materiały do historii sztuki wojennej. Warszawa, 1956. T. II. S. 211–220.

<sup>51</sup> В росписях личного состава рейтарских рот на октябрь 1655 г. упоминаются рейтары «из гусар» (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 345, 347, 353). Судя по их фамилиям, они – из старых иноземцев гусарского строя (Ивановской, Высоцкой, Островские, Гречанин, Сербенины и т.д.). Русские дети боярские гусарского строя, перейдя в рейтары, должны были обозначаться, как обычно, по принадлежности к своим «городам» (Тула, Калуга и т.д.), и выявить их только по этим росписям невозможно.

<sup>52</sup> Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce. Berlin; Poznań, 1864. T. II. S. 329–330.

<sup>53</sup> При выдаче 12 августа 1660 г. жалованья рейтарскому полку Данилова (псковскому, бывшему Бойта) в его составе еще числятся будущие первые гусарские офицеры (Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн.64. Л. 274об.–381). В походе, начавшемся 22 сентября 1660 г. (АМГ. Т. 3. С. 181), уже участвуют гусары (упоминаются с 19 октября), но Хованский счел нужным пояснить о них в отписке царю: «гусар 3 роты, а в роте по 90 чел.» (АМГ. Т. 3. С. 204). О выборе по 100 чел. из каждого полка см.: Ф. 210. Смотренные списки. Кн. 27. Л. 433об., 474, 503об.

<sup>54</sup> Только вначале было выбрано 5 гусар из зажиточных луцких казаков-помещиков, но к 1662 г. они исчезают из списков Ф. 210. Смотренные списки. Кн. 27. Л. 414; Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в

не последние дети боярские: так, из тверичей сначала в гусары попало четверо из «дворового списка» (один к 19 января 1661 г. стал дворянином «по выбору»); из новоторжцев – двое «выборных» и не менее 4 «дворовых»: «городовые» так и остались рейтарами<sup>55</sup>. В документах более позднего разбора (1665 г.), когда решали, кому раздать крайне скучно отпускаемые из Москвы деньги, постоянно встречается фраза о дворянах – гусарах: «для ево тяжелой гусарской службы» служить без жалованья «не мочно» – чего окладчики ни о «сотенных», ни о рейтарах не говорили<sup>56</sup>.

Таким образом, гусары мыслились как новая элита конницы разряда, и если вспомнить, что и в Польше к ним относились с таким уважением, что «знатнейшая шляхта записывается в эти хорунги, и заслуженные офицеры, которые командовали казаками или в иных отборных полках, не считают зазорным для себя служить простыми жолнерами в гусарах»<sup>57</sup>, – станет ясно, что главной целью их создания являлось укрепление морального духа войска. То, что уже в январе 1661 г. пятеро гусар были переведены «начальными людьми»<sup>58</sup> в рейтарские полки разряда, подтверждает наши выводы. Немаловажное значение для служилых людей «по отечеству», для их чести, должен был иметь тот факт, что среди начальных людей гусарского строя не было ни одного иноземца: если у рейтар за правильностью обучения и вооружения следили полковники-немцы, то у гусар «учитель гусарского строя» Варфоломей<sup>59</sup> (скорее всего, из поляков или литовцев) стоял вне чиновной системы.

Гусарская рота Новгородского разряда по своей структуре не имела ничего общего с «хорунгой» польского войска, а больше походила на обычную рейтарскую роту: в ней не было «товарищей» и «почтовых», командовали ею ротмистр, поручик и прапорщик (в некоторых случаях прапорщик именовался «хорунжим») из прежних рейтарских начальников, тогда как у поляков не только ротмистра (короля, гетмана или магната), но и поручика часто не было при хорунге. Правда, в отличие от рейтар, у новгородских гусар не имелось обычных капралов и подпрапорщиков, так как они не придерживались линейного строя. До завершения данной «полковой службы» (до марта 1661 г.) все три роты возглавляли список 1-го новгородского полка рейтарского строя (ныне Т. Бойта).

Первое документальное упоминание о них встречается в отписке кн. Хованского о возвращении из нового похода его полка в октябре 1660 г. Тогда боярин, несмотря на отвратительное моральное состояние своих ратных людей, смелым броском вышел в тыл польско-литовской

1661–1663 гг. М., 1911. С. 10).

<sup>55</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 123–132, 156–162.

<sup>56</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. Кн. 12. Л. 22об.–23, 24об., 115об.–116 и др.

<sup>57</sup> Relacje nuncjuszow apostolskich i innych osob o Polsce. S. 330.

<sup>58</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 27. Л. 417.

<sup>59</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 270.

армии за Днепром. Этим он отвлек на себя лучшую часть ее конницы и нарушил равновесие сил, установившееся на р. Басе после боев Чарнецкого, Сапеги и Паца с войском кн. Ю. А. Долгорукова (24–28 сентября 1660 г.): литовцы были вынуждены спешно отступить оттуда к Шклову. Правда, новгородцам, не поддержаным Долгоруковым, пришлось снова испить горечь поражения: отборная «дивизия» Чарнецкого разгромила их авангард, и Хованский под давлением деморализованных дворян был вынужден бросить укрепленный лагерь и начать отход к Полоцку. За 25 верст от города, возле переправы, ему все же пришлось принять неравный бой (21 октября 1660 г.). Его «сотенные люди» и рейтары («все разбежались, и всех твоих ратных конных людей было в то время человек с 500») навели литовцев на поставленную в лесу пехоту, «и учат быть бой жестокий... неприятельские люди стали наступать на твоих ратных пеших людей... чтобы их разорвать и побить, и... пешие люди... стали твердо и не уступили неприятелю места, бились, не щадя голов своих; и мы, взяв гусар и что было с нами всяких чинов твоих ратных людей, скочили на польских людей... и польских людей сорвали и пешим людям вспоможенье учинили»<sup>60</sup>. Как видим, гусары оказались наименее подверженны дезертирству, боярин смог удачно использовать их в качестве последнего сильного резерва, и это снова подчеркивает именно моральное значение данного «выбора». Добавим, что «гусарские древки» (копья) и доспехи из Оружейной палаты на весь полк они получат лишь в августе 1661 г.<sup>61</sup>, после чего их и можно считать действительно новым видом конницы, а не просто отборным, более «честным» отрядом рейтар.

### § 3. Поход 1661 г.: проблема комплектования

Зимой 1660–1661 гг. «полковая служба» полка Новгородского разряда, начавшаяся еще «разбором» весны 1659 г., подходила к концу. Последствия ее для личного состава разряда были катастрофическими: достаточно сказать, что от четырехтысячного отряда солдат и стрельцов не осталось никого<sup>62</sup>. В боях и «загонах» в Литве и Белоруссии, на штурмах Ляхович, в битвах при Полонке и под Толочином (17.10.1660) сложил свои головы цвет дворянской конницы. Так, из 81 тверича на конец 1661 г. погибло, умерло и попало в плен (с 1659 г.) 32 человека.

<sup>60</sup> АМГ. Т. 3. С. 205 (№ 220). Общее описание похода: С. 203–208.

<sup>61</sup> Там же. С. 357 (№ 390).

<sup>62</sup> Численность солдат на начало похода: Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 388, стрельцов – по косвенным данным, подтвержденным Б. Радзивиллом (Relacje nunciuszow apostolskich i innych osob o Polsce. Berlin: Poznan, 1864. Т. II. С. 329–330); в марте 1661 г. Хованский ушел из Полоцка вообще без пехоты (АМГ. Т. 3. С. 340 (№ 373)).

в т.ч. 8 «выборных» (4 при Полонке и 1 под Гродно) и 11 «дворовых»<sup>63</sup>! Значительное число уцелевших было отпущено лечиться от ран в свои поместья или сбежало туда самовольно, часть осталась в гарнизоне Бреста. Все это отразили результаты смотра 25 января 1661 г. в Полоцке<sup>64</sup>.

Подразделение	Чины и звания	«ести»	Убиты, умерли и в полону	Отпущены за раны и др.	В «нетах» и сбежали	Оставлены в Бресте и выбраны в гусары	Переведены в начальные люди	Итого*
Псковский полк	Ряд.	231	380	41	113	200	?	1000 <sup>1</sup>
	Н.л.	33	13	?			-	46 (?)
	Ряд.	218	331	?	80	200	?	1015 <sup>2</sup>
2-й Новгородский полк	Н.л.	41	16	4			-	61
	Ряд.	157	366	48	82	200	?	853
Подразделение	Чины и звания	«ести»	Убиты, умерли и в полону	Отпущены за раны и др.	В «нетах» и сбежали	Оставлены в Бресте и выбраны в гусары	Переведены в начальные люди	Итого*
Сотенная служба	Дворяне и дети боярские	592	278	61	31	-	-	962
	Казаки**	118	Ок.200	-	Ок.180	-	-	Ок. 500
гусары	Нач.люди	9		1		-	-	10
	Рядовые	246	4	1	35***	-	5	291
1-й Новгородский полк	Н.л.	39	21				-	60
Итого		1684	1609			600	[5]	4797

\* Точный подсчет осложнен отсутствием данных о количестве рейтар, переведенных в начальные люди из рядовых, а также новиков, прибывших в разрядный полк в 1659–1661 гг.

\*\* Список обрывается на «естях» луцких казаков, поэтому числа по казакам даны приблизительно, с учетом данных иных смотров.

\*\*\* В т.ч. один «отъехал в Литву».

\* Итог разбора 1659 г. (АМГ. Т. 3. С. 117–118 (№ 126)).

Выделение рейтар в гусары и в Брестский гарнизон привели к тому, что их полки уменьшились до 200–300 человек каждый и не представляли больше былой грозной силы. Между тем, в окрестностях Полоцка после окончания осенних боев расположились многочисленные хоругги польско-литовского войска, а отряды «волонтеров» (типа знаменистых «лисовчиков» Смутного времени) стали совершать набеги за Зап.

<sup>63</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 123–132.

<sup>64</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 27.

Двину. Царь, не видя возможности Хованскому держаться далее, приказал выжечь весь Полоцкий уезд, чтобы не оставлять полякам запасы, и отвести ратных людей на Невель<sup>65</sup> и Луки Великие, но боярин, не смотря на реальную опасность отзыва его в Москву<sup>66</sup>, отказался отступить (поляки «помнят то, что мы побежали из Полоцка, убоясь их, тотчас пойдут за нами не токмо до Лук – и дале... Уезды разорят, а ратные люди многие разъедутся по домам, потому что в ближних местах от домов своих будут», и потеряны будут гг. Полоцк и Дисна<sup>67</sup>) и просил о подкреплении пехотой и конницей, чтобы «над неприятелем промысл чинить в поле, а не из города... В Полоцке сесть в осаде – неприятелю дать простор... В 3 дня все будут без лошадей – кормить нечим»<sup>68</sup>.

В связи с этим правительство предприняло ряд мер по пополнению войск Новгородского разряда. 30 ноября были отправлены грамоты в Новгород (Куракину) и во Псков о сборе даточных людей в пешую и осадную службу, конных людей со всех церковных земель, а также о высылке из поместий на службу всех временно от нее отставленных<sup>69</sup>, о чем и было сообщено Хованскому. Известия эти пришли в Полоцк в кульминационный момент военных действий: разведка боярина донесла о возможности приступа к городу поляков перед их отходом на зимние квартиры. Боярин «декабря в 7 день сказал ратным конным и пешим людем, чтобы они в поход были готовы всегда, кой час им ведом учиню», и 12 числа выступил со всей конницей навстречу неприятелю. Однако оказалось, что Чарнецкий ушел без боя, и в следующие дни отряды Хованского («у ково у нас еще клячи были»<sup>70</sup>) нанесли несколько сокрушительных поражений задержавшимся за Двиной ливонцам, очистив от них Полоцкий уезд «на государевой стороне»<sup>71</sup>. А в тот день, когда новгородцы еще только готовились к последнему бою (7 декабря 1660 г.), боярин собрал дворян Новгородского разряда «и с ними мыслил, как бы полк наполнить и над неприятелем промысл учинить и не пропустить в свою землю».

Предложения, посланные в приказ Тайных дел, заключались в следующем:

<sup>65</sup> АМГ. Т. 3. С. 217 (№ 228).

<sup>66</sup> Указы о назначении на его место окольничего Д. С. Великого-Гагина отдавались дважды: 10 ноября (при известии об отходе Хованского к Полоцку) (АМГ. Т. 3. №. С. 200 (№ 212)) и 30 ноября – при дерзкой просьбе воеводы «о прибавке» и присылке в помощь ему самого кн. Ю. А. Долгорукова (Там же. С. 220, 221 (№ 230), 231 (№ 236)). Оба они были отменены.

<sup>67</sup> Там же. С. 219 (№ 228).

<sup>68</sup> Там же. С. 221 (№ 230).

<sup>69</sup> Там же. С. 232–234 (№ 236), 237–239.

<sup>70</sup> Фраза из челобитной дворян и детей боярских Новгородского разряда от 11–12 февраля 1661 г. (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 27).

<sup>71</sup> АМГ. Т. 3. С. 263–265 (№ 259, 260), 277 (№ 270), 287 (№ 285).

1) собрать в солдаты крестьян с поместий, а для скорости «тех мужиков поставит в Полоцк каждый своего» – чтобы зимним временем на лыжах напасть на конных поляков, «а гусару... нельзя в большой снег и по насту скочить на пехоту»;

2) «и людей своих хотят дать на конех и с ружьем против польского звычаю – потому что самих поляков немного, да почты и лезной челяди много, тем и побивают» – «не одна тысяча в полку прибудет»;

3) взять детей боярских «Софейского дома» (новгородского митрополита) и «Троицкого дома» (псковского архиепископа), да с них же монастырских слуг – «в рейтары выбрать мочно больши дву тысячи»;

4) «К ним же в прибавку поповы и дьяконские и дьяковы дети, которые у приходов даром гуляют: сберется полк рейтарский»;

5) в пехоту взять 5-го человека с церковных земель<sup>72</sup>.

Итак, практическая мысль русских дворян вполне традиционна: они уже прекрасно знали, что с помощью западной системы подготовки «и солдата, и лошадь» можно «обучить в три месяца»<sup>73</sup>. Через четыре месяца, когда Хованскому, наконец, пришлось отпустить своих ратников по домам «по самому последнему зимнему пути» (иначе «все бы ратные конные люди были без лошадей, а к весне бы были не слуги»<sup>74</sup>), он повторил свои доводы о сборе конных даточных: «1000 конных людей мочно скоро собрать в Великом Новгороде Софейского дому и монастырских слуг и недорослей дворянских детей и братьи и племянников, и во Пскове Троицкого дому и монастырских слуг сберет с 2000 и болши. Те конные люди будут всегда готовы, покамест сбираются ратные люди, которые по твоему указу распущены, а те будут всегда готовы». Таким образом, от забот о простом пополнении полка мысль боярина пришла к необходимости наличия во Пскове *постоянного* отряда в 1 тыс. конных (рейтар из даточных) и 1 тыс. пеших (псковских стрельцов), с которыми смело можно будет оберечь государевы уезды в период роспуска помещиков и солдат по домам<sup>75</sup>.

Кампания 1660 г. ознаменовалась катастрофами русской армии на Полонке и под Чудновым, где в плен попал весь доселе непобедимый Киевский полк (войско) В. Б. Шереметева. Вся Правобережная Украина и Западная Белоруссия (до Днепра), не говоря уж о Литве, вновь перешли в руки поляков. После того, как Хованский увел остатки своей конницы из Полоцка, мещане и шляхта сдали литовцам Дисну (8.03.61) и Себеж (20.04.61)<sup>76</sup>, что открыло врагу прямой путь за Двину в «государевы уезды». Под постоянной угрозой находились Полоцк и Невель,

<sup>72</sup> Там же. С. 234 (№ 236).

<sup>73</sup> Цит. по: Дельбрюк Г. История военного искусства. С. 101.

<sup>74</sup> АМГ. Т. 3. С. 340 (№ 373).

<sup>75</sup> Там же. С. 380–381 (№ 385).

<sup>76</sup> Там же. С. 358 (№ 393), 367 (№ 408).

а далеко за Двиной еще держались гарнизоны Вильны, Ковны и Гродно. Брест почетно капитулировал весной после более чем годовой осады, и воевода кн. Левонтий Шаховской вывел в Борисоглебов и далее во Псков 300 чел. его гарнизона (в т.ч. и новгородских рейтар)⁷⁷. Перед Новгородским разрядом ставились задачи оберечь свои земли по довоенной границе, снять угрозу с Полоцка⁷⁸ и Борисоглебова и вместе со Смоленской группировкой попытаться подать помощь Вильне. А для этого острейшим образом вставала необходимость воссоздания былой моши полка и мобилизации всех ресурсов Новгородского разряда.

Но, если в отношении пехоты использовалась в основном традиционная уже мера – набор даточных с различных земель, а также мобилизация военнообязанного населения Заонежских погостов, то в коннице картина более пестрая. Для удобства рассмотрим поначалу отдельно новые источники ее комплектования.

### **Даточные монастырские, Софийского и Троицкого домов: монастырские слуги и «домовые» дети боярские новгородского митрополита и псковского архиепископа**

Значительное число монастырей, а также архиерейские кафедры Новгорода и Пскова являлись крупными вотчинниками: их владения были подчас разбросаны на огромном пространстве Новгородских земель, чье активное освоение продолжалось и в XVII столетии. Нужды обширного хозяйства требовали мощного аппарата управления и соответствующего штата чиновников и слуг.

У новгородского митрополита и псковского архиепископа такие служилые люди, часть из которых получали из их вотчинных земель поместья, назывались детьми боярскими, соответственно, Софийского и Троицкого домов (или «домовые дети боярские»). В Софийском доме⁷⁹ сын боярский «верстался» начальным жалованьем в 2 обжи (20 четей) и, как и на государевой службе, со временем мог дослужиться до 15–20 обжей (150–200 четей). Правда, в отличие от государевых, у домовых детей боярских реальная «дача» поместья обычно достигала оклада: число верстанных служилых людей соразмерялось с потребностями владыки и наличием необходимой земли⁸⁰, а остальные служили толь-

<sup>77</sup> АМГ. Т. 3. С. 349 (№ 382).

<sup>78</sup> Цель похода обозначена в «чиновной росписи» полка кн. И. А. Хованского на 1661 г. так: «и июня в 8 день с Опочки пошол на полских и литовских людей выручать Полоцек» (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 52).

<sup>79</sup> Зарождение, деятельность и условия службы домовых детей боярских Софийского дома подробно освещены в Главе IX капитального труда Б. Д. Грекова (Грекова Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. СПб., 1914 Ч. I).

<sup>80</sup> Там же. С. 483–492, 496.

ко с денежного и хлебного жалования. Так, в 1661 г. в Софийском доме насчитывалось 46 поместий, в т.ч. 5 с двумя совладельцами<sup>81</sup> – при этом только записанных в «полковую службу» 1661 г. митрополичьих детей боярских оказалось 78 человек (см. ниже).

Слуги монастырей, находившиеся на положении, подобном домовыим детям боярским у архиереев, носят в документах наименование «слуг» или «служек монастырских» (такого-то монастыря)<sup>82</sup>. Точно так же одни из них также служили с поместья<sup>83</sup>, а другие, как в Троице-Сергиевом монастыре – только «с денежного и хлебного жалованья» и с данных им «в приказ» монастырских сел<sup>84</sup>. Кроме того, монастыри и архиереи имели в своем распоряжении штат церковных «служебников» – в т.ч. и ремесленников, работавших на монастырь; необходимо упомянуть и проживавших на их землях крестьян<sup>85</sup>. Известно, что в Троице первые слуги набирались из собственных крестьян, да и позже далеко не все происходили из поступивших на службу в монастырь детей боярских<sup>86</sup>. Так что, нет ничего удивительного в том, что при усиленных наборах конных даточных с монастырей в середине 1660-х гг. в разряд конных слуг снова стали попадать крестьяне – хотя поначалу, надо полагать, в поход выступали только обязанные служить государеву службу монастырские чиновники.

Указанные выше категории служилых людей издавна несли ратную службу в рядах московского войска. Эта обязанность существовала уже во времена митрополита Алексия (во второй половине XIV в.): «а про войну, коли аз сам князь великий сяду на конь, тогда и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом великого князя»<sup>87</sup>. В Великом Новгороде во второй половине XV ст-

<sup>81</sup> Там же. С. 524.

<sup>82</sup> По отпискам от воевод кн. В. П. Черкасского и кн. Е. Ф. Мышецкого (1633–1634 гг.) разницы между монастырскими слугами и служками их сотен не прослеживается; скорее, это взаимозаменяемые синонимы. Так, сотенный голова Иван Фомин назван сначала «слугой», а позже (в той же отписке) – «служкой» Симонова монастыря (АМГ. Т. I. С. 634–635 (№ 646)). Та же картина в целом наблюдается и в Новгородском разряде.

<sup>83</sup> Пономарева И. Г. Слуги Троицкого-Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 83–101.

<sup>84</sup> Арсений, иером. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря. Тверь, 1899. С. 4.

<sup>85</sup> Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 60–63 и далее, о детях боярских – С. 95–107; Очерки по истории СССР. Период феодализма / Под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 189.

<sup>86</sup> Арсений, иером. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря. С. 3, 4.

<sup>87</sup> Цит. по договорной грамоте Василия I с митрополитом Киприаном (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVII вв. Т. III. М., 1964. С. 18–19). Современные исследователи относят

летия в походы выступал особый «владычный полк» из военных слуг местного архиепископа. После присоединения Новгорода к Московскому государству и конфискации большей части «владычных» земель вновь «люди владычных и монастырских, которых владыка с чернцы на службу выправили», появились в составе новгородских полков русской армии только в 1535 г., в разгар Стародубской войны. Пленный лучанин в том году сообщал об их наборе с оттенком удивления: «И то поведил, чего деи перед тым, за князя великого Василья не бывало, абы люди владычных, монастырские сытничие и конюхи у войску ходили; теперь тым всим у войско пойти казано»<sup>88</sup>. В XVI – нач. XVII в. архиерейские и, в особенности, монастырские даточные составляли значительную часть русской конницы<sup>89</sup>. Отдельными сотнями действовали они и в Смоленскую войну 1632–1634 гг.<sup>90</sup>

Все эти годы отряды архиерейских и монастырских слуг по своей организации и снаряжению ничем не отличались от детей боярских. Так, в 1633 г. от монастырей требовалось присыпать служек «добрых конных с запасами, в латах и шишаках и панцырях … со всяким ратным боем, а лошади б под ними были добрые». Братия Кирилло-Белозерской обители снарядила в поход отряд, в состав которого вошло «82 человека да в кошу 20 человек», снабдив их деньгами и оружием (в т.ч. 80 доспехов и 54 шлема)<sup>91</sup>.

Сроки и условия военной службы этих даточных определялись государствевой грамотой к архиерею<sup>92</sup>. Хотя царь принимал во внимание нужды церковно-вотчинного хозяйства и прибегал к призыву домовых детей боярских нечасто, слуги владыки выполняли царскую службу не очень охотно и прилежно: они чувствовали покровительство своего патрона. Например, при постройке земляного вала в Новгороде в начале 1620-х гг. их участок отставал от других, но при этом они вели себя грубо и демонстративно независимо по отношению к стрелецким сотникам; уклонившийся от службы сын боярский лишался поместья, но беспрепятственно получал его обратно после запоздалого выступления в поход<sup>93</sup>. Такое отношение к государственной службе сохранялось и в

появление этой записи ко времени митрополита Алексия (лит.: *Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг.* М., 2003. С. 61, 90).

<sup>88</sup> Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2002. С. 135.

<sup>89</sup> Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 27–93 (монастырские даточные в расписании полков кн. Ф. И. Мстиславского осенью 1604 г.).

<sup>90</sup> АМГ. Т. I. С. 634–635 (№ 646).

<sup>91</sup> Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая Государева крепость. Л., 1972. С. 177.

<sup>92</sup> Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии. С. 473–475, 498.

<sup>93</sup> Там же. С. 478, 499, 500.

середине века: так, в июле 1656 г. новгородский воевода кн. А. В. Голицын жаловался на нехватку сил для защиты города и рубежа, в то время, как «Софейского, государь, дому и митрополичьи дети боярски[е] живут в Великом Новгороде многие, и в Чюдиницово улице живут всякие служебники, а городовых караулов они никаких не караулят», – а переписать и послать их в подъезд он без государева указа не смел<sup>94</sup>. Это позволяет представить решение полоцкого совещания 1660 г. и намерения кн. Хованского по отношению к монастырским и архиерейским слугам как своего рода ответную, болезненную реакцию новгородских дворян на столь льготное житье своих соседей-помещиков.

Первыми в период войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг. на территории Новгородского разряда конных даточных в «полковую службу» выставили псковские власти: уже «в 7162 году» (1653–1654 гг.) было взято 12 чел. из архиепископских детей боярских («Троицкого дома»)<sup>95</sup> и 58 монастырских служек<sup>96</sup>, которые приняли участие в местных операциях псковского воеводы Салтыкова под Резицей и Лужей. Через год (перед походом 1655 г.) уже новгородский воевода должен был собрать с монастырских и митрополичьих вотчин «даточных на добром коне, с карабином и с парою пистолей и саблею», с запасом «на год и больше»<sup>97</sup>. Комплекс вооружения отныне (в отличие от предыдущего сбора 1633 г.) полностью соответствует «рейтарской службе» – и действительно, в августе в полку все эти 92 человека обозначены как «даточные люди рейтарского строя»<sup>98</sup>. В походе на Брест (1655 г.) они не участвовали, а в числе подобных им 5 рот были распределены по городам Белоруссии (парами с 5 ротами из детей боярских) и приняли участие в «посылках» против литовцев зимой 1655–1656 гг.<sup>99</sup>

Когда в следующем году возникла угроза Новгородскому уезду, по настоянию воеводы кн. А. В. Голицына и по царскому указу митрополит Макарий выставил на «свейские рубежи» уже 300 чел. монастырских слуг, конюхов и других служебников, а также своих митрополичьих 20 детей боярских («Софийского дому») и 80 пеших ратников<sup>100</sup>.

<sup>94</sup> Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 3.

<sup>95</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 30.

<sup>96</sup> Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте. С. 129 (70 даточных без 12 «домовых» детей боярских).

<sup>97</sup> ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. С. 123–124 (№ 84) – указ от 9 марта 1655 г. Буйносову-Ростовскому: послать их не в Смоленск, а в Новгородский полк В. П. Шереметева.

<sup>98</sup> Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 4. С. 191–192. За новгородскими монастырями было 4552 двора (на 1662 г.), и это соответствует указанной

<sup>99</sup> марта 1655 г. норме 1 человека с 50 дворов (ЗОРСА. С. 410).

<sup>100</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 874. Л. 340–397.

<sup>101</sup> Гадзяцкий С. С. Борьба... С. 26; Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 2, 11–13.

Военную службу местного характера несли и конные служки приграничного Псково-Печерского монастыря<sup>101</sup>. В начале следующего года 100 новгородских монастырских слуг были влиты в состав двух рот полка рейтарского строя Д. Фонвизина, отправлявшихся на Олонец и на Лавую, «чтоб те роты сполна были»: ведь многие рейтары-дети боярские из их состава с началом зимы бежали домой; в тот же отряд вошло 37 митрополичьих детей боярских<sup>102</sup>. Через полтора года, когда рейтар Фонвизина давно уже отзвали из Новгородской земли, в Новгород из Лавусского острога вернулось «детей боярских новгородского митрополита и монастырских слуг 118 человек, расписаны они на две роты и учинены рейтарского строя»<sup>103</sup>. Таким образом, значительная часть церковных даточных, подлежащих призыву в конную полковую службу, к 1661 г. имела некоторый боевой опыт и навыки рейтарской службы – о чем, видно, и вспомнили новгородские дворяне на полоцком совещании.

В декабре 1660 г. среди прочих мер по пополнению полка Новгородского разряда воеводы Пскова и Новгорода получили распоряжение снова «с новгородского митрополита и псковского архиепископа и с новгородских и псковских монастырей с вотчин взять в полк даточных конных людей», с уточнением (здесь: для Куракина (в Новгород): «как имано с них на немецкий рубеж, с большою прибавкою, а в Софейском дому митрополиту детей боярских, и в монастырех властем служек для великие нужи оставить небольших»<sup>104</sup>. Правда, вскоре от повинности были освобождены Тихвин монастырь (как и в 1656–1658 гг.) и тверские монастыри<sup>105</sup>.

До указа о службе даточным необходимо было собраться в Новгороде и во Пскове, имея при себе от церковных властей хлебные запасы, «чем им быть сытым», а при выступлении в поход получить от воевод по 20 руб. жалованья<sup>106</sup>. Уже с 13 по 17 марта Хованский успел собрать во Пскове 50 монастырских слуг; тогда же он сообщил о записи их в рей-

<sup>101</sup> Еще до похода полка Трубецкого на Юрьев-Ливонский они взяли в монастырской деревне языка-немца (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 185), а после сдачи Нейгаузена (крепости на ливонской стороне против монастыря) Печорский игумен Зосима должен был прислать по приказу воеводы кн. А. Н. Трубецкого на усиление тамошнего гарнизона по 30 монастырских служек и крестьян «с ружьем», меняя их там помесячно (Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 84).

<sup>102</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 275, 276, 279, 281.

<sup>103</sup> Ф. 210. Оп. 17. Л. 52 (от 10 мая 1658 г.); по другому смотру (23 мая), это были 35 сына боярских и 82 слуги 13 крупных и нескольких мелких «окологородных» монастырей (Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 65, 66).

<sup>104</sup> АМГ. Т. 3. С. 234, 239 (№ 236) (Указы от 30 ноября и 14 декабря 1660 г.). Судя по контексту, в последнем случае «даточными» считаются и архиерейские дети боярские.

<sup>105</sup> Там же. С. 240–241 (№ 236): тверские даточные выступили в 1658 (1659) г. в Киев.

<sup>106</sup> Там же. С. 239 (№ 236).

тары<sup>107</sup>. Еще через полтора месяца в его рейтарском полку числилось уже 200 чел., «что прислано из Великого Новгорода митропольчих и монастырских слуг»<sup>108</sup>, – и это не считая псковских. Однако, церковные власти промедлили с отправлением остальных даточных, в связи с чем 2 мая голова московских стрельцов Д. Остафьев повез из Москвы грозную грамоту к митрополиту Новгородскому Макарию, чтобы последний, «бояся Бога и памятуя великого государя к себе милость, дал ныне своих детей боярских и с монастырь слуг и с прежними две доли, а у себя в монастырех оставил треть, и быти им в государевой службе на время для нынешних неприятельских приходов (выделено мной. – О. К.)». При задержке, новгородскому воеводе было велено самому («по книгам») собрать их и отправить в полк<sup>109</sup>. Таким образом, норма набора вначале считалась от наличного числа слуг, а затем – возможно, как ужесточение нормы – уже по количеству дворов («по книгам»). В результате, в числе даточных могли оказаться и простые монастырские крестьяне, что нередко обнаруживается впоследствии<sup>110</sup>.

В общей сложности, к июню–июлю собралось 16 детей боярских митрополита в «сотнях», 62 сына боярских из Софийского и 2 из Троицкого домов (норма 1654 г. в 12 чел. для Троицкого дома сохранялась, так что остальные 10 чел. указаны, очевидно, в графе «даточных»), а также 314 иных даточных<sup>111</sup> в полках рейтарского строя<sup>112</sup>. Конечно, этому реальному числу было далеко до проектов, что составляли дворяне в Полоцке; преемник Хованского, кн. Б. А. Репнин, был разочарован и в качестве этой конницы: «Монастырские даточные конные учечны и малые робята, и с рейтарскою службу их не будет, а государева жалованья им дают по 30 руб. ч. А в монастырях ставятца они лошадьми, и кормом, и ружьем самою дорогою ценою»<sup>113</sup>.

И все же, церковные даточные конной службы во многом отличаются от тех, что в этот период в массовом порядке набирались в солдатские полки. Уровень их снаряжения и обеспечения сильно зависит

<sup>107</sup> Там же. С. 340, 348–349 (№ 373, 381).

<sup>108</sup> Там же. С. 375 (№ 417). В списках полка они названы «служками монастырей» (Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 347–395 (полк Д. Зыбина)).

<sup>109</sup> АМГ. Т. 3. С. 352 (№ 385).

<sup>110</sup> Так, в июле 1665 г. власти Твери писали, что «они без указу великого государя... даточных конных из монастырских крестьян собрать не смеют» (в 1661–1665 гг. уезд был освобожден от их сбора) (Записные книги Московского стола. I (1664–1665 гг.). С. 289).

<sup>111</sup> По терминам: 46 слуг, 170 служек и др. даточных всех монастырей Новгородской и Псковской земли.

<sup>112</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 293–294, 318–334об., 348–391.

<sup>113</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 13.

от состояния вотчинного хозяйства их властей, а по своему профес-сионализму значительная их часть больше приближается к военным сословиям дворян или казаков.

### *Даточные с дворянских поместий*

Столь же традиционной являлась конная «полковая служба» дворянских даточных, выставлявшихся «с поместий и с вотчин отставных дворян и детей боярских, и вдов, и недорослей»<sup>114</sup> – в качестве компенсации за то, что в данный момент с поместья не служит полноценный дворянин или сын боярский. Иногда помещик выставлял двоих-троих своих людей, а иногда даточный шел от нескольких человек<sup>115</sup>. Состав их не был постоянным: могло случиться, что «те дворяне и дети боярские вы[шли] ис полону, а недоросли записались в службу, а [вдо]вы вышли замуж за служилых дворян [и де]тей боярских»<sup>116</sup> – и эта повинность с них снималась. Впрочем, вначале число их в «сотенной службе» было ничтожно мало: в 1656 г. по списку новгородцев приходилось всего 6 даточных на 2300 чел.<sup>117</sup>; при Мядзелях (1659 г.) сражалось 12 даточных, да минимум 7 числились в «нетях»<sup>118</sup>. В «сотнях» они бились наравне с рядовыми детьми боярскими, зачастую в качестве «знаменщиков» – выполняя «нечестную», с точки зрения дворян, службу<sup>119</sup>.

При разборе 1659 г. даточные оказались только в сотнях, ведь даже некоторые из детей боярских «были в избыльных» и не пошли на службу в полк<sup>120</sup>. Однако, после первых крупных поражений 1659–1660 гг. условия ужесточились. В указе об их новом общегосударственном сборе от 1 сентября 1660 г. была установлена норма в 1 даточного конного «с полною службой» с 20 дворов<sup>121</sup>. В общем перечне групп городов, на которые распространялось действие данного положения, исключение составил лишь Белгородский разряд, а «Новгородские города» упомянуты. Однако, в Новгородском разряде сведений о сборе этих даточных или об их наличии где-либо на службе до марта 1661 г. нет. С другой стороны, дворяне, «мысившие» вместе с кн. Хованским на Полоцком совещании, должны были знать о данном указе, почему и

<sup>114</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 595.

<sup>115</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 35об. (один даточный двоих дворян). 226об. (два даточных одного дворянина).

<sup>116</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 596.

<sup>117</sup> Подсчитано автором по декабрьскому списку отпуска из Юрьева Ливонского (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 117).

<sup>118</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

<sup>119</sup> При Мядзелях из 12 даточных двое были знаменщиками (Столбцы Белгородского стола. № 488).

<sup>120</sup> АМГ. Т. 3. С. 232 (№ 236).

<sup>121</sup> ПСЗРИ. Т. I. С. 514. (№ 280).

не упомянули об этих даточных в своем проекте. Зато сборщики, посланные в марте в уезды прямо из полка Хованского, среди прочих стали собирать и с отставных, со вдов и недорослей «конных даточных с 20 дворов человека»<sup>122</sup> – особого разрешения для этого боярину уже не требовалось. Учтем, что число поместий, на которые распространялась данная повинность, после гибельного 1660 г. резко увеличилось. В итоге, этих воинов собрали 67 чел. в рейтарскую (в т.ч. даже с отставного луцкого поместного казака Семена Бедрина) и более 50 – в сотенную службу<sup>123</sup>.

**«Боярские люди».** Сходные с предыдущими по происхождению – из боевых холопов – выставлялись дворянами по собственной инициативе, высказанной 7 декабря 1660 в Полоцке. Замечательно, что эту идею им подсказал пример польских «почтов»: «людей» своих для «полковой службы» русские никогда не приводили в таком количестве, какое было у шляхты в «хорунгах» (по 1-3 «пахолка» на каждого «товарища»)<sup>124</sup>. Теперь же и о своих ратных людях Хованский радостно сообщал: «И дворяне и дети боярские Новгородского разряду и рейтарского и гусарского строю начальные люди и рейтары и гусары писали за собою конных даточных людей, многие человека по 2 и по 3 и по 4, а которые небогатые – то по одному человеку, а ныне пишут же» (8 февраля 1661 г. из Полоцка)<sup>125</sup>. Правда, боярин не посчитал нужным сообщить об их числе, почему в июне ему было велено отписать в Москву, сколько у него в полку «боярских людей» и какое им дано жалованье<sup>126</sup>. Число пленных Новгородского разряда, обмененных через год после похода, поможет пролить свет на их долю в коннице: тогда вышли из полона 1 «сотской», 5 казаков, 4 начальных человека, 25 рейтар и 8 «людей боярских»<sup>127</sup>. В рейтарском полку К. Фанбуковена (1-м новгородском) о новгородце Деревской пятины Т. П. Дедевки-

<sup>122</sup> АМГ. Т. 3. С. 236 (№ 236).

<sup>123</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 194–260, 294, 318–343, 341–395; сотенные – «митрополичьих детей боярских и дворянских даточных людей, которые в сотнях, 73 ч.» (АМГ. Т. 3. С. 385 – отписка от 11 июня 1661 г.). В сотнях отмечено всего 16 архиерейских детей боярских.

<sup>124</sup> На смотр 1653 г. новгородцы привели 121 «человека» в конном строю (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 6, 9). Однако в походах их должно быть меньше, ведь содержать их приходилось за счет дворянина. Так, в 1655 г. по сотенным спискам только у сотенного головы торопчанина П. Я. Непейцына были с собою «людишки... с ружьем на боех» 3 чел., из которых один получил ранение (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113. Л. 164).

<sup>125</sup> АМГ. Т. III. С. 236 (№ 216).

<sup>126</sup> АМГ. Т. III. С. 362 (№ 399) – «опроче дворянских людей, которых они писали за собой»; АМГ. Т. 3. С. 385.

<sup>127</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 135. Л. 311–313.

не было специально записано, что «у него человек з боем» – т.е. среди рейтар это было довольно необычно<sup>128</sup>.

И все же наличие своего рода «почтов» у многих дворян Новгородского разряда стало с 1661 г. новой своеобразной чертой этого военного округа. Кроме усиления полка, это облегчало заботы о самоснабжении: через 4 года дошло до того, что Хованский, «собрав... людей дворянских всех у ково сколко есть, болши трех тысяч, и учиня им значки, и постройя ротами», отправил их с казаками «в войну», собирать «кормы» и пекь хлеб за Двину, а сам остался «в справе» в обозе (август 1665 г.)<sup>129</sup>.

### *Набор вольных людей*

Принятие на службу нетяглых или «гулящих» людей особенно распространилось в Московском государстве в период преодоления Смуты, когда численность этого слоя в обществе сильно увеличилась. Но тогда их «кликали биричем по торгам» для пополнения стрелецких отрядов<sup>130</sup>, и, вливаясь в ряды особого военного сословия, они приобретали новый социальный статус. В 1661 г., когда пехоту пополняли в основном за счет даточных, прибегли к набору добровольцев уже в рейтарские части.

Первый способ был традиционный: ими, а не только казачьими родственниками, стали увеличивать городовые казачьи отряды, большая часть которых уже была «рейтарского строя». Так, через месяц после возвращения во Псков Хованский приbral «в рейтары и в казаки 500 чел. псковских и луцких казаков и их детей и братьи и племянников и всяких чинов вольных людей, и вперед велел прибрать с великим поспешеньем, чтобы полки рейтарские построить полные»<sup>131</sup>. По отписке от 2 мая, «на Луках Великих прибрано вновь в казаки 212 чел., а со старыми казаками 350 чел.»<sup>132</sup>; через две недели боярин выступил из Пскова с конницей, где состояли 54 казака «луцких, которые во Пскове вновь прибранны»<sup>133</sup>, – луцкий городовой отряд был увеличен «заочно» за счет псковичей! По спискам, общая численность луцких казаков – рейтар достигла 508 чел<sup>134</sup>, и похожая картина (но в меньших масштабах) наблюдается по остальным отрядам. Вместе с тем 44 человека «вольных людей лучан» было записано сразу в «новоприборные рейтары»<sup>135</sup>, и это – отражение второго, нового способа набора добровольцев.

<sup>128</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 85. Л. 290об.

<sup>129</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 23–25.

<sup>130</sup> ААЭ. Т. 3. С. 214–216 (№ 148).

<sup>131</sup> АМГ. Т. 3. С. 356–357 (№ 390).

<sup>132</sup> Там же. С. 375 (№ 417).

<sup>133</sup> Там же. С. 362 (№ 399).

<sup>134</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 325об.–327. 347–392, 396–430.

<sup>135</sup> Подсчитано автором по: Там же. Л. 293, 347–392.

Предприимчивый «Тараоруй» развернул настоящую вербовочную кампанию по всему разряду: в начале июня воевода кн. Б. И. Репнин (преемник кн. Куракина) даже завернул обратно к Хованскому двоих дворян, присланных напрямую от него в Новгород «для прибору вольных людей», но вскоре сам получил указ из Москвы «прибирать посадских людей, детей и братью и племянников, и иных вольных людей, которые наперед сего в службе ни в какой и в тягле нигде не написаны», и отправлять их в полк. Хованскому же было велено на месте разбирать их «в конную и пешую службу... смотря по людям, кто в какую службу пригодится», ставить их в строй «в полку с прежними служилыми людьми в ряд», и выдать конным денежное жалованье<sup>136</sup>.

Всего в списки попало порядка 400 вольных людей, и по ним прослеживается география тех мест, откуда они произошли. Большая часть, естественно, из Новгорода, Пскова и их пригородов, Печерского и Тихвинского посадов, а также Лук, Торопца и Ржева. Жителей Себежа и Полоцка могли записать в походе. Но совершенно неожиданно встретить нескольких москвичей, одоевцев, казанцев и тарушанина. Видно, обещание щедрого рейтарского жалованья заставило потянуться в войска Хованского бродячий элемент из самых разных уголков России!<sup>137</sup> Известно, что четверо городовых стрельцов из Витебска, «взяв Великого Государя жалование», сбежали туда «и записались в рейтарскую службу»<sup>138</sup>.

Сам факт того, что вольных рейтар не зачисляли сразу в казачье со словие «на вечную службу», во многом говорит об их качестве; на это же жаловался кн. Б. А. Репнин: «в рейтары же збираны при боярине... Хованском посадские люди и чюхна, и те худы и в пешей строй по нуже пригодятца, потому что многие стары и дряхлы; а денег им дано по 100 руб. ч. при нем же»<sup>139</sup>. Добавим, что только в полку Д. Зыбина (псковском) из 300 человек 30 «по наряду не бывали» – только записавшись и, возможно, получив жалованье, исчезли. Вместе с тем, набор подобных людей вполне соответствовал духу и практике западного «рейтарского строя» – ведь для сомкнутых эскадронов были значимы не личная подготовка, а слаженность движений и пальбы, а также глубина и ширина построения, что нивелировало качественную разницу стоящих плечом к плечу кавалеристов.

**«Погостские рейтары» Торопецкого уезда.** Начало их сбора очевидно связано с предложением новгородских дворян, высказанным в декабре в Полоцке, о сборе «прибавку» к монастырским даточным «по-

<sup>136</sup> АМГ. Т. 3. С. 396 (№ 451).

<sup>137</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 347–392.

<sup>138</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 128, 129.

<sup>139</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. С. 12. Заметим, что в полку Д. Зыбина псковский вольный человек Л. Дементьев «умре дома» еще 6 апреля 1661 г. (Смотренные списки. № 87. Л. 392).

повых и дьяконских и дьяковых детей, которые у приходов даром гуляют: сберется полк рейтарский»<sup>140</sup>. Аналогичным образом с этого же времени (с декабря 1660 г.) проводился сбор «поповых и дьячковых детей и племянников и внучат» в Рязанских городах для укомплектования стрелецких (1500 чел.) и солдатских (1500 чел.) частей. В службу брали «у которых сына по 2, и по 3, и по 4, и взять с дву третьего, а от четырех двух», оставляя только тех, «которые грамоте умеют, чтобы церквам оскудения не было»<sup>141</sup>. Одновременно похожий набор производил во Владимире боярин кн. Ф. Ф. Куракин с уездов Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Луха, Мурома, Нижнего Новгорода и Арзамаса<sup>142</sup>.

Правда, в Новгородском разряде подобный набор был проведен только в одном – Торопецком уезде, причем и речи не шло о полку или даже роте рейтар. Объяснить это можно как общим оскудением жителей разряда, так и иным родом службы: ведь рейтару, в отличие от пехотинца, требовалось крепкое хозяйство. «Для описи в рейтары ис поповых, из дьяконских, ис дьячковых детей и братии и племянников и захребетников» в Торопецком уезде в город в 1661 («169-м») г. прибыл прямо из полка Хованского местный дворянин, торопчанин М. Кушелев. Примечательно, что, прибрав порядка 10–15 чел., он «тем людям именного списка в Торопце в Съезжей избе не подал», а сразу увел их в поход<sup>143</sup>. В 1662 г. новый воевода кн. Б. А. Репнин, похоже, даже и не узнал о таких рейтарах, и вновь «ссыкивать» их был послан дворянин полка кн. И. А. Хованского только в июле 1664 г.<sup>144</sup>

Этот дворянин И. Ф. Аничков выслал, в августе 1664 г., пятерых рейтар из Даньковского погоста, двоих – из Выхонского, одного (или троих) – из Гродецкого<sup>145</sup>. По более поздним данным, известны еще рейтары Ровенского, Сухонского (по 1 чел.) и Верегунского (2 чел.) погostов. В 1666 г. двое из них получили «полное» для них рейтарское жалование (по 10 руб.), дав «сказки», что «церковных и никаких бобылей за ними нет»<sup>146</sup>.

На основании всех этих данных можно предположить, что сбор осуществлялся по образцу рязанского и владимирского (1660–1661 гг.), а в связи с учетом этих рейтар по погостам Торопецкого уезда они получили в документации сокращенное наименование «погостских»<sup>147</sup>.

**«Поляки» и «иноземцы».** Под первыми подразумевались, в основном, литовцы и, в первую очередь, жители Белоруссии. Они попадали

<sup>140</sup> АМГ. Т. 3. С. 234 (№ 236).

<sup>141</sup> ПСЗРИ. Т. I. С. 524 (№ 288).

<sup>142</sup> Там же. С. 524, 525 (№ 289).

<sup>143</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 266.

<sup>144</sup> Там же. Л. 176.

<sup>145</sup> Там же. Л. 235.

<sup>146</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 520

<sup>147</sup> Там же.

в рейтары несколькими путями. Во-первых, это были «присяжные» шляхтичи Полоцкого воеводства, служившие под началом Хованского в 1659–1663 гг., которые по челобитью записались в его рейтары (возможно, из-за бедности)<sup>148</sup>. Овладев юго-западом Литвы, боярин в марте 1660 г. сообщал царю о князе Ф. Горском, который пообещал «затягать» на его службу 500 драгун и хорунги шляхетские<sup>149</sup>. Этот отряд был без труда разгромлен и взят в плен 30 апреля 1660 г. «коронным» «подъездом» поручика М. Скшетуского (прототипа героя романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом»)<sup>150</sup>, но кто-то из него мог уцелеть и остаться при войске Хованского. Наконец, известно о записи в рейтары Новгородского разряда пленных поляков, принявших православие («новокрещенов») и пожелавших поступить на государеву службу<sup>151</sup>. Так, в январе 1663 г. на Луках Великих числилось «рейтарского строю... из литовских полонянников пеших же и безоружных и худы 67 ч.»<sup>152</sup> – со временем их всех зачислили в пешие или конные казачьи станицы..

В составе полка Т. Бойта (псковского) минимум 10 «поляков» участвовало в битве при Полонке и еще 3 были в «посылке»<sup>153</sup>. В марте следующего года часть из них оказалась уже в гусарах, и они же, беспоместные, стойко держались в строю и весь последующий поход. Как видим, это были надежные и опытные бойцы – один даже стал «учителем гусарского строя»<sup>154</sup>. Кроме них, в полках состояли несколько «иноземцев» – судя по именам, «немцев» (или шведов и датчан), каким-то образом зачисленных в рядовые «рейтарского строя».

### *Рейтары из солдат*

В 1653–1654 гг. многие неверстанные дети боярские были зачислены на Москве по бедности в солдатский строй и по ходу боевых действий нередко обращались с челобитными о переводе их, по выслуге лет, в более «честную» и высоко оплачиваемую рейтарскую службу. Так, к 1661 г. было удовлетворено подобное прошение 56 «старых московских солдат» из Браславля (Лифляндский полк А. Л. Ордина-Нащокина)<sup>155</sup>,

<sup>148</sup> В 1663 г. упоминается «полотцкая шляхта рейтарского строю» полка А. Нащокина (псковского) (Столбцы Московского стола. № 341. Л. 97).

<sup>149</sup> АМГ. Т. 3. С. 58 (№ 52).

<sup>150</sup> Chrapowicki J. A. Diariusz. Warszawa, 1978. Cz. 1: lata 1656–1664. S. 242; Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 5. Подробнее о бое см.: Pasek J. Ch. Pamiętniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / Opr. J.Czubek. Lwow, [1929]. S. 88.

<sup>151</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 490. Л. 55–57.

<sup>152</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 143 (датируется по Л. 145).

<sup>153</sup> По спискам на получение жалованья в августе 1660 г.: Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 8об.–10об; 275–390.

<sup>154</sup> Там же. Л. 270 (А. Ф. Дураков убит 25 октября 1661 г. под Кушликовыми горами).

<sup>155</sup> Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 167 (№ 63).

после чего 5 рейтар, видимо, женившихся на местных, оставались в составе пешего гарнизона Борисоглебова до конца войны<sup>156</sup>.

Согласно челобитной луцких крестьян, многие уцелевшие после Литовского похода кн. И. А. Хованского 1659–1660 гг. солдаты «збору 167 г.» (даточные 1658–1659 гг., полк солдатского строя И. Гулица)<sup>157</sup> «стали во Пскове в рейтары, и в стрельцы на Луках Великих и в Витебске и на Невле»<sup>158</sup>. Разряд ратных людей «рейтары из солдат» отсутствует в списках полков, проходя, вероятно, в вольных или казаках, наподобие упомянутых выше беглых стрельцов. Подобный перевод временно служивших крестьян того или иного помещика или монастыря в служилое сословие был мерой вынужденной, продиктованной чрезвычайной обстановкой и ставшей возможной благодаря почти диктаторским полномочиям кн. И. А. Хованского – правда, к концу войны подобное случалось сплошь и рядом<sup>159</sup>. Внешне же перевод старого солдата в рейтары выглядел вполне обычно.

Наконец, упомянем о «заволоченах ямщиках» (т.е. из Заволочья), которые на неизвестных условиях были записаны в Новгородский полк (23чел)<sup>160</sup>, а также о *рейтарах отряда С. А. Змеева*, разбитого при Полонке вместе с Хованским и включенных им в свой псковский полк (26 чел., в т.ч. жилец)<sup>161</sup>: правда, последние после отпуска по домам в марте 1661 г. числились в «нетах». Возможно, вышеприведенный перечень источников и способов комплектования в 1661 г. не является полным.

### Ход комплектования полков

Как видим, весной–летом 1661 г. в Новгородском разряде по всем направлениям развернулась напряженная деятельность по пополнению войска. Боевые подразделения формировались в основном под командованием Хованского – сначала во Пскове, а затем на походе к Полоцку. Пополнялась «сотенная служба» – за счет «новиков» и казаков, увеличивался и «гусарский строй». Так, 25 мая упоминаются «гусары, которые прибраны вновь, 50 ч.»<sup>162</sup> – судя по спискам, это были в основном псковичи, которых после 1661 г. почти не встретишь в «рейтарском строем». После 9 июля, когда их числилось 258 чел. (в т.ч. 173 еще «не бывали»), количество гусар достигло 400 (с начальными людьми), и

<sup>156</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 174 и др.

<sup>157</sup> АМГ. Т. 3. С. 493–494 (№ 582).

<sup>158</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 129. Л. 36 (челобитная 1662 г.).

<sup>159</sup> Так, в 1664 г. в стрелецкую службу во Пскове были зачислены все солдаты из крестьян Троицкого дома и псковских монастырей (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 48–49).

<sup>160</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 292–292об.

<sup>161</sup> Там же. Л. 359 (4 сбежало 1.06), Л. 395 (22 чел. по наряду не бывали).

<sup>162</sup> АМГ. Т. 3. С. 362 (№ 399).

это позволило Хованскому сформировать целый 5-ротный полк «гусарского строя» под началом полуполковников Г. Н. Хлопова, а затем Н. П. Карапулова<sup>163</sup>. Поскольку увеличение произошло снова за счет рейтар, возникли дополнительные сложности с комплектованием последних.

Хованский поначалу решил собрать хотя бы один полный полк на основе псковского (Д. Зыбина) и поэтому включил в него и рейтар – «брестенских сидельцев», и даточных из Новгорода, и большую часть вольных людей. В итоге, при выступлении в поход (19 мая) рейтар насчитывалось 820 чел., а через месяц полк достиг 12-ротного состава (1200 чел.)! В июле боярин выделил новгородцев в их прежние полки, когда стали съезжаться «старые рейтары»<sup>164</sup>. Уже в конце июля он отправлял под Дисну «в подъезд» подполковника Р. Дугласа (из полка Т. Бойта) и полковника Д. Зыбина с их полками<sup>165</sup>. Прибытие новых и новых пополнений подало Хованскому идею в августе сформировать четвертый, «новой полк» Роберта Дугласа<sup>166</sup>. В отличие от переполненных самыми разными даточными, вольными и иными людьми старых полков, этот состоял поголовно из городовых казаков Новгорода, Лук Великих, Пскова и Опочки, насчитывал 600 чел и делился на 8 рот. По всей видимости, большинство этих казаков являлись новоприборными из вольных людей, почему в полку, впервые в практике новгородских рейтар, была введена должность профоса – полицейского чина, отвечающего на наказание личного состава<sup>167</sup>.

Если говорить об общих цифрах, то при выступлении в поход в коннице Хованского состояло всего 1354 чел. («опроче дворянских людей»)<sup>168</sup>; через месяц (11 июня) это число достигло 3132<sup>169</sup>, а всего в списки были занесены имена более 4,5 тыс. чел.<sup>170</sup> В августе, когда «в сход» с Хованским прибыл Лифляндский полк А. Л. Ордина-Нащокина, а также присоединилась полоцкая шляхта, силы объединенной конницы должны были намного превысить 6 тыс. человек<sup>171</sup> – а под Полоцк ожидалось еще несколько тысяч астраханских татар<sup>172</sup>!

<sup>163</sup> Там же. С. 381–385 (№ 436); Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 264–283.

<sup>164</sup> АМГ. Т. 3. С. 395.

<sup>165</sup> Там же. С. 424.

<sup>166</sup> Еще 31 июля Р. Дуглас был подполковником у Т. Бойта, но, по позднейшим сказкам 10 начальных людей, они были переведены с повышением в полк Р. Дугласа в «169 г.», то есть еще до 1 сентября 1661 г. (Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 22–28).

<sup>167</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 397–426: профос Васька Петров (Л. 400об).

<sup>168</sup> АМГ. Т. 3. С. 362 (№ 399).

<sup>169</sup> Там же. С. 385.

<sup>170</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки № 87. Л. 195–430.

<sup>171</sup> Минимум 700 рейтар полковника И. Полуехтова в Лифляндском полку (АМГ. Т. 3. С. 459) и 1100 чел. шляхты, казаков и челяди из Полоцка (Там же. С. 408 (№ 470)).

<sup>172</sup> Там же. С. 413 (№ 477).

## § 4. Кушликовы горы: развал полка Новгородского разряда (осень 1661 г.)

Дальнейшее развитие боевых действий в 1661 г. послужило предпосылкой для нового серьезного преобразования войск Новгородского разряда, что заставляет детальнее остановиться на их ходе – тем более, что ввиду своей важности они уже попадали в поле зрения таких исследователей, как К. В. Базилевич и А. А. Новосельский<sup>173</sup>.

Новая кампания 1661 г. первой перешла в фазу масштабных боевых действий именно в Новгородском разряде, после известий о заключении Кардисского «вечного мира» со Швецией (21 июня 1661 г.) на условиях возвращения к границам 1617 г. и нейтралитета королевства в русско-польской войне. После военных угроз шведов 1660–1661 гг.<sup>174</sup> у России, наконец, были полностью развязаны руки на польском направлении. В конце июля Хованский решительно бросил свою конную лаву с Опочки к Западной Двине, сметая собирающие продовольствие передовые литовские части, а Жмудское войско при известии об этом поспешило к Дисне на помощь «сапежинцам» (дивизии правого крыла)<sup>175</sup>. Так началось противостояние всего полевого литовского войска (15–20 тыс. чел.)<sup>176</sup> с полками кн. И. А. Хованского, которые только на бумаге достигали такой же численности. Надо учесть, что ресурсы враждующих армий были несопоставимы: если в Новгородском разряде его максимальные 10–15 тыс. ратных людей выставлялись с населения в 350–400 тыс. чел.<sup>177</sup>, то двадцатитысячное войско Литвы содержалось двухмиллионным населением<sup>178</sup>.

<sup>173</sup> Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. С. 35–36, 40–41; Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. С. 185, 196.

<sup>174</sup> Ф. 27. Оп. 1. № 176. Л. 72 (весна 1660 г.); Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 166 (весна 1661 г.).

<sup>175</sup> Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladisława Poczobuta-Odlanickiego (1640–1684). S. 46; АМГ. Т. 3. С. 423–424 (№ 492).

<sup>176</sup> «Компрут войска Литовского» 1661 г. см.: Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Proszcza Medekszy ksiega pamietnicza. S. 250–255. В состав его включены части, осаждавшие Вильну, но не учтены «волонтеры», не получавшие жалованья (полк С. Чернавского и др.) По русским данным, в августе 1661 г. литовцы выставили на Двине 12–14 тыс. чел. (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 140).

<sup>177</sup> Около 200 тыс. чел. в Новгородских пятинах (Аграрная история Северо-Запада России. С. 60–68); 90 тыс. – во Псковской земле (История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. С. 108); еще необходимо учесть уезды Лук Великих, Торопца, Торжка, Твери, Старицы.

<sup>178</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 130 и указанная в приложении литература.

По указанной причине грозные в очах противника полки Хованского в действительности испытывали серьезнейшие трудности. Еще на Опочке князь в отписке царю ясно обозначил главную из них – сложность снабжения ратных людей. На существенную помощь из собственных поместий могли надеяться только единицы дворян и детей боярских – остальным же приходилось рассчитывать на сбор хлеба и фуража на месте или на организованный подвоз его из дворцовых государевых житниц. Ни то, ни другое, по мнению боярина, не могло удовлетворительно решить вопрос со снабжением, и он видел выход только в скорейшем «промышлении» над неприятелем и уходе в «жилые места»<sup>179</sup>. Подходом к Двине (у д. Кушликовы горы) выполнив первую задачу, – снятие угрозы Полоцку, – он приступил к переправе за реку, чтобы там собирать продовольствие и разорять уже вражескую территорию<sup>180</sup>.

В это время в Москве было решено придать новый импульс начавшимся боевым действиям, и 3 августа последовал целый ряд соответствующих распоряжений: Лифляндскому полку А. Л. Ордина-Нащокина и крупному отряду астраханских татар предписывалось идти «в сход» к Хованскому, а окольничему кн. П. А. Долгорукому со Смоленским полком – двигаться прямо «под Вильну»!

Более того, Афанасию Лаврентьевичу, только что завершившему Кардисские переговоры, предписывалось «призвать» там на царскую службу в качестве отдельного корпуса шведских солдат, «которые готовлены были к войне», а «ныне без дела... и заплата им давать убыточно», – и король «для дружбы и любви в службу к нам, великому государю, отпускать их поволил»<sup>181</sup>. Должно быть, перспектива найма опытного шведского корпуса и заставила начать поход для деблокады Вильны. Ордину-Нащокину в качестве подчиненного кн. И. А. Хованского поручалось и возглавить наемную рать, и ведать отношениями с остзейскими властями, «для того, что то дело ему заобычей». Однако, то ли из-за кризиса с медными деньгами, то ли по причине нежелания Швеции снова осложнить отношения с Польшей, данная сделка, способная серьезно изменить ситуацию на фронте, не состоялась. Видимо, о неудаче ее стало известно довольно скоро, почему уже 21 августа Долгорукову разрешили вернуться под Смоленск под предлогом крайнего разорения местности, а в сентябре в Москве легко согласились с доводами иноземных генерала и полковников войск самого Хован-

<sup>179</sup> Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. С. 185.

<sup>180</sup> Попытка переправиться через Двину у Кушликовых гор была пресечена войсками М. Паца («Жмудским войском») 3–4 августа, и тогда Хованский перешел на левый берег в Полоцке (*Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladisława Roczobuta-Odlanickiego* (1640–1684). S. 46, 47).

<sup>181</sup> Малов А. В. Русско-шведская война 1656–58 гг. и военное строительство в России. С. 138–139.

ского о нецелесообразности дальнего похода из-под Полоцка. Боярину было велено остановиться под городом на белорусской стороне и не стремиться вступать в «полевой бой» с неприятелем. Что же касается татар, то их, судя по всему, оказалось гораздо меньше заявленных 10 тыс. человек<sup>182</sup>, так что эта «посылка», о которой было объявлено всем действующим воеводам, приобрела скорее пропагандистский характер: о каком-то серьезном участии астраханцев в боях под Полоцком неизвестно и полякам<sup>183</sup>, хотя к ноябрю они там все же появились<sup>184</sup>.

Между тем, эти новые угрозы привели к совершенно нежелательным для Москвы решениям во вражеском стане. Литовцы, подобно их сослуживцам в Короне, выразили недоверие своим предводителям—магнатам и составили конфедерацию. Правда, в противоположность полякам, которые отказались бесплатно выступить на фронт, они поклялись поддерживать строжайшую дисциплину и, пусть без жалованья, защищать свою землю от «московитов». Ян Казимир решил воспользоваться этим, в надежде новой победой укрепить свое пошатнувшееся положение внутри страны, и двинул к Дисне оставшиеся верными ему наемные части во главе с С. Чарнецким. Надо признать, что это был удачно рассчитанный ход: ведь грозный для общественного мнения Речи Посполитой «московит Хованский» проиграл кампанию задолго до решающего сражения.

9–13 сентября маршалок Жеромский, предводитель конфедерации, перевел войско через Двину и расположил его обозом на русской стороне<sup>185</sup>. Литовцы сразу же стали обустраиваться на зиму и распустили «загоны» по окрестностям. Узнав о переправе противника, Хованский отошел за Двину и развернул поначалу успешную борьбу с неприятель-

<sup>182</sup> В 1654 г. из 500 едисанских мурз и татар в Новгородский полк прибыло лишь 372 чел. (*Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте. С. 119*). Столько же – 500 чел – затребовано было в 1678–1679 гг. По данным А. В. Чернова, 2–3 тыс. едисанских и юртовских мурз и татар – это максимально известное число их на государственной службе вообще (по примерам 1629 и 1654 гг.) (*Чернов А. В. Строительство... С. 207–208*). Можно полагать, что Разрядный приказ в целом ориентировался на цифры из отписок астраханских воевод, согласно которым в 1631 г. «едисанских юртовских мурз, которые кочуют под Астраханью, в юртах... 17 ч., табунных голов 6 ч., а с мурзами едисанов по смете с 900 ч., а с табунными головами с 2000 ч.». То же число (2 тыс.) было и в 1635, и в 1636 гг. (*Книги разрядные, по официальным спискам... СПб., 1853. Т. 1. Стб. 352, 353, 818, 921*).

<sup>183</sup> Единственное, Почобут сообщает о пяти бунчуках татарских, захваченных при Кушликовых горах сверх 115 знамен (*Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladisława Poczobuta-Odolanickiego (1640–1684). S. 54*).

<sup>184</sup> Ф. 210. Оп. 19. № 66. Л. 8 («в Полоцке на смотре объявилось четыре тысячи четыреста три человека, опроче астраханских мурз и татар и людей двор[ян]ских, которые за ними писаны, и полоцкой шляхты з боем...»).

<sup>185</sup> *Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladisława Poczobuta-Odolanickiego (1640–1684). S. 49*.

скими «подъездами» под Полоцком, а после подхода войск Ордина-Нашокина сам нанес удар по литовцам, попытавшись выбить их из лагеря. Те контратаковали боярина на его прежних позициях при Кушликовых горах и были разбиты в бою 8 октября. Победители укрепились на удержанном месте, однако здесь их положение резко ухудшилось<sup>186</sup>.

Выбирая в июле позицию при Кушликовых горах – деревне на Западной Двине между Полоцком и Дисной, – Хованский имел в виду прежде всего нужды своей конницы: удобство выпаса лошадей и сбора фуража<sup>187</sup>. В остальной окрестности Полоцка представляли собой настоящую пустынью, неспособную обеспечить войска продовольствием, так что надежда оставалась на обозы из Пскова, Новгорода и Полоцка (куда хлеб доставлялся по Западной Двине<sup>188</sup>). Однако, качественное (в смысле конского состава и обеспеченности) и численное превосходство литовцев в коннице вскоре позволило им сильно затруднить снабжение русских войск<sup>189</sup>. Полковник С. К. Огинский даже отбил 7 сентября обоз с казной на жалование русским ратникам<sup>190</sup>.

Дело усугубило неожиданно раннее похолодание: в Москве уже 22–25 сентября выпал первый снег, после чего зарядили дожди<sup>191</sup>. Резкое ухудшение погоды отметил и гусар Почобут-Одляницкий – как раз наутро после возвращения Хованского в свой старый лагерь (6 октября): «Постыдно нам, стоящим под крышей, докучило: раз мы уже к зиме в обозе были готовы, построили избы, так рассудили мы, что Москве, стоящей в поле без шалашей, надоест тот плеск, и что отступят по-позавчерашнему. Но они немало о том не думали и не заботились ни о чем под палатками», но решительно атаковали литовцев<sup>192</sup>. Эта решительность, делавшая честь Хованскому и его войску, не была соотнесена с пределом стойкости его большей частью новонабранных ратников. Солдаты, страдавшие от голода и холода, и, главное, давно привыкшие к относительной безнаказанности за дезертирство, стали стремительно разбегаться: всего за две недели (8–25 октября) их полки сократились более, чем вдвое. От пехоты не отставали и новонабранные рейтары Новгородского разряда; первыми по домам подались монастырские слуги и вольница. Самыми стойкими, как обычно, оказались знатные и более обеспеченные дворяне сотенной службы, зато в полку Р. Дукляса, целиком составленном из городовых казаков,

<sup>186</sup> Ibid. S. 50.

<sup>187</sup> АМГ. Т. 3. С. 424 (№ 492).

<sup>188</sup> Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 150–156.

<sup>189</sup> Гордон П. Дневник. 1660–1668. С. 114.

<sup>190</sup> Polski słownik biograficzny. Wroclaw, 1978. Т. 23/4. S. 639.

<sup>191</sup> Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165–7183. М., 1908. С. 105.

<sup>192</sup> Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladisława Poczobuta-Odlanickiego (1640–1684). S. 50–51.

к 25 октября рядовых осталось меньше, чем начальных людей<sup>193</sup>! Боярин, возможно, надеялся еще на подкрепления и не видел срочной необходимости оставлять обживаемый лагерь перед лицом недавно побежденного неприятеля, на почве чего рассорился с возглавлявшим пехоту генерал-поручиком Т. Далиелем<sup>194</sup>.

Равновесие сил нарушил приход С. Чарнецкого с верными Яну Казимиру коронными частями – преимущественно, необходимой для штурма полевых укреплений «немецкой» пехотой<sup>195</sup>. Атакованное 25 октября многократно превосходящим в силах противником, войско Хованского все же дало ему жестокий бой, «с уроном на обе стороны»<sup>196</sup>, а пехота после обычного бегства конницы даже отступила с частью<sup>197</sup>. Урон на этом «отводе» составил менее 1 тыс. чел. у Новгородского и несколько сот чел. у Лифляндского и «генеральского» (солдатского Т. Далиеля) полков<sup>198</sup>, но был чудовищно раздут королевской пропагандой: утверждалось, что из 20 тыс. «московитов» в Полоцк смогла уйти едва тысяча<sup>199</sup>. В действительности, убитыми и ранеными поляки потеряли едва ли меньше<sup>200</sup>, и большая часть русских потерь пришлась на пленных, что объясняется низким моральным духом и новобранцев, и уставших от войны ветеранов. Это прекрасно иллюстрируется уроном в старшем начальном составе конницы: в плен попали командиры гусарского и трех ратных полков Новгородского разряда, а погиб только один – полковник Р. Дукляс<sup>201</sup>.

Хованский, снабдив Полоцк достаточным гарнизоном и «сметясь с хлебными запасы»<sup>202</sup>, отступил оттуда по указу царя на Невль (до 14 ноября). Здесь его нашел срочно высланный кн. П. А. Долгоруковым из-под Смоленска отряд кн. Д. Барятинского (2 ратных и

<sup>193</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 397–416.

<sup>194</sup> Гордон П. Дневник. 1660–1668. С. 114.

<sup>195</sup> Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. Warszawa, 1963. S. 453–454; Nagielski M. Liczebność I organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648–1668). S. 116, 119 (список участвовавших полков – 5 пехотных и 1 драгунского).

<sup>196</sup> Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 171 (№ 64).

<sup>197</sup> Малов А. В. Государевы выборные московские полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Цейхгауз. 2001. № 2 (14). С. 6.

<sup>198</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87.

<sup>199</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. С. 114, 326 (указание на польские источники).

<sup>200</sup> Попав в засаду, погибли многие шляхтичи – «сапежинцы» во главе с конфедератским командиром этой дивизии (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 376): ср.: АМГ. Т. 3. С. 458 (№ 535) и Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 252–253 (показания «выходца из полона»).

<sup>201</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 274об., 306об., 338, 381, 424об.; через год в вышедших из полона в Новгородском разряде числилось 168 чел. дворян. детей боярских и казаков (Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. С. 10)

<sup>202</sup> АМГ. Т. 3. С. 465 (№ 544).

1 драгунский полк, 2662 чел.)<sup>203</sup>. Однако, еще 8 ноября последнему было указано вернуться к Смоленску (отправился 24 ноября), а к 6 декабря и полки Хованского перешли в Луки Великие<sup>204</sup>. Главной причиной отхода стала, скорее всего, все та же бескормица. Сокольник А. Журавлев, побывавший на Луках в конце декабря, нашел войско в плачевном состоянии: «А ныне де у него, боярина и воевод [со то]варыщи, и у сходных воевод в полк[ах]… конных и пеших людей с 5000, и конные все пеши ж, по[то]му что у них лошади на боях побит[ы], а иные поиманы на последн[ем] бою (?), а досталные в Полотцку и идущи [из По]лотцка на дороге от бескормицы п[опа]дали». Ратные люди просятся домой и угрожают самовольным отъездом, «для того, что они беззапасны и бес]платны и всем скудны»<sup>205</sup>.

В Москве стало очевидно, что Хованский не смог справиться со снабжением своих войск и проиграл стратегически. По поводу дальнейших действий в Боярской Думе разыгрались страстные споры: царский тесть кн. И. Д. Милославский, глава Стрелецкого, Иноземского и Рейтарского приказов, заявил было, что если назначить во главе войска его, то он приведет в пленных самого польского короля. Алексей Михайлович резко оборвал его: «Как смеешь ты, страдник, хвастаться своим искусством в деле ратном? Когда ты ходил с полками? Какие победы показал над неприятелем?» – после чего схватил боярина за бороду и вытолкал из комнаты<sup>206</sup>. Возможно, на этом же совещании было принято решение о назначении главой Новгородского разряда боярина кн. Б. А. Репнина (объявлено 13 ноября 1661 г.<sup>207</sup>). Для Хованского это вряд ли можно назвать опалой: отпуская сокольника Журавлева, он сам велел передать царю просьбу об отзыве его или Ордина-Нащокина «для… государевых многих надобных дел, которые к нынешнему времени пристойны быть к Москве»<sup>208</sup>. В данный момент на его посту был необходим более сильный администратор, способный разобраться в сложившейся ситуации и найти выход из кризиса. Эту миссию Алексей Михайлович доверил опытному и, главное, честному боярину кн. Борису Александровичу Репнину.

Многие годы бывший царедворцем стольник, а с 1640 г. боярин Репнин (родился около 1600 г.) выдвинулся во время т.н. «счетного дела», когда по указу царя Михаила Федоровича был назначен расследовать огромные денежные хищения в приказе Сбора ратных людей. В качестве главы Счетного приказа (9 октября 1640 – ноябрь 1642) он кропотливо разобрался в сложной цифри приказного делопроизводства

<sup>203</sup> Там же. С. 454 (№ 529, 530).

<sup>204</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 2–3.

<sup>205</sup> Там же. Ст. II. Л. 28.

<sup>206</sup> Мейерберг А. Путешествие в Москвию. М., 1874. С. 35.

<sup>207</sup> ДДР. Стб. 296–297.

<sup>208</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 27.

и определил вину дьяков. Задев при этом интересы могущественного клана Шереметевых, он вначале был пожалован крупными денежными придачами к окладу, но после смерти своего покровителя кн. И. Б. Черкасского отослан под Тверь «сыскивать руды золотые» (!), а затем на 4 года – в Астрахань воеводой, да к тому же обвинен в излишней жестокости. Получив на юге богатейший дипломатический и административный опыт, Репнин был возвращен новым царем Алексеем Михайловичем в Москву на должность судьи во Владимирском Судном приказе (в период народных возмущений 1648–1649 гг.). Сами за себя говорят и дальнейшие назначения: ведение переговоров с литовскими послами в Москве в 1652 г. и руководство посольством в Польшу в 1653 г., в самый канун войны<sup>209</sup>. Не менее важными были и военные поручения: с 1650 по 1653 г. он руководит формированием обширного Белгородского разряда – военного округа, который навсегда преградил путь татарам в центр России и стал резервом людских ресурсов для войны на Украине; весной 1656 г. воеводой в Смоленске готовит Государев поход на Ригу; в 1659–1661 гг. – возглавляет Смоленский разряд – т.е., по сути, все гарнизонные и значительную часть полевых войск в Восточной Белоруссии, по Западной Двине до Полоцка и на Смоленщине<sup>210</sup>. Таким образом, к моменту нового назначения престарелый Репнин обладал богатейшим военно-административным опытом, подолгу руководя жизнью таких разных и важных регионов, как Астрахань, Белгородская черта и Смоленский разряд, и более 10 лет заведя самыми боевыми соединениями русской армии – большей частью уже «нового строя». Вхождение в курс дела на новом месте назначения должен был облегчить его сын, боярин кн. Иван Репнин, с начала 1661 г. ставший воеводой Великого Новгорода<sup>211</sup>.

Назначение это состоялось 13 ноября 1661 г., и уже в это время городовым воеводам Новгородского разряда были направлены грамоты с указанием собирать бежавших из войска ратных людей у себя, не отсылая обратно в полки<sup>212</sup>. Протесты Хованского, что «неприятелю... то к радости, что... ратные люди к нам... в полк не высланы, а збирают их

<sup>209</sup> Репнин Борис Александрович // РБС. СПб., 1913. Т. [16]: Рейтерн-Рольцберг. С. 83–85; Яковлев А. И. Приказ Сбора ратных людей 146–161 (1637–1653) гг. М., 1917. С. 463–466, 526.

<sup>210</sup> Чернов А. В. Строительство... С. 916, 956, 957.

<sup>211</sup> Барсуков А. П. Списки городовых воевод и иных лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 154–155.

<sup>212</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 225–226 (отписка от 29 декабря 1661 г.); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 4 (отписка Хованского о таком указе (к 8 декабря 1661 г.) кн. Щербатову во Псков). 8–11 (отписка кн. Щербатова от 20 декабря 1661 г.).

в осаде», а те, которые, «помня твое великого государя крестное целование, были до сякова времени на твоей Великого Государя службе» в полку, готовы разбежаться, пропали втуне. 7 января неудачливому воеводе было велено отступить во Псков, отправив своих товарищей в Москву; видимо, по получении указа оставшиеся у него войска рассредоточились по принадлежности: часть в Новгороде, часть – во Пскове, а часть осталась на Луках. Наконец, 17 января Хованский был отозван в Москву<sup>213</sup>, – правда, дожидаясь смены, он продолжал боевые действия псковскими частями еще спустя месяц<sup>214</sup>.

Вернувшийся в столицу князь Хованский пользовался популярностью в народе и обладал весом при дворе, что особенно проявилось во время Медного бунта 25 июля 1662 г. Именно он был послан тогда царем из Коломенского в Москву «уговаривать, чтоб... смуты не чинили и домов ничьих не грабили...» Ответ простых «людей многих» на его обращение к ним замечательно демонстрирует отношение к Тарарью, сложившееся за время эпических походов Новгородского полка в 1657–1661 гг.: «Что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против польского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал изменников бояр, которых они просят»<sup>215</sup>.

## § 5. Воеводство кн. Б. А. Репнина и реорганизация конницы Новгородского разряда (1662 г.)

По прибытии в Великий Новгород новый воевода застал в сбore неожиданно многочисленное войско – около 3 тыс. чел. Вскоре он получил повеление распустить его по домам до нового срока, однако задержал ратников еще на целых полтора месяца (до 21 марта) «по вестям» о воинственных намерениях литовцев и боях под Луками и Невлем<sup>216</sup>. Наличие в городах сильных отрядов, действительно, удерживало тогда противника от развития наступления: «А про то де ведают, что великого государя ратные многие люди разбежались по домом, и по тех де великого государя ратных людей посланы в города, а велено их збирать. И оне де того опасаются: ведают, что те великого государя ратные люди в целости и, собрався, станут над ними промышлять», – сообщал «выходец из полона» рейтар К. Скворцов еще 11 ноября 1661 г.<sup>217</sup> В городах полки

<sup>213</sup> ДДР. Стб. 303, 305.

<sup>214</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 23: 12 февраля 1662 г. он отправил «посылку немалую» на Красный и Улех, отказываясь сдавать дела кн. Щербатову.

<sup>215</sup> Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 92.

<sup>216</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 93–95, 129, 257.

<sup>217</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 252–253.

быстрее пополнялись за счет постоянно ссыкиваемых беглых, ратные люди меньше страдали от голода и холода, а их лошади от бескормицы. В январе 1661 г. на Луках Великих числилось 637 чел. конницы, во Пскове – также несколько сот чел.<sup>218</sup>; в марте в самом Новгороде явились на смотр 1579 всадников (461 чел. в сотнях, 143 гусара и 975 рейтар)<sup>219</sup> – и это не считая старичан, новоторжцев и тверичей<sup>220</sup>. Таким образом, и без новых пополнений численность конницы разряда была восстановлена до уровня кануна битвы при Кушликовых горах 25 октября.

Репнин в первую очередь озабочился вопросом обеспечения ратных людей. Урожай 1661 г. был хорошим<sup>221</sup>, дворцовые житницы в Новгородской земле наполнились, но крестьяне взвинтили цены и не спешили продавать хлеб за медь. Выход был найден: по предложению боярина, 19 марта последовал указ собрать со всех земель Новгородского уезда на 7170 г. (1661–1662) общегосударственный налог, «стрелецкий хлеб», не деньгами, а зерном, «против замосковных и украинных городов»; покуда же его не соберут, давать годовое жалованье стрельцам, казакам и иным служилым людям «по прибору» не деньгами, а из «псковского привозного хлеба», из дворцовых житниц. В строках указа читается забота о простых «жилетцких… бедных и скучных людях, которым… за скучостью и за дорогою ценою хлеба купить немочено»: им, по совету с митрополитом Макарием, властями монастырей, дворянами и посадскими людьми Новгорода, было велено продавать тот же хлеб по твердой «указной цене», а иным – и давать в долг, чтоб им «голодом не помереть»<sup>222</sup>. Через два месяца боярин удовлетворил челобитную о хлебном жаловании иноземцев-начальных людей «нового строя», которые «от хлебные дороживши оскудали без остатку», чтобы позже они не учинили «дурна какого» в бою<sup>223</sup>. Наконец, есть данные о том, что казенный хлеб выдавался и дворянам и детям боярским<sup>224</sup>. На будущие нужды полка оставшийся в дворцовых амбарах хлеб было велено доставить из Пскова на Опочку, куда ожидался поход ратных людей<sup>225</sup>.

<sup>218</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 60; по данным кн. Б. А. Репнина. псковских и опочецких конных ратных людей насчитывалось более 700 чел. (Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. С. 9–12).

<sup>219</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 129.

<sup>220</sup> Там же. Л. 60.

<sup>221</sup> Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. С. 40–41.

<sup>222</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 344. Л. 15–17.

<sup>223</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 63–65; ср.: Гордон П. Дневник. 1660–1668. С. 106, 115–116.

<sup>224</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 28 об. (челобитная И. Лупандина о выдаче хлеба из казны «против моей братии»).

<sup>225</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 344. Л. 86, 99–100.

Не менее важной заботой, как и следовало ожидать, оказался новый сбор ратных людей. А между тем, набеги литовских волонтеров на русские уезды, в том числе на переданные в ведение кн. Б. А. Репнина «Лифлянского полку города Борисоглебов, Лютин» (указом от 20 марта 1662 г.), вынуждали спешить с выступлением на их защиту<sup>226</sup>. Дворяне и дети боярские, несмотря на угрозу отписать на Государя поместья «нетчиков» «безповоротно», опоздали к указанному сроку (29 июня) и собирались только в течение июля или даже позже<sup>227</sup>.

Логично в данной ситуации, что «наперед» в срочном порядке были посланы наличные силы. В коннице ими оказались новгородские и ладожские казаки рейтарского строя (в сотенной службе таковых не осталось уже с 1659–1661 гг.), «новоприборные рейтары» и даточные рейтарского строя, которых во главе с полковником Г. Фаншеином направили 29 июня из Новгорода на Опочку<sup>228</sup>. Туда же напрямик двинулись ратные люди, собранные на Луках Великих. Исключений для высылки на службу не делалось и для «раненых, и отставных, и недорослей» – боярин обладал полномочиями верстать новиков и разбирать ратных людей по-новому<sup>229</sup>. Все эти мероприятия и создали предпосылки для новой, последней за войну принципиально важной реорганизации «полковой службы» конницы Новгородского разряда.

Приводя в порядок обеспечение жалованьем ратных людей, Репнин перевел полностью в рейтарский строй псковских и луцких казаков – вслед за новгородскими и ладожскими. Перед выступлением из Новгорода он свел всех дворян и детей боярских рейтарского строя из Великого Новгорода (всех пятин, а также детей боярских Софийского дома и новокрещенов), а также из Твери, Торжка и Старицы в один рейтарский полк, а сотенных и гусар тех же городов – в соответствующие сотни дворянские и роты гусарского полка. По такому же принципу по полку рейтар были созданы в других центрах сбора ратных людей – из псковских и великолуцких всадников этого строя. Упомянутые выше незнатные ратные люди рейтарского строя, высланные раньше всех из Новгорода на Опочку, составили отныне второй новгородский полк Г. Фаншеина. Наконец, проведя во Пскове своеобразную «аттестацию» начальных людей своих полков, которых из-за возвращения многих в строй из полона или после ранения оказался большой излишek<sup>230</sup>, бо-

<sup>226</sup> Там же. Л. 14, 64–68, 85–86, 109–110.

<sup>227</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 85–169; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 182.

<sup>228</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 305; № 126. Л. 218.

<sup>229</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 229; № 129. Л. 19.

<sup>230</sup> Данные «сказки» см.: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 13–59.

ярин оставил в полках только необходимое количество, а остальных свел «в особую сотню заполковых начальных людей»<sup>231</sup>.

Общая численность конницы по росписи достигла 4600 чел. (в т.ч. 1833 – в сотнях, 62 – заполковых начальных людей, 405 – в гусарах, 2301 – в рейтарах)<sup>232</sup>. Правда, на этот раз боевой поход всего войска к Погоцку так и не состоялся по причине временного перемирия на период «посольских съездов».

Уже весной 1662 г. характер боевых действий здесь сильно изменился: многочисленные и хорошо снаряженные «волонтерные» или «партизанские» отряды литовских полковников (типа знаменитых «лисовчиков»), базируясь на Дисне или в Себеже, стали совершать методичные набеги на порубежные Псковский и его пригородов, Пусторожевский и Великолукский уезды, жечь деревни, сечь и уводить в полон крестьян, захватывать хлеб и фураж. Для эффективного противодействия им необходимо было содержать мобильные полки постоянной боевой готовности по всей границе. Осознав это, Репнин вначале выслал передовые отряды на Опочку, а затем выдвинул «посылку» воеводы пусторожевца И. Н. Суморокова ближе к Лукам, сообщив в Москву, что «бес полкового, государь, воеводы на Луках Великих быть немочно»<sup>233</sup>. С наступлением зимы он разделил войско на три части: одну – во Пскове, вторую, со своим товарищем кн. С. И. Львовым – на Луках Великих; с остальными же отступил в Новгород<sup>234</sup>. Как раз в это время партизаны Чернавского и Дятловича, нарушив перемирие, «изгоном» взяли Усвят (16 декабря 1662 г.), и стольник Львов сумел оперативно перехватить их на Уще, отбив обоз, освободив всех пленных и отняв трофеи<sup>235</sup>. Таким образом, предложенная Репниным схема обороны очень скоро оправдала себя на деле.

Между тем, престарелый боярин был, мягко говоря, в ужасе от состояния войск Новгородского разряда. По его «скаске», многие рейтары и даже гусары «малоконны, а иные и бесконны»; вскрылись страшные злоупотребления в высылке солдат, которых, несмотря на прибытие более тысячи московских стрельцов, невозможно было надолго удержать в полках; низкое качество монастырских даточных вызвало предложение собирать вместо них с монастырей серебряные деньги<sup>236</sup>, и т.п. Даже в полковом делопроизводстве царила анархия: во Пскове

<sup>231</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №136. Л. 146–147, 243, 245–246.

<sup>232</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. М., 1911. С. 10, 11.

<sup>233</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 123.

<sup>234</sup> Там же. Л. 269; Записная книга Московского стола 7171 г. С. 508–511.

<sup>235</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 170–181об., 185–188; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 161, 165.

<sup>236</sup> Там же. С. 12–14.

не было списков ратных людей – их увез с собой Хованский; дьяки не являлись к боярину на Съезжий двор – считать расход денежной казны и разбирать чelобитные ратных людей. «А я, холоп твой, человеченко старой, твоих великого государя полковых... дел честь и смотреть не вижу»<sup>237</sup>, – жаловался боярин, и, наконец, отпросился в Москву, поначалу на время: «И многое, государь, в салдатцком зборе и с монастырь в конных даточных и в посошных с подводы в Новгороде во всяком полковом деле нестроенье, и не доложа тебя, великого государя, не видя твоих, великий государь, пресветлых очей, мне, холопу твоему, построить немочно»<sup>238</sup>. В конце января боярин покинул пост главы Новгородского разряда и, видимо, сделал все, чтобы больше на него не возвращаться: вскоре он принял начало над более привычными ему делами Белгородского разряда, разбираясь в деятельности уже другого «стратига» Алексея Михайловича – боярина кн. Г. Г. Ромодановского.

## Выводы

Нужды перехода к новым, линейным формам боя, а также более полного и эффективного обеспечения беднейших служилых людей вызвали формирование полков рейтарского строя, осуществленное в Новгородском разряде во время разбора 1659 г. Разбор этот знаменовал собой важное разделение ратных людей на сотенных и рейтар, после чего внутри разряда стали постоянно сосуществовать два типа боевой организации: прежняя сотенная и новая – рейтарского образца.

Нововведения в сотенной службе заключались в окончательном оформлении в виде военно-сословной группы станиц копорских и сомерских казаков, обязанных отныне нести дальнюю конную службу, а также в переводе в разряд «служилых иноземцев», близкий к новгородским новокрещенам, отряда запорожцев – «черкас». Далее структура войск старого строя менялась лишь в количественном и персональном отношении: за счет присоединения новых (ржевичи, зубчане, чины московские Новгородского разряда) или убытия наличных (городовые казаки, полоцкая шляхта) отрядов служилых людей. Все это вновь не выходит за рамки традиционной сословной службы. Эволюция же войск нового образца представляет собой более сложных процесс.

При создании частей рейтарского строя в Новгородском разряде сословные группы рейтар – дворян («города») и рейтар – казаков («станицы») не дробились, а приписывались полностью к тому или иному полку, что внешне напоминает прежнее деление их между воеводами – «товарищами». При этом, в каждый из полков были включены и ка-

<sup>237</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 19.

<sup>238</sup> Там же. Л. 265.

заки, и дворяне в схожих соотношениях. Распределение это было, видимо, закреплено соответствующими документами в Рейтарском приказе и повторилось при новом сборе войск в 1661 г. Однако, внутри полков при росписи в роты сословный принцип уже не соблюдался вовсе. Начальные люди не заботились о соблюдении их чести в этом плане: дворяне и дети боярские разных «городов» и чинов, поместные или кормовые казаки разных станиц являлись для них просто рядовыми рейтарами той или иной роты или полка. Главными условиями успеха и самой возможности проведения подобной реформы стали как служилая психология государственных ратных людей в целом, так и удаление в разряд «сотенной службы» наиболее знатной и, по местническим причинам, строптивой в вопросах чести группы дворян.

Бедственны потери 1660 г. привели к необходимости пополнения рядов рейтар новыми кадрами, за счет максимального напряжения мобилизационных ресурсов Новгородского разряда. Для этого пришлось обратиться к новым источникам комплектования: набору конных даточных из монастырей и архиерейских владений, а также с прожиточных поместий дворян и детей боярских; к прибору вольных людей в казачьи станицы рейтарского строя или напрямую в рейтары.

Надо сказать, что, за некоторым исключением, все эти пути были вполне традиционными для Московской Руси. Однако, в столь массовом порядке новых людей к конной службе смогли привлечь только благодаря тем возможностям, которые давала практика рейтарского строя: т.е., благодаря централизованному снабжению оружием, крупному жалованью, хорошо разработанной методике регулярного обучения и своеобразным требованиям западного линейного строя, не нуждавшегося в хорошей одиночной подготовке рядовых.

Закономерное стремление смешать в одном строю опытных воинов и новобранцев привело к окончательному распылению военно-сословной структуры прежних полков: в каждой отдельно взятой роте мы находим бойцов самого разного происхождения. Новый «казачий» полк Р. Дукляса, на самом деле, не сильно отличается от старых – ведь в списках составивших его станиц соседствуют и старые, и новоприборные казаки рейтарского строя.

Привлечение новых источников комплектования позволило восместить потери 1660 г., однако новая, внесословная структура конницы рейтарского строя Новгородского разряда не выдержала испытания на прочность осенью 1661 г. Самые крупные контингенты новобранцев – из даточных и казаков и вольных людей – не обладавшие ни хозяйством, ни честью воинского сословия, первыми покинули ряды конницы Хованского в трудное время. Верность своему долгу сохранили, в первую очередь, служилые люди «по отечеству»: как в сотнях, так и в полках нового строя.

Создание частей гусарского строя стало первой реакцией на указанный процесс разложения сословности конной ратной службы, ведь ухудшение морального состояния бойцов здесь самым тяжелым образом сказывалось на боеспособности войска в целом. Роты гусар, выбранные из дворян и детей боярских всех рейтарских полков после поражения при Полонке, в августе–сентябре 1660 г. стали отборным подразделением строго в рамках дворянского сословия и были поставлены выше рядовых рейтар. Престижность гусарского строя поднимали и высочайший авторитет его прообраза – гусарии Речи Посполитой, – и соответствующее богатое снаряжение, и более высокое жалованье, и отсутствие среди начальных людей иноземцев.

Таким образом, всего два с половиной года активных преобразований в коннице Новгородского разряда, происходивших в тесной связи с военными действиями, серьезно изменили все стороны ее организации, вооружения, комплектования, тактики и т.д. Наметился своеобразный дуализм в плане сословности службы: сохраняясь в сотенной коннице, у гусар она даже подчеркивается, а в рейтарских полках – напротив, почти полностью игнорируется. Особенно необходимо подчеркнуть, что все это обусловлено боевой и военно-административной практикой, уроки которой постоянно осмысливались командованием и правительством.

В этой связи несколько особняком стоит последняя по времени крупная реорганизация, осуществленная в 1662 г кн. Б. А. Репниным. Замысел ее родился у боярина, имевшего богатейший военно-административный опыт, в том числе (и в первую очередь) в отношении войск нового строя в Смоленском и Белгородском разрядах. Решение о переформировании рейтарских полков, принимающее за основу близость к месту сбора ратных людей во Пскове, Новгороде и Великих Луках, сразу оправдало себя на практике. Разделение новгородских рейтар на два полка – из дворян и из незнатных ратников – стало новым шагом к восстановлению сословности службы, естественным в том положении. Вообще, можно констатировать, что временная замена страстного вояки Хованского на честного и опытного администратора Репнина, трезвым взглядом разобравшегося и упорядочившего полковую службу Новгородского разряда после нескольких поражений и реорганизаций, полностью оправдала себя.

## ГЛАВА 3

### ОРГАНИЗАЦИЯ КОННИЦЫ НА ИСХОДЕ ВОЙНЫ (1662–1667 ГГ.)

#### § 1. Ход и характер боевых действий

Чтобы глубже осознать суть организации конницы Новгородского разряда, сложившейся в результате реформ, необходимо остановиться на ходе боевых действий в 1662–1666 гг. – тем более, что они почти не изучены в отечественной историографии.

Относительное затишье в Великом княжестве Литовском продолжалось с конца 1661 до осени 1663 гг. Этот период был отмечен только началом систематической борьбы за города Польской Лифляндии (т.н. «Инфлянты») Борисоглебов (Динабург) и Лютин. Дело в том, что после битвы при Кушликовых горах, в связи со сдачей, по условиям Кардисского мира 1661 г., шведам Юрьева-Ливонского, Царевиче-Дмитриева (Кокенгаузена), Мариенбурга и др. ливонских и эстляндских городов, последовало упразднение Лифляндского полка А. Л. Ордина-Нащокина. Теперь задача обороны оставшихся крепостей была возложена на ратных людей Новгородского разряда – небольшой воеводский полк пусторожевца И. Н. Суморокова<sup>1</sup>. Ему, а также полковому воеводе Лук Великих окольничему кн. И. П. Барятинскому (с 24 июня 1663 г.)<sup>2</sup>, пришлось иметь дело большей частью с литовскими волонтерами.

Когда ввиду угрозы Смоленску было указано собирать Новгородский разряд далеко на западе (во Ржеве), беззащитность со стороны литовцев заставила псковского воеводу настоять на оставлении своих ратных людей для обороны собственного уезда; таким образом, они тоже составили отдельный полк (обычно стоявший на Опочке), сперва под началом И. А. Бутурлина (осень 1663 г.)<sup>3</sup>, затем кн. М. Г. Гага-

<sup>1</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 1, 6, 7.

<sup>2</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 546.

<sup>3</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 113–116, 270.

рина (зима 1663–1664 гг.)<sup>4</sup>, а после длительного перерыва, в феврале 1665 г. – кн. В. Гагарина<sup>5</sup>. В остальное время незнатные псковичи иногда усиливали отряд Суморокова<sup>6</sup>.

Такое, на первый взгляд, ошибочное распыление сил оправдывало себя больше, чем сведение их в одном месте за счет оголения рубежа. Узнав о выступлении из ближайшего города русского войска, особенно с обозом и нарядом, волонтеры обычно прекращали набег и спешили уйти без боя; зато, когда кн. И. П. Барятинский опрометчиво поспешил привести своих лучан и торопчан «полковой службы» во Ржев, полки Чернавского и Либика Кривого Сержанта выжгли и высекли посад Лук Великих и «повоевали» уезд, трижды приступали к острогу города и месяц держали его в осаде<sup>7</sup>. Стольнику кн. Д. А. Барятинскому, новому «товарищу» кн. И. А. Хованского, с теми же самыми людьми, лучанами и торопчанами полковой службы, пришлось возвращаться обратно<sup>8</sup>. Выступая «скорым делом» против литовцев, русские не оставались в долгу: лучане при Заболотье отбили обоз Чернавского и разгромили полк Либика<sup>9</sup>, а Сумороков дерзким набегом «выжег и высек» Другу<sup>10</sup>. Однако, в дальнейшем действия волонтеров оказались успешными и на псковском направлении – из-за разногласий воевод и знатных дворян, а в большей степени качественной и численной слабости русских отрядов, разорения хозяйства и падения дисциплины ратных людей. Провал обороны псковских и новгородских рубежей привел даже к решению о строительстве «засечной черты» от Пскова к Витебску и Смоленску для затруднения литовских – по сути, татарского типа – набегов (20 декабря 1664 г.)<sup>11</sup>. В этом случае правительство обратилось к опыту Ливонской войны, когда после взятия Полоцка, в 1564 г., были перекрыты засеками «все дороги между Невлем и Озерищем»<sup>12</sup>.

Скудость собственных запасов и, в связи с этим, стремление во время походов снабжаться за счет территории противника были обоядными у воюющих сторон: стратегические замыслы и ходы командования обычно, при удаче, сводились именно к этому, в чем можно убедится и из дальнейшего хода событий.

<sup>4</sup> Там же. Л. 222–226; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 11, 23–27 (наказы воеводе из Разряда и из приказа Тайных дел от 12 ноября 1663 г.).

<sup>5</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 354–356.

<sup>6</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 566.

<sup>7</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 51–53; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 202.

<sup>8</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86, 87.

<sup>9</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 36–41, 77–80.

<sup>10</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 96–100.

<sup>11</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 79–84.

<sup>12</sup> Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 17.

В сентябре 1663 г. кн. И. А. Хованскому было вновь поручено возглавить полк Новгородского разряда<sup>13</sup>. Теперь его войско собиралось во Ржеве Володимеровой как одна из нескольких ратей, предназначенных воспрепятствовать выступившим в поход польско-литовским войскам атаковать Смоленск или пойти на Москву. Кстати, по показаниям некоторых «языков», причина королевского похода была довольно профанна: «А пошол де король с етманом... на государеву землю... для того, что де в Литве стал голод и ему бы де с полскими и с литовскими людми было чем прокормитца»<sup>14</sup>. Точно такая же мотивировка в большей или меньшей степени присутствовала и в замыслах русских воевод (точнее, высказывалась ими с большей или меньшей откровенностью).

Формально Хованский считался «товарищем» воеводы Большого полка кн. Я. К. Черкасского (Можайск)<sup>15</sup>, а при нужде «в сход» к Тарарую должен был идти второй, менее знатный «товарищ» Черкасского кн. Ю. П. Барятинский со Смоленским полком<sup>16</sup>; такая сложная система подчиненности была призвана устраниТЬ проблему местнических счетов, не затрудняЯ самостоятельных действий воевод. Что же касается причин такого необычного и, казалось бы, неудачного решения о сборе войск Хованского во Ржеве (а не на Луках или во Пскове), то оно, скорее всего, должно было оказать моральное воздействие на литовцев: не случайно в ноябре 1663 г. их лазутчиков на Смоленщине заинтересовал только полк именно этого, самого известного им русского воеводы<sup>17</sup>.

Между тем, еще долгое время полк не представлял собой серьезной силы: лучане на время ушли в «посылку», псковичи так и не прибыли, а новгородцы опоздали со сбором на 3–4 месяца. Боярин, сообщив 26 октября 1663 г. о наличной численности войска в 533 чел., со свойственной ему прямотой писал царю, что «ратные люди из Твери к нему не бывали, а новгородцы неблизких пятин без московские высылки и долго не будут»<sup>18</sup>. Так что долгое время костяк полка составляли дворянские сотни из Ржевы Володимеровой и Зубцова, отныне вошедшие в состав Новгородского разряда; в конце концов, войско пришлось усилить и смоленскими конными сотнями<sup>19</sup>.

<sup>13</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 549.

<sup>14</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 48.

<sup>15</sup> Еще летом 1664 г. переписку по оперативным вопросам Хованский вел с кн. Я. К. Черкасским (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 115, 177). тогда как о беглых сообщал в Москву.

<sup>16</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 3.

<sup>17</sup> Там же. Л. 42–44.

<sup>18</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 28.

<sup>19</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 400 (список беглых ратных людей на 17 апреля 1664 г.)

В декабре литовское войско, убедившись в неприступности Смоленска, двинулось в Северскую землю на соединение с польско-татарско-казачьими силами Яна-Казимира. Узнав об этом, Хованский немедленно (27 декабря 1663 г.) предложил царю совершить силами своего полка рейд по Великому княжеству Литовскому от Белой через Поречье, Толочин, Черепю, Долгинов или Докшицы до Мядзел или Глубокого и далее до Жмуди, «и те места воевать, и итить без мешкоты, нигде не стоять». Узнав о войне в своих землях, литовцы вынуждены будут поспешить с Украины обратно, и действующим там русским ратям «от них будет свобода: бес крови те люди будут выручаны»; бросят «развоевывать» уезды Новгородского разряда и литовские партизаны. Наконец, «осадные люди» из Полоцка и Витебска смогут произвести успешные вылазки в уезды и запастись продовольствием<sup>20</sup>. Подобный поход состоялся с большой задержкой, когда литовское войско уже начало свое бедственное отступление из-под Новгород-Северского, но все же имел громкий успех: ратники Хованского «выжги и высекли» Дубровну, Оршу, Черепю, Толочин, «жги до самого Борисова» и разгромили в трех боях несколько неприятельских полков (16 февраля–27 марта 1664 г.)<sup>21</sup>.

После этого они стянулись под Витебск, где кормились за счет подвоза продовольствия и «сбора кормов» на месте до лета. К тому времени гетман М. Пац вновь собрал войско и сумел в упорном бою на р. Лучасе разбить сильно поредевшие от дезертирства полки Хованского, так что тот с трудом прорвался «обозом» в Витебск (5 и 6 июня 1664 г.)<sup>22</sup>. Нерешительность боярина кн. Я. К. Черкасского и, видимо, упомянутая неудача привели к смене командования: главным воеводой назначался кн. Ю. А. Долгоруков<sup>23</sup>, а на перемену Хованскому, которому было бы «невместно» оказаться у князя Юрия в «товарищах», направлялся окольничий кн. П. А. Долгоруков<sup>24</sup>. В подчиненной последнему рати доля и роль частей Новгородского разряда сильно упали: более надежными и боеспособными оказались рейтары и «выборные солдаты» из Москвы.

<sup>20</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 159–168. Автор доклада не указан, но, судя по начальной фразе о получении им известия об уходе литовцев на Украину в Ржеве Володимеровой, и нахождению сразу после него в столбце списки ратных людей Новгородского разряда во Ржеве, это Хованский.

<sup>21</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 640, 641.

<sup>22</sup> Там же; Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. С. 235 (обстоятельства боя); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 515–517 (вести о разгроме).

<sup>23</sup> С данной сменой командования связан эпизод бегства подьячего Г. Котошихина в Литву: по его словам, кн. Ю. А. Долгоруков потребовал у него ложного поклева на прежнего воеводу, кн. Я. К. Черкасского (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. XIX–XXI).

<sup>24</sup> Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. С. 196; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 242; Книги Новгородского стола. № 11. Л. 9.

В сентябре переформированное войско двинулось к Полоцку, разбив при Чашниках полковника Лукомского (25 сентября 1664 г.)<sup>25</sup>. Соединившись с Лифляндским полком Суморокова, Долгоруков осадил Дисну, но вскоре его товарищ кн. Д. А. Барятинский потерпел поражение «за Лушками на бою в четырех верстах» (11 октября), что вынудило князя Петра поспешно отойти к Полоцку<sup>26</sup>. Здесь он получил подкрепление из войск брата, но новгородцы отказались выступить к Витебску из опасения окончательно поморить лошадей без корма (ноябрь)<sup>27</sup>. Тогда кн. Петр отошел на Невль и на Луки Великие, где и распустил ратных людей Новгородского разряда по домам<sup>28</sup>.

Для обороны Полоцка, Невля и Лютина были оставлены немногие регулярные части из Москвы и Смоленска, но очередной глубокий набег литовцев вновь выявил совершенную незащищенность уездов Новгородского разряда. Полки Чернавского и Соломоновича (1,5–2 тыс. чел.), выступив 20 декабря из-за Двины, вдоль шведского рубежа дошли до Псково-Печерского монастыря, в 20-х числах января штурмовали Порхов, затем отошли к Острову и при выступлении на них полка кн. В. М. Гагарина из Пскова спокойно удалились к Двине, где и поделили добычу. Несмотря на то, что воеводы своевременно узнавали и о подготовке этого набега, и о передвижениях волонтеров, они ничем не смогли помешать им, оттовариваясь нехваткой и «безконством» ратных людей<sup>29</sup>. Более того, из-за опасения литовцев в Борисоглебов не прошли очередные подкрепления и обозы с хлебом<sup>30</sup>. Необходимо было срочно спасать положение, и вслед за указами о немедленном сборе полка Новгородского разряда во Пскове туда были направлены боярин кн. И. А. Хованский в полковые, а окольничий А. Л. Ордин-Нашокин – в осадные воеводы. Прежний же воевода, кн. Ф. Г. Ромодановский, получив выговор за нераденье, был отозван в Москву<sup>31</sup>.

Нехватка боеспособных людей в разряде снова привела к ужесточению норм набора: с поместий отставных дворян, вдов и недорослей, а

<sup>25</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 274–278.

<sup>26</sup> Записные книги Московского стола. I (1664–1665 гг.) С. 86–87, 90, 95 (о бое); Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 386–404 (до 11 октября в «приездах» записывались под Дисной, а с 12-го – в Полоцке); Ф. 210. Дела десятень. № 276. Л. 172–176 (раненые «за Лушками на бою в четырех верстах»); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 141.

<sup>27</sup> Записные книги Московского стола. I (1664–1665 гг.). С. 86.

<sup>28</sup> Там же. С. 96, 10; Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 74–76.

<sup>29</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 119, 153–154, 158; Там же. № 188. Л. 94–95, 219–222, 279, 354–357, 366.

<sup>30</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 102, 103, 399.

<sup>31</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 85–88; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 363–366, 406, 407 (выговор), 460.

также с церковных земель стали брать конного даточного с 15 дворов<sup>32</sup>; подобная повинность впервые была распространена и на монастыри Тверского уезда<sup>33</sup>; в полк вновь назначались испомещенные в Новгородском разряде московские чины<sup>34</sup>; направленным из Москвы «высыльщикам» было предписано отправлять в полки и недорослей, и отставных, что «хоть мало» годятся к службе, и даже «жилецких людей» разного чина конных с ружьем<sup>35</sup>! На этот раз, налаженная уже система сборов не дала серьезных сбоев: уже к концу марта в Пскове собралось не менее 3,5 тыс. чел.<sup>36</sup>, да еще более 1 тыс. прибыло из Торопца на Луки Великие с кн. Петром Ивановичем Хованским<sup>37</sup>, назначенным в «товарищи» к отцу воеводой Луцкого полка.

Оперативная обстановка, казалось бы, уже не требовала широкомасштабных операций, но в дело вновь вмешалась большая политика. В это время в Речи Посполитой вспыхнула гражданская война между поборниками наследственной власти короля Яна Казимира и сторонниками шляхетских вольностей, объединившихся вокруг могущественного магната Е. Любомирского. Литовский гетман М. Пац принял сторону короля, шляхта же на Литве, как и в Короне, разделилась<sup>38</sup>. Контакты с представителями Любомирского и военное давление на Литву облегчили русской дипломатии переговоры о мире<sup>39</sup>. На уровне же Новгородского разряда это вылилось в два последних для него за эту войну, т.н. «борисоглебских» («летний» и «зимний») похода 1665–1666 гг.

Первый из них кн. Хованский начал только после сбора последних конных ратников 9 июля<sup>40</sup>. Соединившись на Опочке с Луцким полком своего сына, он повел 6 тыс. воинов к Друе, которую занял 5 августа после боя его казаков с литовскими волонтерами «об реку» и наведения понтонной переправы через Двину. Затем, «собрав... людей дворянских всех у ково сколько есть, болши трех тысяч, и учиня им значки, и построя ротами», боярин отправил их с казаками «в войну», собирать «кормы» и печь хлеб за реку, оставив дворян у города, а регулярные полки – «в справе» в обозе. 12 августа, собрав загонные отряды,

<sup>32</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 32, 427; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 434–435.

<sup>33</sup> Записные книги Московского стола. I (1664–1665 гг.). С. 289, 299.

<sup>34</sup> Там же. С. 319.

<sup>35</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 238–242, 375–376.

<sup>36</sup> 1317 чел. из Новгорода, 565 чел. московских стрельцов, более 1100 чел., собранных в Пскове, и не менее 365 чел. сомерских драгун (Там же. Л. 409–413, 496–498).

<sup>37</sup> Там же. Л. 432–433.

<sup>38</sup> Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1979. T. XXIV. Z. 4. S. 723.

<sup>39</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. С. 166–181.

<sup>40</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 491–498.

воевода отправился к Борисоглебову, гарнизон которого был снабжен собранным ратными людьми хлебом.

Вечером 24 августа, узнав о подходе литовских полков Чернавского и Соломоновича, Хованский «со товарыщи» выступил на них «построясь и ополченьем». Бой, однако, велся исключительно передовыми сотнями: при появлении основных сил Хованского литовцы отходили, а утром 26 августа вообще бросили обоз и бежали. Через неделю же и боярин, прослышиав о спешном сборе всего войска гетмана Паца, счел за благо увести свои полки обратно на Опочку: задачу они выполнили, а надежд на победу в открытом бою оставалось уже слишком мало<sup>41</sup>. На Опочке, где местность была «нежилой», он также задержался недолго и в начале октября, отпустив полк своего сына на Луки Великие, отступил во Псков, где провел тщательный «разбор» служилых людей<sup>42</sup>.

Выплата жалованья участникам похода состоялась после 29 ноября<sup>43</sup>, а в дальнейшем, поскольку угроза новых набегов противника сохранялась, ратные люди не были распущены по домам вовсю. Для лучшего прокормления в зимнее время их разместили в окрестностях Пскова по архиепископским и монастырским вотчинам: «по человеку да по лошади на крестьянской двор, а салдат и стрелцов новгородских по два человека на двор»<sup>44</sup>. Мера привела к тому, что при выступлении в зимний поход (1 марта 1666 г.), ратных людей оказалось в строю больше, чем предыдущим летом (5085 против 4605 чел.<sup>45</sup>).

Указ об этом походе государь отдал после ряда настоятельных просьб о выручке борисоглебского воеводы Б. Неклюдова, тесно обложенного литовскими полками<sup>46</sup>. Несмотря на тяжелейшие условия: бескорыцу, «небитый путь» глубокими снегами, опасность внезапного нападения противника, – поход был совершен образцово. В коротком бою 18 марта Хованский одержал победу и вынудил противника полностью очистить северный берег Двины, на котором и стоял город. Литовские шанцы здесь были разрушены, а борисоглебский гарнизон в избытке снабжен боеприпасами, продовольствием и «служилым плащем» из Москвы. После этого полк немедленно покинул безлюдную местность и без боя вернулся обратно в Псков<sup>47</sup>.

<sup>41</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 23–25, 43–45.

<sup>42</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 1–12, 27, 126; Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12 (данные разбора).

<sup>43</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 294–295.

<sup>44</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 111–112.

<sup>45</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 547–548; Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 496–498.

<sup>46</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 195.

<sup>47</sup> Там же. Л. 478–492.

В двух последних походах участие в боях дворян и детей боярских было сведено к минимуму, причиной чему послужил все тот же низкий моральный уровень этих ратных людей. Недовольные крутыми мерами Хованского по экономическому и национальному распределению скучного жалованья, некоторые из них, начиная с 1664 г., составляли «коллективные» членовитые (термин ХХ в.) на боярина, требуя его смещения<sup>48</sup>.

Воевода знал об участии одного из своих предшественников, боярина кн. С. А. Урусова, на которого была также подана «членовитная Новгородского разряда ратных людей» (т.е., дворян и детей боярских) и которому за его грубости грозила, хотя бы формально, смертная казнь или ссылка в Сибирь<sup>49</sup>. Это не могло не беспокоить Хованского и вынуждало его с волнением жаловаться царю на верхушку новгородцев, от которых стал «ненавидим...», будто от меня разбор учинился и что не отпустил к тебе, Великому Государю, членовитчиков их бить членом об отпуске – а говорил им, что неприятель стоит за Двиною в собранье: как вам бить членом об отпуске?». Сам он объяснял появление в Москве их « заводной членовитной» недовольством состоятельных дворян, обойденных при распределении жалованья: боярин, выплачивая беспоместным по 15 рублей, производил вычет по рублю за двор во владении, так что имевшим более 15 дворов крестьян денег не досталось.. Членовитная, по его словам, «полковая, только полк про нее не ведает, а завели те членовитные ведомые составщики и гилевщики новгородцы Петр Арыбашев [...], князь Иван Мышецкой, Василий Ушаков, Афанасий Уваров...» Для подтверждения ее массовости Арыбашев «призвал к себе и к советникам своим невинных, которые подобострастны им, велят руки прикладывать, напоя пьяных, а иным неволею»<sup>50</sup> – «сильные люди» города подкрепляли свои действия голосами «подобострастной» им служилой мелкоты.

<sup>48</sup> Часть дела о « заводной воровской членовитной» на кн. И. А. Хованского (Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 469) была опубликована С. М. Соловьевым (*Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. С. 601–603*); позже оно попало в поле зрения таких исследователей, как А. А. Новосельский (*Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. С. 196*), О. Е. Кошелева (*Кошелева О. Е. Коллективные членовиты дворян на бояр (XVII в.). С. 171–177*), И. Л. Андреев. (*Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке. С. 164–175*) и др. Большинство из них рассматривает конфликт в тоне, заданном еще Соловьевым: осуждение излишней жестокости и бездарности Хованского, – не зная истоков дела, обычаяев дворян разряда и конкретной военной обстановки. Лишь Новосельский, чьи работы не страдают этими недостатками, указал на лживость обвинений членовитной и недобросовестность дворян.

<sup>49</sup> Ф. 233. Опись 1. № 102. Л. 110; судя по тому, что престарелый боярин умер под Ригой на службе в составе Государева полка, приговор был отменен (*Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 188.*)

<sup>50</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. С. 601–602.

В подкрепление своих слов боярин сумел собрать заверения со стороны других дворян и детей боярских об их непричастности к такому «воровству», но все же, многие данные говорят об общей усталости от войны служилых людей «по отечеству». На личном уровне это недовольство проявлялось в более частой сдаче в плен в бою и на «подъездах»<sup>51</sup> или даже к измене и переходе на службу к литовцам<sup>52</sup>. Видимо, именно конец этой войны стал отправной точкой того отношения к службе многих дворян, которую с негодованием обличал Посошков: «Дай де Бог великому государю служить, а сабли из ножон не вынимать»<sup>53</sup>.

Между тем, необходимость борьбы с грабительскими набегами литовцев сохранялась, и вся тяжесть ее поначалу легла на пехоту и казаков порубежных крепостей Новгородского разряда. В 1665–1666 гг. командование нашло оригинальное решение данного вопроса: на Опочке и на Луках Великих, в Лютине и Борисоглебове оно разместило станицы донских казаков. Несмотря на то, что многие донцы были пешими, они не только искусно боролись с неприятельскими «загонами»<sup>54</sup> и бились в ертоуле, в «стравщиках» перед главными силами, но и сами успешно ходили в набеги в литовскую землю. Особенно широкий размах эти их походы «за зипуном» приняли в мае–июне 1666 г., когда одновременно три станицы (из Лютина, Опочки и Лук Великих) «воевали» – кто на суще, а кто – на стругах по Двине – в Инфлянтах и Белоруссии. Грабежи и насилие над их жителями вызвали вал челобитных в связи с остановкой боевых действий с конца мая – начала июня 1666 г., когда начались переговоры в с. Андрусово. Воеводам было настрого предписано пресечь подобное в дальнейшем<sup>55</sup>.

Нельзя не отметить связь этих событий с выступлением атамана Василия Уса, которое также произошло летом 1666 г. и рассматривается в историографии как пролог к восстанию Стеньки Разина. Казаки шли на государеву службу в расчете на богатую добычу, о которой им, наверняка, стало известно от их товарищей, воевавших у Хованского и под Смоленском.

Волнения на юге России, поражение Яна Казимира в гражданской войне и турецко-татарская угроза обоим государствам заставила стороны, наконец, пойти на мирные переговоры и обоюдные уступки.

<sup>51</sup> Только «на погосте в Горках на подъезде» (30 июня 1665 г.) в полон попали сразу 14 чел. сотенных дворян и детей боярских Луцкого полка (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 352–366).

<sup>52</sup> Сразу 10 изменников указано кн. И. А. Хованским у новгородских рейтар к марта 1666 г. (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540).

<sup>53</sup> Посошков И. Т. О ратном поведении (1701 г.). С. 268.

<sup>54</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 163–164; № 188. Л. 495: Столбцы Московского стола. № 374. Л. 104, 165–166, 202–204.

<sup>55</sup> Столбцы Московского стола. № 374. Л. 34, 37, 72, 173–191, 255–257.

С лета 1666 г. служба конных ратников Новгородского разряда свелась к усилению гарнизонов Борисоглебова, Полоцка и Витебска для пресечения измены мещан и содержания застав от обоюдных грабительских набегов<sup>56</sup>. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г. все эти города были возвращены Речи Посполитой и остались там почти до конца существования этого государства; по договору 1679 г. в обмен на Киев полякам вернули и порубежные Себеж, Невель и Велиж… На первый взгляд, борьба на этом направлении привела только к обоюдному разорению Литвы и Новгородской земли и гибели лучших их воинов. Однако, в более широком контексте, героическая, хотя местами и непрятальная эпопея ратных людей Новгородского разряда, несомненно, внесла существенный вклад в общий победный исход войны и сокрушение военной мози Речи Посполитой, которая с этого момента стремительно теряет статус самостоятельного субъекта европейской политики и становится объектом политических игр и влияния ее соседей.

## § 2. Боевые подразделения конницы Новгородского разряда в 1662–1667 гг.

В **сотенной службе** (к концу войны состоящие в ней все чаще назывались просто людьми «полковой службы») необходимо выделить тенденцию нового роста ее значения, связанную с реорганизацией разряда и времененным ослаблением полков нового строя. Общая слабость новгородской конницы привела к тому, что с 1662 г. жильцы и иные «московские чины», имевшие поместья и вотчины в уездах Новгородского разряда, стали систематически направляться на службу не в Москву, а в этот полк, составляя там особую, первую по списку сотню. В 1665 г. это привело к упразднению Выборной сотни (вслед за Подъезжей, которой не стало уже с 1661 г.)<sup>57</sup>, функции которой перешли к московскому отряду. С 1663 г. ржевичи и зубчане также поголовно пополнили «сотенную службу», поскольку не имели еще в своей среде гусар и рейтар для полков разряда.

Одной из основных проблем новгородской конницы на последнем этапе боевых действий являлось обеспечение лошадьми. Не смотря на то, что в сотенную службу попали наиболее знатные и состоятельные дворяне, их положение после тяжелых служб 1660–1661 гг. в этой области оставляло желать лучшего. Кн. Б. А. Репнин писал о том, что

<sup>56</sup> Там же. Л. 224–225, 503–506.

<sup>57</sup> В «чиновной книге» полка кн. И. А. Хованского 1664 г. упомянут только голова Выборной сотни (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 640–641, см. также прим. 31 гл. 2 данной работы); по росписям 1665 и 1666 г., отсутствует и Выборная сотня (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 1–2, 536–537).

«добрых и оружных» среди элиты конницы половина, а у новгородцев – вообще треть, а остальные бедны – «и добрые малоконны, а бедные все бесконны». Правда, на фоне плачевного состояния рейтар это было еще не плохо<sup>58</sup>. Вообще, в период кризиса 1661–1664 гг. боевое значение сотенной службы увеличилось: из элиты конницы она превратилась просто в основной ее вид, поскольку у большинства рейтар просто не было лошадей. Кроме того, уровень «нетства» и бегства из полков был среди них сравнительно небольшим. Так, после поражения под Витебском (6 июня 1664 г.) на смотре под Велижем (2 июля) конница Новгородского разряда состояла из 1055 чел. в сотнях, при 360 чел. в рейтарской и 261 чел. – в гусарской службе<sup>59</sup>. И это при том, что по «по наряду» 1662 г., как и в предыдущие три года, ратные люди «нового строя» составляли гораздо более половины конницы.

В отличие от хорошо обеспеченных дворян, станицы вольных казаков сотенной службы превратились в пехоту. В 1662 г. Репнин писал: «Донских, и морских, и копорских казаков 443 ч. Из них 90 ч. морских добры гораздо, а малоконны и бесконны, доведетца им дать жалование и на лошади; а копорские добры-ж, а бесконны; а донские худы, и воры, и бедны, и бесконны»<sup>60</sup>. Станица копорских казаков, слитая с сомерской, иногда выступает в качестве конной (в 1662 г. и летом 1666 г.), однако, морские (прибывшие с Дона в Москву пешими, «на судах») и прочие донские казаки, за некоторыми исключениями, так и остались пешими до окончания боевых действий<sup>61</sup>.

И все же в последние походы войны (до 1666 г.) организационно конница Новгородского разряда выступала практически в том же виде, что и при воеводе кн. Б. А. Репнине (1662 г.), и чтобы лучше понять причины жизнеспособности его реформы, целесообразно остановиться на истории и организации созданных им полков.

### *Первый Новгородский полк рейтарского строя («Великого Новгорода Дворянской полк»)*

Его начальные люди считали полк прямым наследником прежнего полка Д. Д. Фонвизина – К. Фанбуковена, исходя из преемственности офицерского корпуса. Что же касается рядового состава, то он включил в себя дворян и детей боярских рейтарского строя всех пятин Великого Новгорода, Твери, Торжка, Старицы, а также митрополичьих детей боярских и новгородских новокрещенов. Таким образом, в нем

<sup>58</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 12.

<sup>59</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 17.

<sup>60</sup> Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 13.

<sup>61</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 11 (донские и копорские казаки пешие в 1665 г.), 220 (они же конные 1666 г.).

были объединены служилые «по отечеству» обоих полков, сформированных в 1659 г. в Новгороде (Д. Фонвизина и М. Реца), почему в 1665 г. Хованский справедливо назвал его «Великого Новгорода Дворянским полком»<sup>62</sup>. Все эти годы возглавлял подразделение иноземец полковник Яков Одоврин (или Одобрин – O'Dobbern), а в его отсутствие – майор С. С. Веревкин или подполковник Б. Шулепников.

Численность полка напрямую зависела от мобилизационных возможностей служилых «городов», поставлявших в него рейтар. Это отличает его от остальных полков рейтарского строя Новгородского разряда, которые комплектовались фиксированным числом даточных с монастырей или станицами казаков относительно стабильной численности. Два самых неудачных и бедственных года всей войны (1659–1661 гг.) опустошили ряды дворян: от полутора тысяч их в полках Д. Фонвизина и М. Реца к августу–сентябрю 1662 г. в строю осталось 530 новгородцев всех пятин, тверичей, новоторжцев и старицан, 14 новокрещенов да 43 митрополичьих сына боярских. Да и у тех состояние было плачевным: «добрьи... а все малоконны, а иные и бесконны» – писал о них кн. Б. А. Репнин<sup>63</sup>. При отъезде в Москву боярин сдал полк в числе остальных войск своему сыну, кн. Ивану, а последний распустил дворян и детей боярских по домам по указу от 13 февраля 1663 г.<sup>64</sup>

Летом из рейтар новгородских пятин с огромным трудом удалось набрать небольшой отряд для «посольской службы» – почетной охраны русской делегации на переговорах со Швецией. Как известно из сообщения Г. Котошихина, такие «посольские съезды» было принято сопровождать 200 чел. конницы (в данном случае, двумя ротами рейтар) и двумя сотнями стрельцов<sup>65</sup>. Рейтары для этой службы высыпались в Великий Новгород прямо из поместий – по указу от 1 июня 1663 г. 200 чел. «выборных добрых, и полных, и одежных, и конных, и оружных, и людных людей со всею с полною службою»<sup>66</sup>. С большим опозданием собрали только 160 чел. (по 80 в роте), которых с ротмистрами А. Свербеевым и С. Ушаковым отправили в Псков. Разъехавшись по домам в январе 1664 г., эти рейтары избегали высылки на службу еще более полугода<sup>67</sup>, что серьезно ослабило полк Я. Одоврина.

<sup>62</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 4.

<sup>63</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11–12.

<sup>64</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 508.

<sup>65</sup> Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 60.

<sup>66</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 538.

<sup>67</sup> Еще в начале июля 1664 г. новгородский воевода кн. И. Б. Репнин писал, что «рейтары посольские» к Хованскому в полк не высланы (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 535).

Осенью был объявлен новый сбор войск на Ржеве Володимеровой, но из Новгорода отправка в полк была задержана на беспрецедентно долгий срок – с сентября по конец декабря 1663 г. Пожалуй, важнейшими причинами этого стали долгое отсутствие в полку денег на обычное «подъемное» жалованье перед походом<sup>68</sup>, а также казенных и частных (для продажи) хлебных запасов для прокормления «ратным большим людем» в Ржеве<sup>69</sup>, что не могло быть утаено от дворян. Только близкие к городу ржевичи, зубчане, тверичи и их соседи были вскоре высланы прибывшими из столицы московскими дворянами, но и те, простояв там некоторое время без корма, денег и всякого движения, вскоре вновь побежали по домам. Хованский послал воеводам списки «нетчиков», требуя применять к ним новый способ воздействия – сажать в тюрьму крестьян из поместий беглецов<sup>70</sup>. Кроме угроз репрессий, в одной из последних отписок в Новгород об ускорении высылки ратных людей прозвучал новый довод: «И... великого государя указ велено им сказать: по... великого государя указу боярину и воеводе князю Ивану Ондреевичу Хованскому с... великого государя ратными людьми велено итти в войну за Двину, для того: которые полские и литовские люди были около Смоленска и в ыных местех, и те все пошли на Украину. И они б. дворяне и дети боярские и гусары и рейтары и всяких чинов служилые конные и пешие люди, на... великого государя службу шли з большим раденьем и поспешеньем безо всякого мотчанья»<sup>71</sup>. 24 декабря 1663 г. жалованье для войск Новгородского разряда все же выслали, и рейтары получили серебряные деньги по двум статьям – по 15 или по 10 руб.<sup>72</sup>

Несмотря на это, полк собрался настолько слабый, что его пришлось усилить рейтарами из Торопца, несколькими даточными из поместий, а также рейтарами замосковных и южных уездов (известно о 5 одоевцах, володимерце, прончанине, ефремовце и «иноземце» Е. Ф. Волкове)<sup>73</sup>. Если обнаруженная черновая роспись принадлежит к началу 1664 г., он состоял из 423 рядовых, 15 музыкантов и 50 начальных и иных людей штаба – правда, еще без торопчан. Надо сказать, что массовое дезертирство, поразившее войска Хованского под Витебском

<sup>68</sup> Большая серебряная казна (20 тыс. руб.) была прислана к сентябрю во Псков, где первоначально планировался сбор всего разрядного полка, но большую часть этих денег городовой воевода раздал местным ратным людям и съехавшимся офицерам разряда и к 19 октября сообщил Хованскому, что денег во Ржев не вышлет (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 355. Ст. II. Л. 11–12). Только после этого последовала отправка новой «денежной казны» из Москвы. (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 16.)

<sup>69</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 127.

<sup>70</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 14.

<sup>71</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 310.

<sup>72</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 16.

<sup>73</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 7, 8, 118–120.

в апреле–июне 1664 г., у рейтар Одобрина оказалось гораздо ниже, чем в других полках (20 чел. до конца мая и 53 чел. в первой декаде июня)<sup>74</sup>, что сближает их с сотенными и гусарами своих «городов».

Распущенные по домам в декабре, новгородцы стали вновь срочно высыпаться на службу уже через два месяца. Кн. И. А. Хованский принял их в Новгороде 14 марта 1665 г.<sup>75</sup>, но на этот раз со сбором задержались уже новоторжцы, тверичи и старичане<sup>76</sup>. Несмотря на то, что торопецкие рейтары и конные даточные вернулись в прежние полки, а дети боярские Софийского дома были переведены во 2-й новгородский полк (как митрополичьи даточные), численность «Дворянского полка» по списку составила 782 чел. в 1665 г. и 876 чел. – к 1 марта 1666 г.<sup>77</sup> Прирост был достигнут за счет увеличения боевого состава служилых «городов» путем «новичных» верстаний и возвращения в строй (из плена и после ранения) старых бойцов. Тем не менее, проблемы с «конностью» и «оружностью»<sup>78</sup> ратных людей и их явкой в полк сохранялись: в поход 1665 г. (в июле) двинулось только 548 конных и 60 пеших рейтаров<sup>79</sup>, а в 1666 г. – 522 конных и 66 пеших. Уровень «нетства» составил 82 чел. на 8 октября 1665 г. и 265 чел. на 1 марта 1666 г. Несмотря на это, можно констатировать, что к концу войны полк стал наиболее многочисленным конным подразделением Новгородского разряда за счет естественной стабилизации численности служилых людей «по отечеству» в уездах округа.

Судя по числу начальных людей, полк постоянно делился на обычные 10 рот. Черновая роспись, составленная, скорее всего, в начале 1664 г.<sup>80</sup>, показывает распределение рейтар по ротам:

1-я рота – Деревская пятина (42 чел.), новокрещены (15 чел.), даточный (1 чел.);

2-я рота – Обонежская пятина (40 чел.);

<sup>74</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 7, 8, 94–101, 118–120.

<sup>75</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 409–411.

<sup>76</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 170.

<sup>77</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 4, 540.

<sup>78</sup> В марте 1665 г. рейтарам Я. Одобрина было выдано в заем будущего жалования 313 карабинов и 258 пар пистолей (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 150–152); через полгода 58 рейтар из Твери, Торжка и Старицы обратились с просьбой о невычете денег за оружие из-за их бедности (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 264–268).

<sup>79</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 496.

<sup>80</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 60. Л. 170–172. По этому списку в полк уже входят даточные, вольные и «разных городов» рейтары, которых еще не было в 1662 г., а также дети боярские Софийского дома, которые в 1665 г. перешли в полк Г. Фоншина; в нем еще нет торопчан, поступивших в состав полка в начале 1664 г. Не ясно лишь, почему в списке следующего полка, Г. Фоншина (Там же. Л. 173–175), указаны монастырские даточные, находившиеся тогда в Лютине (что не позволяет уверенно датировать роспись).

3-я рота – Бежецкая пятина (41 чел.);

4-я рота – Бежецкая пятина (42 чел.), новокрещены (3 чел), даточный (1 чел.);

5-я рота – Водская пятина (15 чел.), Торжок (19 чел.), из вольных (1 чел.), даточный (1 чел.);

6-я рота – Тверь (28 чел.), Старица (7 чел.), Обонежская пятина (1 чел.), даточные (3 чел.);

7-я рота – Деревская пятина (15 чел.), Бежецкая пятина (12 чел.), Обонежская (4 чел.), «розных городов» (7 чел.), митрополичьи дети боярские (6 чел.);

8-я рота – Деревская пятина (1 чел.), Бежецкая (1 чел.), митрополичьи дети боярские (34 чел.).

Да не вошли в роспись 102 новгородца всех пятин, видимо, прибывших позже и еще не разделенных по ротам. Перед каждым походом рейтары, должно быть, распределялись по этим ротам по-новому – как и прежде при росписи в сотни. Особенно ярко это проявилось при несении «посольской службы» в июне 1666 г., когда две роты было велено выслать из собранных во Пскове войск кн. И. А. Хованского. Князь сразу же отправил майора Степана и ротмистра Меньшого Веревкиных, а также по паре поручиков и прaporщиков со всеми рейтарами Водской и Шелонской пятин (по 66 чел. в роте), с приказанием по пути в Новгород пополнять роты за счет задержавшихся в поместьях<sup>81</sup> – видимо, по его расчету как раз и выходили требуемые 160–200 чел.

О боевом применении рейтар Одобрина в 1662 г. сведений нет – известно только, что на Опочке к 5 октября находились «в посылке» (видимо, с ротой) поручик И. А. Толстой с прaporщиком<sup>82</sup>. Зато в походе 1664 г. полк развил самую активную боевую деятельность. Он участвовал в рейде по Литве февраля–марта 1664 г., в боях под Витебском (5–6 июня), под Чашниками при разгроме и пленении полковника Лукомского (25 сентября)<sup>83</sup> и «за Лушками на четырех верстах», где в числе прочих был побит Чернавским и Дятловичем (11 октября)<sup>84</sup>.

Полк находился в боевых порядках войск Новгородского разряда в обоих «борисоглебских» походах. К 1 марта 1666 г. по отчету Хованского 17 чел. из полка считались без вести пропавшими, а еще 10 – «изменили» (других потерь не было)<sup>85</sup>. Последние сведения вновь обращают нас к очередному всплеску противостояния новгородской

<sup>81</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 430–431.

<sup>82</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 53.

<sup>83</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 274–278.

<sup>84</sup> Ф. 210. Дела десятень. № 276. Л. 172–176; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 141.

<sup>85</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540.

служилой корпорации со своим полковым воеводой – на этот раз с кн. И. А. Хованским.

Рейтары полка во всем чувствовали себя частью своих «городов», пусть и наименее «честной». Они являлись на место сбора в числе сотенных и гусар своих уездов, высылаемые теми же «высыльщиками» и воеводами, так же расписывались «в приезде» и могли иметь собственных «людей в кошу»; во время составления « заводных челобитных» на Хованского они держались «сильных людей» своего города<sup>86</sup>.

### *Великого Новгорода второй полк рейтарского строя*

Полк Готлипа Фоншеина начал создаваться не позднее мая 1662 г. с прибытием в Новгород полковника Г. Фоншеина и иных иноземных начальных людей и рядовых рейтар<sup>87</sup>. На съезжем дворе полка началось обучение музыкантов (из вольных людей и городовых казаков); до 17 мая проведен осмотр оружия у монастырских слуг, а 14-го из Ладоги отправились в Новгород ладожские казаки рейтарского строя<sup>88</sup>. К концу июня формирование полка было завершено, и он в силе 477 чел. отбыл на Опочку в составе передового отряда стольника кн. С. И. Львова<sup>89</sup>.

Новгородские казаки ранее состояли в полку Д. Д. Фонвизина – К. Фанбуковена (1-м новгородском), а в 1661 г. еще и в новом Р. Дукляса; ладожские воевали под началом полковников М. Реца и Я. Бильса (второй новгородский полк). Весной 1662 г. ладожские казаки съездили «для лошадиные покупки на Тихвину и в Заонежье» и уже в конном строю прибыли в Новгород<sup>90</sup>; новгородские же получили по раздаче карабины<sup>91</sup> – в идимо, в засчет уже будущего жалованья. Эти две с половиной сотни служилых «по прибору» были дополнены 112 «ново-приборными рейтарами»<sup>92</sup> из «вольных людей» набора 1661 г. – по всей видимости, жителями Новгорода и его пригородов. Обе группы служили за денежное и хлебное жалованье из казны. Так, известно, что до 20 мая несколько «новгородских казаков рейтар и даточных», записавшихся в приезде и взяв государево жалованье, сбежали из Новгорода. В Шелонскую пятину высыльщикам были посланы «памяти»

<sup>86</sup> Соловьев С. М. Сочинения. С. 601.

<sup>87</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 63–65 (челобитье иноземцев начальных людей о хлебном жаловании от 24 мая 1662 г.); разные списки их (10–15 чел.) см.: Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 51, 52; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 22–26, 60.

<sup>88</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 57об., 21, 54.

<sup>89</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 305.

<sup>90</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 54.

<sup>91</sup> Там же. Л. 129.

<sup>92</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11.

об их поимке, где перечислялись пять казаков, «живут за озером», и несколько новоприборных рейтар<sup>93</sup>.

Совершенно своеобразными оставались условия службы у даточных – второй половины полка. Эти даточные, в массе своей разбежавшиеся из полков еще до боя у Кушниковых гор, были собраны через 1–2 месяца в городах уже не по полкам, а по принадлежности к тому или иному уезду. В марте 1662 г. все они: монастырские и помещичьи, сотенные и рейтары, – вместе были целом о жаловании кн. Б. А. Репнину. Последний выплатил им по 30 руб. – «с прибавкою» против прошлого года (в 1661 г. им давали на подъем по 20 руб. медных денег)<sup>94</sup>, но это все равно не шло ни в какое сравнение с жалованьем остальных рейтар (100–140 руб.)<sup>95</sup>.

Монастырские власти сами отвечали за полноту и качество вооружения своих слуг-рейтар: «чтоб у всякого человека была пара пистолей, да карабин, да сабля»; они же должны были обеспечить каждого «хлебными запасами» (в походе 1662 г. они включали в себя по три полусынины сухарей, четверик толокна, четверик круп, полпуда соли). Полковник проверял качество и полноту вооружения и хлебного запаса, и по его росписи воевода разряда отправлял «памяти» в соответствующие монастыри с требованием устраниТЬ недостатки. В отношении слуг полковник имел власть и обязанность следить и «накрепко» наказывать, вплоть до битья кнутом «нешадно», если слуга не бережет эти запасы, продаёт или пропивает их<sup>96</sup>. Боярин Репнин был недоволен качеством этих даточных, что «ставятца они лошадьми, и кормом, и ружьем самою дорогою ценою», а «с рейтарскую службу их не будет»<sup>97</sup>, однако полковник Фоншнейн, видимо, оказался иного мнения: иначе он вряд ли бы составил свою (первую) роту исключительно из служек Юрьева (23 чел.), Хутыня (35 чел.) и Антоньева (15 чел.) монастырей; майор полка поступил со своей (второй) ротой аналогичным образом<sup>98</sup>. В целом, можно констатировать, что условия службы монастырских даточных не претерпели никаких изменений с начала до конца войны: менялось лишь место этой службы, нормы набора и, соответственно, организация их подразделений (ср. с § 4 Главы 2).

<sup>93</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 334об.–126.

<sup>94</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 115, 116.

<sup>95</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 230, 315, 318–330.

<sup>96</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 21 (память Новгородского Юрьевского монастыря архимандриту Феодосию «с братьею»), Л. 218 (память полковнику Г. Фоншнейну от 28 июня 1662 г.)

<sup>97</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 13.

<sup>98</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220–223 об. (список рейтар полка по ротам на 15 марта 1663 г.); Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 175–173 (в обратном порядке) (черновая роспись рот по виду рядовых).

Прекрасное представление о порядке службы дворянских даточных полка дают «распросные речи» беглого рейтара Петра Патрикеева, приведенного пушкарем Устюжны Железнопольской к местному воеводе 4 февраля 1666 г. Он оказался крестьянином «села Никифорово, деревни Лукьянцова», принадлежащей Тихвинскому «Девичу» (Введенскому) монастырю – заметим, что Тихвинские монастыри ввиду своего расположения были освобождены от поставки конных даточных в полк Новгородского разряда<sup>99</sup>. Вдовы Федора и Семена Лаптевых, Фоки Долгорукова и иные «по складу с пятнадцати дворов» (по нормам уже 1665 г.) наняли его «в конные датошные». «А взял де я с них семдесят рублей... а деньги де у меня наемные с них, у ково я нанялся, взяты не все, а недоимки у меня на них толки всего шестнадцать рублей денег» (имеются в виду уже серебряные деньги). Оставив еще «в дому у отца своего» двадцать рублей, Петр с остальными поехал на государеву службу и пробыл на ней «недель с пятнадцать», очевидно, приняв участие в летнем борисоглебском походе 1665 г. По его словам, бегство из полка кн. И. А. Хованского было вызвано тем, «что у меня лошедь пала, пить и есть стало нечево», – взятых в поход денег не хватило<sup>100</sup>.

Судя по соотношению числа учтенных крестьянских дворов новгородских монастырей и выставленных ими конных даточных, норма набора в 1662 г. составила по одному человеку с 25 дворов (вдвое больше, чем в 1655 г.): по росписи кн. Б. А. Репнина их числилось 184 чел.<sup>101</sup> К концу первого похода полка Г. Фоншеина (март 1663 г.) в нетах оказалось всего 8 рейтар<sup>102</sup>. Даточных с поместьем (по прежней норме один человек с 20 дворов) было 48 чел., а при распуске полка половина из них числилась в нетах<sup>103</sup>. Налицо контраст в обеспеченности и отношении к службе между этими двумя группами даточных: первые, «служки» монастырей, поддерживались монастырским хозяйством и ответственностью их властей перед государством, а вторые – случайные наемные люди, – только разоренными поместьями отставных, вдов и недорослей.

Явно неполная именная роспись полка марта 1663 г. все же неплохо показывает его внутреннюю структуру. Он делился на 10 рот, причем первая даже в конце похода насчитывала полные сто человек (73 рядовых и 17 «прима-плана»), не считая полковника, а остальные – по

<sup>99</sup> АМГ. Т. 3. С. 240–241 (№ 236). Конных даточных Тихвина монастыря нет ни в одном просмотренном автором списке ратных людей разряда за годы войны.

<sup>100</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 427.

<sup>101</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11; за новгородскими монастырями в 1662 г. числилось 4552 двора (ЗОРСА. С. 410).

<sup>102</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220–223об.

<sup>103</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11; Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220–223об.

39–58 чел (по 31–50 рядовых). Костяк первой, второй и пятой рот составляли монастырские даточные, третей, четвертой, восьмой и десятой—новгородские казаки, а седьмой и девятой – ладожские; в шестой над новгородскими казаками превалировали «новоприборные рейтары». Даточные с поместий, «вольные», а также монастырские слуги особо мелких монастырей и несколько казаков, видимо, как наименее надежные ратники, были равномерно распределены по ротам: похоже, первоначально они послужили для уравнения их численности. Под началом полковника Фоншейна в начале похода собралось 477 рейтар, в конце осени – 576 рядовых и урядников, а к марта 1663 г. осталось всего 382 чел., причем ладожские рейтары, похоже, были полуофициально отпущены домой. Кроме них, в полку находилось 46 начальных людей и рядовых рейтар-иноземцев из ведомства Рейтарского приказа: к концу похода их осталось 37 чел<sup>104</sup>.

В августе–ноябре полк находился в Пскове, а рота его, возможно, на Опочке<sup>105</sup>, но в боях они участия не приняли. Сохранилась «скаска» о положении в Велейском уезде рейтара этой части С. Моклокова «с товарищи» (10 чел.), посланных из Пскова в «проезжую станицу» для проведения вестей о литовцах в октябре 1662 г.<sup>106</sup> В декабре полк вернулся в Новгород, причем, по словам Репнина, многие рейтары из-за бесконства «остались назади и бредут пеши»<sup>107</sup>.

В феврале, уже в преддверии распуска войска, понадобилось отправить подкрепление на Луки Великие, и боярин сформировал отряд из незнатных ратных людей: неполный полк Г. Фоншейна (возможно, пеших рейтар Репнин отпустил по домам), сотню копорских казаков и две роты сомерских драгун. Однако, с хлебными запасами на Луках было очень сложно, и уже через месяц воевода кн. С. И. Львов отпустил рейтар и драгун обратно в Новгород<sup>108</sup>.

Когда в мае 1663 г. литовцы осадили Борисоглебов, новгородский воевода кн. И. Б. Репнин отправил на выручку почти тот же отряд: 228 чел. монастырских слуг и новгородских казаков, разделенных на три роты, и драгун из Сомерской волости. Правда, с выступлением (14 июля) они сильно опоздали, литовцы отошли сами, и указанные ратные люди получили новое задание – «итти в Лютин для хлебного збору» в Резицком уезде, чем они и занимались там до осени<sup>109</sup>. Когда

<sup>104</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11, 15; Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220–223об.

<sup>105</sup> Поручик и прапорщик полка в октябре 1662 г. числились «в посылки» (Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 22, 27).

<sup>106</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 129. Л. 219, 219об.

<sup>107</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 269.

<sup>108</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220.

<sup>109</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 536–537, 587; Ф. 210. Столбцы

боевая обстановка вновь обострилась, лютинских рейтар разделили: казаков отзывали в Новгород, а все служки новгородских монастырей, дополненные вскоре помещичьими даточными, вошли в Лифляндский полк И. Н. Суморокова, где и оставались до начала 1665 г.<sup>110</sup>

Вновь полк Г. Фоншеина стал собираться уже во Ржеве Володимировой. 16 и 17 декабря 1663 г. полковник с начальными людьми своего полка, новгородскими и ладожскими казаками и «новоприборными рейтарами» (более 250 чел.) выехал туда из Новгорода<sup>111</sup>. Во Ржеве казаки получили жалованье (по 10 руб. уже серебряными деньгами)<sup>112</sup>; полк был усилен даточными из Твери, Торжка и Старицы. Тем не менее, без новгородских монастырских и помещичьих даточных он не мог превысить 400 чел. Более того, в мае 1664 г. он стал стремительно сокращаться. Развал полка ускорило поражение под Витебском 6 июня, после которого количество беглых достигло 203 чел.<sup>113</sup> Правда, у новгородских казаков это бегство прошло, можно сказать, организованно: большинство из них во главе с атаманом Т. Г. Болотовым (118 чел.) к концу июля объявились перед воеводой в Новгороде. Оставившие полк ввиду потери лошадей и оружия на бою получили по 2 руб. в засчет следующего года и были высланы обратно 28–30 июля; наказание понесли только бежавшие до боя: им не выдали жалованье, а пятерых били кнутом по торгам<sup>114</sup>.

Все это привело к тому, что ни в битве под Витебском, ни в последующих боях 1664 г. серьезного участия полка Г. Фоншеина не прослеживается: видимо, вполне восстановить его боеспособность так и не удалось. Это подтверждают и данные последующих лет.

В марте 1665 г. Хованский принял в Новгороде 173 казака, 65 монастырских и 6 помещичьих даточных; еще 72 слуги новгородских монастырей были отправлены в Псков ранее, 5 декабря предыдущего года<sup>115</sup>. Кроме того, из Новгорода же в июне к полковнику Г. Фоншеину отправились «московских полков ссылочные рейтары казанцы Мишка Кириков да кадомской татарин Бирюк Кармазинов со товарыщи» 10 чел. – участники «Медного» бунта 1662 г., сидевшие в новгородской тюрьме уже третий год<sup>116</sup>. Тем не менее, при выступлении в поход из Пскова 11 июля в полку Г. Фоншеина оказалось только 205 конных и 57 пеших

Московского стола. № 349. Л. 599–601.

<sup>110</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 98; № 352. Ст. I. Л. 28–29.

<sup>111</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 178–179, 292–293, 315, 534; Там же. № 361. Л. 87–98.

<sup>112</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 379–416 об.

<sup>113</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 8, 40–42, 120–125.

<sup>114</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 347. Л. 604, 605.

<sup>115</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 269, 412.

<sup>116</sup> Там же. Л. 462, 465, 466; Книги Новгородского стола. № 12. Л. 433.

рейтар<sup>117</sup>. По списку, полк все же достиг летом численности в 395 рядовых и принял участие в боях, потеряв убитыми и пленными 12 чел. Однако, на обратном пути от Борисоглебова его знамена снова покинули 148 рейтар<sup>118</sup>, в том числе и упомянутый выше Петр Патрикеев.

По данным октября разбора во Пскове, полк состоял из новгородских казаков (151 чел.), ладожских казаков (38 чел.), «Софийского дому детей боярских» (20 чел. – ранее они состояли в 1-м Новгородском полку), монастырских слуг (165 чел.), даточных с поместьем по усиленной норме 1 чел. с 15 дворов (87 чел. из Новгородских пятин, 6 – из Твери и 4 – из Торжка) и, наконец, «московских полков рейтар» (10 чел.) – всего 481 чел., не считая обычного набора начальных людей (33 чел.)<sup>119</sup>. Однако, 1 марта 1666 г. в последний поход из Пскова выступило только 137 конных да 52 пеших рейтара полка Г. Фонштейна, а остальные 267 чел. снова числились в нетах<sup>120</sup>.

*Псковский полк рейтарского строя. Полк майора  
А. Т. Нащокина. Полк полковника Вигана Крыгела*

Псковичи в силу положения своего города уже не раз в ходе войны вели боевые действия силами своего уезда, а в период роспуска полка разряда это становилось уже правилом. Подобное произошло и в конце 1661 г.: в ноябре и декабре городовой воевода окольничий кн. Т. И. Щербатов получил указ о сборе ратных людей всех чинов своего уезда у себя, не отсылая в полк – и первую роспись, «что... во Пскове объявились... служилых людей ис полку рейтар и слуг монастырских и псковских стрельцов и пушкарей», отоспал уже 13 декабря<sup>121</sup>. Хованский после роспуска полка прибыл в Псков и, не сдав Щербатову, назначенному в «товарищи» уже ко кн. Б. А. Репнину, ратных людей и их списки, стал сам «сбираться» с ними и отправлять «посылки немалые» против литовцев<sup>122</sup>.

Вскоре в городе произошла полная смена воевод: вместо Хованского и Щербатова были присланы окольничий кн. Ф. Ф. Долгоруков со товарищи. Отныне назначение осадных или городовых воевод во Псков стало происходить отдельно от назначения воевод Новгородского разряда, тогда как прежде Хованский, главный разрядный воевода, даже уходя в поход, номинально оставался и воеводой Пскова (1657–1662 гг.). Его младшие «товарищи», отвечавшие за городовые дела Пскова (в 1657–1659 гг. – стольник М. И. Щетинин, а в 1659–

<sup>117</sup> Там же. Л. 496.

<sup>118</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 4.

<sup>119</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 417–440.

<sup>120</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540.

<sup>121</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 10.

<sup>122</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 23.

1662 гг. – окольничий кн. Т. И. Щербатов)<sup>123</sup>, являлись его прямыми подчиненными при нахождении боярина в Пскове, но уже с 1659 г. были подведомственны новгородскому воеводе по городовым делам разряда<sup>124</sup>. Таким образом, с окончательным разделением функций городовых и полковых воевод в феврале 1662 г. завершилась эволюция структуры воеводского управления Новгородского разряда. Теперь конные ратные люди Псковского уезда поступали в ведение воеводы разряда только во время сбора полка, да и то не всегда – все остальное время они входили в отдельный полк, воевавший под началом одного из «товарищей» псковского воеводы.

Непосредственно к воссозданию полка рейтарского строя в Пскове в 1662 г. приступили сравнительно поздно. Только 29 июня туда из Новгорода выступил с передовым отрядом товарищ кн. А. Б. Репнина стольник кн. С. И. Львов, который должен был принять у городового воеводы кн. Ф. Ф. Долгорукова назначенных в «полковую службу» псковских ратных людей с их списками. Вместе с воеводой выехали псковские дворяне: гусарский полуполковник Н. П. Карапулов и рейтарский майор А. Т. Нащокин, – которые, согласно их «наказам» от 28 числа, должны были псковских гусар и рейтар собрать, расписать в роты и учить соответствующему «строю». Трубачей и литаврщиков было предписано прибрать «из вольных людей и ис казачьих детей» на месте<sup>125</sup>.

Положенный по штату полковник-иноземец так и не прибыл до конца похода (хотя в памяти из Рейтарского приказа в 1662 г. назван Александр Вод<sup>126</sup>), и до 1664 г. полк был известен под именем майора Алексея Нащокина. По росписи Репнина, в него вошли 403 псковских рейтара и казака, 83 чел. опочецких казаков и новоприборных рейтар<sup>127</sup>, а также даточные: архиепископские дети боярские (по росписи 11, а по норме – 12 чел.), служки псковских монастырей (58 чел.) и 19 даточных с поместий – всего 574 рядовых, а с начальными людьми – более 600<sup>128</sup>. Служилых «по отечеству» среди них было настолько мало (11 чел. по разбору 1665 г.), что их обычно объединяли в роспи-

<sup>123</sup> Барсуков А. П. Списки городовых воевод... С. 185; см. также прим. 10 настоящей главы.

<sup>124</sup> Так, кн. Г. С. Куракин должен был переслать во Псков кн. Т. И. Щербатову государев указ о молебне по случаю восстановления подданства Малой России (4 ноября 1659 г.) (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 505–508).

<sup>125</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 216–217 (наказ Н. Карапулову – «таков же» отдать А. Нащокину).

<sup>126</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 15.

<sup>127</sup> Известно, что в это время на Опочке проживало 66 городовых казаков рейтарского строя (Сборник МАМЮ. Т. 6. С. 438).

<sup>128</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11.

сях с псковскими казаками и вольными под именем «псковских рейтар». В той же группе числилось минимум два полоцких шляхтича («поляки» 1660–1661 гг. – см. § 4 Главы 2), которые жили в Пскове «с корму» в 60 алтын в неделю. Однако, в 1663 г. полоцкая шляхта с семьями была полностью переведена на службу в Низовые города, и по их челобитной от 2 сентября того же года обоих отправили вслед землякам в Москву<sup>129</sup>.

Со временем в списочном составе полка происходили и более важные изменения. Постепенно росли в численности станицы псковских (со 110 чел. в конце 1661 г. до 180 чел. в 1663 г. и до 213 чел. в октябре 1665 г.)<sup>130</sup> и опочецких (с 63 в 1662 г. до 105 в 1665 г.)<sup>131</sup> казаков рейтарского строя. По всей видимости, этот рост произошел за счет т.н. «новоприборных рейтар» 1661 г. из «вольных» жителей Пскова и других городов, которые как разряд ратных людей к 1665 г. полностью исчезают из списков полка. По указу о формировании полка И. Н. Суморкова в Лютине туда в начале января 1664 г. были отданы «гратцкие и монастырские слуги даточные» (67 чел.), которые оставались там до начала 1665 г.<sup>132</sup> С марта 1665 г. по новой норме набора (1 конный даточный с 15 дворов)<sup>133</sup> число таких даточных было резко увеличено: с 61 до 133 чел.<sup>134</sup> Таким образом, в 1664 г. по спискам полк насчитывал чуть больше 400<sup>135</sup>, а в 1665 и 1666 гг. – 480–490 рядовых рейтар<sup>136</sup>, не считая обычного штата начальных людей на 10 рот<sup>137</sup>.

Остригшей проблемой полка стало «безконство»: лошади часто гибли от тяжестей похода и голода в опустошенной местности, а средств для приобретения новых из-за кризиса с медными деньгами хронически не хватало. По словам самих ратных людей (декабрь 1663 г.), «которые де поместные рейтары, те де будут на... службе человек с семьдесят на лошадех, а которые... рейтары крестьянские дети, помещиковы крестьяне многие и волные беспоместные, и те... пеши и наги, а взяв...

<sup>129</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 97.

<sup>130</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 222–257об. (разбор осени 1665 г.); Столбцы Московского стола. № 374. Л. 221 (вместе с псковскими детьми боярскими их 265 чел.).

<sup>131</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 260–278 (осенью 1665 г. их 105 чел., в т.ч. 8 детей 12–13 лет); Столбцы Московского стола. № 374. Л. 221 (в мае 1665 г. их 100 чел.).

<sup>132</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 57, 68; см. в целом раздел «Рейтары Лицляндского полка (1663–1664 гг.)».

<sup>133</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 32.

<sup>134</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 279–305об.

<sup>135</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 337 (436 чел. с начальными людьми в январе 1664 г.).

<sup>136</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 5, 540.

<sup>137</sup> Там же. Л. 220 (30 чел. на 1 мая 1665 г.).

они... жалованье, лошадей покупали дорогою ценою, а лошадей де у тех рейтар не было болши дву год, а во Пскове жили бесконны»<sup>138</sup>.

Уже кн. Б. А. Репнин в 1662 г. указывал на то, что «псковские рейтары дворян и казаки добры, а бесконны»<sup>139</sup>. В августе рейтарский трубач псковитин Г. Т. Стрелухин, выйдя из полона, просил выдать ему «царское жалование здесь на Москве», мотивируя это тем, что «у нас, государь, во Пскове и в полку купить оружья и лошади не сышет, потому что полк прибран новой»<sup>140</sup>. Через год, в декабре 1663 г., А. В. Бутурлин доносил, что «новоприборные... рейтары и псковские и опочецкие казаки и все на смотре объявилися пеши»<sup>141</sup>. Несмотря на раздачу жалованья серебром (по 12 руб. человеку), надежд на приобретение лошадей не было, и воевода стольник кн. Н. Г. Гагарин сообщил царю, что «пешим... рейтаром хочю я... роздать мушкеты и бердыши, а с собою на твою великого государя службу взял их, потому что им твое великого государя жалованье роздано»<sup>142</sup>. В апреле 1664 г. уже кн. Ф. Г. Ромодановский сообщил царю из Пскова, что рейтары, которые прежде были у Гагарина, «все бесконны», но, несмотря на это, будут высланы на Опочку<sup>143</sup>. Через год кн. И. А. Хованский сетовал (в отписке от 25 апреля 1665 г.), что «которые де ратные люди ныне во Пскове, и рейтары все, а из дворян многие пеши, и с такими людми на неприятеля итти ненадежно – толко ево ободрить»<sup>144</sup>. Так что, когда в марте 1666 г. из 348 псковских рейтар, выступивших на Борисоглебов, пешими пошли всего 54 чел.<sup>145</sup>, можно считать, вопрос с конским составом был уже решен.

Вышеизложенное позволяет нам лучше понять особенности боевого применения этого полка на исходе войны. Когда с наступлением зимы 1662–1663 гг. Репнин стал готовиться к распуску войска, полк А. Нащокина (477 чел.), усиленный торопецкими рейтарами (97 чел. – в том же числе<sup>146</sup>), отправился в Борисоглебов сопровождать А. Л. Ордина-Нащокина для очередных переговоров (16 ноября). На обратном пути полковник «пограбил у борисоглебских подгородных крестьян 8 лошадей»<sup>147</sup>. Литовский полковник Х. Салтан, по указу из Литвы от-

<sup>138</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 59.

<sup>139</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 12.

<sup>140</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 202.

<sup>141</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 49.

<sup>142</sup> Там же. Л. 59, 60, 83.

<sup>143</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 379, 583.

<sup>144</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 171.

<sup>145</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540.

<sup>146</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 217–219 (список, видимо, 9-й и 10-й рот Луцкого полка).

<sup>147</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 13.

ступивший было от Лютина к Друе «для пропуска послов», поспешил в это время обратно – занимать зимние квартиры в Резицком уезде – и был разбит 6 декабря псковскими рейтарами. Обе стороны имели строгое указание «задоров не чинить», но Нащокин нарушил запрет под предлогом (не исключено, что вымыщенным) нападения противника и, должно быть, был вознагражден обозом, в котором и «побил» всю пехоту литовцев (200 чел.)<sup>148</sup>.

Тем временем, псковичи были вновь переданы Репниным в распоряжение городового воеводы кн. Ф. Ф. Долгорукова (2 декабря 1662 г.), и после распуска новгородцев по домам они, как и лучане, продолжали нести «полковую службу» по обороне уезда<sup>149</sup> – правда, в течение 1663 г. в поход не выступали. В октябре воеводе А. В. Бутурлину удалось убедить царя в необходимости оставить псковскую конницу для охраны уезда, и указ о посылке ее во Ржев был отменен<sup>150</sup>. Вместо этого, войско стольника И. А. Бутурлина (сына воеводы)<sup>151</sup>, а по указу от 12 ноября 1663 г. – стольника кн. Н. Г. Гагарина<sup>152</sup> должно было выступить на Опочку, а оттуда, во взаимодействии с Лифляндским полком И. Н. Суморокова и Луцким кн. Д. А. Барятинского, атаковать литовских волонтеров. В составе 1100 чел., включая и рейтар, оно выступило 19 декабря в поход на Опочку, а оттуда 6 января 1664 г. – к Себежу «с обозом и нарядом наспех». Волонтеры бежали, и в погоню воевода отправил псковича Б. Неклюдова, а с ним, «выбрав лутчих... из дворян, из гусар, из рейтар пятдесят человек»<sup>153</sup>. После боев под Себежем в посылки стали отправляться уже обычные подразделения: сотня псковичей И. Т. Дубровского и рота рейтар «капитана и поручтика» И. С. Суморецкого в уезд<sup>154</sup>, а затем четыре роты ротмистра А. Кокошкина «со товарищи» и сотня донских казаков Опочецкой станицы головы Н. Шишкина – к Освею по вестям о походе туда литовцев. Оттуда донцы и рота И. С. Суморецкого «для скорого Друйского походу» присоединились к Лифляндскому полку И. Н. Суморокова и приняли участие в походе за Двину и взятии Друи (26 января)<sup>155</sup>. Гагарин же, почувствовав себя не в силах взять Себеж, уже к 20 января вернулся на Опочку, завершив зимний поход<sup>156</sup>.

<sup>148</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 173, 229, 272–277.

<sup>149</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 269; Записная книга Московского стола 7171 г. С. 509.

<sup>150</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 121–123.

<sup>151</sup> Там же. Л. 113–116 (от 26 октября 1663 г.)

<sup>152</sup> Там же. Л. 222–226 (наказ воеводе из Разряда); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 11, 23–27 (наказ воеводе из приказа Тайных дел).

<sup>153</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 58, 60, 65.

<sup>154</sup> АМГ. Т. 3. С. 551 (№ 657).

<sup>155</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 85, 96–97, 99, 101.

<sup>156</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 320.

Как видим, в важных «посылках» обычно участвовала одна рейтарская рота – И. С. Сумороцкого: капитан-поручик по штату командовал ротой полковника (№ 1 в полку), а ее, по всей видимости, и составляли пресловутые «человек с семьдесят на лошадех» из псковских «поместных рейтар». С другой стороны, отправлять в Лютин под начало И. Н. Суморокова сотенных дворян было бы «невместно» последним.

Это «злоказненное местничество» вскоре стало причиной большой беды: 12 февраля Гагарину было велено сдать весь свой полк на Лютине Суморокову, заслужившему царскую похвалу за свой Друйский поход. Пусторжевец И. Н. Сумороков, в отличие от князей Гагарина и Хованского, являлся членом городовой корпорации (правда, луцкой<sup>157</sup>), и поэтому для знатных служилых людей – «которые головы и сотенные дворяне с ним, Иваном, быть не похотят», – был предусмотрен другой вариант, а именно – отправка в полк ко кн. И. А. Хованскому во Ржев<sup>158</sup>. Однако, Сумороков не смог вовремя вернуться из Борисоглебова в Лютин (из-за боя 16 февраля), и Гагарин, не дождавшись его, самовольно сдал полковнику А. Фороту ратных людей, дворян и детей боярских распустил по домам, а сам с начальными людьми конницы и донскими казаками ушел в Псков. Сотенные дворяне и гусары, «не хотя быть в полку у Ивана Суморокова», охотно последовали за ним. Рейтарский полк, как и все войско, был дезорганизован. Воспользовавшись этим, волонтеры Чернавского и Любика совершили один из самых разорительных набегов на Псковский уезд. От пленных Гагарину было прекрасно известно о подготовке этого набега, так что по этим вестям ему «довелось было быть в Лютине со всеми, а во Псков не ходить». Разобравшись в обстоятельствах дела, государь указал и бояре приговорили отставить князя от командования и за эти вины «послать в тюрьму»<sup>159</sup>.

Где-то в это же время команду над псковскими рейтарами наконец-таки принял иноземный полковник: 10 февраля 1664 г. из войск Хованского во Псков был отпущен Виган Крыгел<sup>160</sup>. Его полк летом ходил из Пскова под Остров<sup>161</sup> и Изборск<sup>162</sup> и к Суморокову на Опочку<sup>163</sup>, но в более дальних «посылках» до конца года не участвовал. В первой декаде февраля 1665 г. он был в походе в составе войск кн. В. Гагарина, причем после успешного нападения именно псковских рейтар (200 чел.) ротмистра И. Бухвостова «со товарищи» на литовский подъ-

<sup>157</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 33.

<sup>158</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 195–198, 201, 208.

<sup>159</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 31–33.

<sup>160</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 24.

<sup>161</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 566.

<sup>162</sup> Там же. Л. 148.

<sup>163</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 566.

езд под Овсищами (70 в. от Пскова) волонтеры поспешно ушли к Двине<sup>164</sup>.

28 марта 1665 г. псковская конница была вновь передана городовым воеводой Пскова (А. Л. Ордина-Нащокиным) в полк Новгородского разряда<sup>165</sup>, где и оставалась до самого конца войны. Перед новым походом, в мае 1665 г., псковским рейтарам, по представлению кн. И. А. Хованского, в возмещение недоплаченного за прежние годы жалованья были присланы кумачи на кафтаны<sup>166</sup> (судя по их числу – 350 – это жалованье получили только служилые люди «по отечеству» и «по прибору»: оно не коснулось даточных рейтар полка). Псковские рейтары участвовали в боях 1665 г., а после ухода Хованского во Псков еще некоторое время оставались на Опочке (222 чел. рядовых)<sup>167</sup>. В походе марта 1666 г. полк (380 чел. с начальными людьми) также находился в боевых порядках войск Хованского<sup>168</sup>.

*Рейтары Лифляндского полка (1663–1664 гг.).  
Полк Андрея Форота*

Отдельное полевое войско, предназначенное для защиты городов Борисоглебова (Динабурга), Лютина и Резицы, было вновь создано в 1663 г. – после распуска Лифляндского полка А. Л. Ордина-Нащокина в конце 1661 г. Поводом для этого послужила осада Борисоглебова литовцами в мае–июне 1663 г., а поскольку оборона крепости была теперь возложена на Новгородский разряд (с марта 1662 г.), ратные люди последнего и были посланы на ее выручку. Под началом командира полка из крестьян Сомерской волости полковника А. Росформа в июле 1663 г. в Лютине собрались, кроме его драгун, три роты рейтар из полка Г. Фоншейна (228 новгородских казаков и монастырских слуг)<sup>169</sup>. В самое страдное время рейтары и драгуны занимались сбором хлеба нового урожая, после чего, в конце октября, Росформ без государева указа и «не отписався» к новгородскому воеводе кн. И. Б. Репину, самовольно увел свой полк во Псков и распустил ратных людей. После этого в Новгород вернулось 116 чел. даточных с монастырей (остальные – новгородские казаки – были еще раньше отозваны в Новгород для отправки во Ржев к Хованскому), а еще 32 чел. в походе «за бесконством быть не успели»; монастырские служки, по их словам, разъехались изо Пскова от скучности запасов «собою», но с ведома полковника.

<sup>164</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 354–356.

<sup>165</sup> Там же. Л. 445–447.

<sup>166</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 100–103.

<sup>167</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 5 (потери полка – 2 чел. убитыми).

<sup>168</sup> Там же. Л. 540.

<sup>169</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 536–537, 587; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 599–601.

За такое самовольство и другие злоупотребления Росформа отставили от командования полком, заменив его недавно вернувшимся из Англии полковником Андреем Форотом.

По грамоте от 6 ноября 1663 г. из приказа Тайных дел о создании полка И. Н. Суморокова в Лютине (это войско в дальнейшем ведалось в Тайном приказе, а не в Разряде), Репнин собрал даточных, вернувшихся 8 и 9 ноября и остававшихся «за бесконством» в монастырях, и 15 ноября отправил всех их в числе 149 чел. во Псков с двумя капитанами полка сомерских драгун<sup>170</sup>. Сумороков к 11 декабря дождался во Пскове 133 даточных из Новгорода, да принял 67 служек псковских монастырей и детей боярских Троицкого дома<sup>171</sup>. Однако, все эти рейтары совершенно не имели начальных людей, оставшихся в прежних полках, почему воеводе пришлось выделить их из полка сомерских драгун. Таким образом, рейтары сразу же стали, фактически, частью полка А. Форота: по челобитной этого полковника (от 1 февраля 1664 г.), «ныне де у него в полку... монастырских слуг двести человек, а у тех де рейтар начальных людей, и знамен, и трубачов, и труб, и литавр нет. А которые де ныне начальные люди драгунского строю приставлены быть на время у тех рейтар, им рейтарскую службу бес твоего, велико-го государя, полного жалованья исполнить не ис чево»<sup>172</sup>: жалованье у рейтарских офицеров было выше, чем в пехоте.

В январе 1664 г. полк насчитывал 200 рейтар и 240 драгун, не считая десятка даточных и 248 драгун в «нетах»<sup>173</sup>. При этом, в начале похода рядовым не дали денежного жалованья: 2 тыс. руб. серебром было отправлено из Москвы только 12 февраля<sup>174</sup>. Условия службы у этих конных людей были тяжелейшие: «...пить-есть нечево: Лютинской, государь, и Резицкой уезды пусты, от литовских людей разорены без остатку, и хлебных запасов и конских кормов нигде купить не добыть»<sup>175</sup>. Снабжаться на месте можно было либо из городовых запасов, либо за счет уборки засеянного хлеба; иным выходом становился рейд на вражескую территорию. Поэтому, не случайно в конце августа 1664 г. из 240 рейтар полка (к этому времени они были дополнены даточными с поместий) уже 70 были пешими, а из 329 драгун лошади оставались только у 40 чел.<sup>176</sup> И это не смотря на то, что значительная

<sup>170</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 28–29.

<sup>171</sup> Там же. Л. 57, 68.

<sup>172</sup> Там же. Л. 10.

<sup>173</sup> Там же. Л. 94–95.

<sup>174</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 194.

<sup>175</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 94.

<sup>176</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 135.

часть даточных была только что прислана вновь из Новгорода после бегства из полка<sup>177</sup>.

Полк делился на роты, причем, возможно, хотя бы отчасти смешанного состава. Так, когда Сумороков в феврале 1664 г. отправился «для государева дела» из Лютина в Борисоглебов, он взял с собой для охраны 70 чел. рейтар и драгун<sup>178</sup>. Судя по тому, что среди этих рейтар были даточные Хутыня монастыря (в полку Г. Фоншеина в 1663 г. таковые входили в 1-ю роту) и Троицкого дома<sup>179</sup>, эти люди, похоже, по примеру иных полков, составляли отборную полковничью роту (№ 1). Как указывалось выше, сочетание драгун и рейтар в одном подразделении считалось в то время весьма выигрышным с тактической точки зрения.

### *Боевое применение*

Сразу же по прибытии в Лютин три роты полка были в посылке и «местечко Освию высекли и розгромили» (9 или 10 января 1664 г.)<sup>180</sup>. Дождавшись полковника Форота с отставшими<sup>181</sup>, а также подкреплений от кн. Н. Г. Гагарина, ратные люди Суморокова отправились в «скорый поход» за Двину (24–31 января) и 26 января, «пришед изгном, Другу высекли и выжгли, и друйские места разорили». Не понеся при этом потерь, они собрали важные сведения о намерениях литовцев<sup>182</sup>. Однако, ситуация менялась стремительно: всего через две недели отряд Суморокова в 70 чел. на обратном пути из Борисоглебова был встречен и рассеян полком С. Чернавского (в ночь на 16 февраля), потеряв при этом 4 рейтар убитыми и 12 пленными и обоз; самого воеводу в погоне «с лошади збили, и отшел де он, Иван, к Борисоглебову лесами пеш...»<sup>183</sup> После самовольного роспуска Гагариным своих ратных людей стремительно таявшему Лицляндскому полку пришлось вообще отступить к Опочке, которую он с трудом защищал от волонтеров (вылазка 10 апреля)<sup>184</sup>.

В конце лета, дождавшись беглых рейтар и псковских подкреплений. Сумороков с войском в 1200 чел. вновь выступил в поход (17 августа 1664 г.). Преследуя уходящих партизан Чернавского, его ратные люди привели к присяге царю освейских мещан и крестьян, ходили под Се-

<sup>177</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 598 (из 91 беглого служки в июле выслано 73 чел.).

<sup>178</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 184, 185.

<sup>179</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 344.

<sup>180</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 70.

<sup>181</sup> Там же. Л. 84.

<sup>182</sup> Там же. Л. 96–100.

<sup>183</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 42–346; Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 184, 185.

<sup>184</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 580–583.

беж и, наконец, «развоевали» Друйский и Дисенский уезды по северную сторону от Двины (3–5 сентября)<sup>185</sup>. Около середины сентября воевода с полком А. Форота и донскими казаками из Опочки прибыл в Полоцк<sup>186</sup>, где соединился с частями окольничего кн. П. А. Долгорукова. Интересно, что уходя оттуда в новый поход, его ратные люди подговарили к побегу 20 чел. солдат и стрельцов Полоцкого гарнизона, – видимо, сманив их в донские казаки прелестями полупартизанской жизни<sup>187</sup>.

Двигаясь южным берегом Двины, рейтары и донские казаки Суморокова в погоне за литовским полком Либика, уходящим от Дисны к Друе, похоже, поживились его обозом (4 октября)<sup>188</sup>. Поражение под Лушками и уход Долгорукова за Двину не остановил череду успехов полка: Сумороков «наперед» Долгорукова пошел к Дриссе, «и то мечтко Дрысу развоевали и под Друю были», а в общей сложности «ходил я, холоп твой в Дисенском уезде войною семь дней», пока ратные люди не «запаслися хлебными запасами». Посчитав, что после этого можно продолжить поход рейдом до Борисоглебова, воевода жестоко ошибся: «послыши тот Борисоглебский поход, оставя твои великого государя знамена и меня, холопа твоего, и начальных людей, многие рейтары и драгуны и донские казаки збежали в... русские города». С остатками отряда Суморокову пришлось отступить к Опочке, причем по дороге он уничтожил литовскую засаду из Себежа (40 чел.) (16 октября). Добравшись до Опочки, разбежались и остальные ратные люди полка Форота – «а бежат, государь, те твои великого государя ратные люди не видечи никакие скудости, не хотя тебе, великому государю, служить», – сокрушился воевода, потребовав смертной казни для «пущих воров» из драгун Сомерской волости<sup>189</sup>.

При известии об этом в Лютин был назначен Иван Полуехтов с рейтарским полком из-под Смоленска<sup>190</sup>: ранее, в 1660–1661 гг., этот полковник состоял в Лифляндском полку А. Л. Ордина-Нащокина и имел опыт действий здесь<sup>191</sup>. 12 декабря 1664 г. он принял у Суморокова полковые дела и казну, а также полковника А. Форота с начальными людьми, но не обнаружил в Лютине ни одного рядового драгуна или

<sup>185</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 38, 135, 137.

<sup>186</sup> Записные книги Московского стола. I (1664–1665 гг.). С. 35.

<sup>187</sup> Там же. С. 80.

<sup>188</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 144 (4 октября пленные «челядники... полку Либикова» сказали, что «он де побежал к Друи, а мы де ехали с обозом»).

<sup>189</sup> Там же. Л. 141–144.

<sup>190</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 74–78 (указ от 1 ноября 1664 г.).

<sup>191</sup> АМГ. Т. 3. С. 146, 147 (№ 163), 159 (№ 183), 469, 470 (№ 549); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 291–304 (данные о службах рейтар Полуехтова в Лифляндских городах и под Полоцком).

рейтара – его же собственные рейтары (500 чел.) после долгой кампании все были пешими<sup>192</sup>. Это не позволило отряду воспрепятствовать набегу литовских волонтеров в январе–феврале 1665 г.

Бегством даточных рейтарского строя с Опочки в октябре 1664 г. заканчивается их участие в боевых действиях в составе Лифляндского полка. Вскоре «во Пскове объявилось тех рейтар человек со 100, и те пеши и безоружны»<sup>193</sup>, но теперь они вместе с 72 монастырскими служками, отправленными уже к 5 декабря из Новгорода, предназначались для формируемого там (но так и не созданного) войска стольника кн. П. И. Львова<sup>194</sup> и, возможно, приняли участие в походе стольника кн. В. Гагарина в феврале 1665 г. Не позднее марта все даточные с поместий и монастырей вернулись в свои прежние полки рейтарского строя – Г. Фоншеина (новгородский) и В. Кригела (псковский).

### *Луцкий полк рейтарского строя.*

#### *Полк полковника П. П. Фрелиха*

Подобно псковичам, порубежные с Литвой лучане, пусторожевцы и невляне «по Лукам» в период роспуска разрядного полка обычно несли оборону своего города и уезда собственными силами. После Кушниковых гор, когда литовцы впервые надежно обосновались за Двиной и стали приходить войной в русские уезды, важность и сложность этой задачи возросли – особенно после того, как полк кн. И. А. Хованского был распущен (по указу от 7 января 1662 г.).

На Луках Великих полковым воеводой был оставлен стольник кн. Ю. И. Шаховской, который, собственно, и собирал ратных людей лучан и торопчан Новгородского разряда весной 1661 г., а затем был товарищем кн. Хованского в самом походе<sup>195</sup>. По спискам, луцких дворян и детей боярских оставалось не более сотни, и казачий отряд, раздутый за счет прибора 1661 г. до 500 чел. казаков и 40 чел. вольных в рейтарской службе, составлял главную массу конницы уезда<sup>196</sup>. Являясь рядовыми полков Д. Зыбина и Р. Дукляса, луцкие рейтары зимой-летом 1662 г. несли службу в составе 8 рот под началом ротмистров и, видимо, поручиков. Судя по росписи полка Д. Зыбина (22 ноября 1661 г.), лучане были разбросаны в нем по 1–4, 6–12 ротам, и к 22 ноября в строю их осталось не более 10 чел. Таким образом, данная организация (8 рот двух полков<sup>197</sup>) не могла быть создана ранее декабря 1661 г., когда Хованский отвел войско на Луки и смог пополнить его

<sup>192</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 154.

<sup>193</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 181.

<sup>194</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 269.

<sup>195</sup> АМГ. Т. 3. С. 345 (№ 378); Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 59.

<sup>196</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87.

<sup>197</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284.

Святейшии Церкви Герцарь Иваний икона зъ Алексеем  
Михайловичем. Святейшии Герцарь Иваний икона зъ Алексеем  
Михайловичем. Святейшии Герцарь Иваний икона зъ Алексеем  
Михайловичем.



Конный портрет царя Алексея Михайловича.  
Мастер школы Оружейной палаты Московского Кремля,  
около 1675–1685 гг.



Участники русского посольства 1662 г. в Англию.

Неизвестный английский художник, 1662. Изображены: князь Петр Семенович Прозоровский († не позже 1668), дворянин Иван Афанасьевич Желябужский (1635 – после 1709), (автор «Дневных записок с 1682 по 1709 год»), дьяк Иван Давыдов, переводчик Андрей Форот (позже полковник Лифляндского полка Новгородского разряда). Один из немногих портретов царских полковников XVII в.



Петр Иванович Потемкин, в 1656 г. – стольник,  
воевода Лавуйского полка Новгородского разряда.  
*Портрет маслом Г. Кнеллера, английского придворного  
портретиста, написан во время посольства Потемкина  
в Англию, 1675*



Стефан Чарнецкий, воевода Русский.  
Портрет маслом Б. Маттисена, 1659

*Carissimus  
Balthasar Mattiessen dicit  
regis polon. et Russ. Cossack  
M. 1659. a. 38.*



Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. В 1658–1667 гг.  
думный дворянин, воевода Лифляндского полка (1658–1661),  
городовой воевода Пскова (1665–1667).

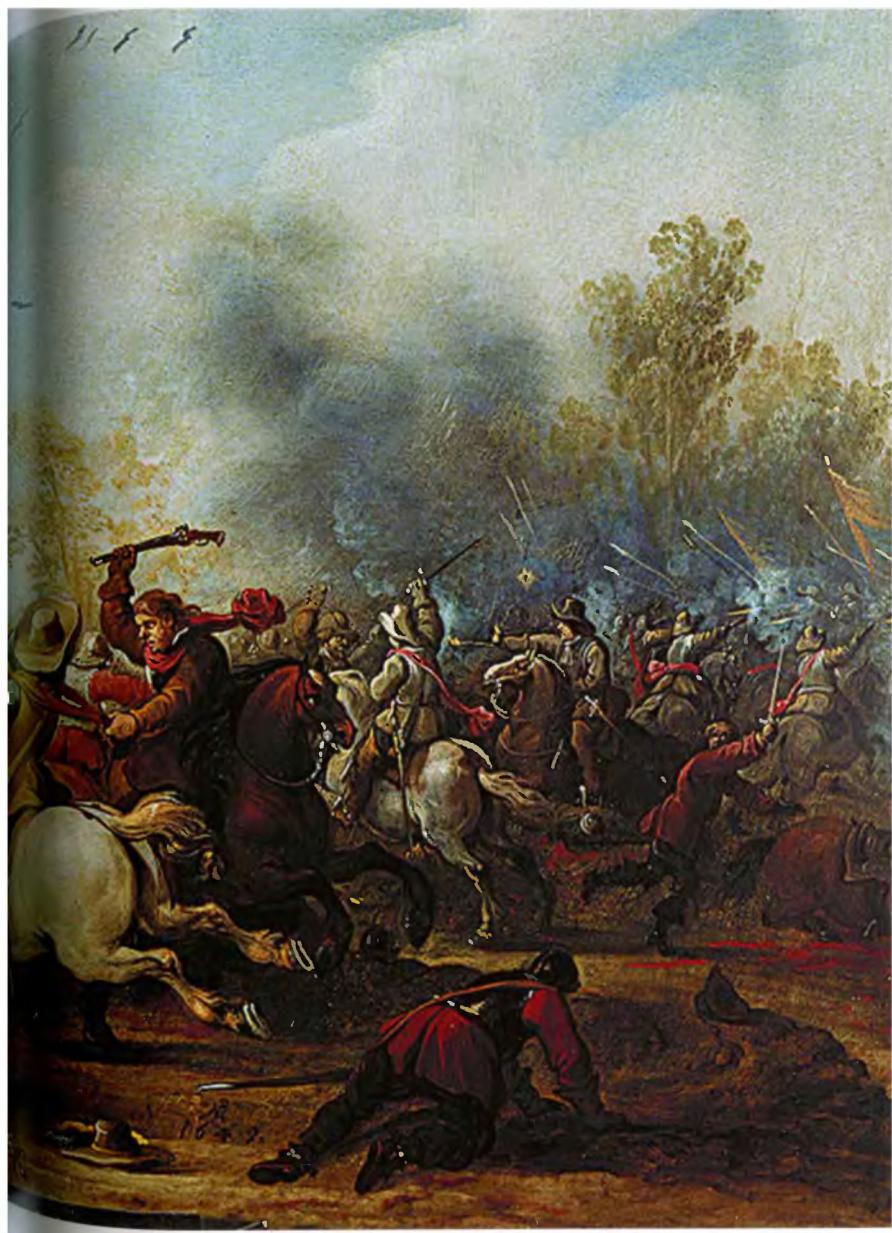
*Неизвестный художник XVIII в.*



1660.

132

Удар кавалерии. П. Мёленер. Картина маслом на медной  
пластине, перв. пол. XVII в.





Знамена рейтарского полка Дениса Фонвизина:  
полковничье «белое» и ротное, 1656



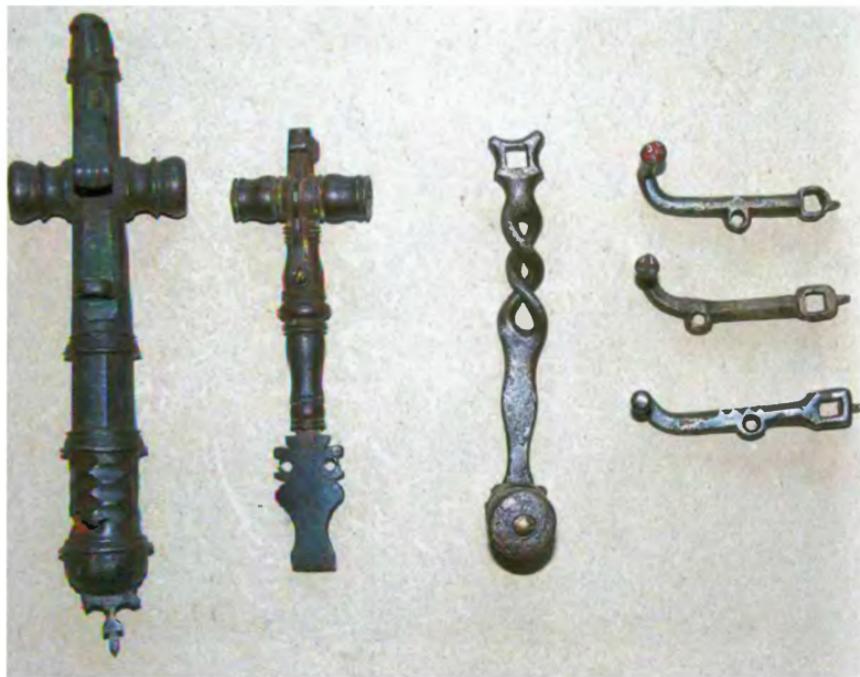
Рейтарский шлем.



Пара седельных пистолетов. Голландия, ок. 1660



Кремневый замок карабина. Середина XVII в.



Ключи разных типов к колесцовым замкам



Рейтарская кираса



Карабин. Голландия, ок. 1660



Строй русских рейтар в атаке.  
Современная реконструкция, 2015



Стрельцы за рогатками. *Современные реконструкторы.*



Бой рейтар с пехотой, прикрытой рогатками.  
*Современная реконструкция, 2015*



Рейтари заряжают карабины. Современная реконструкция, 2015



Русские рейтары стреляют с коня.  
Современная реконструкция, 2015



Рейтарский подпрапорщик с полковничым знаменем (на коне)  
и пеший рейтар. Современная реконструкция, 2015

за счет собранных местным воеводой беглых ратных людей. По возвращении их в прежние полки (по спискам) и были созданы полные, целиком луцкие роты под началом своих офицеров. Следуя терминологии того времени, Шаховской назвал их в одной отписке «швалдроной рейтар»<sup>198</sup>. В феврале 1662 г. они участвовали вместе с сотнями и невельской шляхтой (всего 637 чел.) в разгроме полковника Стадницкого<sup>199</sup>, да и позже «беспрестанно ездили в посылки и в подъезды и в проезжие станицы по розным городам», так что у соседнего невельского воеводы даже сложилось впечатление, что «на Луках Великих великого государя конных людей рейтар тысячи с полторы» (!)<sup>200</sup>

Для характеристики взаимоотношений старой поселенной и новой полковой организации служилых людей весьма важен конфликт, разгоревшийся в полку летом 1662 г. Перед выступлением в поход, после смотра 1 июля под Луками, луцкие казаки рейтарского строя подали челобитную всеми «двемя полки восмь рот» на своих пятерых ротмистров<sup>201</sup> в «налогах и продажах» в течение весны–лета 1662 г. Для начала они поставили под вопрос саму законность их власти: «Как пошол... воевода князь Юрьи Иванович Шаховской с Лук Великих к Москве, и дворян и детей боярских и нас... оставил на Луках Великих, и оне, Максим, да Ондрей, да Осип, да Иван, да Олександр, ведали нас, холопей твоих, с тех мест и доныне, а тово мы, холопи твои, не ведаем, по какому указу оне нас... ведают». Прежде луцкие казаки по возвращении из похода поступали в ведение городового воеводы, сотенного головы, назначенного из Новгородской чети, и атаманов, и указанное «ведение» их ротмистрами было совершенной новинкой. Тем более что дети боярские рейтарского строя фактически выбыли на это время из состава рот, разъехавшись по домам, и только казаки остались под началом офицеров–дворян.

Казаки были возмущены новыми властными полномочиями своих ротмистров, как то: проводить частые смотры и учения, жестоко наказывая за опоздание на них, и судить «в больших исках» (по 50–100 руб.), – а также такими злоупотреблениями, как вымогание денег и вычеты из жалованья, и потребовали увольнения этих начальных людей из полков<sup>202</sup>. Репинным было немедленно начато следствие, но ротмистры, как было принято в таких случаях, выступили со встречным

<sup>198</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 59.

<sup>199</sup> Там же.

<sup>200</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 128, 284, 285.

<sup>201</sup> М. С. Маркова, А. К. Пасынкова, О. П. Зеленого, И. Х. Лопухина, А. Н. Шишкина.

<sup>202</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284–286 (челобитная от имени всех луцких казаков – рейтар), 287–289 (отдельные челобитные об обидах).

челобитьем на луцких казаков за непослушание<sup>203</sup>. По крайней мере, трое из них продолжили службу в новом Луцком полку<sup>204</sup>.

Этот полк – четвертый по счету рейтарский Новгородского разряда – формально был создан вновь после прихода луцких рейтар во Псков (август 1662 г.). Однако, зная их поротную организацию, закономерно предположить, что роты № 1–8 нового полка – это те же, созданные полгода назад, для полноты (до десятиротного состава) к ним прибывали торопецких рейтар и даточных. В прошлом подполковник полка Я. Бильса, полковник Петр Петров сын Фрелих вновь прибыл из Москвы и принял командование над луцким полком 12 ноября 1662 г.<sup>205</sup>

Из луцких детей боярских, по словам Репнина, в рейтары вошли только «бедные» – как и во Пскове, около 10 чел.<sup>206</sup> Основную часть полка составили казаки – 511 чел. (осень 1662 г.)<sup>207</sup>. Как и в других городах, служилых «по отечеству» и «по прибору» дополнили рейтары из вольных людей («новоприборные») – 26 чел., и из помещичьих даточных – до 28 чел.<sup>208</sup> Согласно росписи от 29 марта 1663 г., полк насчитывал 26 начальных людей в ротах № 1–8 и 590 урядников и рядовых, не считая 97 рядовых торопчан, которые ходили в посылку с А. Нащокиным на Борисоглебов и так и не вернулись на Луки (видимо, это 9-я и 10-я роты)<sup>209</sup>. По другим данным, в январе 1663 г. на Луках Великих состояло «рейтарского строю луцких казаков и новоприборных людей 567 ч., и в том числе пеших 170 ч., да из литовских полонянников пеших же и безоружных и худы 67 ч.», причем многие из них от голода и наготы «бегут врозь»<sup>210</sup>.

Крайнее разорение ратных людей в порубежном Луцком уезде и нехватка денежных средств накануне нового похода заставило командование удовлетворить челобитье самых «бедных и разоренных» луцких казаков и, отставив их от конной рейтарской службы, перевести в пешие казаки (сентябрь 1663 г.)<sup>211</sup>. Таковых оказалось 200 чел. во главе с ата-

<sup>203</sup> Там же. Л. 300, 306–307.

<sup>204</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 203, 208об., 212.

<sup>205</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 245.

<sup>206</sup> По списку полка от 29 марта 1665 г. (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 203–213) рейтар с дворянскими фамилиями (или похожими) – 10–15 чел.. в основном это капитаны и ротные квартиrmейстеры; в походе 1665 г. участвовало<sup>211</sup> только 8 лучан детей боярских (из дворового, городового и новичного списков). да 3 остались на Луках (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 385).

<sup>207</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 11.

<sup>208</sup> Там же. С. 10 («по наряду», причем число даточных не дописано. <sup>212</sup> вычислено автором по итоговой цифре).

<sup>209</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 203–220.

<sup>210</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 143 (датируется по Л. 145).

<sup>211</sup> После 1 сентября 1664 г. (по их поздней челобитной, это произошло в

маном И. С. Мурашевым, и всех их оставили в гарнизоне Лук Великих, отдав под начало полу полковнику В. Якоби вместе с солдатами из крестьян и мещан (конец декабря 1663 г.)<sup>212</sup>. В отличие от псковских рейтар, которые, даже будучи в пехотном строю, все равно получили по 12 руб. и выступили в поход в декабре 1663 г., беднейшие луцкие казаки остались в городе и были переведены на пониженное жалованье (по 4 руб. в год).

Таким образом, в начале нового похода, 29 сентября 1663 г., «полк рейтар полковника Петра Фрелиха» насчитывал только 253 рядовых (луцких казака)<sup>213</sup>. Многие помещики, в т. ч. и рейтарского строя, узнав, что жалованье выдаваться не будет, не спешили съезжаться из деревень, а выступившие из Лук во Ржев «рейтары и салдаты и казаки» по дороге стали силой брать хлеб у крестьян<sup>214</sup>. Торопецкие рейтары, приписанные к полку, поначалу не собирались<sup>215</sup>, а затем были переданы в ослабленный полк Я. Одобрину<sup>216</sup>. Во Ржеве число казаков – рейтар увеличилось до 305 чел., но уже через месяц 75 из них сбежали. Полковник получил возможность вернуть их в строй в декабре, побывав на Луках в составе отряда стольника кн. Д. А. Барятинского<sup>217</sup>. В дальнейшем полк должен был насчитывать порядка 300 рядовых, однако моральный уровень этих людей, которые из-за сожжения волонтерами посада Лук Великих (30 октября 1663 г.) были «от литовских людей разорены вконец: дворишко пожжены и животишко побраны»<sup>218</sup>, стал крайне низок.

Это не замедлило сказаться уже вскоре: в разных числах мая 1664 г. из-под Витебска сбежало «Петрова полку Флериха луцких казаков рейтар» 114 чел., а в начале июня, в период боев, еще 34<sup>219</sup>. Правда, уже через 3 недели луцкий воевода кн. Д. А. Барятинский, собрав

7174 г. – Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 16), но до выступления в поход 29 сентября (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 263), так как в росписи отправленных ратных людей – только 253 луцких казака (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 348об.–362).

<sup>212</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 164–167 (грамоты В. Якоби и К. У. Нащокину от 16 декабря 1663 г.); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 33 (сообщение об исполнении в январе 1664 г.); Ф. 210. Дела десятен. № 276. Л. 72–121об. (список пеших казаков, получивших жалование на 7173 г. (от 28 ноября 1664 г.)).

<sup>213</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 348об.–362.

<sup>214</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 263, 264.

<sup>215</sup> На 26 ноября 1663 г. у Хованского в приезде числилось всего 17 торопчан (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86), а 4 декабря кн. Д. А. Борятинский присоединил в Торопце к своему войску только 22 чел. (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 50).

<sup>216</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 5, 100, 119–120.

<sup>217</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86, 87.

<sup>218</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 505.

<sup>219</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 9, 101–104, 126.

84 «беглых казака» и быв всех батогами или кнутом (каждого десятого «по жеребью»), сам повел их к Хованскому на Велик<sup>220</sup>.

В походе 1663–1664 гг. полк представлял собой, по сути, прежний луцкий казачий отряд, только не в сотенном, а в рейтарском строев: по всем документам о беглых и раненых его рядовыми являются исключительно «луцкие казаки рейтары»<sup>221</sup>, а хлебные запасы в войске выдаются «луцким рейтаром Петрова полку Фрелиха и казакам всех станиц»<sup>222</sup>.

В этой связи уместно отметить, что в это тяжелое время проявилось различие в обеспеченности конским составом между станицами кормовых и поместных казаков: еще по осмотру кн. Б. А. Репнина, «в Луцком полку рейтары... казаки помесные добры и конны, а у ково лошадей нет, и на них и на даточных лошадей взять мочно; а досталные рейтары бедны и бесконны»<sup>223</sup>. Сожжение слобод кормовых казаков окончательно подорвало их хозяйство, почему к 1665 г. в пеший строй из конной полковой службы было выведено уже не 200, а 300–350 чел.<sup>224</sup> Закономерно предположить, по аналогии с Псковским полком 1662–1664 гг., что «конными» остались большей частью помещики–лучане дети боярские и поместные казаки.

В феврале 1665 г. был вновь создан отдельный Луцкий полк Новгородского разряда (воеводы кн. П. И. Хованского), в связи с чем полковник Петр Фрелих, прибывший 30 мая на Луки из Пскова, принял под команду значительно больший рядовой состав. В полк вернулись топропецкие рейтары (дети боярские и «погостские»<sup>225</sup>), опять появились помещичьи даточные, и вновь прибыли впервые поверстанные в рейтарский строй дети боярские зубчане и ржевичи<sup>226</sup>. Наконец, по приказу кн. Петра были опять «построены в рейтарской строй в Петров полк Фрелиха» 174 луцких казака из пеших станиц. Последние, – правда после долгих мытарств, – получили за это положенное дополнитель-

<sup>220</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 50, 54, 145–152.

<sup>221</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 9, 101–104, 126; Ф. 210. Дела десятн. № 276. Л. 25об.

<sup>222</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 214 (распоряжение от 23 июня 1664 г.)

<sup>223</sup> Веселовский С. Б. Сметы... С. 12, 13.

<sup>224</sup> В июле 1665 г. на Луках Великих числилось 289 пеших казаков (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 17), но 174 чел. «вновь построенных» тогда же в рейтарский строй из пеших и 167 чел., оставшихся в пешей станице У. Н. Пестрикова (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 152–161, данные на 22 февраля 1667 г.), в сумме дают цифру 341 чел.

<sup>225</sup> Неизвестно, в какой полк высыпались 10 чел. «погостских» рейтар в августе 1664 г. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 235), но в походе 1665 г. и позже они входили уже точно в Луцкий рейтарский полк (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 520).

<sup>226</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 131–136об.

ное жалованье (к 7 руб. пешего строя) «против» псковских и новгородских казаков и луцких детей боярских рейтарского строя – «по два кумача человеку» (10 декабря 1665 г.)<sup>227</sup>.

При распуске полка кн. П. И. Хованского с Лук Великих 22 февраля 1667 г. в рейтарском строем «в естях» оказалось (в т. ч. в Витебске и Полоцке): детей боярских лучан 11 чел., ржевичей 6 чел., зубчанин 1 чел., торопчан 23 чел., луцких казаков 316 чел., даточных луцких помещиков 18 чел. С учетом «нетов», полк насчитывал более 400 рядовых, причем 52 из них, ходившим пешими еще в поход 1665 г., при раздаче жалованья на 7174 г. «для рейтарской службы дано... по 10 рублей человеку с порукою, потому что они конны» (27 июня 1666 г.)<sup>228</sup>.

В этом последнем своем походе («летнем борисоглебском» 1665 г.) полк по-прежнему делился на 9 или 10 рот<sup>229</sup>. Однако, когда по государевым указам от 28 июля 1666 г. в Полоцк и Витебск были отправлены по сотне рейтар, они представляли собой две сводные роты во главе с ротмистром, поручиком и прапорщиком каждая, ратные люди которых сменялись через определенный срок<sup>230</sup>. При этом, если три доли состояли полностью из луцких детей боярских и казаков, то четвертая (на февраль 1667 г. – в Полоцке) включала в себя 41 луцкого казака, 18 даточных, 30 детей боярских из Торопца, Ржева и Зубцова – т.е., явно была создана по остаточному принципу<sup>231</sup>.

### *Боевое применение*

Давние боевые традиции луцких казаков позволили полку с честью пройти тяжести походов 1662–1665 гг., при том, что по интенсивности боевой деятельности ему в это время не было равных среди рейтар Новгородского разряда. Уже осенью 1662 г. роты полка Фрелиха трижды участвовали в «посылках» с Опочки и каждый раз с успехом

<sup>227</sup> Там же. Л. 25–70.

<sup>228</sup> Там же. Л. 106–107, 123–142 об.

<sup>229</sup> Кн. П. И. Хованский взял для похода из луцкой казны 9 рейтарских ротных знамен (Там же. Л. 597).

<sup>230</sup> В ноябре 1665 г. на смену ротмистру Н. Лопухину в Витебск был послан ротмистр И. Х. Лопухин с поручиком и прапорщиком, а в Полоцк – ротмистр А. К. Постелов (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 23–24об.); 25 декабря 1666 г. 40 луцких казаков, отправлявшихся в составе роты в Полоцк на смену предыдущей роте, получили шубные кафтаны (Ф. 210. Дела десятн. № 282. Л. 279); те же луцкие казаки, что несли службу до них, 22 февраля 1667 г. были целом на Луках, «чтоб великий государь пожаловал их для всемирные радости–мирного постановления–и для их бедности, велел им дать... по шубному кафтану... что осталось за раздачею луцким же казаком рейтарского строю, которые посланы им на перемену» в Полоцк и Витебск; и получили их 170 рядовых, два трубача, два литаврщика и писарь (Там же. Л. 287–295 об.).

<sup>231</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 106–107, 123–142об.

громили литовский полк Х. Салтана, обосновавшийся под Себежем и Лютиным (бой при Локтях 29 сентября, когда в обозе «пехоту... их поsekli всех»<sup>232</sup>, бой «у озера у Долонца в сутоках (?)» (оз. Долосцы в 70 км к югу от Опочки) 2 ноября<sup>233</sup>; бой под Лютином 6 декабря в составе полка А. Нащокина<sup>234</sup>).

В декабре полк Фрелиха (роты № 1–8) перешел из отряда И. Н. Суморокова под начало полкового воеводы Лук Великих кн. С. И. Львова, где и оставался до 29 марта 1663 г. Уже 19 декабря ротмистр Микифор Лопухин с пятью ротами рейтар и другой конницей захватил «языков», которые сообщили о захвате и сожжении волонтерами С. Чернавского и Дятловича г. Усвята (16 декабря), что произошло в нарушение перемирия. Вскоре, видимо, самый «доброконный» сводный отряд сотенного головы Г. Г. Чирикова (100 чел., в т.ч. 10 рядовых и 6 начальных людей луцких рейтар), поддержаный пехотой, перехватил и разгромил у озера Ушо литовский обоз, шедший из-под Усвята (30 декабря), освободил всех русских пленных и вернул трофеи. В конце января уже весь полк кн. Львова ходил на «острожек» на оз. Неведро, прогнав оттуда литовцев без боя<sup>235</sup>.

Отъезжая в Москву, Львов сдал своих ратных людей городовому воеводе К. У. Нащокину<sup>236</sup>, и последний передал их через три месяца окольничему кн. И. П. Барятинскому, назначенному в «товарищи» по Лукам и Торопцу к главному воеводе Новгородского разряда 24 июня 1663 г.<sup>237</sup> Окольничий, едва узнав о прибытии кн. И. А. Хованского во Ржеву Володимерову, увел туда всю луцкую конницу, включая и слабый рейтарский полк. После того, как волонтеры Чернавского «изгоном» сожгли все слободы Великих Лук (30 октября)<sup>238</sup>, Хованский отправил своего нового товарища, стольника кн. Д. А. Барятинского с луцкими и торопецкими ратными людьми на выручку уезда: 24 ноября литовцы сняли осаду с города, но обосновались неподалеку<sup>239</sup>.

Прибыв на Луки 7 декабря, воевода отправил роту рейтар ротмистра Т. Шишкина за «языками». Через два дня, получив точные сведения о месте расположения обозов Чернавского и Либика, откуда те рассылали «загоны», Барятинский немедленно двинулся со всем полком

<sup>232</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 128, 136: по всей видимости, там были три роты рейтар именно Луцкого полка, так как их первыми отправили на Опочку (Там же. Л. 128, 259).

<sup>233</sup> Там же. Л. 229.

<sup>234</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 173, 229, 272–277.

<sup>235</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 170–181об., 185–188; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 161, 165.

<sup>236</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 267.

<sup>237</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 546.

<sup>238</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 51–53.

<sup>239</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 202.

на Чернавского в Заболотье. Волонтеры по обычаям не приняли боя и побежали из обоза, потеряв многих людей в преследовании, но в этот момент с другой стороны в это же место «безвестно» пришли литовцы «из Сержантова полку Любика Кривого», спешившие «в сход» к Чернавскому. Завязался бой, в котором противник потерпел сокрушительное поражение: в руки победителей попали пять знамен и 10 волонтеров, в т.ч. два ротмистра<sup>240</sup>, а, по сведениям от пленных, «убито де ево, Чернавского, и Сержантова полку человек с полтораста»<sup>241</sup>. Литовцы были вынуждены бежать к Освею и за Двину, а лучане вернулись под начало Хованского и приняли участие в дальнейшем походе 1664 г. В битве под Витебском рейтарский полк Фрелиха вместе с остальной конницей был разбит и рассеян<sup>242</sup>, после чего лучане вновь поступили под начало воеводы кн. Д. А. Барятинского. В составе его отряда они действовали под Невлем и Дисной, потерпели новое поражение от Чернавского и Дятловича «под Лушками» и вместе с войском отступили на Витебск, а к декабрю – на Луки.

Пополненный в 1665 г., полк принял участие в «летнем борисоглебском походе», а с лета следующего года нес сезонную службу в Витебске и Полоцке, вплоть до сдачи их полякам по Андрусовскому миру. Отличные боевые качества луцких рейтар, возможно, стали причиной того, что по итогам Чигиринских походов их в 1678 г. попытались перевести в копейную службу. Правда, казаки закономерно отказались по причине своей бедности, попросив в челобитной, чтоб им «в копейщиках не быть, перед гусары бы нам с копьями не ездить»<sup>243</sup>.

### *Полк гусарского строя полуполковника Микифора Карапулова*

Полк, едва сформированный в начале похода 1661 г., понес серьезные потери в битве при Кушликовых горах: из 385 гусар, остававшихся в строю, погибло, попало в плен и было ранено 134 чел. – более трети состава! (Погибло 28 чел., без вести пропало 86 чел., в полон попало 6 чел. (в т.ч. командир полка, полуполковник Г. Хлопов), раненых отпущено к Москве 14 чел.)<sup>244</sup>. Гусары стали возвращаться из плена (в основном по обмену) почти сразу после битвы, но «выходцам» представлялся отпуск, и они все равно на время выбывали из строя.

Вновь формировать полк кн. Б. А. Репнин отправил из Новгорода во Псков влиятельного псковского дворянина полуполковника Микифора Петрова сына Карапулова (28 июня 1662 г.). Ему предписывалось: «А со-

<sup>240</sup> Там же. Л. 36–41, 77–80.

<sup>241</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 70–72.

<sup>242</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 515–517.

<sup>243</sup> Чернов А. В. Строительство... С. 473.

<sup>244</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87.

брав начальных людей и гусар, и росписав их в роты, и дав им прапоры, которые даны ему, Микифору, в Великом Новгороде, и устроя з древки, пересмотря, учить их гусарскому строю, чтоб они гусарскому строю были навычны и к походу боярина и воевод князя Бориса Александровича Репнина со товарыщи со всем были готовы». Трубачи и литаврщики прибирались вновь во Пскове из вольных и из казачьих детей<sup>245</sup>. К осени полк был сформирован и даже достиг прошлогодней численности: 405 рядовых при 21 начальном человеке. Гусары все были из «добрых» дворян и детей боярских разных уездов Новгородского разряда, но, по причине общего кризиса, «малоконны ж, а иные и бесконны»<sup>246</sup>.

Данные разбора во Пскове осенью 1665 г. содержат подробные сведения о них. По своему чиновному составу псковичи и пусторожевцы (по Пскову) гусарского строя делятся на почти равное число выборных дворян (9 чел.), дворовых (11 чел.), городовых (9 чел.) и неверстанных (8 чел.) детей боярских. В то же время, у большинства известны сроки начала службы: 8 чел. с 7148–7150 гг. (1639–1642); 5 чел. с 7156–7159 гг. (1647–1651); 9 чел. с 7162 г. (1653–1654) и 8 чел. с 7164 г. (1655–1656). Еще двое уже числились среди гусар в 1661 г., и только один «неверстанный» точно служил с 7169 г. (1660–1661). Таким образом, практически все начали свой боевой путь еще в «сотенной службе», и затем год–два провоевали рейтарами; за плечами у них был богатый опыт всех походов Новгородского разряда против литовцев и шведов. Те же «сказки» содержат и данные о поместьях гусар: совсем без крестьян изначально были только 3 чел.; менее 10 дворов включительно имели 16 чел., от 11 до 20 дворов–12 чел., а двое – даже более 20 дворов (24 и 26)<sup>247</sup>. Хотя из-за систематического уничтожения крестьян литовскими волонтерами в 1662–1665 гг. мало какие хозяйства уцелели, изначальная установка, какого качества должно было быть поместье гусара, ясна. Если учесть, что для псковской корпорации до войны среднее поместье составляло 20 дворов, а после войны – 13, легче понять, почему среди дворян и детей боярских этого уезда уже в 1661 г. почти не осталось рейтар: в отличие от несравненно беднейших помещиков новгородских пятин, всех их перевели в гусары. Становится яснее, почему Хованский, сам начинавший службу в Новгородском разряде с воеводства в Пскове, всегда включал псковичей в первую роту гусарского полка, нарушая обычный местнический счет городов.

Организация «полковой службы» разряда, создание нескольких одновременно действующих воеводских полков с особыми округами ком-

<sup>245</sup> Ф. 210. Столбы Новгородского стола, № 126. Л. 216–217.

<sup>246</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг. С. 10–12, 15.

<sup>247</sup> Подсчитано автором по: Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 60б.. 12, 14об., 20–161об.

плектования конницы не могли не отразиться на структуре гусарского строя: с 1663 г. он перестал собираться полностью. В декабре 1662 г. Репнин отвел в Новгород новгородцев всех пятин, и 27 января 1663 г. среди них числилось «гусар в 4 ротах» 278 чел. налицо и 6 чел. «в нетах»<sup>248</sup>. Гусары лучане (22 чел.) и торопчане (35 чел.), вместе с четырьмя начальными людьми и двумя музыкантами образовав «гусарского строю ротмистра Михайлы Челищева роту»<sup>249</sup>, прибыли на Луки Великие 17 декабря в составе войск кн. С. И. Львова. Вместе с сотней дворян и детей боярских Торжка, Твери и Старицы, в отряд князя поступили и гусары этих городов (ок. 20 чел.), усиливавшие поначалу роту Челищева, но по указу от 14 февраля 1663 г. отпущенные по домам. Кстати, сотенных людей их городов отпустили со службы уже 1 февраля<sup>250</sup>.

Гусарского строя дворяне и дети боярские Псковского уезда во главе с самим Карапуловым остались во Пскове у городового воеводы: по смотру 4 октября 1663 г. их числилось (по «естям» и «нетам») 6 начальных людей, 19 псковичей, 17 пусторжевцев и 14 невлян<sup>251</sup>. В декабре 1663 г. они поступили в полк стольника кн. Н. Г. Гагарина и участвовали в походе под Себеж (52 чел.)<sup>252</sup>. Затем Гагарин самовольно «поехал во Псков, а дворян и детей боярских распустил по домом... а рейтарского строю начальных людей и гусар и донских казаков взял с собою». Оправдывая своих соратников, помещик Р. Кокошкин доложил, что Гагарин «полку своего дворян и детей боярских и гусар из Лютина во Псков взял с собой сильно», но от Москвы не укрылось, что в действительности «они пошли, не хотя быть в полку у Ивана Суморокова»<sup>253</sup>. В апреле Ромодановский обосновывал невозможность посылки подкреплений И. Н. Суморокову тем, что рейтары все пеши, «а псковичи, государь, и пусторжевцы и невляне дворяне и дети боярские в полку у него, Ивана Суморокова б[ыть] не хотят»<sup>254</sup>, явно относя гусар к последней группе ратных людей. Судя по контексту всех упомянутых дел, они воспринимались и ощущали себя как часть «служилого города», в отличие от незнатных рейтар Псковского полка. И все же в июне гусары были посланы в Остров, похоже, в составе рейтарского полка В. Кригела: о самовольном уезде оттуда в Москву гусара А. И. Зубатого воеводу «известил» майор этих рейтар<sup>255</sup>.

<sup>248</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 347. Ст. II. Л. 3, 11.

<sup>249</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 171об., 196об.–199.

<sup>250</sup> Записная книга Московского стола 7171 г. С. 510, 511; Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 199–203.

<sup>251</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 368об.–370 об., 375об.–376об.

<sup>252</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 337.

<sup>253</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 31–33.

<sup>254</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 379.

<sup>255</sup> Там же. Л. 566.

Подобно псковским, луцкие гусары с 29 марта по июль 1663 г. находились в ведении городового воеводы, а затем выступили в полк кн. И. А. Хованского в числе всего 19 лучан и 2 невлян<sup>256</sup>. Во Ржеве их численность еще и уменьшилась до 19 чел.<sup>257</sup>: дворяне не спешили в полк без надежды на жалованье, ведь многим и нечем было «подняться» на службу. Тем не менее, эти гусары в составе конницы своих уездов (луцкого и торопецкого) приняли участие в походе кн. Д. А. Барятинского в декабре 1663 г.: в это время в новгородской коннице части нового строя, состоявшие из наименее обеспеченных ратных людей стали столь слабы, что на первый план вновь вышло деление на городовые корпорации. Затем, правда, жалованье было выплачено, и Хованский повел в рейд по Литве уже довольно хорошо укомплектованный полк, в котором не хватало только псковских гусар.

Полк насчитывал около 350 чел. и состоял из 4 рот, причем первые три включали в себя новгородцев разных пятин, а последняя, луцкого ротмистра Н. Т. Челищева, – гусар всех остальных «городов» (Луки, Ржева Пустая и Невль по Лукам, Торопец, Тверь, Торжок и Старица). Туда же попали и ржевичи, впервые поверстанные в гусарский строй<sup>258</sup>. Первой ротой командовал майор С. Сергеев: вероятно, он и возглавлял полк в этом походе.

До конца мая 1664 г. из полка сбежало всего 5 чел. (в т.ч. незнатный трубач), а до боя, с боя и после боя под Витебском – еще 24. По сравнению не только с рейтарами, полки которых поредели на  $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{3}$  личного состава, но и с сотенными людьми (97 беглых, не считая «нетов»)<sup>259</sup>, гусары выделяются своей выдающейся стойкостью. На Велиже (2 июля) конница разряда состояла из 1055 чел. сотенной, 360 чел. рейтарской (3 полка!) и 261 чел. гусарской службе<sup>260</sup>. Это связано не только с честностью этой службы, и не только с «добротой» гусарского поместья, но и с повышенным жалованьем, которое старались платить им сполна даже в это, тяжелое с финансовой точки зрения время. Так, псковские гусары перед походом (19 декабря 1663 г.) получили по 15 руб. против 10 руб. у сотенных и 12 руб. у рейтар<sup>261</sup>. Так же и в главном полку разряда: по указам от 24 декабря 1663 г. и 22 июля 1664 г. (подтвержден 22 сентября), если сотенные

<sup>256</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 350–351.

<sup>257</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86.

<sup>258</sup> Указанную численность и состав полка дают данные: по «естям» на Велиже 2 июля 1664 г. – 261 чел. (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 17), по беглым в мае–июне 1664 г. – 29 чел. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 99, 116, 117) и по раненым под Витебском – 43 чел. (Ф. 210. Дела десятиен. № 276. Л. 13–20), к чему надо прибавить убитых и взятых в плен под Витебском.

<sup>259</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 5–7, 98, 99, 114–117.

<sup>260</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 17.

<sup>261</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 58, 83.

рейтары делились на две статьи по 10 и 15 и по 12 и 15 руб., то гусарам се-ребряные деньги выдавались неизменно «одной статьей» по 15 руб. человеческому<sup>262</sup>. Такие же нормы жалованья сохранились и впоследствии, причем гусарское звание являлось основанием почти неукоснительной выплаты даже при таком нелицеприятном разборе, какой провел кн. Хованский в октябре 1665 г. – «для ево тяжелой гусарской службы».

Последняя фраза означала, что гусарам, в отличие от рейтар и сотенных, приходилось много учиться особо сложным приемам верховой езды, уходящим корнями в рыцарское прошлое конного копейного строя. Для качественного боевого применения, а именно – нанесения копейного удара на полном скаку, – им необходимо было иметь хороших лошадей и сбрую и бережнее относиться к доспехам и оружию. Этого же требовало и положение их в полку: в обоих боевых эпизодах, от которых дошли известия о походном построении войск Новгородского разряда, Хованский ставил гусар в охрану Государева знамени – сердца боевого порядка (октябрь 1660 г.<sup>263</sup> и март 1666 г.<sup>264</sup>)

Летом 1665 г. из Пскова в поход двинулись гусары: 162 новгородца, тверича и новоторжца и 87 псковичей<sup>265</sup>. Затем их догнали отставшие, и в итоге сформировались полные 3 роты: полуполковника (и командира полка) Н. Карапула – новгородцы и все псковичи, от 101 до 105 чел. по списку; майора С. Сергеева – новгородцы, 102–105 чел.; и ротмистра К. Дирина – новгородцы, тверичи, новоторжцы и стариане, 91–94 чел. В росписях они называются просто «гусары» (а не гусарский полк) и перечисляются по ротам (как сотни дворян перед ними), и лишь при выдаче жалованья после похода их офицеры обозначены как «гусарского строю полуполковника Никифоровой швандроны Карапула начальные люди»<sup>266</sup>. Очевидно, это общее обозначение трех упомянутых рот главного (Псковского) полка, которые только в соединении с четвертой – луцкой ротой составляли уже не швандрону, а целый полк гусарского строя Новгородского разряда.

До 8 октября швандрона потеряла только одного чел. пленным и трех бежавшими (все из 1-й роты)<sup>267</sup>. К марта 1666 г. в «нетах» у гусар оказалось 35 чел. (да 7 «женитца отпущены»), что по сравнению с рейтарами является ничтожно малым процентом и вновь уподобляет их сотенным дворянам и детям боярским. К майскому смотру (15 числа) в «нетах» оказалась уже треть (110 чел. из 322), почти то же самое мы наблюдаем и по сотенным (200 из 680), гораздо больше – по рейтарам

<sup>262</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 16–17об.

<sup>263</sup> АМГ. Т. 3. С. 205 (№ 220).

<sup>264</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 481, 484.

<sup>265</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 496 (11 июля 1665 г.)

<sup>266</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 289.

<sup>267</sup> Там же. Л. 3, 539.

(808 из 1888)<sup>268</sup>. Здесь сказались, с одной стороны, долгая «полковая служба» (с февраля 1665 г.), а с другой – неизбежные послабления со стороны воевод в преддверии заключения перемирия.

Гусары полка стольника кн. П. И. Хованского, служившие в это же время на Луках Великих, составляли отдельную роту. Это видно по числу и званию их начальных людей: из четверых (два поручика и два прапорщика) только один – поручик Тимофея Большев – был назначен ротмистром («в приказ», т.е. временно)<sup>269</sup>. В его подчинении в походе 1665 г. находились, как минимум, 14 лучан, 2 невлянина «по Лукам», 40 торопчан, да еще 6 чел. (по одному лучанину, псковичу и пусторожевцу «по Лукам» и 3 торопчанина) остались на Луках, видимо по болезни или без лошадей (итого 62 рядовых)<sup>270</sup>. При соединении с полком боярина Хованского рота, возможно, осталась при его сыне в виде такого же эскорта воеводского знамени: кн. Петр взял для нее из луцкой казны 5 гусарских значков<sup>271</sup>!

### Боевое применение

После реорганизаций 1661–1662 гг. первыми вступили в бой гусары передовых полков. В бою у оз. Уцо (30 декабря 1662 г.) приняли участие поручик и 19 гусар луцкой роты Челищева из состава сводной сотни Г. Г. Чирикова, которые лично взяли в плен 9 шляхтичей и «фартмистра» из полка Чернавского<sup>272</sup>. Через год те же гусары сражались с волонтерами Либика у Заболотья (9 декабря 1663 г.), потеряв раненым лучанина К. Н. Креницына («на бою сечен саблею по голове»)<sup>273</sup>. Как более «доброконные», и псковские гусары, по «выбору лутчих» воеводы кн. Н. Г. Гагарина, в сводной сотне (50 чел.) Б. Неклюдова, были в преследовании волонтеров С. Чернавского и в посылке под Себежем (30 декабря 1663 г. – 6 января 1664 г.)<sup>274</sup>. С кн. И. А. Хованским гусары четырех рот приняли участие в походе февраля–марта 1664 г. и испили чашу поражения на р. Лучасе под Витебском, где потеряли однимы ранеными столько же, сколько и вся сотенная служба (42 гусара про-

<sup>268</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 440–441.

<sup>269</sup> Ф. 210. Дела десятн. № 282. Л. 14, 14об., 216, 338.

<sup>270</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 373–383об., 440–466.

<sup>271</sup> Среди отправленных перед походом из Лук Великих во Псков знамен Новгородского разряда (оставленных там кн. П.А. Долгоруким в декабре 1664 г. при распуске полка) не значатся «пять значков гусарских», и по расчету, они вошли в число «20 знамен дорогилных», бывших «в походе у... кн. Петра Ивановича Хованского» (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 173–176).

<sup>272</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 171–174.

<sup>273</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 80.

<sup>274</sup> АМГ. Т. 3. С. 551 (№ 657); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. 1. Л. 65.

тив 44 сотенных дворян и детей боярских)<sup>275</sup>: видимо, вновь пришлось ходить в безнадежные атаки и отстаивать Государево знамя. Вместе с тем, эта битва стала последней для полка, т. к. новых крупных сражений, где бы дошел черед до гусар, до конца войны так и не случилось.

Гусарский полк был создан в качестве отборного дворянского подразделения конницы «нового строя» Новгородского разряда при своеобразном и во многом уникальном развитии событий и под влиянием таких ярких личностей, как кн. И. А. Хованский. Пожалуй, он так и остался единственным в своем роде до самого начала XVIII в., поскольку его аналог – части «копейного строя», широко распространенные в период борьбы с турецко-татарской агрессией на Украине во всех действующих войсках (в т.ч. и в Новгородском разряде), – все же не имел столь элитного характера и не был окружён таким ореолом, как гусары.

## Выводы

Условия боевой службы ратных людей Новгородского разряда в последние годы войны 1654–1667 гг. по сложности вполне сопоставимы с эпохой Смуты или исходом Ливонской войны 1558–1583 гг. Численное и, зачастую, моральное превосходство противника, разорение хозяйства (вплоть до сожжения врагами поместий и слобод), кризис финансовой системы государства порой угрожали полным крахом всей военной системы данного округа. В этой ситуации все усилия полковых воевод свелись к поддержанию боеспособности своих отрядов любыми средствами – благо, что богатейший опыт предыдущих лет войны предоставлял массу возможностей. Отметим основные моменты.

Для эффективной и своевременной обороны от набегов литовских грабителей-волонтеров, а также в связи с отказом от крупномасштабных походов за Западную Двину, полевые войска разряда были разделены на несколько полков: в Пскове, на Великих Луках и в Новгороде (в качестве резерва). Командование ими осуществляли городовые воеводы, и лишь по особым государевым указам они переходили в ведение полкового разрядного воеводы и его товарищей для осуществления какой-либо важной задачи сверх защиты границ уезда.

Соответственно, конные ратные люди, относящиеся к одному из трех указанных округов, собирались при необходимости в полном составе, без различия «строев», и перед командованием вставала подчас непосильная задача формирования из них полноценных боевых единиц. Если в случае с сотенными людьми и – благодаря реформе Репнина–с рейтарами это еще было возможно, то гусары в Пскове и

<sup>275</sup> Ф. 210. Дела десятн. № 276. Л. 4–26.

на Луках представляли собой «роты» чисто символически. Зато, как и прежде, широко практиковалось создание разного рода сводных подразделений для погонь, «подъездов» и т.п., в которых всадники всех чинов и строев объединялись по принципу «доброконности» и «оружности». Тем не менее, это не привело к отмене результатов прежних реформ: при воссоздании разрядного полка в 1664 и 1665 гг. ратные люди вновь заняли свои места в строю определенных им полков – и под командой тех же начальных людей!

Кроме сводных сотен, определенные тенденции заметны и в структуре полков рейтарского строя. Несмотря на то, что ни один из них даже по спискам так и не достиг до конца войны численности в 1 тыс. чел., единобразная для всей страны 10-ротная структура каждого полка была сохранена. Однако, не все роты остались равноценны по боевой силе. В пике кризиса, когда только опиравшиеся на свое поместное хозяйство ратные люди могли явиться в полк на коне, у псковских рейтар была выделена одна – «полковничья» – рота в качестве действующей в конном строю единицы – остальным же пришлось усиливать пехотные подразделения. В других полках (Г. Фоншеина и, возможно, лифляндском А. Форота) также первая рота комплектуется более полно (даже до 100 чел.) и лучшими людьми. Подобная практика имеет аналоги и на Западе, и в старой сотенной службе, и отражает стремление воевод и полковников иметь хотя бы небольшое, но полноценное подразделение рейтарского строя.

На этом плане все больше выделяется полк гусарского строя. Стремление придать элитное значение этому виду конницы прослеживается и в регулярной выплате гусарам самого высокого для рядовых Новгородского разряда денежного жалованья, и в переводе туда всех помещиков – рейтар из более богатых, по сравнению с новгородскими пятинаами, уездов Пскова и Лук Великих, и подчеркнуто дворянском составе полка. Результаты действительно впечатляют: мало того, что в нем был наименьший процент «нетчиков» и беглых – среди гусар, в отличие и от рейтар, и от сотенных, совершенно нет бесконных!

Одновременно наблюдаются характерные процессы как внутри военно-сословных групп конных ратных людей, так и в их связи с полковой организационной структурой. Рейтарские части постепенно обретают определенную сословную принадлежность. Так, рейтары новгородских пятин, уездов Твери, Торжка и Старицы составили единый полк, закономерно обозначенный в 1665 г. как «Дворянской»: он не включал в себя ратных людей иных сословий, помимо служилых «по отечеству», и даже митрополичьи дети боярские были, как конные даточные Софийского дома, выведены из его состава. С почти полным переводом остальных рейтар-дворян (из псковичей, лучан, пусторожевцев, невлян), а также временной откомандировкой даточных и торопецких рейтар, остальные три полка – 2-й новгородский, псковский<sup>11</sup>

лудский – в 1663–1664 гг. превратились преимущественно в городовые казачьи. Наконец, в те же годы существовало сводное подразделение из даточных рейтарского строя Новгородского разряда, выполнившее совершенно отдельную задачу в составе драгунского полка в Лифляндии.

Старые станицы городовых казаков Новгородского разряда к 1661 г. были поголовно переведены в рейтарский строй, в связи с чем исчез дуализм внутри этих отрядов (разделение на сотенных и рейтар). В сотнях остались лишь былые «вольные казаки» сомерской и копорской станиц, но они по бедности все чаще несут пешую службу. Также и на Луках впервые появились станицы пеших казаков, отставленных от рейтарской службы ввиду своего крайнего разорения. Приходится констатировать, что кормовые городовые казаки, которые в Новгородском разряде служили только за денежное и хлебное жалованье, оказались не способны поддерживать конный характер своей службы в период кризиса – в отличие от помещиков.

«Новоприборные рейтары» или «вольные люди» рейтарских полков, записавшиеся туда в 1661 г. и не сбежавшие со службы, к 1665 г. были поголовно поверстаны в казаки соответствующих месту их службы городовых станиц. Таким образом, они были зачислены в уже существующее военное сословие – подобно добровольцам из Ижорской земли (сомерские и копорские казаки) и запорожской сотне («новгородцы иноземцы черкасы»).

Из всех подразделений только даточные, в силу временности своей службы, не могли приобрести определенное сословное лицо. Тем не менее, богатый боевой опыт многих из них и особенности рейтарского строя делали их довольно боеспособными ратниками – правда, вряд ли превосходившими казаков или дворян. Самое важное, чем они привлекали воевод – это самообеспечение за счет крепкого церковно-вотчинного хозяйства или прожиточных поместий. Это позволило им поддерживать способность к конной службе в кризисный период, подобно помещикам дворянам или поместным казакам. И все же, чуждость понятиям дворянской чести или казачьего братства, уверенность в покровительстве своих властей у церковных даточных и полная безответственность вольнонаемного (как П. Патрикеев) – у дворянских, резко снижали надежность этих ратников. По истечении определенного времени или в опасных обстоятельствах (как в походе Суморокова осенью 1664 г.) они без колебаний покидали свои знамена и отправлялись по домам.

Суммируя вышеизложенное об организации полковой конной службы, можно обозначить главную тенденцию последних лет войны, как восстановление ее сословного характера. Кратковременная эйфория от возможности в разы увеличивать конницу за счет пополнения рейтарских полков буквально кем попало сменилась трудоемкой и кропотливой деятельностью по сохранению хоть минимального уровня ее боев-

способности. Поразительно разнообразная смесь новобранцев 1661 г., различающихся своим происхождением, статусом, численностью и условиями службы была сведена к двум основным традиционным военным сословиям – служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских) и «по прибору» (городовых казаков). С восстановлением численности и материальной базы указанных сословий к 1665–1666 гг. временно усилившаяся роль даточных рейтарского строя вновь исчезает. Что же касается организационных форм полковой службы конницы, то, за исключением трудного периода 1663–1664 гг., она сохранила структуру образца 1662 г.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа осветила один из интереснейших этапов развития отечественных вооруженных сил, когда развитие военного дела и государства в целом, изменения в международном положении России повлекли за собой новый этап их модернизации. Пожалуй, определяющей особенностью реформ XVII столетия стало широкомасштабное освоение военных достижений государств Западной Европы, как в техническом плане, так и в области унифицированных методик обучения новобранцев.

В деле строительства армии указанные процессы тесно сплелись с необходимостью преодоления глубокого хозяйственно-экономического кризиса, сопровождавшего период Смуты и правление первых Романовых. Прежний уклад службы, когда боеспособность ратного человека обеспечивалась его поместьем или вотчиной, на значительной территории страны пришел в упадок, и для исправного ее несения требовалась постоянная финансовая и материальная поддержка государства.

Наконец, напряженная международная обстановка и изменение характера войны вызвали необходимость резкого увеличения численности действующей армии за счет привлечения в состав боевых частей широких слоев населения – в первую очередь, крестьянства. Изменение порядка комплектования привело к размыванию традиционной сословности военной службы, которая прежде являлась обязанностью определенных сословных групп: служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских) и «по прибору» (стрельцов, казаков, пушкарей), а также инородцев.

Все эти процессы, как в миниатюре, наблюдаются и при реорганизации конницы Новгородского разряда в 1650–1660-х гг. При этом, на ее ход сильное и, зачастую, непосредственное влияние оказывала конкретная военная обстановка, ведь эти части постоянно находились «на переднем крае» боевых действий как против Польско-Литовского государства (в 1654–1656 и 1658–1666 гг.), так и против Швеции (1656–1658 гг.). Однако, при всей спонтанности преобразований достаточно ясно вырисовываются следующие этапы:

1-й этап (1654–1659 гг.) – в плане организации характеризуется сохранением традиционной «сотенной» структуры полковой службы

конницы как для ратных людей, поселенных на территории Новгородского разряда, так и для новых контингентов донских и вольных казаков. Только с 1656 г. в его составе появляются части принципиально нового типа – полки рейтарского строя, созданные по западному образцу из беднейших детей боярских.

В области обеспечения конной службы наблюдается дальнейшее падение роли поместного хозяйства. Большая часть конных ратных людей не имеет поместий вообще и служит исключительно с денежного жалования, остальные же стали больше нуждаться в нем в силу интенсификации боевых действий. Значительное увеличение конной группировки в Новгородском разряде обеспечено не поместным верстанием, что было невозможно при состоянии тамошнего земельного фонда, а резким увеличением денежных затрат – за счет финансовой реформы 1650-х гг.

Первые видимые успехи этой политики привели правительство к мысли поставить материальное обеспечение беднейших ратных людей на более постоянную основу, что, в сочетании с выводами из боевой практики русско-шведской войны, означало перевод большей их части из «сотенной службы» в полки рейтарского строя.

2-й этап (1659–1661 гг.) – период бурных реорганизаций войск Новгородского разряда, обусловленных как долгосрочными планами правительства, так и реакцией на конкретные военные события. Поскольку в походы того времени Новгородский разряд выступал в единым войском, перемены носили централизованный характер.

Во время первого «разбора» весной 1659 г. из малообеспеченных дворян и детей боярских, а также большей части городовых казаков было сформировано 3 полка рейтарского строя (2800 чел.) с единообразной штатной структурой и вооружением. Остальные конные ратные люди остались в «сотенной службе», которая по этой причине приобрела характер элитной – особенно у дворян. После поражения при Полонке (1660 г.), вызвавшего падение их морального духа, в августе–сентябре 1660 г. было создано отборное дворянское подразделение уже в рамках частей нового строя – гусарский полк (из рейтар). Наконец, когда весной–летом 1661 г. для восполнения тяжелых потерь в состав конницы было включено большое количество вольных людей и даточных, Хованский сформировал четвертый рейтарский полк, исключительно из городовых казаков.

Таким образом, за короткий период прежде единообразная конница, имевшая традиционную организацию и старую тактику, оказалась разделена на три специализированных типа. Первый – наиболее почетная «сотенная» служба – сохранила прежние черты организации, приобрел ярко выраженный элитный характер. Следующий по «чести»

гусарский строй имел функции тяжелой конницы<sup>1</sup>, предназначенней наносить копейный удар на полном скаку и оказывать решающее воздействие на ход сражения. Наконец, полки рейтарского строя являлись линейной кавалерией, обученной действиям в сомкнутом строю эскадрона – в первую очередь, с целью огневого воздействия на противника. Полки нового строя имели единообразную структуру и штаты, а также постоянный состав начальных людей, регулярно снабжались оружием и доспехами и проходили интенсивное обучение.

Вызванный рядом финансовых и материальных, моральных и военно-стратегических причин развал полка при Кушликовых горах под Полоцком осенью 1661 г. заставил правительство искать новую, более приспособленную к изменившимся условиям форму организации полковой службы конницы.

3-й этап (1662–1667 гг.) – сохранив в чисто структурном плане прежний набор полков: 4 рейтарских и один гусарский, – боярин кн. Б. А. Репнин приспособил ее к территориальной системе комплектования, по образцу Белгородского разряда. К осени 1662 г. конница включала в себя два новгородских, псковский и луцкий рейтарские полки, сохранявшие прежние штаты (по 10 рот в каждом); гусарский полк, помимо трехчетырех новгородских, имел псковскую и луцкую роты.

В условиях затяжного финансово-экономического кризиса, особенно тяжело сказавшегося в Новгородской земле, ратные люди лишились былой щедрой поддержки государства и должны были больше рассчитывать на свои возможности к самообеспечению. Прямыми следствием этого стало восстановление сословного характера конной службы, размытого было предыдущими реформами. Пожалуй, именно оно стало главным смыслом и содержанием преобразований 3-го этапа: внешне установленная Репниным структура полковой службы в дальнейшем существенно не менялась.

Лишенные крепкого хозяйства «вольные люди рейтары» были постепенно зачислены в существующие казачьи станицы, но и те на период 1662–1665 гг. потеряли способность нести конную службу. Зато выступавшие в поход верхом ценились именно как конные бойцы, а не рядовые определенного «строя», и должны были вновь вспомнить индивидуальные навыки традиционного боя для борьбы с набегами литовских «партизан».

Помимо территориального, части приобрели определенный сословный характер. Так, в конных сотнях служили наиболее знатные и богатые дворяне и дети боярские – остальные же составляли гусарские роты и Первый или Дворянский полк рейтарского строя. Городовые

<sup>1</sup> В данном случае автор не проводит грани между кавалерией и конницей, используя их как синонимы.

казаки и даточные укомплектовали остальные три рейтарских полка. Именно в таком виде конница Новгородского разряда и закончила свой боевой путь в русско-польской войне.

Степень эффективности данных реформ правильнее оценивать, включив их в как можно более широкий контекст военного строительства.

На протяжении многих веков конница играла важнейшую роль в вооруженных силах Русского государства. Это было обусловлено как географическими особенностями страны: большими пространствами при редком населении и плохом состоянии сухопутных путей, - так и соседством с Великой степью, из глубин которой перманентно появлялись новые кочевые народы. Конный воин эпохи Средних веков являлся профессионалом своего дела, представителем знати или высшего служилого слоя. Военная служба, будучи сопряжена с постоянным риском для жизни и свободы, требовала развития ответственности, решительности, выдержки и им подобных качеств, что выдвигало ратников на важные посты и в гражданской жизни.

Одним из условий, необходимых для эффективного противодействия новым угрозам, было освоение боевого опыта и военных достижений противника или более отдаленных соседей, что в России наблюдается задолго до реформ XVII в.

Поместная система обеспечения русской конницы складывается в конце XV – начале XVI вв. Одновременно или несколько раньше мы наблюдаем зарождение и развитие того порядка несения воинской службы, а также стратегических и тактических приемов, с которыми этот род войск встретил новую эпоху реформ середины XVII в. Главной его задачей было противодействие разорительным татарским набегам, которые после развала Большой орды стали наносить огромный ущерб всей хозяйственно-экономической жизни страны. Долгое время войны на западной границе не требовали каких-то специальных мероприятий по модернизации конницы: там перевес достигался за счет усиления артиллерии и увеличения стрелецкой пехоты.

Создание на западной границе могущественной Речи Посполитой, располагавшей сильнейшим перевесом именно в кавалерии («крылатые гусары»), а также изменение комплекса вооружения всадника, большую роль в котором стало играть огнестрельное оружие, заставило наконец правительство всерьез приступить к реформированию этого рода войск. Преобразования 1650–1660-х гг. привели к переводу большей части ратных людей прежней «сотенной» службы в полки рейтарского строя, положив начало существованию русской линейной или, как ее было принято называть в XVIII–XIX вв. в противовес казачьим и инородческим формированиям, «регулярной» кавалерии. Вместе с тем, в отличие от пехоты, где значительную роль стали играть

полки из даточных, конница в большей степени сохранила свой традиционный сословный характер. Последнее было связано как с недостаточными финансовыми способностями государства, что требовало от конного воина собственного крепкого хозяйства, так и, в не меньшей степени, традиционным сознанием, не допускавшим нахождение на постоянной военной службе представителей иных, кроме как военнослужилых, сословий.

Следующий этап преобразований начался в 1670-х гг. и проходил под знаком, с одной стороны, борьбы с турецко-татарской агрессией в Малороссии, а с другой, попыток удешевить содержание огромной армии и перевести ее на мирное положение. В коннице начало новой широкомасштабной войны в степи привело, в частности, к увеличению доли частей копейного и гусарского строя, более эффективных в боях с превосходной турецкой кавалерией. Однако, специфические условия Крымских походов, вновь потребовавших от конных ратников высоких индивидуальных качеств для борьбы с легкими татарскими отрядами, привели к снижению роли линейной и тяжелой конницы по сравнению с казачьими частями.

Перевод ратных людей рейтарского, гусарского и копейного строя в состав новых драгунских полков в начале Северной войны 1700–1721 гг. первоначально был вызван, видимо, особенностями основного театра военных действий. Пересеченная местность давала много преимуществ этим «земноводным»<sup>2</sup>, способным успешно действовать как в пешем, так и в конном строю. Однако, эффективность конного боя поддерживалась в значительной степени за счет прежних навыков служилых людей: уставы австрийского образца ориентировали их на стрельбу с коня, а не на атаку холодным оружием<sup>3</sup>. Непродуманность реформы проявилась в полной мере после такого, казалось бы, логичного решения, как распространение на драгун общей с пехотой рекрутской системы комплектования.

В итоге, к концу правления Петра Первого Россия, по сути, лишилась линейной кавалерии: уже в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., по отзывам современников, драгуны представляли собой не более, чем ездающую пехоту, которая предпочитала спешиваться при приближении природных конных воинов Великой степи<sup>4</sup>. Не только драгунские, но и кирасирские полки русской армии оказались непригодны к борьбе с конницей Фридриха Великого на полях Семилетней войны

<sup>2</sup> Прозвище драгун эпохи Тридцатилетней войны (по Гриммельсгаузену).

<sup>3</sup> Верходубов В. Д. Создание русской регулярной армии. С. 165; Пенской В. В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг. С. 46, 175–176.

<sup>4</sup> Керновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1992. С. 32.

1756–1763 гг.<sup>5</sup>, что обычно оттеняется блестящими действиями пехоты и артиллерии.

Суммируя рассуждения таких военных деятелей России XVIII в., как Миних, Румянцев, Потемкин, находим две основные причины подобного плачевного положения: отсутствие тяжелых заводских лошадей, равных европейским, и система комплектования, когда в конные полки попадали рекруты, непривычные к верховой езде. В условиях отсутствия манежей и опытных берейторов они, как правило, и не достигали за период своей службы уровня подготовки западных кавалеристов<sup>6</sup> – не говоря уж о наездниках восточной конницы. Взгляды указанных лиц на пути выхода из подобной ситуации были на удивление схожими. Так, Миних в 1731 г. предлагал комплектовать кирасирские полки дворянами с сокращенным сроком службы<sup>7</sup>, и учредил легкую регулярную кавалерию – гусар венгерского образца, состоявших из иноземцев, с детства привычных к подобного рода службе. Румянцев полагал, что «надлежит определять... в кавалерию и легкую конницу – при способности лутчей к конской езде, к побегам меньше склонных, как, например, однодворцев, казаков и, в некоторых местах – татар»<sup>8</sup> – природных кавалеристов.

Мероприятия Потемкина, как и его предшественников в 1765–1780-х гг., во многом воплотили в жизнь эти идеи. За этот период драгунские части были переведены в пограничные гарнизоны, в то время, как полевая конница пополнилась за счет перевода Слободских казачьих полков в регулярные гусарские, а малороссийских казаков – в новые карабинерные и легкоконные полки<sup>9</sup>. Результаты не заставили себя ждать: в войнах второй половины царствования Екатерины II (с Османской империей в 1787–1791 гг. и Польшей в 1794 г.) русская регулярная конница показала себя с гораздо лучшей стороны. Таким образом, в более широком виде и, во многом, по другим причинам, произошел процесс, аналогичный обнаруженному нами в Новгородском разряде веком раньше – восстановление сословности конной службы. Правда, теперь экономические возможности государства освобождали

<sup>5</sup> Пенской В. В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг. С. 78, 93–95.

<sup>6</sup> Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895 г. С. 156–158.

<sup>7</sup> Пенской В. В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг. С. 56.

<sup>8</sup> Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания / Сост. А. П. Капитонов. М., 2001. С. 50.

<sup>9</sup> Подр.: Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. СПб., 1904.

конного бойца от забот о собственном хозяйстве, и на первый план выдвигался его профессионализм, способность к выполнению большого количества разнообразных задач, требовавшихся от конницы в России.

Данный экскурс позволяет разделить два процесса, которые наблюдаются при изучении реформ русской конницы XVII – нач. XVIII в.: освоение новых тактических и организационных форм и утрата (как выясняется, временная) конной ратной службой своего сословного характера. Исследование наглядно продемонстрировало, насколько глубокие изменения произошли в середине XVII столетия в полковой организации конницы Новгородского разряда, ее тактике, вооружении и системе обучения. По сравнению с ними последующие преобразования Петровской эпохи не только не внесли ничего принципиально нового, но и положили начало долгому кризису регулярной кавалерии, преодоленному только к 1780-м гг. Напротив, в отношении комплектования конница Алексея Михайловича сохранила почти без изменений традиционный средневековый подход к сословности ратной службы, и события XVIII столетия ярко показывают нам всю резонность такого консерватизма.

В итоге проведенного исследования впервые в историографии удалось реконструировать весь ход преобразований кавалерии отдельного военного округа в период 1650–1660-х гг., в ходе которого полностью поменялась ее тактическая организация. Выяснилось, каким образом структура частей «нового строя» была сопряжена с существующей системой поместных и поселенных войск, иными словами, установлен порядок службы традиционных военно-служилых корпораций Новгородского разряда в гусарском и рейтарских полках. Показано серьезное влияние консервативного сословного сознания ратных людей, в особенности дворян и детей боярских, на все этапы реформирования.

Изучение данных преобразований на фоне непрекращающихся боевых действий, в широком контексте военно-политической ситуации, с учетом успехов и провалов финансово-экономической политики правительства в отношении вооруженных сил и его конкретных военных установок, позволило впервые показать всю сложность факторов, влиявших на создание и изменение организации полков «нового строя» и конницы в целом. В работе на строго документальной основе установлена реальная численность одного из боевых соединений русского войска на протяжении всего обозначенного периода боевых действий, его проблемы материального и морального характера.

Последнее позволяет по-иному взглянуть на боевые качества русской «поместной конницы», причины ее успехов и поражений. На этом фоне рельефно проявляются организаторские качества, энергия и изобретательность кн. И. А. Хованского, долгие годы являвшегося главным полковым воеводой Новгородского разряда. До сих пор в научных

работах превалирует негативный взгляд на военные таланты боярина, и содержащийся в книге материал является твердой основой для его историографической «реабилитации».

При оценке эффективности проведенных реформ необходимо тщательное изучение боевой деятельности подразделений, конкретной ситуации и трудностей, в которых им приходилось действовать. Это позволяет избежать поспешных суждений и выводов относительно их боевых качеств. С учетом превосходства сил противника и тяжелой хозяйственно-экономической ситуации, сложившейся на северо-западе России в 1660-х гг., преобразования конницы Новгородского разряда следует оценить как успешные. На протяжении последних четырех лет войны (1662–1667 гг.) правительство больше не меняло вновь созданную структуру полков и видов кавалерии, признав ее достаточно успешной. Возросшая в результате реформ тактическая эффективность позволила русской коннице выполнять весь спектр необходимых боевых задач, несмотря на несколько ощутимых поражений.

## ТАБЛИЦЫ



1

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ СОТНИ ДВОРЯН, ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ  
И НОВОКРЕЩЕНОВ НОВГОРОДСКОГО ПОЛКА ПОХОДЕ  
1654 г.**

На основе послужных списков полка  
(Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Ч. I)

Таблица 1.1

**Сотни полка думного дворянина  
и ясельничего и воеводы Ж. В. Кондырева**

(Новгородский полк был заранее разделен на три воеводских полка,  
младшим из которых командовал Кондырев

Сотенный голова	«Город»	Состав сотни в посылках в мае–июле	Состав сотни в посылке под Глубокое (с 21. 07.1654)	Состав сотни на приступах к Витебску	
За воеводой	Стольники Дворяне Жильцы Мешоц <sup>1</sup> Невль (Л. В.)		(см. Ертоул)	2 1 4 1 10	
	итого			18	
Ясaulы	Новгород	3	(см. сотню I)		
Ертоул стольника Петра Жд. Кондырева	Сводный для боя при Глубоком <sup>2</sup>		104		
новгородец Панкратей Семенов сын Путилов	Стольник Ясaulы Бежецкая пятина	1 33	1 4 30 (1 перешел в ертоул) 70	30 + 1 дат. 75	№ 1 <sup>3</sup>
	Обонежская пятина Невль	74	1 даточный (энам-щик)	2 дат.	
	итого	108	106	108	
Новгородец Иван Ив. Ко- зодавлев	Обонежская холоп головы	128 1	110 1	135 1	№ 2 или № 8
Новгородец Иван Петр. Колюбакин	Бежецкая пятина	66	65 (4 чел. см. в ертоуле)	71	№ 3 или № 10

Новгородец Михаил Вас. Теглев	Татарове новокрещены Беж. пятини	121	114 (7 чел. см. в ертоуле)	121	№ 4 или № 9
Н. Обон. пят. Тихан Ив. Бестужев <sup>4</sup>	Бежецкая п. Обонежская холоп головы	38 + «иные» 1	66 11 1	62 11	№ 5 или № 11
	итого		78	73	
Невлянин Борис Аф. Лавров <sup>5</sup>	Бежецкая пятина	78 (3 ранено, 1 конь убит)	72 (7 чел были в яртоуле)	94	№ 6 или № 12

Таблица 1.2

Численность ратных людей полка Ж. В. Кондырева по городовым корпорациям (без московских чинов, дворян «по челобитным» и даточных)

«Город»	Численность в начале похода	Численность в конце похода	№№ сотен
Бежецкая пятина	243	258	1, 3, 5, 6
Обонежская пятина	213	221	1, 2, 5
Новокрещены	121	121	4
Невль по Лукам	10	10	За воеводой
Итого	587	610	

Таблица 1.3

Ертоул стольника Петра Жданова сына Кондырева в посылке под Глубокое с 21 июля 1654 г.

«Город»	Из какой сотни	Число рядовых	Потери (где указано)
Стольники	За воеводой	2	1 ранен
Жильцы	За воеводой	4	
Мещоск	За воеводой	1	убита лошадь
Водская п.	Г. М. Обрютина полка С. Л. Стрешнева	7	
Бежецкая п.	3-я (Колюбакина) – 4 чел. 6-я (Лаврова) – 7 чел.	64, 1 даточный (со знаменем)	
Обонежская	1-я (Путилова)	2	

Обонежская (?)		3	
Псков		2	
Невль		4	
Луки Вел.	А. Б. Бибикова полка С. Л. Стрешнева	7	
Новокрещены	4-я (Теглева)	7	‘
итого		104	

Таблица 1.4.

**Сотни полка окольничего и воеводы Семена Лукьяновича Стрешнева, временно приданые полку Ж. В. Кондырева**

Сотенный голова	№	«Город»	Состав сотни под Невлем	Состав сотни в посылке под Глубокое (с 21.07.1654)	Состав сотни на приступах к Витебску
лучанин Григорей Матвеев с. Обрютин	2	Водская п. Деревская Луки В. итого		96 (и 7 чел. в ертоуле) 20 116	105 16 1 (сын головы) 122
Лучанин Алексей Бусловов с Бибиков <sup>6</sup>	3	Луки В. Ржева Пустая по Лукам итого	94 2 (обрыв)	78 (и 7 чел. в ертоуле) 23 101	
Лучанин Григорей Григорьев Чириков	4	Шелонская пятна		108	
Н. Дер. п. Офонасей Матвеев Арцыбашев	5				
Степан Корсаков	6				
Наум Васильев с Креницын	7	Водская п. Бежецкая (городовые) итого		62 71 133	

Пусторже- вец Иван Леонтьев с. Бухвостов <sup>1</sup>	13	Деревская п. Выбор Город		7	137 (1 убит, 3 ранено, 9 лошадей убито)
		итого		116	
				123	

<sup>1</sup> Дворяне и дети боярские из городов, не принадлежащих к данному полку, попадали в него «по челобитью» – как правило, для совместной службы с родственниками из московских чинов или др. частей

<sup>2</sup> См. отдельное расписание (Таблица 1.3).

<sup>3</sup> Предположительный № сотни по старшинству, основанный на очередности расположения сотенных послужных списков в столбце. Первый номер – посылки из Полоцка, второй – на Глубокое.

<sup>4</sup> 17 августа Т. И. Бестужев был изранен на приступе к Витебску, и последний послужной список сотни составил пусторжец Иван Леонтьев с. Бухвостов (голова сотни новгородцев Деревской пятины полка С. Л. Стрешнева) – 67 новгородцев Бежецкой и 11 Обонежской пятины.

<sup>5</sup> После посылки на Глубокое Б. А. Лаврова сменил новгородец Бежецкой пятины Василий Иванов сын Дубровской – вначале рядовой 1-й сотни (П. Путилова), а под Глубоким – ясоул полка Ж. В. Кондырева.

<sup>6</sup> Начиная с посылки под Глубокое, А. Б. Бибикова сменил голова лучанин Григорей Григорьев с. Хомутов

<sup>7</sup> После того, как И. Л. Бухвостов сменил в командовании 5-й сотни полка Ж. В. Кондырева израненного 17 августа Т. И. Бестужева, на его место назначили новгородца Деревской пятины Офонасея Матвеева с. Арцыбашева.

**КОННЫЕ СОТНИ НОВГОРОДСКОГО ПОЛКА БОЯРИНА И  
ВОЕВОДЫ КН. ИВАНА АНДРЕЕВИЧА УРУСОВА  
СО ТОВАРИЩИ В ПОХОДЕ НА БРЕСТ  
(23 ОКТЯБРЯ – 22 ДЕКАБРЯ 1655 Г.)**

На основе послужных списков полка  
(Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113).

Таблица 2.1

**Полк боярина и воеводы кн. Ивана Андреевича Урусова.  
Сотни дворян и детей боярских**

№ сот.	Сотенный го- лова	Перемены в походе	«Город»	Численность
1	Выборная сотня Григорей Федоров Лугвенев только в бою 13 ноября	После боя 13 ноября голова торопчанин Яков Кириллов сын Полибин	Жильцы	9
			Водская пя- тина	21
			Шелонская п.	4
			Бежецкая п.	4
			Обонежская п.	4 (1 знаменщик)
			Псков	12 (1 знаменщик)
			Ржева Пустая	5
			Торопец	27 (2 знаменщика)
			итого	86
2	Подъезжая сотня (?) Григорей Лугвенев	Списки только на бой 24 октября	В. Новгород	21
			Псков	15
			Торопец	4
			Луки Великие	5
			итого	46
3	Торопчанин Петр Яковлев сын Непейцын	24 октября придан Передовому полку	Водская	65 (1 поручик)
			Торопец	2 (родственники головы)
			Холопы	4 (боевые холопы головы)
			итого	71

4	торопчанин А. Г. Зеленой		Водская п. Деревская п.	47
5	стрияпчий Ф. И. Веригин	голова с 22. 08	Деревская п.	62
6	Ф. И. Лаптев		Бежецкая п.	40
7а	новгородец Водской п. Я. М. Муравьев	К 13.11. вошла в 76	Обонежская пятина	53 (1 знаменщик)
7б	новгородец Бе- жецкой п. И. М. Милюков	появилась к бою 13 ноября	Водская п.	8 (кн. Мышецкие)
			Обонежская п.	82 (1 знаменщик)
			итого	90
8	торопчанин Федор Иванов Сын Чириков		Псков	47 (1 знаменщик)
			Невль (Псков)	17
			Торопец	1 (сын сот.головы)
			итого	65
9	новгородец Шелонской п. Данила Иванов Неплюев		Псков	52 (2 знаменщика)
			Ржева П. (Пск.)	9 (Дубровские)
			Невль (Пск.)	31
			итого	92
10	лучанин Петр Сем. Луманов		Ржева П. (Пск.)	66 (3 знаменщика, 2 даточных)
11	Пусторжевец Григ. Романов Коромышев		Луки Великие	137(2 знам., 1 дат.)
			Ржева П. (Л.В.)	22 (2 дат.)
			Невль (Л. В.)	6
			итого	165
12	Шелонской п. Иван Ал-ев Та- тищев		Торопец	58
13	Шелонской п. Федор Вас. На- шокин		Торопец	63 (2 знаменщика)
14	Водской пяти- ны Борис Дем. Тушин		Торопец	67 (1 знаменщик)

## Сотня луцких казаков

Сотенный голова	Станица	Численность станицы
Жилец (или дворянин московский) Кузьма Петров сын Козлов	Симана Федорова с. Бедрина	2 атамана, 120 рядовых
	Федота Иванова с. Юлина	
	Невельская есаула Левонтея Насекая	есаул, 46 рядовых
	Нововерстанные казаки	154 (в т. ч. 5 поместных)
	итого	323

## Передовой полк стольника и воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского

## Сотни городовых казаков

Сотенный голова	Станица	Численность казаков
новгородец Беж. п. Мирон Парамонов Поскочин	Новгородских конных казаков атамана Федора Клементьева	177 (атаман, есаул, 17 десятников)
Псковитин Самсон Артемьев Тюльнев	Псковских казаков атамана Василия Еустафьева Рудакова	80 (атаман, есаул)

## Сотни дворян и детей боярских

№ сотни	Сотенный голова	«Город»	Численность
1	Выборная и Подъезжая сотня новгородец Бежецкой п. Василий Иванов сын Теглев	Водская п.	16
		Шелонская п.	19
		Бежецкая п.	2
		Деревская п.	20
		Обонежская п.	29 (1 знаменщик)
		итого	86
2	торопчанин Иван Яковлев сын Кушелев	Водская пятина	59
		Шелонская п.	13
		итого	72
3	новгородец Шелонской п. Микита Офонасьев сын Хвостов	Водская пятина	103
		Шелонская п.	11
		Бежецкая п.	3
		итого	117

4	новгородец Бежецкой п. Клементей Иванов сын Ушаков	Шелонская п. Деревская п. Обонежская п. итого	76 24 7 107
5	псковитин Михайло Григорьев Бешенцев	Бежецкая п.	59 (1 даточный)
6	торопчанин Константин Воинов сын Нашокин	Бежецкая п.	132
7	новгородец Водской п Тихон Бровцын	Бежецкая п. Деревская п. итого	33 33 (1 хорунжий) 66
8	новг. Деревской п. Степан Семенов Веревкин	Обонежская(?)	63

Таблица 2.2

## Общая численность конницы Новгородского полка в походе

Полк	Дворян и детей боярских		Городовых казаков		Итого	
	сотен	человек	сотен	человек	сотен	человек
Боярский	14	1033	1	323	15	1356
Передовой	8	712	2	257	10	969
Итого	22	1745	3	580	25	2325

Таблица 2.3.

**Соотношение пошедших в поход и оставшихся в Ковне  
(на примере лучан)**

На основе десятни денежной раздачи на Луках Великих 18 февраля 1656 года  
(Ф. 210. Дела десятн. № 33, л. 1 – 58 об.)

Город	Чин	Были в походе	Остались в Ковне	итого
Луки Великие	Выборные	39	12	51
	Дворовые	26	4	30
	Городовые	63	6	69
	Неверстанные	8	2	10
	Нарядчик	1		1
	итого	137	24	161
Ржева Пустая по Лукам	Выборные	6	5 (Бухвостовы)	11
	Дворовые	8		8
	Городовые	10	1 (Бухвостов)	11
	итого	24	6	30
Невль по Лукам	Выборные	1		1
	Дворовые	3		3
	Городовые	3		3
	Неверстанные	1		1
	даточные	3		3
	итого	11	-	11
итого		172	30	202

## 3

**Конные ратные люди полка Новгородского разряда  
боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого  
(по смотру во Пскове 28 июня 1656 г.)**

На основе росписи по смотру  
(Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 169–182).

Таблица 3.1.

**Полк боярина кн. А. Н. Трубецкого  
«Город» или иной отряд  
(№ по старшинству в разряде: см. приложение)**

	в «естях»	в «нетах»	итого
Чины московские и «по челобитным»	142	68	
Водская пятина (1)	179	187	
Шелонская пятна (2)	107	124	
Торопец (8)	203	149	
Луки В, Ржева Пустая и Невль по Лукам (9)	202	20	
Тверь (10)	76	14	
Старица (12)	19	4	
Темниковские мурзы и татары <sup>1</sup>		[	
Полк рейтарского строя Дениса Фонвизина	218	846	
Луцкие и невельские казаки	312	57	
итого			
Полк боярина кн. Ю. А. Долгорукова			
Чины московские и «по челобитным»	20	8	
Деревская пятна (3)	212	139	
Псков, пусторжевцы и невляне по Пскову (7)	374	29	
Торжок (11)	115	3	
Псковские казаки	67	49	
итого			

## Полк окольничего кн. С. Р. Пожарского

«Город» или иной отряд	в «естях»	в «нетах»	итого
Чины московские и «по челобитным»	8		8
Бежецкая пятна (4)	511	154	665
итого	519	154	673
Полк окольничего С. А. Измайлова			
Обонежская пятна (5)	158	124	282
Бежецкой пятнины новокрещены (6)	55	36	91
Новгородские конные казаки		127	127
итого	213	287	500

## Приложение к таблице 3.1.

Старшинство городовых корпораций  
в Новгородском разряде в 1656 г.

## Пятины Великого Новгорода

- 1) Водская
- 2) Шелонская
- 3) Деревская
- 4) Бежецкая
- 5) Обонежская
- 6) Бежецкой пятнины новокрещены

## Города, входившие в Новгородский полк с 1654 г.

- 7) Псков (I), Ржева Пустая (II) и Невль (III) по Пскову
- 8) Торопец
- 9) Луки Великие (I), Ржева Пустая (II) и Невль (III) по Лукам

## Города, вошедшие в Новгородский разряд в 1656 г.

- 10) Тверь (I)
- 11) Торжок (II) («новоторжцы»)
- 12) Старица (III)

<sup>1</sup> По данным на 3 декабря 1656 г. (Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 106–138).

4

**Конница сотенной службы Новгородского разряда  
перед реорганизацией 1659 г.**

*Таблица 4.1.*

**Расписание конницы Псковского полка в битве при Мядзелах  
(29.01.1659 г.)**

На основе послужных списков полка  
(Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488).

**ПОЛК СТОЛЬНИКА  
КНЯЗЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ХОВАНСКОГО**

**Дворяне и дети боярские**

Сотенный голова	Рядовые дворяне и дети боярские				листы дела
	«город»	«ести»	«неты»	ито-го	
Выборная сотня Водской п. кн Терентей Васильев сын Мышецкий					
Подъезжая сотня торопчанин А. Г. Зеленой	Водская п.	8	10	18	1–6
	Шелонская п.		12	12	
	Деревская п.	16	3	19	
	Луки Великие		4	4	
	Невль по Л. В.		2	2	
	Торопец (1 дат.)	15 (1 зн.)	5	20	
	Итого	39	36	75	
Шел. п. И. А. Татищев	Водская п.	7 (1 зн.)	61	68	7–11
Вод. п. кн. Ф. Д. Елецкий	Водская п.	19 (1 зн.)	37	56	12–15
Дер. п. А. В. Веригин	Водская п.	21 (1 зн.)	49	70	16–20
Пск. (?) Л. А. Кормо- лин	Водская п.	8 (1 зн.)	48	56	21–25
Шел. п. С. И. Дубров- ский (Шел. п. «первая сотня»)	Шелонская п.		66 (1 у Госу- дар. знамени, 2 зн.)		26–29
торопчанин Андрей Яковлев сын Непейцын	Шелонская п. (1дат. из Торопца)	6 (1 зн.)	63	69	30–36
псковитин М. С. Голянищев	Шелонская п. (1дат. из Торопца)	3 (1 зн.)	65	68	37–41

псковитин Ф. А. Квашнин	Деревская п.	28	35	63	42–46
Ржева П. (П.) В. М. Нелов	Деревская п.	40 (2 зн.)	26	66	47–53
торопчанин Викула Яковлев сын Непейцын	Деревская п.	35 (3 зн.)	34	69	54–55. 61–64
приданы сотне В. Я. Непейцына из завоеводчиков	есаулы	4			56–60
	розные города	31			
	ретары	2			
	поручик солд.	1			
	итого	38		38	
Боевая численность усиленной сотни		73			
Шел. п. П. И. Дубров- ский	Деревская п.	34 (1 зн.)	23	57	67–73
Водской п. кн. Гаврило Матфеев сын Мышецкий	Луки Великие	10	63	73	74–78
	Ржева П (Л.В.)		2	2	
	Невель (Л.В.)		6	6	
	Итого	10	71	81	
Водской п. кн. Иван Федоров сын Мышецкий	Луки Великие	8	51	59	79–83
	Ржева П (Л.В.)		4	4	
	Невель (Л.В.)		5	5	
Вод. п. кн. Иван Мурзин сын Мышецкий	Итого	8	60	68	
	Торопец	10 (1 зн.)	68	78	
Вод. п. кн. Михаило Мурзин сын Мышецкий	Торопец	5 (1 зн.)	73	78	88–91
Вод. п. Ф. П. Гурьев	Торопец	6	73	79	92–96
торопчанин М. И. Большов	Торопец	8 (1 зн.)	67	75	97–101

## Городовые и донские казаки

Сотенный голова	Город, станица и атаман	Рядовые казаки			листи
		«ести»	«петы»	итого	
псковитин Ермола Иванов сын Байков	Луцкие казаки Федор Юлин	46 (1 есоул)	103	149	102–111
Бежецкой п. Мирон Парамонов сын Поскочин	Новгородские казаки Федор Клементьев	51 (1 есоул)		51	112–121
	Тимофея Болотов	85	3	88	
	Итого	136	3	139	
	Донские казаки Леонтей Филипов	204 (1 есоул, 1 войсковой подъячей, 1 знаменщик)			
майор Максим Андреев сын Лошаков	Анофрей Степанов	70 (1 есоул)			122–136
	Итого	274		274	
	5 станиц				

## Полк окольничего князя Тимофея Ивановича Щербатова

Сотенный голова	Рядовые дворяне и дети боярские		листы дела
	«город»	«ести»	
Выборная сотня пусторжевец по Пскову Посник Федоров сын Неелов	Обонежская пятна	25	137–143
	Псков	12	
	Ржева Пустая по Пскову	6	
	Невль по Пскову	3	
	Тверь	6	
	Торжок	7 (1 зн.)	
	Итого	59	
Ертоульная сотня псковитин Микита Иванов сын Шишкун	Обонежская пятна	34	144–151
	новокрещены Бежецкой пятины	10	
	Псков	11	
	Ржева Пустая по Пскову	2	
	Невль по Пскову	9	
	Тверь	3	
	Старица	1	
псковитин А. Т. Нащокин	Торжок	6	152–161
	Итого	76	
	новокрещены Бежецкой пятины	85 (2 зн.)	
	Псков	39	
	Псков	37	
	Ржева Пустая по Пскову	50 (1 зн.)	
	Обонежская пятна	11	
псковитин М. С. Лодыженский	Обон. п. И. О. Качалов	18	168–171
	Обон. п. М. Н. Корсаков	24 (1 зн.)	
	Обон. п. Т. А. Вындумской	21	
	Обон. п. И. П. Баранов	18	
	Невль по Пскову	28	
	Торжок	28 (1 зн.)	
	Итого	56	
псковитин Б. А. Тимашов	Торжок	40 (1 зн.)	194–200
	Старица	10	
	Итого	50	
пск. Б. Ф. Шаблыкин	Тверь	51	208–210

## Городовые казаки

Сотенный голова	Станица и атаман	Рядовые казаки («ести»)	листы
Пусторжевец по Пскову Семен Ив. Зубатов	Псковские казаки Василий Рудаков	84 (1 есаул)	211–218
Пусторжевец по Пскову Григ. Андр. Штилов	Опочецкие казаки Игнатей Костров	54 (1 есаул, 1 под знаменем)	219–221
2 сотни (2 головы)	2 ст. (2 атамана)	238 рядовых	242 ч.

Таблица 4.2.

**Сводные данные по Смотренному списку, составленному  
после битвы при Мядзелях и присланному из Пскова в Москву  
5 марта 1659 г.**

Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 69–71.

«Город» или гор. станицы	«Ести»		Отп. из Гдова	Ост. по старости в Пскове	Оставл. «у дел»	«Неты»	Итого
	были на бою	после					
Водская п.	106	51	3	8	3	196	
Шелонская п.	19	26		1	1	194	
Деревская п.	181	15		4	2	113	
Бежецкая п.	[						
Обонежская п.	194	91			2	67	
новокрещены	85					22	
Псков	134	9	1	5	2	43	
Ржева Пустая	90	4		2	2	19	
Невль по П.	46				1	8	
Торопец	71	28				270	
Луки Великие	21		16			122	
Ржева Пустая (Л)	4					7	
Невль по Лукам			2			3	
новгородские	139						
псковские	85					6	
лужские <sup>1</sup>	141					176	
опочецкие	54						
итого <sup>2</sup>							

## Сокращения в таблицах

дат. – даточный; зн. – знаменщик; знам. – знаменщик; кн. – князь; Л. В. – Луки Великие; новг. – новгородский; п. – пятна; П. – Псков; солд. – солдатский.

<sup>1</sup> Здесь включены итоги по отряду, охранявшему послов, а также, возможно, по гарнизону Вильны.

<sup>2</sup> В итоги подсчета не входят дворяне и дети боярские Твери, Старицы и Торжка.

## ПРИЛОЖЕНИЯ



## Приложение 1

## РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1656–1658 гг.: ПРОБЛЕМЫ КРИТИКИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ<sup>1</sup>

Семнадцатое столетие для Восточной Европы стало временем напряженного военно-политического противостояния крупнейших ее держав – Речи Посполитой, Швеции и России. Однако положение с разработкой конкретных военно-исторических исследований по этому вопросу у нас в стране, по сравнению с остальными, иначе как плачевными не назовешь. Давно устаревшие обобщающие и специальные работы несут на себе отпечаток так называемой «петровской легенды», важным элементом которой стало противопоставление старых допетровских войск и новосозданной армии Российской империи.

Конкретным поводом для настоящего доклада послужила почти анекдотическая ситуация, что существует в отношении русско-шведской войны 1656–1658 гг.: наиболее авторитетным источником, послужившим для характеристики боевых качеств московского войска, стали официальные публикации того времени шведских реляций об осаде Риги армией Алексея Михайловича (1656 г.)<sup>2</sup> и поражении Псковского полка М. В. Шереметева под Валком (9.06.1657 г.)<sup>3</sup>. В XIX в. они были гораздо доступнее и понятнее историкам, чем документы Разрядного приказа, и воспринимались современниками некритически<sup>4</sup>.

Между тем, функцией этих изданий являлась прежде всего пропаганда – наподобие знаменитых бюллетеней «Великой армии» Наполеона. Подобные продукты информационной борьбы были широко распространены в период Тридцатилетней войны 1618–1648 гг.: памфлеты, листовки, карикатуры, брошюры с подробными сообщениями о каких-либо событиях служили целям пропаганды своих успехов и критики и описания жестокостей и несправедливостей противной стороны. Ценность этого вида источников для характеристики москов-

<sup>1</sup> Впервые опубликовано: Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековые и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150–166.

<sup>2</sup> Grundliche und warhaftige Relation von der Belagerung der koniglich Stadt Riga in Liefland. Riga, 1657.

<sup>3</sup> Relation von der zwischen I. K. M. Lieflandischen Armee unter Conduicte des H. General-Major v. Lowen und der Mosskowitischen Macht unter Commando des Gross-Woywoden Mattwie Szaremietow beym Stadten Walk den 9 juni 1657 vorgegangenen Haupt-Rencontre. S. l., [1657].

<sup>4</sup> Барсуков А. П. Род Шереметевых. Т. 4. С. 342–349; Голицын С. Н. Всеобщая военная история новых времен в Восточной Европе и Азии. Отд. 1. С. 206–207.



Магнус Габриэль Делагарди, главнокомандующий шведских войск в  
Остзейских провинциях в 1655–1658 гг.  
Гравюра по портрету маслом А. ван Хуле, 1717

ской армии удобно исследовать на примере реляции о бое при Валке. Дело в том, что сохранились материалы следственной комиссии кн. И. И. Лобанова-Ростовского, прибывшей во Псков вскоре после этого поражения для выявления и наказания виновных в бегстве дворянской конницы и гибели воеводы. Характер документов – показания ратных людей, отчеты, очные ставки – повышает их достоверность<sup>5</sup>.

Надо сказать, что материалы противников дополняют друг друга при изложении хода событий: исследователь как бы смотрит на сражение глазами то одной, то другой стороны. Так, по реляции, в начале сражения был совершенно разбит драгунский полк полковника Толя; по словам же второго воеводы кн. Т. И. Щербатова: «в деревне, государь,

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. №. 340. Л. 162–259.

у них стояла пехота драгуны человек с двесте... И на тех, государь, драгунов послал я, холоп твой, голову Богдана Бешенцова з донскими казаки, и донские, государь, казаки немецких людей из деревни выбили»<sup>6</sup>.

Зато далее «немцы» более подробно описали храброе поведение стольника Матвея Шереметева, который все время был впереди, у них на виду – дворяне же отговорились «чрезмерной пылью и дымом», из-за чего обстоятельства пленения воеводы были им не видны.

Говоря о манере боя противника, шведы признали факт стрельбы дворян из карабинов и пистолетов, но особенно подчеркнули их умелое действие стрелами и холодным оружием. Однако, по разрядным данным, еще в 1653 г. «саадак» (лук и стрелы) имелся только у 21 новгородского новокрещена (из татар)<sup>7</sup>, а рукопашной схватки, по показаниям ратных людей, они в этом бою сознательно не начинали и ограничились упорной стрельбой. Налицо явное преувеличение «варварских» обычаяев ведения боя московитами.

Но совсем вопиющие противоречия начинаются при сравнении данных документов о численности и потерях русского войска. Согласно реляции, оно насчитывало 8 или 10 тыс. человек; по росписи же, присланной Лобанову-Ростовскому «за дьячею рукою», всех ратных людей было в походе 2546 чел., из них 353 стрельца и пушкаря на бой не поспели<sup>8</sup>. Даже Алексей Михайлович думал, что его ратников было 3, а «немцев» – 2 тыс.: «наших и болши было, да так грех пришел». Если учесть, что шведов (по их данным) могло быть 2700 человек<sup>9</sup>, наш взгляд на причины этого поражения необходимо сильно скорректировать. И уж, конечно, реляции нельзя доверять в вопросе о русских потерях: согласно ей, только убитыми они составили 1500 чел., а остальные были рассеяны или взяты в плен. Перечневая роспись из следственного дела содержит цифру в 108 чел. убитыми (в том числе полсотни стрельцов уже после битвы), 5 пленными и 29 ранеными<sup>10</sup>. Причем часть пленных здесь посчитана убитыми: и реляция, и позднее делопроизводство называют поименно больше людей. Это действительно самые крупные русские потери из всех полевых боев той войны, но заявление шведов, что «армия совсем уничтожена, так что лишь немногие спаслись бегством»<sup>11</sup> – оказалось, мягко говоря, преувеличенным. То же можно сказать и о погившем воеводе – по мнению шведов, одном из величайших русских полководцев: для стольника Матвея Шереметева это был

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. № 340. Л. 193–194.

<sup>7</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Новгор. стол. № 156. Л. 6–16.

<sup>8</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. № 340. Л. 251–252.

<sup>9</sup> *Carlton M. Ryska Kriget 1656–58. S. 90.*

<sup>10</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. № 340. Л. 252–253.

<sup>11</sup> Цит. по: *Барсуков А. П. Род Шереметевых. Т. 4. С. 342*

первый опыт самостоятельного командования отдельным войском, чем и объясняется его столь неосторожное поведение в битве.

Насколько же отличались «публичные» сведения от тех разведывательных данных, на основе которых шведское командование принимало боевые решения? Пленные русские «бояре» имели обыкновение преувеличивать количество своих войск, и из их показаний сильно завышенные цифры нередко попадали в оперативные документы. Так, перед походом полка кн. А. Н. Трубецкого на Дерпт в 1656 г. командование последнего считало силы русских в 20 тыс. человек, из которых половина якобы пойдет на Нарву – а по отчету Трубецкого, его войско составляло тогда чуть более 5 тыс. человек<sup>12</sup>.

Совершенно иной была в том же году ситуация в Риге, которую, согласно официальным шведским данным, осадило якобы 80 или даже 110-тысячное войско Алексея Михайловича. Между тем, от пленных и перебежчиков генерал-губернатор граф М. Делагарди прекрасно знал, что его численность перед снятием осады не превышала 25 тыс. человек, причем имел подробную роспись по полкам и их позициям. По этим данным, например, в лагере воеводы Большого полка кн. Я. К. Черкасского находились пехотные (по-русски – «солдатские») полки Г. ф. Стадена (1026 чел.), Я. Ронорда (400 чел.), Ю. Синклера (700 чел.) и «одного шотландского генерал-лейтенанта» – видимо, генерал-поручика Т. Далиеля – в 1 тыс. чел.<sup>13</sup> На основе этих данных он смело активизировал вылазки и сумел нанести серьезное поражение арьергарду уже отступавшей русской армии... И все же шведам гораздо чаще, чем русским, приходилось действовать почти вслепую, наудачу, что привело их, например, к поражению под Гдовом 19 сентября 1657 г.

На примере упомянутой битвы удобно посмотреть, насколько отличается описанная выше ситуация со шведскими источниками от русских сведений об их противнике. Судя по многочисленным разведывательным документам, русская сторона прекрасно знала о подготовке шведского рейда на Гдов через реку Нарову, хотя несколько преувеличивала численность противника. Сменивший Шереметева князь И. А. Хованский перед самым приходом шведов неожиданно усилил гарнизон города, а вскоре подошел сам со всем войском и разгромил врага в ночном бою и 15-верстном преследовании<sup>14</sup>. Как и в случае под Валком, его донесение и отчет графа М. Делагарди<sup>15</sup> дополняют друг друга в описании хода битвы и противоречат в цифрах.

<sup>12</sup> *Carlon M. Ryska Kriget 1656–58.* S. 49; РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. № 276. Л. 169–183, 191–192.

<sup>13</sup> *Carlon M. Ryska Kriget 1656–1658.* S. 61.

<sup>14</sup> Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноzemного владычества. С. 39–41.

<sup>15</sup> *Carlon M. Ryska Kriget 1656–58.* S. 103–105.

Знаменитый «Тараруй» (так называл Хованского царь) объявил, что разгромил 8-тысячное войско и уничтожил 800 рейтар и 2700 пехотинцев, в том числе целиком по полку французских и «шкотских» наемников! Об успехе было объявлено по всей стране и, возможно, за ее пределами. Литовский посол Стефан Медекша, ожидая 10–11 ноября 1657 г. в Борисове разрешения проехать в Москву, отметил в своем дневнике: «А между тем дали знать [...], что под Псковом шведов несколько тысяч разбито, палили на валах, а пехота вся стреляла, «презентуя» (стоя «на караул». – *O. K.*) по городу и замку...», – а ведь то же наблюдало здесь и австрийское посольство<sup>16</sup>. Царь на радостях простили новгородцев, бежавших из-под Валка, и прекратил следствие против них.

Между тем шведов, по их данным, было в том бою всего 3 тыс. чел.<sup>17</sup> Сам граф Магнус, по признанию историка XVII в. Пуффендорфа, попытался скрыть масштабы поражения, признав потерю только 150 чел.<sup>18</sup> По всей видимости, в данном случае стоит прислушаться к сообщению А. Л. Ордина-Нащокина, который, как известно, враждебно относился не только к Делагарди, но и к Хованскому. Его осведомитель, находившийся во время боя в Сыренске (Васкнарва), сообщал: «а прибежал граф Магнус с полком, и слышал от немцев: убито де под Гдовом немцев с 400 человек, и начальных людей взято и побито много... С Магнусом в Сыренске, после того бою, осталось тысячи с 2, или меньше; а под Гдовым было с ним и с Ругодивскими тысячи с 3 людей»<sup>19</sup>. Через полгода Хованскому пришлось писать в свое оправдание (о малом количестве трофеев), что из тысяч мушкетов все до единого растащили с поля боя «уездные мужики», а большую часть знамен забрали себе и порвали ратные люди – но победителей не судят!

Поражает сама осведомленность князя о структуре шведского войска: хотя на поле боя названных им наемных полков, судя по всему, не было, в других местах они существовали и вполне могли прибыть на кораблях в Нарву.

Вообще, в отношении разведки русские находились в более выгодных условиях: кроме обилия легких татарских и казачьих подразделений, они располагали разветвленной сетью агентуры среди православного населения шведских земель. Тщательно опрашивались и пленные, и перебежчики, и купцы, и «выходцы» из-за рубежа, причем не только о войске противника, но и вообще о всех слухах и новостях из Европы. Вот красноречивый пример таких показаний о состоянии

<sup>16</sup> *Medeksza S. Księga pamietnicza wydarzen zaszlych na Litwie 1654–1668. Kraków, 1875.* S. 73.

<sup>17</sup> *Carlon M. Ryska Kriget 1656–58.* S. 103.

<sup>18</sup> *Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноzemного владычества.* С. 42.

<sup>19</sup> АМГ. Т. 2. С. 594 (№ 1005).

гарнизона Нарвы, осажденной Хованским в марте 1658 г: «Конных де людей в Ругодиве рейттар: у енарала Христофора Горна в роте шесдесят человек, и в том числе пеших шесть человек; у полуполковника рейттарского Волмера Бука с[е]мд[есят] пять человек, и в том числе пеших десять человек; у ротмистра Карла Рора шесдесят человек, и в том числе пеших десять человек. А пеших людей в Ругодиве начальной человек полполковник Кнор, а у него солдат восемь рот, а роты, де, у него полные, по сту человек; да полских драгунов семдесят человек...»<sup>20</sup>

Подведем итоги. При источниковедческом анализе документа русско-шведской войны 1656–1658 гг. в первую очередь исследователь должен выяснить его характер: «публичный», предназначенный для влияния на общественное мнение – включая и победную реляцию государю (или, в русской армии XVII в., «сеунч»), – оперативный, содержащий разведывательные данные для принятия боевых решений, или следственный, от объективности которого зависят судьбы виновных. Этот характер, в частности, определяет степень достоверности данных источника о численности, потерях, боевых качествах и структуре войск противника. Документы указанных типов встречаются у обеих сторон конфликта, несмотря на серьезное цивилизационное отличие России и Швеции.

Взгляд шведов на армию своего восточного противника был гораздо менее реалистичен, даже мифичен, по сравнению со сведениями русских о «свейских немцах». Сознательная «варваризация» московского войска в публицистике укрепила общий пренебрежительный взгляд на его качества в Швеции и в Европе в целом – а это, как показала история, сослужило плохую службу Шведской империи в XVIII в.

Кроме того, надеюсь, удалось показать, на каком зыбком основании поконится устоявшееся негативное мнение о боевых качествах русского войска середины XVII в. и как важно в современных условиях отказаться от старых мифов отечественной историографии и вновь привлекать весь комплекс источников по военному делу.

<sup>20</sup> Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 75. № 419 (дело крайне ветхое, листы не нумерованы).

## Приложение

Публикация посвящена двум сюжетам войны 1656–1658 гг.: поражению русской конницы под Валками 9 июня 1657 г. и победе войск кн. И. А. Хованского (основу которых составляла все та же конница Псковского полка) под Гдовом в ночь на 16 сентября 1657 г. Эти события тесно взаимосвязаны не только в плане военно-стратегическом, но и в личностном: в том, что касается человеческих судеб. После похода на Брест осенью 1655 г., когда ратным людям Новгородского разряда буквально чудом удалось спастись от гибели и разгромить окруживших их литовцев<sup>21</sup>, а Алексей Михайлович наградил дворян за этот подвиг превыше иных полков («сверх всех людей»)<sup>22</sup> и строго наказал, по их челобитной, их воеводу<sup>23</sup>, у молодого царя установились с ними, видимо, особые отношения. И вдруг, после еще нескольких побед, приходит известие, что Псковский полк Новгородского разряда терпит поражение, да какое! Попадает в плен и, через сутки, умирает от ран среди врагов стольник Матвей Шереметев – ровесник царя и, судя по письму Алексея Михайловича, друг его родственника А. Матюшкина (*Документ № 2*). Причем, по всем данным, виноватыми оказались те же самые дворяне, которые на этот раз бежали с поля боя – «дуростью своею, а не от побоя» (*Документ № 1*). Государь сначала искренне порадовался, что «все целы, потому что побежали», а Матвей только пленен, но, узнав новые подробности, назначил следствие о виновниках этого вопиющего случая и лишил всех беглецов заслуженного под Брестом жалованья. Ратные люди должны были выслушать царский укор, что «им, памятуя такую государскую преизлишнюю к себе милость, надобно было платить кровью, а они вместо службы и крови не службу показали и воеводу выдали» – «и за такое дурно довелись они не токмо жестокого наказания, но и смертной казни»<sup>24</sup>.

Одновременно, во Псков направляется новый командующий – стольник кн. И. А. Хованский, который приводит с собой значительные подкрепления. Талантливый и честолюбивый полководец смог с максимальной выгодой использовать стратегический промах шведского военачальника, графа Магнуса Делагарди, и наголову разбить его в ночном сражении между Гдовом и Сыренском (*документы № 3 и 4*).

<sup>21</sup> Записка царя Алексея Михайловича о походах 1654 и 1655 гг. // ААЭ. Т. 4. С. 129–130 (№ 89)

<sup>22</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. № 340. Л. 210, 238.

<sup>23</sup> Челобитная // Записки отд. Рус. и слав. археологии Имп. Русского археол. общества. СПб, 1861. Т. 2. С. 650–681; Приговор боярину кн. С. А. Урусову // РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 102. Л. 109–112.

<sup>24</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. № 340. Л. 210. 219, 239.

В жестокой схватке погибли генералы фон Левен и фон Фитинггоф, получившие последние чины как раз за битву под Валком<sup>25</sup>; значение успеха подчеркивало и отбитое личное знамя Делагарди. Победа «на граф Магнусове бою», судя по дальнейшим событиям, сильно повысила авторитет «Тараруя» как воеводы (в глазах и царя, и ратных людей) и, можно сказать, «помирила» воинов Новгородского разряда со своим государем. Всякое следствие против них было немедленно прекращено<sup>26</sup>, а сами они, кровью искупив вину, по возвращении из похода довольно живо, можно сказать, доверительно рассказали Алексею Михайловичу о своих последних подвигах в челобитной о жаловании (*документ № 4*).

Подобно, пожалуй, любому полководцу того времени, кн. Хованский в отписке о своей победе сильно преувеличил потери противника<sup>27</sup>. Это с несомненной ясностью обнаруживается по его ответу на запрос из Москвы о трофеях и пленных (*документ № 5*): при огромном некомплекте шведских полков в то время (на одного офицера приходилось всего 10–20 солдат)<sup>28</sup>, два десятка убитых «начальных людей», 30 пленных и 6 знамен – это слишком невероятное соотношение к заявленным 2800 уничтоженным рядовым. К тому же, все поименованные в приложении к отписке военнослужащие и описанные в ней знамена принадлежат к подразделениям рейтар и драгун Лифляндской армии, но никак не к наемным полкам шотландской и французской пехоты<sup>29</sup>. Однако, победителей не судят, и на малую убедительность доводов воеводы в Москве не обратили внимания.

Представляется, что данная публикация поможет пролить свет на малоизвестную страницу военной истории России и Швеции и, вместе с тем, будет интересна не только узким специалистам.

Публикация производится на основе Правил издания исторических документов. Примечания по тексту размещены в конце каждого документа.

### № 1

#### 1657 г. июня 9. – Отписка псковского воеводы окольничего кн. Т. И. Щербатова в Разрядный приказ о поражении под Валком и пленении стольника и воеводы М. В. Шереметева

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малые, и Белые Росии самодержцу, холоп твой Тимошка Щербатво<sup>1</sup> челом бьет.

<sup>25</sup> *Carlton M. Ryska Kriget 1656-58.*

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказный стол. № 340. Л. 257–259.

<sup>27</sup> Опубликована в: Сборник МАМЮ. М., 1914. Т. 6. С. 340–343.

<sup>28</sup> *Tessin G. Die Deutschen Regimenter der Krone Schweden. Teil I. S. 6–8, 28.*

<sup>29</sup> РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Новгородский стол. № 165. Л. 18–225.

В нынешнем, государь, во 165-м году по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малые, и Белые Росии самодержца, указу столник и воевода Матфей Шереметев, да с ним в товарыших я, холоп твой, по вестем ходили города Анзеля на выручку с твоими великого государя ратными людми. И не дошед, государь, до Анзела за пятнадцать верст, ведомо нам, холопем твоим, учинилось, что стоят немецкие люди от города Анзела в десяти верстах три хорунки. И мы, холопи твои, на тех немецких людей послали посылку пять сотен. И ратные твои государевы люди сошлись с немецкими людми, и бой был. И Божию милостию, и Пречистые Богородицы помошию и заступлением, и твоим, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малые, и Белые Росии самодержца, и сына твоего, государева, благовернаго царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всеа Великия, и Малые, и Белые Росии, счастьем твои великого государя ратные люди тех немецких людей побили болши штидесять // человек, да в языцах взяли двадцать человек, а твоих государевых ратных людей ранен один человек. И языки, государь, нам, холопем твоим, в роспросе у пытки сказали, что немецкие люди стоят под городом Анзелом и город Анзел осадили, а иные немецкие люди стоят по деревням от города Анзела в пяти верстах, и к городу Анзелу подвели с трех сторон шанцы, а ждут де, государь, из Риге<sup>1</sup> граф Магнуса з большим ломовым нарядом.

И того ж, государь, числа мы, холопи твои, с твоими великого государя ратными людми пошли под город Анзель. И немецкие, государь, люди, уведав наш, холопей твоих, на себя приход, от города побежали по рижской дороге к Валкам, а иные к Алысту. И июня, государь, в 8 день мы, холопи твои, призвав к себе твоих великого государя ратных людей и поговоря с ними: что нам, холопем твоим, на немецких людей по рижской дороге к Валкам итти с обозом ли или без обозу, – и положили, государь, мы, холопи твои, на том, что на тех немецких людей, взяв с собою пехоту, итти без обозу наспех, потому что ведомо нам, холопем твоим, учинилось, что немецкие люди небольшие стоят не за крепостью и не в обозе.

И на тех, государь, немецких людей пошли мы, холопи твои, с твоими великого государя ратными людми к Валкам того ж числа за два часа ночи. Ишли, государь, во всю ночь, чтоб нам, холопем твоим, на немецких людей притти безвестно. И столник и воевода Матфей Шереметев // велел мне, холопу твоему, итти перед собою с твоими государевыми ратными людми со псковичи з дворяны и з детми боярскими, которые мне, холопу твоему, даны в полк по ево, матфеевой, росписке восемь сотен, а в сотнях, государь, твоих государевых ратных людей пскович, невлян и новоторжцов дворян и детей боярских четыреста человек, да две роты раттар, да голова стрелецкой Иван Сумороцкой с пехотою со псковскими стрелшами двесте человек. И мы, холопи твои, сотенным головам<sup>1</sup>

с твоими государевыми ратными людми моево, холопа твоего, полку, велели перед собою идти поблизу. А в ертауле, государь, были головы псковитин Федор Шаблыкин с сотнею, да Иван Сумороков с новокрещены, а из ертаулу, государь, велели им посыпать от собя проезжие станицы. И проезжая, государь, станица, не доехав Валок за пять верст, немецких людей сторожей взяли дву человек, а иные сторожи утекли. И те, государь, языки нам, холопем твоим, в роспросе сказали, что немецкие люди три хорунки стоят в Валках, а иные стоят по деревням.

И твои государевы ратные люди, которые были в ертауле, пошли на немецких людей в Валки наспех и сошлись, государь, с немецкими людми в Валках. Учал быть бой, а ко мне, холопу твоему, прислали с ве//стью. И я, холоп твой, своево полку твоим государевым ратным людем в помочь сотням велел итти, и за сотнями я, холоп твой, пошел наспех, а к Матфею, государь, Шереметеву послал с вестью, что у твоих великого государя ратных людей учал быть бой. И твои государевы ратные люди немецких людей из Валок выбили и за ними гоняли версты с три и на тех трех верстах побили немецких людей болши ста человек. И в деревне, государь, у них стояла пехота драгуны человек з двесте и твоих государевых ратных людей отстреляли, и только в те поры ранили сотенного голову Федора Шаблыкина. И я, холоп твой, своего полку и с последними твоими государевыми ратными людми к ним в помочь пришел, и на тех, государь, драгунов послал я, холоп твой, голову Богдана Бешенцова з донскими казаки, // и донские, государь, казаки немецких людей из деревни выбили.

И я, холоп твой, построя сотни, и с немецкими людми учинили бой стрелбою, а напускать, государь, я, холоп твой, на немецких людей не велел потому, чтоб в помочь пришел с твоими великого государя ратными людми столник и воевода Матфей Шереметев. А немецкие, государь, люди на нас, холопей твоих, не напускали ж, а стояли против нас в справе. И как, государь, Матвей Шереметев со всеми твоими великого государя ратными людми своево полку пришел ко мне, холопу твоему, на помочь, и почали битца ево Матвеева полку четыре сотни, и как, государь, немецкие люди райтары напуск учинили на твоих государевых ратных людей на райтар же, и почали промеж собою стрелятьца, а сотенные, государь, многие люди Матвеевы и моево полку, забыв страх Божий и твое великого государя крестное целованье, пометав знамена и нас, холопей твоих, и сотенных голов, побежали дуростью своею, а не от побою. И немецкие, государь, люди, видя то, что твои государевы многие ратные люди побежали, почали напускать всеми ротами на твоих великого государя ратных людей строем стрелбою, а не так, что прутким обычаем в гонбу. // И которые, государь, ратные люди столника Матвеева полку Шереметева и меня, холопа твоего, остались небольшие, и мы государь, холопи твои, на немецких людей с

теми неболшими людми напуск учинили. И передние, государь, роты от нас, холопей твоих, побежали, а задние к нам встречю. И ратные, государь, твои государевы многие люди не устояли, побежали, а нас, холопей твоих, покинули с неболшими людми: под лутчим, государь, знаменем осталось человек по пяти, а под ынеми ни одного человека. И на тех, государь, помычках волею Божиего столника и воеводы Матвея Шереметева не стало бывестно. А молва, государь, учала быть в ратных людех, что под столником Матвеем Шереметевым лошадь повалилась, и взяли де ево немецкие люди жива. И по той, государь, молве твои государевы и досталные ратные люди побежали // к городу Анзелью, а иные мимо Анзель к Новому горотку.

И я, холоп твой, с неболшими твоими государевыми ратными людми, которыи, помня страх Божий и твое великого государя крестное целование, пороховую казну и пушки и меня, холопа твоег[о], и пехоту не покинули, и я, холоп твой, велел пехоте ити за собою атводом. И немецкие, государь, люди за мною, холопом твоим, шли болши десяти верст, и напуски, государь, были на пехоту, которая шла за мною, холопом твоим, и пехота отстреливала. И в то, государь, время твоим государевым ратным конным и пешим людем никакова урону не учинилось. Отшел я, холоп твой, под город Анзель, а немецкие, государь, люди воротились назад.

И ратные твои государевы люди учали мне, холопу твоему, говорить, чтоб ити прочно иною дорогою к Новому// городку, потому что многие твои государевы ратные люди пошли врознь назад к Новому городку, и чтоб немецкие люди твоим великого государя ратным людем, которые остались со мною, холопом твоим, перешод на крепких местех, какова дурна не учинили. И я, холоп твой, со всеми твоими великого государя ратными людми от города Анзеля отшол к Новому городку иною дорогою, и, от Нового городка иду я, холоп твой, во Псков.

А про столника Матвея Шереметева я, холоп твой, дворян, которые были за ним написаны, ста человек, да есаулов двадцати одного человека допрашивал: в кое время и каким обычаем и что над столником и воеводою над Матвеем Шереметевым учинилось? И дворяне, государь, и есаулы мне, холопу твоему, сказали, что и каким обычаем и в которое время над столником и воеводою над Матвеем Васильевичем Шереметевым учинилось, того не видали. Да ис тех же, государь, дворян, которые<sup>1</sup> написаны были за ним, Матвеем, один человек торопченин Офонасей Кармалин мне, холопу твоему, сказал, и в скаске своей написал, что де на бою с немецкими людми под Матвеем Васильевичем лошадь повалилась, и немецкие де люди, объехав, взяли ево жива. А Матвеевы, государь, люди Шереметева мне, холопу твоему, сказали про него, Матвея, те ж речи, что // немецкие люди взяли жива.

Да на том же, государь, бою немецкие люди взяли пушечку небольшую да две бочки пороху у пехоты, а досталной, государь, наряд и

порох и свинец з бою отвес я, холоп твой, с пешими людми с стрелцами и оставил в городе Анзеле, да для осады оставил псковских стрелцов Иванова приказу Волкова шездесят человек, к прежним осадным людем в прибавку. Да на бою ж, государь, твоих великого государя ратных людей дворян и детей боярских и рятар и казаков по скаскам сотенных и казачьих голов и рятарского строю начальных людей<sup>2</sup> пятдесят один человек, да раненых трицать пять человек, а кто имены убитых и раненых людей, и я, холоп твой, к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия, и Малые, и Белые Росии самодержцу роспись послал с сею отпискою вместе, в столбец запечатав, с пусторжевцом с сотенным головою с Посником Федоровым сыном Нееловым.

*Пометы на обороте Л. 190:*

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малые и Белые Росии самодержцу. 165 г. июня в 18 день. В Розряде. Списана и чтина.

*Примечания:* <sup>1</sup>Так в ркп. <sup>2</sup>Пропущено слово «убитых».

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Op. 13. Приказной стол. №. 340. Л. 190–197.*

## № 2

**1657 г. [ок. 3 июля]. – Письмо царя Алексея Михайловича стольнику и московскому ловчему А. И. Матюшкину с известиями о поражении под Валком, пленении М. Шереметева и назначении на его место кн. И. А. Хованского**

Брат! Буди тебе ведомо: у Матвея Шереметева был бой с немецкими людми. И дворяне издрогали и побежали все, а Матвей остался в отводе и сорвал немецких людей. Да навстречу иные пришли роты, и Матвей напустил и на тех с небольшими людми, да лошадь повалилась, так его и взяли! А людей наших всяких чинов 51 человек убит да ранено 35 человек. И то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали; и сами плачут, что так грех учинился!

И мы людей полторы тысячи прибавили к тем трем тысячам, и воловоды послали Хованского Тараруя, а от Полоцка князь Осипа, да с ним конных 3000 да салдат 2000, да Пронскому князь Ивану со всеми конными и пешими с 2000 велели стать в Друе, для помочи, и велели каждому, прося у Бога милости, промышлять над розными людми немецкими.

А с кем бой был, и тех немец всего было две тысячи; наших и болши было, да так грех пришел. А о Матвее не тужи: будет здоров, вперед ему к чести! Радуйся, что люди целы, а Матвей будет по-прежнему.

## № 3

**1657 г. октября 12. – Письмо царя Алексея Михайловича стольнику и московскому ловчemu А. И. Матюшкину с известием о победе кн. И. А. Хованского подо Гдовом**

От царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, стольнику нашему и московскому ловчemu Офонасию Ивановичу Матюшкину.

Октября в 12 день писал к нам князь Иван Хованской с товарыщи и прислал с сеунчом: милостью Божией, и Пречистые Богородицы помощью, и всех святых молитвами, и нашим великого государя, и сына нашего, благоверного царевича Алексея Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии, счастьем, и отца нашего и богоомолца великого государя святейшего Никона, патриарха Московского и всея Великия и Малыя и Белыя Росии, молитвами, он, князь Иван с товарыщи и с нашими великого государя ратными людми графа Магнуса и немецких людей побили, и языки, и знамяна, и барабаны поимали многие, да на том же бою взяли и его Магнусово знамя; а немецких енералов и полковников и полуполковников и иных начальных людей на том бою убито двадцать человек, салдатов две тысячи человек. Писан в царствующем граде Москве, в наших царских хоромех, лета 7166, октября в 12 день.

*ДАИ. Т. 3. С. 255 (№ 71. XI).*

## № 4

**1658 г. ноября 8. – Челобитная ратных людей Псковского полка стольника и воеводы кн. И. А. Хованского о жаловании за поход августа – октября 1657 г. и Гдовский бой. Список с списка**

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии<sup>1</sup> самодержцу холопи твои Ивашко Хованской с товарыщи челом бьет.

Нынешняго, государь, 166-го году ноября в 8 день били челом тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, а нам, холопем твоим, в Съезжей избе рейтарского и драгунского и салдатцкого строю полковники и полуполковники и начальные люди рейтары и дворяне и дети боярские розных городов и драгуны и салдаты подали чело//битную. И тое их челобитную к тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, послали мы, холопи твои, к Москве под сею отпискою.

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьют челом холопи твои.

полку столника и воевод князя Ивана Ондреевича Хованского да окончичего князь Тимофея Ивановича Щербатова рейтарского и драгунского и пешего строю полковники и сотенные головы и всякого чину начальные<sup>2</sup> люди, розных городов дворянне и дети боярские и рейтары и новокрещеные и драгуны и салдаты и стрелцы и казаки. По твоему государеву указу на твоей, великого // государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца службе с столником и с воеводы со князем Иваном Ондреевичем да с окончичим со князем Тимофеем Ивановичем в немецких походах были мы, холопи твои, одиннадцать недель, августа с 3 числа 165-го году да октября по 19 число нынешняго 166-го году. Первое, государь, свейского короля енарал граф Магнус с большими немецкими людми подступил под Юрьев город. И на того, государь, графа с столником и с воеводами со князем Иваном Ондреевичем да с окончичим со князем Тимофеем Ивановичем изо Пскова мы ходили, холопи твои, и на тех, граф, посыла на себя поход твоих великого государя ратных людей, и со всеми немецкими людми от Юрьева города отступил бегом, и с Кастера города немцы выбежали к Ругодиву. И того ж, государь, числа столником и воеводою со князем Иваном Ондреевичем да с окончичим со князем Тимофеем // Ивановичем ходили мы, холопи твои, под королевской под Альст город, и Альстской<sup>3</sup> посад и уезды выжгли и многих немец побили и живых взяли.

И как, государь, свейского короля три человека енаралов, граф Магнус с товарыщи, с колыванским да с ругодивским, собрав немецких людей болши осми тысячи, и от королевского рубежа от города Сыренска через великою реку Нарову делали мосты и по мосту, перебрався<sup>4</sup> через реку Нарову, похваляясь твой государев богоспасаемый град Гдов взять и многие твои великого государя места пройтить воиною, и, Гдов город осадя, учинили посад и уезд пожигать, мы, холопи твои, с столником и воеводы со князем Иваном Ондреевичем да с окончичим князь Тимофеем Ивановичем, конные и пешие, изо Пскова притить ко Гдову изоспели третьим днем во вторник на вечер сентября против шестаго надесять числа, итти хотя<sup>5</sup> единомышленно с немцы бой учинить. А слыше, государь, хотения твоих великого государя ратных людей, и Господь Бог немецким людем убегнути не дал – ту нощь осветил месяцем, подобно дню мрачному. И в кой ночи по указу столника и воевод князь Ивана Ондреевича да окончичево князь Тимофея Ивановича учинили мы, холопи твои, с немцы бой и бились, не щедя голов своих, многие часы о крепостях и о речке Черне: стрелбою на все стороны светило, яко некое великое пожарище. И сходились мы, холопи твои, с немцы друг з другом, конные и пешие, всяким боем, с третьяго часа нощи до першего часа дни. И милостью, государь, в Троице славимаго Бога, и заступлением Пречистые Владычицы нашея Богородицы и всех небесных воинств и всех святых, и твоим<sup>6</sup>, велико-

го государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и сына твоего государева, великого государя нашего благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, счастьем, и отца твоего государева и богомолца великого государя святейшего Никона, патриарха Московского // и всеа Великия и Малыя и Белыя Росии милостию, побили немец отто Гдова города на пятнадцати верстах. По смете, трупу немецких людей, подобно неве якой, навоз на поле мечущей в грудки. И по досмотру, государь, свейских языков немец, кто именем убит, <sup>7</sup>наералов и всякого немецкого чину начетных людей<sup>7</sup>, и кто на том бою твоих государевых ратных из нас, холопей твоих, ранен, и кто убит, и о том о всем к тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, писал столник и воевода князь Иван Ондреевич.

Да того ж, государь, числа, видя неизреченное Божие милосердия, столник и воеводы князь Иван Ондреевич да окольничей князь Тимофей Иванович, что свейского короля на енаралом и на немецких людей случися многая победа, указали нам, холопем твоим, не замедляв, итить с собою к мосту к реке Нарове, к Сыренску городу. И не дошет, государь, Сыренска за пять верст, стали мы, холопи твои, в обозе. А немцы от Сыренска и от мосту зделали шанцы и пушки поста// вили и построились в великом укрепленье. И за помочью, государь, Божию, столнику и воеводе князю Ивану Ондреевичу дадеся премудрость Божия: тай указал князь Иван Ондреевич обыскать вниз тое реки Нарву от мосту верст з десять, где бы жильых мест по ту сторону не было. И как, государь, такое место обыскано, и столник и воеводы князь Иван Ондреевич да окольничей князь Тимофей Иванович указали нам, холопем твоим, в обозе оставить<sup>8</sup> неболших людей, чтоб немцы о них<sup>8</sup> походе не ведали, а запасы указали имать на выюках. И за милостию, государь, Божию так и совершилось, донеле же мы, холопи твои, со столником и и с воеводами со князем Иваном Ондреевичем да с окольничим Норову на судех и на плотах перебрались, в лошаде<sup>9</sup> вплавь перевели, а наряд и пушки на дву паромех перевезли. А немцы, государь, всего тово не ведали до тех мест, как обозы пошли твоих великого государя ратных людей ко Гдову городу, а досталные мы, холопи твои, от мосту и от Сыренска отступили к тому ж перевозу. И за помошю, государь, Божию на всех на немецких людей нападет<sup>9</sup> великий страх: на многих дорогах от нас, холопей твоих, многие немцы убегнути не изоспели, милостию, // государь, славимова в Троице Бога, и заступлением Пречистые Владычицы нашей Богородицы и святых небесных воинств и всех святых, и твоим, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и сына твоего государева, великого государя

нашего благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, счастьем, и отца твоего государева и богомолца великого государя светейшаго<sup>9</sup> Никона, патриарха Московского и всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, молитвою, от великия реки Наровы до самого до моря королевских многих городов уезды: Сыренска города и Колывани и Ругодива и Ямы и Копорья, – выпленили и выжгли. А под Ругидов<sup>9</sup>, государь, подо днем на посаде мы, холопи твои, выжгли и высекли болши пяти тысяч дворов. А которые, государь, благочестивые крестьяне, замедливше в деревнех в Ыване городе, и перевезены были в Рогодивской уезд, и которые жили в Копорском и в Ыванегородцком и в Ямском уездах, и тех мужеска полу и женска вывели // пот твою великого государя высокою руку болши дву тысяч душ. Да под Ругодивом же, государь, по указу столника и воеводы князь Ивана Ондреевича учинили мы, холопи твои, немцам же большую шкоту: на которых шкутах и на полукараблях немцы со всякими торгами хаживали за море, и те шкуты и полкорабля и всякие большие и малые суды мы, холопи твои, сожгли все без остатку.

А от тех, государь, осенних походах многие мы, холопи твои, на болотах и больших реках лошаде отбыли, и многие обеднели, а во Псков, государь, мы, холопи твои, пришли – и досталь все погибли и оголодали: купим всякие харчи перед прежним вчетверо, а конских кормов купить стало негде.

А мы, холопи твои, розных городов драгуны Христофорова полку Юнкмана, кормимся Христовым именем, иные дни по два и по три не етчи пребываем, а клячи многие пометали ж. А твоево государева жалованья дано на Москве по два рубли человеку, и высланы в Борисов и з дороги за Смоленским оставлены иттии во Псков наспех. И мы, // холопи твои, ис Смоленска во Псков пришли в две недели в ююле месяце 165-го году.

Да и всякого чину и строю мы, холопи твои, во Пскове харчевых и конных кормов одолжали и разорились вконец. А челобитчиков к тебе, великому государю, к Москве новгородские заставы изо Пскова не пропустят, бутто то для морового поветрия. А у нас, государь, в твоих великого государя в городех за помочью Божию такова греха, морового поветрия, нет и не бывало, и в королевских в которых местех мы, холопи твои, ходили войною, и в тех местех морового поветрия нет.

Милосердый // государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, сю нашу челобитную своему государеву столнику и воеводам князю Ивану Ондреевичю Хованскому с товарищи под отпискою к тебе, великому государю, к Москве на заставех, и за многие наши службенка нам, холопем твоим, милостивой свой Государев указ учинить, как тебе, великому государю, Господь Бог известит. Царь, государь, смилиуйся!

*Пометы на обороте (Л. 1, 2):*

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу. В Розряд. Чтена.

*Примечания:* <sup>1-1</sup> В ркп. повторено дважды. <sup>2</sup> В ркп.: «налиные». <sup>3</sup> В ркп.: «Налыской». <sup>4</sup> В ркп.: «перебвся». <sup>5</sup> В ркп.: «ичти хя». <sup>6</sup> В ркп.: «твоих». <sup>7-7</sup> Так в ркп. <sup>8</sup> В ркп.: «ставить». <sup>9</sup> Так в ркп.

РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Новгородский стол. № 118. Л. 1-11.

## № 5

1657 г. марта 10. – Отписка псковского воеводы кн. И. А. Хованского в приказ Тайных дел со сведениями о шведских пленных и трофеях, находящихся во Пскове, а также о местах захоронения их генералов и иных начальных людей, погибших подо Гдовом на «граф Магнусом бою»

Список с отписки. Списан в Розряде марта в 22 день нынешняго 166-го году.

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, холоп твои Ивашко Хованской с товарыщи челом бьет. В нынешнем, государь, во 166-м году февраля в 21 день прислана твоя великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца грамота из Розряду к нам, холопем твоим, во Псков, а в той твоей великого государя грамоте писано: которые знамяна и литавры в прошлых и в нынешнем во 166-м годех у неметцких людей на боех взяты, и те, государь, знамяна и литавры все, да изо взятых неметцких людей, выбрав два человека лутчих, прислать к тебе, великому государю, к Москве, с кем пригож, без мотчания. А которые, государь, неметцкие енаралы и полковники и иные начальные люди на бою подо Гдовом побиты, и где их ныне тела лежат // и много ль их, и кто имяны, и много ль на том же бою взято в языщех живых, и кто имяны, и какова чину, и где оне ныне, и про прежних взятых неметцких людей, которые взяты наперед сего, и сидят ныне в тюрмах во Пскове и во псковских пригородках, и что наперед же сего и на нынешнем бою, как граф Магнуса побили подо Гдовом, взято пушек и мушкетов, и шпаг, и всякого ружья, и где то все ныне, и о том о всем к тебе, великому государю, нам, холопем твоим, отписать подлинно и всему тому прислать роспись за дьячею рукою.

И на Гдовском, государь, бою взято у неметцких людей 6 знамен, а иные, государь, знамяна твои великого государя ратные люди к нам, холопем твоим, не привозили, только мы ведели древки ламонные, а знамяна оторваны. А пушек, государь, и литавр на граф Магнусове бою не взято, и о том мы, холопи твои, к тебе, великому государю, и

не писали. А которая, государь, граф Магнусова пехота и рейтары побиты, а ружье и мушкеты, и карабины, пистоли, и шпаги твои великого государя ратные люди к нам, холопем твоим, не приносили, // а иные многие рознесли уездные мужики, которые были тут же на бою.

А взятых, государь, немецких людей рейтар и драгунов было пятдесят человек, и ис тех взятых немецких людей твои великого государя ратные люди поsekли тритцать человек, как учинилась от немецких людей утеснение на твоих великого государя ратных людей не на многое время, а оставили, государь, немецких людей для вестей дватцать человек, и те немецкие люди ныне во Пскове. А енаралы, государь, которые побиты на Гдовском бою: енарал лентинаунт Фриц Лив, да маеор енарал Фитингоф, да три полковника: два рейтарских да драгунской, а имян тем полковником взятые люди не знают, - а тела их привезены во Гдов и погребены подле Гдовского посаду. А иные, государь, немецкие начальные люди, ротмистры и порутчики, и капитаны, и корнеты, дватцать два человека, погребены за Чермью рекой, где был бой, а хто имяны начальных людей за Чермью рекою погребены, и мы, холопи твои, велели учинить роспись.

А в прошлых, государь, годех, до моево, холопа твоего, Ивашкова приезду во Псков и до Гдовского бою знамен<sup>1</sup> и оружья у немецких людей не взято ни на котором бою и во Пскове в казне нет. А что, государь, в прошлых годех и в нынешнем во 166-м году подо Гдовом и за Наровою рекою в немецкой земли и под городами взято немецких людей, // и тем немецким людям роспись, и знамяна, которые взяты подо Гдовом на графове бою, да изо взятых немецких людей, которые иманы на розных боех, пять человек, послали к тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, к Москве с сею отпискою, спусторжевцом с Михаилом Дмитриевым сыном Кокошкиным марта в 10 день.

*Помета на обороте Л. 213:*

Снесены се списки с Верху августа в 2 день 166-го году.

*Примечания: <sup>1</sup>В ркп.: «знамеж».*

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Новгородский стол. № 165. Л. 213–216.*

## Приложение 2

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:**  
**Саганович П. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск:**  
**Навука і тэхніка, 1995<sup>1</sup>**

Прошедшее десятилетие в историографии России и соседних стран Восточной Европы прошло под знаком интенсивного переосмысления многих событий нашей общей истории. Особенное внимание вызвал таковой кризисный момент, как военно-политическое противостояние народов Речи Посполитой и Русского государства в середине XVII в., последствия которого буквально на столетия определили их судьбы. Активизировалось издание документов и исследований, прежде всего по дипломатическим отношениям<sup>2</sup>. Однако чрезмерная политизированность ряда работ (к примеру, украинских историков) вызывает справедливые нарекания и сомнения относительно их методологического и источниковедческого уровня.

Недавно в поле зрения историков попала книга белорусского исследователя, преподавателя Гродненского университета Геннадия Сагановича под интригующим названием «Неизвестная война 1654–1667 гг.»<sup>3</sup> Этим заголовком автор обозначил одновременно и цель своей работы, и отношение к описываемым событиям: а именно, что реальные масштабы и последствия «самого трагического» периода в истории Белоруссии – войны 1654–1667 гг. – до сих пор неизвестны обществу. Особенно важно, по его мнению, преодолеть наследство тяжелейшего идеологического пресса советских времен, когда упомянутую войну не отделяли от событий 1648–1653 гг. и твердили об освободительной сущности походов московских войск в Белоруссию. Главное внимание автор сосредоточил на самом малоизвестном – ходе войны в Великом княжестве Литовском, участии его населения и последствиях войны для белорусской истории.

После «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, где событийная канва вопроса была освещена довольно подробно, данные проблемы послужили темой для единственной монографии А. Н. Мальцева<sup>4</sup>. Благодаря широкому привлечению новых материалов и исследований, в частности, польских очевидцев и историков, Г. Сагановичу удалось

<sup>1</sup> Впервые опубликовано: Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Саганович Г. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск, 1995 // АРИ. М., 2002. Вып. 7. С. 339–344).

<sup>2</sup> Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–56 гг). Документы, исследование. М., 1994; Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998; Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г.

<sup>3</sup> Саганович Г. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск, 1995.

<sup>4</sup> Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века.

показать военные действия как бы с другой – польско-литовской стороны. Подробно описан ряд походов литовских гетманов Я. Радзивилла, П. Сапеги, М. Паца и других, дана характеристика их взаимоотношений. Книга содержит интересные сведения о составе литовского войска и подробностях сражений этой, действительно, малоизвестной войны. Особое внимание уделено последнему этапу боевых действий в Белоруссии (1660–1666 гг.), которых и Соловьев, и Мальцев коснулись весьма кратко.

Благодаря снятию идеологических запретов, автор сумел гораздо полнее воссоздать картину событий в Великом княжестве Литовском в 1655–1660 гг., сложных взаимоотношений различных слоев местного населения не только с московскими, но и с украинскими властями и войсками, а также противоречий между казацкой старшиной и царскими воеводами. Интересны сведения о таких неоднозначных личностях, как полковник И. Нечай, казак Д. Мурашка, шляхтичи К. Приклонский и К. Лисовский и др. Много внимания автор уделил страданиям мирного населения на охваченных войной территориях. Особо впечатляет страшная статистика людских потерь в различных районах Белоруссии, разорения и опустошения как городов и местечек, так и сельской местности. Главную вину за них Саганович возлагает на политику царских властей, не забыв упомянуть о действиях украинских казаков и поведении многих польских и литовских отрядов.

Подводя горький итог войны, историк отмечает главное следствие этой национальной катастрофы – белорусы были лишены своей элиты и городского слоя и стали неизбежно превращаться в крестьянский, по преимуществу, народ, «народ с неполноценной, неполной социальной структурой общества»<sup>5</sup>.

Таким образом, перед нами логически цельный и, по справедливым словам М. Кулецкого, «ранее неизвестный взгляд на эту проблему белорусской стороны»<sup>6</sup>. Налицо не просто корректировка отношения к этому периоду по сравнению с историографией БССР и СССР, но поворот на 180° в большей части оценок и акцентов.

Столь важное исследование, претендующее на изменение сознания и ориентиров не только историков, но и общества в целом, должно подкрепляться серьезнейшей теоретико-методологической и источниковской базой. Однако, сразу настораживает тот факт, что кроме общих деклараций о «независимости от политической конъюнктуры» и опоре автора на «документы и исследования», в книге нет ни слова о методах работы историка. При внимательном прочтении можно обнаружить неоднородное, с этой точки зрения, качество разных частей работы. При этом, имеющие своей основой монографические исследования

<sup>5</sup> Саганович Г. Невядомая вайна 1654–1667. С. 133.

<sup>6</sup> Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. С. 37.

(т.е. носящие несамостоятельный, компилятивный характер) вызывают гораздо меньше вопросов и недоумений, чем те, где автор претендует на новое освещение или трактовку событий.

Показательна глава «Оккупанты и партизаны», посвященная характеристике обстановки на подконтрольных царским властям территориях Белоруссии. В ней автор подробно описывает нападения «шишней» на московские войска и присягнувших царю крестьян, погромы «белорусскими казаками» Д. Мурашки имений «присяжной шляхты», многочисленные изменения своему «крестному целованию» перед царем самой шляхты и т.п. Однако, вопреки А. Н. Мальцеву, посвятившему изучению этих же движений добрую половину своей монографии, Саганович огулом причисляет их к проявлениям единодушной борьбы всех слоев белорусского населения против оккупантов – «москалей». Думается, что одно декларативное желание «правдиво осветить» события – это слабый аргумент в споре с советским историком. Не ясно, почему крестьянское движение рассматривается в отрыве от антишляхетских выступлений 1648–1653 гг. – ведь «шиши» чаще всего громили помещиков, не глядя на их подданство<sup>7</sup>. Нападения на войска могут объясняться и по аналогии с Тридцатилетней войной, на исходе которой крестьяне считали врагом солдата любой армии. Наконец, совершенно забыты религиозные мотивы: к примеру, в 1660 г. воеводе И. А. Хованскому приходилось защищать вновь присягнувшее царю население западных поветов Литвы от бывшей в его полку шляхты восточных областей – по преимуществу православной<sup>8</sup>. Многочисленные случаи добровольного содействия населения московским войскам, упоминаемые самим автором, скорее приводят к мысли о глубоком кризисе внутри литовско-белорусского общества: оно не сплотилось перед внешней угрозой, а наоборот – раскололось по сословным и конфессиональным признакам.

Насколько радужна представленная автором картина единения «партизан», настолько же мрачны краски при описании положения «оккупантов» – царских войск. В частности, оказывается, что дезертирство и «нетство», поразившие русские полки в Белоруссии, было вызвано... «усилем партизанской войны»<sup>9</sup>! Значит ли это, что такие же явления в московском, новгородском и других гарнизонах, на южной засечной черте носили совершенно иной характер – ведь там их причинами являлись разорение хозяйства служилых людей, трудности с медными деньгами и голод в разоренной местности<sup>10</sup>? Автор

<sup>7</sup> *Medeksza S. F. Księga Pamietnicza... 1654–1668. Krakow, 1879. S. 144: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 155, 240–248.*

<sup>8</sup> *Maskiewiczi, S. i B. K. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kazimierza Maskiewic- zow (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 301.*

<sup>9</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 84.

<sup>10</sup> Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в

утверждает, что для борьбы с «нетством» «теперь воеводы составляли список отсутствовавших», отправляли его в Москву, оттуда шли указы о поимке и т.п. (с живописанием всех ужасов тиранического Московского государства, включая Сибирь и батоги), прямо связывая все это с ухудшением обстановки в Литве. Но ведь подобная практика существовала задолго до войны 1654–1667 гг., еще в XVI в.<sup>11</sup>! Налицо уже явная подтасовка фактов и откровенно журналистские приемы.

Да и сами термины: «оккупанты», «агрессоры», «партизаны», – учитывая обильность их употребления в книге, несут характер скорее эмоциональных заклинаний, а не научной лексики. А показное недоумение автора по поводу причин войны, его негодование при описании претензий послов о нарушении царского титула или названия похода на Смоленск в Дворцовых разрядах «сие благое дело» просто удивят опытного историка. Фраза же о воеводе И. А. Хованском: «Наследник великого рода Гедиминовичей... теперь пришел на родину своих предков безжалостным завоевателем»<sup>12</sup> – больше прилична для газетной передовицы, а не для претендующего на объективность исследования. Видно, научные дискуссии по поводу ментальности средневекового человека, о том, насколько актуальны для него принадлежность к национальности, роду, сословию, конфессии, о мотивировке его поступков, т.е. методологические проблемы последних лет вообще не известны и не интересны белорусскому историку.

Не менее плачевна ситуация с подбором и критикой источников. Новизна книги во многом связана с введением в оборот документов польско-литовского происхождения, в частности, мемуаров участников событий. Однако в работе ни слова не посвящено характеристике этого своеобразного круга источников – по прочтении ее выясняется, что автор и не задавался проблемой их достоверности, цитируя и пересказывая практически без оговорок. Зато немного сказано о русских и украинских документах – точнее, об их недостоверности. Но с аргументацией автора трудно согласиться: в качестве примера приводится тот факт, что при осаде Смоленска русские якобы потеряли убитыми несколько тысяч человек, а по сведениям «царской канцелярии» – всего 300<sup>13</sup>. Конкретной ссылки на источники нет. Рискну предположить, ориентируясь на содержание главы «Нашествие», что основанием для первого («правильного») утверждения стали записки участника обороны Смоленска<sup>14</sup>, а для второго – письмо царя сестрам (!) о неудачном

Москве в 1662 г. С. 33–41, 80–82.

<sup>11</sup> См. напр.: Памятники истории Восточной Европы. М., 1998. Т. III. С. 56–58, 205–209.

<sup>12</sup> Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667. С. 90.

<sup>13</sup> Там же. С. 7.

<sup>14</sup> Там же. С. 14.

штурме со словами: «...и убито литовских людей болши дву сот человек, а наших ратных людей убито с триста человек, да ранено с тысячю человек»<sup>15</sup>. Единственная же публикация собственно приказных документов по потерям под Смоленском<sup>16</sup> автору не известна. Таким образом, к столь важной проблеме – достоверности польских и московских документов 1654–1667 гг. – историк подошел, мягко говоря, несерьезно. В итоге, несоответствия в отношении потерь в битвах «неизвестной войны» просто режут глаз: то в мелкой стычке «москали» уничтожаются тысячами<sup>17</sup>, то в крупнейшей на территории Белоруссии битве теряют «427 убитыми и 519 ранеными»<sup>18</sup>. А все в зависимости от того, сведениями чьей стороны автор предпочел воспользоваться.

Некритический подход к источникам, использование недостоверных данных и устаревших работ послужили причинами многих фактических ошибок в книге. Так, ориентируясь на смету Денежного стола Разряда 7171 г., Саганович считает главной причиной прекращения польским королем своего похода на Москву в феврале 1664 г. подавляющее численное превосходство русских войск. Однако, автор ознакомился не с полной публикацией сметы<sup>19</sup>, а с ее исследованием<sup>20</sup>, в котором был допущен ряд просчетов и неточностей. Несмотря на то, что документ составлялся в финансовых целях за год до похода Яна Казимира и включал много устаревших и дублирующих сведений, после его изучения историк не совершил бы столь грубую ошибку<sup>21</sup>. В реальности вместо «фантастически большой армии» в 215 тыс. человек под Калугой в феврале 1664 г. полякам противостояло войско, насчитывавшее всего 12 378 человек<sup>22</sup>. Так что поворот армии Яна Казимира (40 тыс. чел., не считая татар) был вызван, в основном, внутриполитическими причинами – заговором Любомирского и восстанием на правобережной Украине. Но если в то время миф о сотнях тысяч «московитов» был необходим для оправдания бедственного отступления, то ныне белорусский историк стал жертвой либо невнимательности, либо пристрастности.

К похожим последствиям привело Г. Сагановича обращение к популярному пересказу, а не к источнику, при описании Рижского похода Алексея Михайловича 1656 г. Заявив, что отступление русских от Риги

<sup>15</sup> Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1896. Вып. V. С. 12 (№ 12).

<sup>16</sup> Матерьялы для истории медицины в России. СПб., 1884. Вып. 3. С. 619–622.

<sup>17</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 15, 18.

<sup>18</sup> Там же. С. 99.

<sup>19</sup> Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг.

<sup>20</sup> Сташевский Е. Д. Смета военных сил Московского государства в 1663 году.

<sup>21</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 118.

<sup>22</sup> Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке. С. 989–990.

было вызвано удачной вылазкой гарнизона, мстившего за гибель молодого генерала фон Турна<sup>23</sup>, автор произвольно объединил эпизоды начала и конца осады (19 августа и 2 октября)<sup>24</sup>. Кроме того, перепутаны причина и следствие: уже 30 сентября царь с основными силами пошел из-под Риги к Полоцку, и произведенная «вдогонку» вылазка имела ошеломляющий успех именно из-за общей суматычи при снятии лагеря и слабости оставшихся войск. В итоге вместо обстоятельного изложения важных для судьбы Великого княжества Литовского событий мы обнаруживаем в книге только патриотичный анекдот о борьбе героических рижан с «восточным агрессором».

В последней главе, в пылу бросаемых в сторону Москвы упреков, автор позволил себе уже совсем беспочвенные утверждения. Сомневаясь в реальности выполнения статьи Андрусовского договора 1667 г. по части возврата вывезенных из Литвы ценностей и книг, он говорит о невозможности собрать их изо всех «глухих острогов, например, Енисейского уезда»<sup>25</sup>. Документы РГАДА ясно свидетельствуют о том, что в целях выполнения этого условия бюрократическая машина Русского государства заработала на полную мощность<sup>26</sup>, и дальность расстояний не была препятствием. К примеру, известна отписка о получении соответствующего указа на Верхотурье и пересылке его в Ирбитский острог<sup>27</sup>. Незнание об этих документах или отсутствие монографии по теме не оправдывают автора, подменившего работу с источниками эмоциями и голословными рассуждениями.

Думается, что даже этих нескольких замечаний вполне достаточно, чтобы усомниться в научной ценности данной работы Г. Сагановича. Грубейшие недочеты в методике исторического исследования, особенно в области работы с источниками, вынуждают историка перепроверять содержащиеся в книге информацию и выводы. Явные политические пристрастия, откровенная идеологическая направленность вряд ли помогут широкому кругу читателей «познать прошлое независимо от политической конъюнктуры». Вместе с тем, обзор книги показал, насколько не разработан целый период отечественной военной и политической истории, и как много еще предстоит сделать, чтобы война 1654–1667 гг. перестала быть «неизвестной».

<sup>23</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 57–58.

<sup>24</sup> Gründliche und warhafte Relation von der Belagerung der Konigl. Statt Riga in Liefland. Riga, 1657. Страницы не нумерованы.

<sup>25</sup> Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. С. 126.

<sup>26</sup> Описание документов и бумаг МАМЮ. М., 1899. Кн. 11. С. 207.

<sup>27</sup> РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. №. 27. Л. 119. Выражаю благодарность А. А. Булычеву за любезно предоставленную информацию.

## Приложение 3

**«ЛИТОВСКИЙ ПОХОД 7168 ГОДА»  
КНЯЗЯ И. А. ХОВАНСКОГО  
И БИТВА ПРИ ПОЛОНКЕ<sup>1</sup>**

В отечественной историографии степень изученности второго этапа (1658–1667) войны России и Речи Посполитой (1654–1667), в особенности хода военных действий, чрезвычайно мала: достаточно сказать, что наиболее подробным его описанием до сих пор остаются главы «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Однако в указанном труде изложению военной канвы событий уделяется меньше внимания, чем дипломатической стороне вопроса; первое в смысловом плане и композиционно подчинено второму. В итоге, оценки походов весьма невнятны: в частности, ничего не сказано о целях и характере Литовского похода Новгородского полка 1659–1660 гг., о его силах, о замыслах командования и тому подобное, даже краткое описание содержит ошибки и вовсе не упоминает такой важный эпизод, как осада Ляховичей. Позднейшие работы содержат лишь несущественные дополнения к изложенной историком канве событий<sup>2</sup>. При этом характеристика русского полководца кн. И. А. Хованского, данная Соловьевым полтора века назад, без сомнений продолжает приниматься рядом современных исследователей<sup>3</sup>. Между тем, достаточно взглянуть на круг источников, которыми располагал великий историк, на подчиненность их использования пристрастной авторской концепции, чтобы понять всю важность нового исследования с привлечением более широкого круга материалов.

Походы 1654–1655 гг. предали под «высокую царскую руку» обширные территории Великого княжества Литовского (ВКЛ), однако для значительной части шляхты и мещан подчинение царской власти стало вынужденной мерой ради сохранения жизни и имущества. Выступление против русских гетмана И. Выговского на Украине и казачьего полковника И. Нечая в Белоруссии в сентябре 1658 г., поддержанное великим гетманом Литовским П. Сапегой, вызвало поч-

<sup>1</sup> Впервые опубликовано: Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 г.» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г. // Славяноведение. 2003. № 4. С. 25–40. Для настоящего издания автор уточнил ряд сносок и привел их в соответствие с общей системой примечаний в монографии.

<sup>2</sup> Очерки истории СССР. Период феодализма: XVII век / Под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 508–517; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 118–125.

<sup>3</sup> Буганов В. И. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // ВИ. 1996. № 3. С. 69; Кошелева О. Е. Коллективные члены дворян на бояр (XVII в.) // ВИ. 1982. № 12. С. 173–175.

ти поголовное восстание «присяжной шляхты». Первые успехи были облегчены слабостью русских войск на этой разоренной и враждебной территории, где с трудом могли прокормиться лишь гарнизоны крупных городов. Только к концу 1659 г. войска кн. А. Н. Трубецкого и В. Б. Шереметева ликвидировали «измену» в Малороссии, а спешно созданный полк кн. И. И. Лобанова-Ростовского вновь покорил царской власти восточную часть Белой России (до р. Березины). Между тем, переговоры о мире с польской стороной все время заходили в тупик. Поляки намеренно затягивали их, стремясь лишь выиграть время для завершения войны со Швецией, после чего обратиться уже против «москалей». В октябре 1659 г. Алексей Михайлович, наконец, посчитал возможным прямо объявить о возобновлении войны с Речью Посполитой. Непосредственным поводом послужила неудача «переговоров Ивана Желябужского» о назначении нового «съезда послов», к чему король и сенаторы «доброхотства [ни]какова не показали и отпустили его, Ивана, бездельно»<sup>4</sup>. Ответ на подобное «бесчестье царскому имени» был жесткий: «И прося у Бога милости, велели мы, великий государь, нашим царского величества боярам и воеводам и ратным людем, за его королевские неправды, итти на него войною», – говорилось в грамоте к полоцкой шляхте<sup>5</sup>. Здесь же сообщалось, что «в Вильну... послан боярин наш и воеводы князь Иван Андреевич Хованский со товарищи, с нашими царского величества ратными людьми, и за Божьею помощью над польскими людьми велено им чинить промысл». По наказу он должен был известить все же назначенных к тому времени польских комиссаров, что «миру войны не помешка», т.е., что его поход не нарушит неприкосновенности посольских чинов<sup>6</sup>.

Уже третий год под началом этого воеводы находились войска Новгородского разряда – одного из военно-административных округов Русского государства. Ведущая роль в нем принадлежала поместной коннице Новгородского, Псковского, Великолуцкого, Торопецкого, Новоторжского, Тверского и Старицкого уездов, выставлявших до 3200 дворян и детей боярских. Их дополняли конные казаки этих земель – около 1 тыс. человек.

Большая часть помещиков после Смутного времени не могла нести службу без поддержки государства. Новая долгая война, начавшаяся в 1654 г., нанесла очередной удар по их благосостоянию: крестьяне разбегались от налогов и повинностей или их забирали в солдаты, а у иных поместья были разорены «от немецких людей». Многие новики, даже поверстанные земельным окладом, в реальности земли не получили.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 358

<sup>5</sup> ПСЗРИ. Т. 1. С. 503 – 505.

<sup>6</sup> АМГ. Т. 3. С. 47.

В результате, к концу 1650-х гг. значительная часть служилых людей «по отечеству» являлась «беспоместными» и «пустопоместными»<sup>7</sup>. Для таких война становилась главным источником существования.

К 1659 г. ратные люди Новгородского разряда прошли долгий боевой путь. Поверстанные после Смоленской войны 1632–1634 гг. «новики» получили боевое крещение только при осаде восставшего Пскова в 1650 г., а большинство – в 1654–1656 гг. Особое внимание царя привлек их поход на Брест (осень 1655 г.), который первоначально был призван мирно «привести к кресту» шляхту юго-западных поветов ВКЛ. Сапега пообещал царскому посланнику Ф. М. Ртищеву переход своего войска под государеву руку, однако вскоре под давлением шляхты изменил решение и внезапно атаковал Новгородский полк боярина кн. С. А. Урусова во время переговоров под Брестом. Дважды сбитые с позиций, ратные люди чудом отбились и даже разгромили превосходящие силы противника в лесах у д. Верховичи – по сообщениям пленных, при начале боя над русским лагерем показался архангел Михаил, что вызвало особый интерес Алексея Михайловича<sup>8</sup>. Их следующий поход (1656) завершился взятием у шведов Юрьева Ливонского. Но всю бытую славу полка в одно мгновение похоронил вопиющий случай под Валками (9 июня 1657 г.), где дворяне побежали с поля боя «дуростью своею, а не от побою», и бросили в плену смертельно раненного воеводу М. В. Шереметева. Царь наложил опалу на ратных людей и начал следствие о «зачинщиках» бегства<sup>9</sup>.

Однако вскоре их новый воевода, стольник кн. И. А. Хованский, сумел переломить ход войны. Ему удалось разгромить главные силы противника в Прибалтике (16 сентября 1657 г. под Гдовом), затем разорить Эстляндию, осадить Нарву и сделать, таким образом, шведов более сговорчивыми на начавшихся «посольских съездах»<sup>10</sup>. На радостях от побед царь поспешил простить новгородцев. Новую славу им принес молниеносный январский поход 1659 г. за Западную Двину, когда Хованский едва с 2 тыс. всадников буквально разогнал под Мядзелами втрое превосходящие силы литовцев и белорусской шляхты (29 января 1659 г.)<sup>11</sup>. После роспуска ратных людей по домам князь был пожалован в бояре и получил титул наместника Вятского.

<sup>7</sup> Аграрная история Северо-Запада России XVII века. С. 68–69, 82, 102: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. №. 64 Л. 2–3 и сл.

<sup>8</sup> ААЭ. СПб, 1836. Т. 4. С. 129–130.

<sup>9</sup> Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. С. 180.

<sup>10</sup> Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества. С. 39–53.

<sup>11</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 272; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

Бои со шведами выявили низкую эффективность старой тактики конницы, и к ходу разборов весны 1659 г. большая часть дворян и казаков – те, кто нуждался в материальной поддержке – была записана в рейтары. Они образовали три полка (2800 человек) во главе с полковниками-иноzemцами и опытными офицерами из дворян, которые обучили рейтаров действиям в линейном строю и залповой стрельбе. Лучше обеспеченные кавалеристы перед походом по-прежнему составили конницу «сотенной службы». Элиту полка представляли «завоеводчики» боярина – «для части своей и оберегания царского знамени» – и «есаулы»-ординарцы, а также Выборная и Подъезжая (для разведки) сотни. Остальные были расписаны в девять городовых дворянских и пять казачьих сотен.

Стрельцы четырех новгородских и псковских приказов, выступившие в поход 1659–1660 гг., были, благодаря своим сословным традициям, самыми надежными из пеших ратников. Однако на поле боя эффективнее их в последнее время оказывались части «солдатского» и «драгунского строя». Те были очень разнообразны по составу и численности. Поселенными солдатами Заонежских погостов комплектовался полк А. Гамильтона, а лучшие из них, снабженные лошадьми, составляли драгунский полк А. Форота. Сомерская волость выставляла небольшой полк Е. Росформа. Наконец, из даточных «сбора 167 года» (1658–1659), с 10 крестьянских и бобыльских дворов по человеку (с территории Новгородского разряда), незадолго до того был сформирован полк И. Гулица<sup>12</sup>. Все они получали «корм» по норме «старых солдат» – по восемь денег человеку на день<sup>13</sup>, однако степень разорения их семей и морального упадка была столь велика, что многие, взяв жалованье, бежали еще по дороге в полк<sup>14</sup>: долгая война и здесь брала свое. Солдатские полки имели при себе обоз с шанцевым инструментом. «Наряд у разрядного шатра» (полевая артиллерия) и полковые пушки пехоты в общей сложности насчитывали 12 или 15 орудий. Начальными людьми у солдат и драгун в большинстве своем были служилые иноземцы<sup>15</sup>.

В августе 1659 г. части Новгородского разряда сосредоточились в Полоцке, прикрывая тылы войск Лобанова-Ростовского, которые осаждали И. Нечая в Старом Быхове<sup>16</sup>. Здесь под начало Хованского поступила многочисленная «присяжная шляхта» Полоцкого повета. Большая ее часть перешла на царскую службу добровольно уже в 1654 г., а иные, отступив с гетманом Радзивиллом на запад, вернулись

<sup>12</sup> АМГ. Т. 3. С. 118, 493–494; Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке. С. 382–391.

<sup>13</sup> РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 60.

<sup>14</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 387–388.

<sup>15</sup> Kotłubaj E. Galeria Nieswieżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857. S. 222; Chrapowicki J. A. Diariusz. S. 212.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 87, 88, 297.

домой зимой 1655–1656 гг. Их полки приняли активное участие в Рижском походе 1656 г. и других боях со шведами<sup>17</sup>. Выступление Нечая разделило шляхту: так, при Лепеле в ноябре 1658 г. «погоцкая верная шляхта» полковников И. Кисаревского, Г. Гаславского и полоцкого бурмистра К. Наумова «побила» «изменников» – Полоцкого же воеводства полковников К. Лисовского, Ф. Слонского и Б. Пресецкого<sup>18</sup>. Победы Хованского и Лобанова-Ростовского вскоре вернули большую ее часть в царское подданство.

В поход 1659–1660 гг. выступили следующие полки: И. И. Кисаревского – три хорунги, около 150 человек; Г. Гаславского – одна хорунга, 133 шляхтича и около 200 челядников; Ф. Слонского – четыре или пять рот шляхты, около 200 шляхтичей и более 300 челядии; одна драгунская рота, 83 человека. Итого – до 1100 человек<sup>19</sup>. Правда, часть из них доднала войска Хованского только зимой.

Все войско делилось между самим боярином и его товарищем – стольником кн. С. Л. Щербатовым, образуя два «воеводских полка». Общая его численность достигала 9 тыс. человек, в том числе: около 1,3 тыс. в сотнях, 2,8 тыс. рейтар, более 1 тыс. полоцкой шляхты, до 1,5 тыс. стрельцов (часть осталась в Пскове и Новгороде), более 100 начальных людей пехоты и 2338 солдат и драгун<sup>20</sup>.

Момент для похода командование выбрало самый удачный. Литовские войска, летом стоявшие в западных областях Белоруссии в ожидании удара русских, осенью были извещены о новом «съезде послов» и втянулись в борьбу за оставшиеся у шведов крепости в Курляндии<sup>21</sup>. Хованский же фактически выступал как союзник Швеции – это подкреплялось распоряжениями о дружественном отношении к шведам, освобожденным из польского плена<sup>22</sup>.

Войска выступили в поход до 19 октября 1659 г., когда состоялся обычный для его начала смотр, и 9 ноября достигли Вильно<sup>23</sup>. При отсутствии воеводского наказа можно только предположить, что основной их целью был возврат поветов Юго-Запада ВКЛ. Здесь осенью 1655 г. шляхта была «приведена к кресту» во время похода Новгород-

<sup>17</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 107–109, 156–157; АМГ. Т. 2. С. 542.

<sup>18</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 209. Л. 511, 512.

<sup>19</sup> РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 215–263; Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 162. Л. 107–109.

<sup>20</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 388.

<sup>21</sup> *Codello A. Konfederacja wojskowa na Litwie w l. 1659–1663 // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1960. T. VI. Cz. I. S. 23; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 432. Л. 6.*

<sup>22</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 176. Л. 90.

<sup>23</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 432. Л. 69; *Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. I. S.212*

ского полка<sup>24</sup>, но с захватом литовцами в конце 1658–1659 гг. Гродно, Новогрудка и Минска фактически «отложилась» от царской власти. Виленская шляхта прямо отказалась воеводе кн. Д. Е. Мышецкому воевать против «своей братии» литовского войска и поставлять запасы в Вильну или в полки Хованского<sup>25</sup>.

Из Вильны боярин стремительно, по своему обычаю, бросил полки в направлении г. Лиды. Западнее города, на переправе через р. Дитву у с. Мыто, укрепился в острожке во главе местной шляхты полковник Я. Кунцеевич. Однако, Хованский «посмеялся над ними»: разузнав о бродах, он в ночь на 17 ноября 1659 г. переправился через реку в другом месте и вышел на литовцев с тыла. Шляхта, узнав об этом, «больше не сопротивлялась»; земляной городок был взят, и лишь две хорунги (надворная гайдуцкая Сапеги и драгунская), потеряв 22 человека только пленными, смогли прорваться за Неман<sup>26</sup>. Датированный тем же числом универсал П. Сапеги к шляхте лишь предостерегал о возможности похода Хованского – столь неожиданно и стремительно он начался<sup>27</sup>. Внезапность нападения не позволила и вовремя усилить гарнизон Гродно, комендант которого, капитан М. Гутовский, капитулировал почти без сопротивления 8 декабря<sup>28</sup>.

Следующей целью Хованского стало лежащее на юге Подляшье. Здесь, в глубоком тылу действовавшей в Курляндии армии, собралось на зимних квартирах – «лежах» – шляхетское «товарищество», до 800 человек, сюда же от ужасов войны скрылись многие знатные семьи из-под Гродно. Оставив в городской крепости воеводу Т. О. Челищева с сотней стрельцов и ротой солдат<sup>29</sup>, Хованский выступил все так же стремительно и скрытно – в канун католического Рождества. Для ускорения марша с дворян были взяты их запасные лошади «под стрелцов и под солдат вместо подвод»<sup>30</sup>. В ночь на воскресенье (18 декабря) боярин, «выйдя из Одельска, на рассвете удариł на Крынки», где разгромил полк кн. Я. Огинского: были взяты в плен 26 шляхтичей из панцирной хорунги П. Сапеги и по несколько «языков» из трех та-

<sup>24</sup> Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г.

<sup>25</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 533

<sup>26</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 272; РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 10об.; Там же. Оп. 17. №. 73. Л. 120.

<sup>27</sup> Акты, изданные Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильно, 1909. Т. 34: Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654–1667). С. 137, 138.

<sup>28</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 273; Акты, изданные Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 34. С. 523.

<sup>29</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 578, 688.

<sup>30</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 85.

тарских и драгунской хорунг этого полка<sup>31</sup>. «На плечах» бегущих дворяне и казаки ворвались в Заблудов, куда съехалась на мессу окрестная шляхта, и захватили множество знатных пленных и богатую добычу<sup>32</sup>. Еще не успели главные силы войти в город, а во все стороны от него устремились «загонные» отряды, достигавшие даже границ Пруссии. Плены едва избежали гетман П. Сапега, его брат Кшиштоф (крайчий Литовский) и З. Служка – хорунжий Литовский; в чрезвычайной опасности находилась войсковая казна, отправленная в Варшаву через Брест, Люблин и Замостье, что заняло несколько месяцев<sup>33</sup>. Шляхта, не думая о «посполитом рушении», спасалась с семьями и имуществом в последние надежные крепости – Слуцк, Ляховичи и Несвиж.

Новгородцы снова двигались по землям, из которых им едва удалось вернуться осенью 1655 г. Тогда им «за смертной казнью» запрещалось грабить и «собирать корм», чтобы это не помешало склонить местную шляхту к присяге царю<sup>34</sup>. Характер нынешнего похода был уже карательным – огнем и мечом «воевать» поветы, изменившие своему крестному целованию. По сведениям Б. Радзивилла, «хлопам Москва полностью дает волю, только велит, чтобы наводили их “на бояры”, но шляхту вяжет и дворы палит»<sup>35</sup>. Пощады не давали никому: так, московские «чаты» в дороге изрубили послов Волковысского повета, отправленных к Хованскому с изъявлением покорности<sup>36</sup>. От русских не отставали и белорусские шляхтичи: 10 января 1660 г. ксендз Томаш Гирский, тайно посланный виленским воеводой в Варшаву на разведку, был ограблен, избит и прислан в оковах в Вильну полковником Кисаревским, «которой идет ис Полоцка к... Хованскому с ротами своими»<sup>37</sup>. Русская конница двигалась на юг наиширокайшим фронтом: так, почти одновременно разорению подверглись г. Янув за Бугом и г. Шерешево, 80 верстами северо-восточнее<sup>38</sup>. Неудивительно, что очень скоро молва раздула силы Хованского с реальных 10 тыс. до фантастических 30–40 тыс. человек<sup>39</sup>.

<sup>31</sup> РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Л. 122–125.

<sup>32</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 273; Kołubaj E. Galeria Nieswiejska portretów Radziwiłłowskich. S. 221; Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 217.

<sup>33</sup> Акты, изданные Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 34. С. 534.

<sup>34</sup> Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 63–65.

<sup>35</sup> Kołubaj E. Galeria Nieswiejska portretów Radziwiłłowskich. S. 221.

<sup>36</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 277.

<sup>37</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 604–605.

<sup>38</sup> Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 219; Саганович Г. Невядомая вайна 1654–1667. С. 89.

<sup>39</sup> Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 213; Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 286.

Опустошив г. Каменец, русские полки в ночь на 29 декабря подошли по льду Западного Буга и «изгоном» взяли «большой город» Бреста<sup>40</sup>. Правда, в хорошо снабженном и укрепленном замке заперлись четыре роты пехоты во главе с «немчином итальянской земли Ергиком Кондаратом», которые отбили первые приступы<sup>41</sup>. Хованский отступил за город, «отаборившись возами», и отправил погоню за уходящими литовскими обозами. Обрадованные отходом неприятеля, «брестские сидельцы» стали праздновать: пехоте было выдано вино из гетманских запасов, а шляхта устроила бал и пир. В ночь на 3 января 1660 г. один из заключенных в замке русских пленных<sup>42</sup> сумел выбраться за стены и предупредить Хованского, «что все пьяны»<sup>43</sup>. Тот немедленно, «имея с собой лестницу», доскакал до Бреста, начал приступ и на сей раз взял город. Его «выжгли и высекли», не пощадив и многих мирных жителей: «женщин и мужчин, шляхту и не шляхту, взрослых и малых, даже грудных детей в том местечке и замке немилосердно поубивали». Тела убитых (от 1700 до 1900 человек) были брошены без погребения в ров крепости<sup>44</sup>. Коменданта, ротмистров и ряд других пленников (всего 50 человек) Хованский отправил в Москву<sup>45</sup>. Русские потери были невелики: М. Обухович справедливо записал, что Брест достался им малой кровью<sup>46</sup>. Узнав о победе, Алексей Михайлович велел боярину построить и освятить в Бресте церковь во имя архистратига Михаила<sup>47</sup>, вероятно, в память о событии 1655 г.

Строго говоря, описанное выше обращение с захваченным городом и вражескими землями не было в то время чем-то необычным: с еще большей жестокостью действовали «лисовчики» и черкасы в Смутное время и литовские «волонтеры» под Новгородом и Псковом в 1661–1666 гг.<sup>48</sup> Однако, в свете известных ограничений и запретов «воевать»

<sup>40</sup> РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 2; *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*. S. 273; *Ткачов М. А. Замки Белоруссии*. Минск, 1977. С. 53

<sup>41</sup> *Chrapowicki J. A. Diariusz*. Cz. 1. S. 220.

<sup>42</sup> Жалование за полонное терпение получили в марте 1660 г. 26 «брестских сидельцев» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 313. Л. 43, 44об.)

<sup>43</sup> *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*. S. 273.

<sup>44</sup> *Walewskij A. Historia wyzwolonej Rzeczypospolitej...* Krakow, 1872. T. II. S. 144–145; *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*. S. 273–274; *Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci*. Wrocław, 1968. S. 288

<sup>45</sup> РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 73. Л. 125–130.

<sup>46</sup> *Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku*. Wilno, 1857. S. 67; ср.: РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 2об.

<sup>47</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 5.

<sup>48</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 94–95, 212–218; *Буссов К. Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени*. М., 1996. С. 114, 134; *Витсен Н. Путешествие в Москвию 1664–1665*. Дневник.

ряд областей ВКЛ в походах 1654–1655 гг., действия ратных людей Хованского приобрели характер кары за измену царю. Подобно тому как внутри страны любое неосторожное слово вызывало жесточайшее следствие по «слову и делу государеву»<sup>49</sup>, так и на войне отказ сдаться «на государево имя» или измена царскому «крестному целованию» влекли за собой не только беспощадное «выжигание и высечение» города и области, но и соответствующее отношение к телам убитых, известное в этнографии как похороны «заложных покойников»<sup>50</sup>.

Падение Бреста ставило под угрозу саму Варшаву, до которой оставалось всего 100 верст. «Воюя коронную землю», русская конница доходила до Люблина и Холма на юге, до Лукова, «который грамоту от Хованского взял», на западе; разъезды ее появились в 20 верстах от польской столицы: так, «в загоне под Аршавою» понесла потери сотня сомерских и копорских казаков<sup>51</sup>. Здесь, однако, обстановка осложнилась тем, что зимние квартиры в Подляшье и Мазовии поляки предусмотрительно предоставили австрийским войскам генерала Гейстера, своим союзникам в войне со Швецией. Хованский решил оказать моральное давление на Гейстера, продемонстрировав его представителю, капитану Розенштейну, участь защитников Бреста. Согласно рапорту капитана, боярин «поведал мне, что имеет 100 000 войска, поэтому Польша сопротивляться ему не сможет. На это я отвечал: для того нас Польша тут как передовую стену (*Vortpauer*) против московитов и поставила, а при этом цесарь с царем в мире. Он дал мне совет, чтобы мы перешли на другую сторону Вислы, а он эту сторону займет»<sup>52</sup>. Правда, вскоре изменение обстановки сняло вопрос об отношениях с «цесарцами».

В начале января 1660 г. на борьбу с Хованским начали выдвигаться новые части. Лояльная королю «дивизия» С. Чарнецкого, только что вернувшаяся из похода в Данию, срочно выступила к Варшаве и сняла угрозу столице<sup>53</sup>. Литовская «дивизия правого крыла» под командой польного писаря Литовского Е. Х. Полубенского 12 (22) января двину-

Спб., 1996. С. 206, 208.

<sup>49</sup> Подробнее: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века.

<sup>50</sup> Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 40–41, 91 и сл.; *Он же. Древнерусский языческий культ заложных покойников* // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934. М., 1999. С. 17–34; Булычев А. А. Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

<sup>51</sup> *Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci.* S. 288; РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 27. Л. 536; Там же. № 87. Л. 20б.

<sup>52</sup> Цит. по: *Walewskij A. Historia wyzwolonej Rzeczypospolitej...* Krakow, 1872. Т. II. С. 144, 145, XLVII–XLVIII.

<sup>53</sup> *Kersien A. Stefan Czarniecki 1599–1655.* S. 413–417.

лась из Митавы к Бресту<sup>54</sup>, а на следующий день из Ковеля выступил полк М. Обуховича (восемь «казацких» и пять драгунских хорунг), оказавшись в авангарде этой дивизии. 15 января под Малчами (северо-восточнее Бреста) молодой полковник завязал бой с отрядом стольника кн. Петра Хованского, старшего сына воеводы (несколько «сотен» и полк рейтар М. Реща). Показателен ход столкновения. Сначала четыре литовские хорунги опрокинули часть рейтар и стали наводить остальную конницу на оставленных позади драгун. Но в этот момент под Обуховичем убили коня и взяли его в плен; литовские драгуны бросили свои позиции без единого выстрела, после чего без боя побежала и остальная конница<sup>55</sup>. Кроме полковника, в плен попали 18 «товарищей» и драгуны<sup>56</sup>. Потери русских были ничтожны: если верить рассказу самого Обуховича Б. К. Маскевичу, он оказался чуть ли не единственным их виновником<sup>57</sup>.

Тогда же стряпчий Л. Грамотин привез Хованскому указы о переписке с польскими комиссарами о переговорах и о «промысле» над Полубенским в Курляндии: на переписку с Москвой через Вильно и Полоцк уходило два месяца, и там еще не знали о взятии Бреста. К тому времени части Полубенского и жмудского «посполитого рушения» уже «позалегли» все дороги между Вильно, Ковно и Гродно, нападая на идущих из полков Хованского «всяких чинов людей в московские города с погромною рухледью и с полоном»; вскоре в плен угодил и сам Л. Грамотин, отправленный обратно в Москву через Вильну с «сеунчиком» кн. С. Мышецким<sup>58</sup>. Хованский выступил 24 января навстречу литовцам «путем Урусова, который после выигранной Верховицкой [битвы] за воевал поветы Слонимский, Волковысский и воеводство Новогрудское, где никто не оборонялся»<sup>59</sup>. Однако Полубенский не принял боя и отошел, отправив к Хованскому шляхтича Гедройца с предложениями перемирия и обмена Грамотина и других плененных на своих мать и племянницу, Обуховича и гусара Быковского, предыдущего посла к боярину<sup>60</sup>.

В это время Хованский в Новогрудке принимал изъявления покорности от шляхты окружающих поветов, организовывал ее присягу

<sup>54</sup> *Podhorodecki L. Kampania polsko-szwedzka 1659 r. w Prusach i Kurlandii // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1958. T. IV. S. 243.*

<sup>55</sup> *Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku. Wilno, 1857. S. 65, 66; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. S. 288*

<sup>56</sup> РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 73. Л. 131–134.

<sup>57</sup> Потери по русским документам см: РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 11об.–13об.; ср. с показаниями самого Маскевича: *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*. S. 283.

<sup>58</sup> РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 3, 14; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 535–536, 577.

<sup>59</sup> *Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku*. S. 67.

<sup>60</sup> *Nagielski M. Chorągwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubińskiego i króla Jana Kazimierza w latach 1648–1666...* S. 131.

царю и сажал воевод из дворян своего полка. Прежде отметавший все предложения о перемирии («Трактаты трактатами, а война войною»), боярин неожиданно согласился устроить размен и уйти в Гродно и Псков<sup>61</sup>. После беспримерного рейда новгородцы были донельзя обременены добычей и полоном, а Хованский мог посчитать свою задачу выполненной. По воспоминаниям Маскевича, боярин торжественно объявил шляхте о прощении измены и уходе своего войска, чтобы не обременять их, и повелел при появлении королевских войск уходить в леса и дать весть ему в Псков – не то «в другой раз не будет над вами милосердия». Вскоре он «отправил с казной на Русь возов, как утверждали, 15000», но внезапно отменил свое решение об отходе: Полубенский прислал новое письмо, в котором вызывал его на бой<sup>62</sup>. Письмо могло быть вызвано тем, что «по посылке» боярина провожатые литовцы с Грамотиным и другими обманом были перебиты без всякого размена<sup>63</sup>, – если только последнее не произошло позже.

Как бы то ни было, в ночь на 16 февраля Хованский с конницей и виленским полком солдат В. Кунингама внезапно ринулся на запад, «а поскольку привык поспешать, то и тогда также поступил, ибо за одну ночь в Деречине стал, деревне пана писаря польского, всюду паля и хлопов грабя»<sup>64</sup>. Однако, даже такой 70-верстный бросок не помог боярину, так как Полубенский успел уйти за Буг, который после этого вскрыл ото льда. Передовые сотни успели только потрепать полк Вяжевича в Деречине и отбить часть литовского обоза в Милечицах (на р. Буг) 16 и 17 февраля<sup>65</sup>. Поход сорвал соединение Полубенского и Чарнецкого, чья дивизия переправилась было через Буг юго-восточнее Бреста, но была вынуждена спешно отступить к Лукову<sup>66</sup>.

Получив сведения о наметившемся соединении поляков и литовцев уже за Бугом, а также о бунте в литовском войске из-за невыплаты жалования<sup>67</sup>, Хованский убедился, что путь к Варшаве закрыт, но и захваченным поветам мало что угрожает. Русские «обвоевали» окрестности Бреста, снабдив гарнизон (1 тыс. человек) запасами «на 2 года», и построили в замке новую стену<sup>68</sup>. Возможно, воевода все же договорился о перемирии на три месяца через того же Гедройца, вернувшегося

<sup>61</sup> АМГ. Т. 3. С. 47.

<sup>62</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 274–286.

<sup>63</sup> АМГ. Т. 3. С. 48.

<sup>64</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 286.

<sup>65</sup> РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 3–3об., 14.

<sup>66</sup> Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 417–418.

<sup>67</sup> АМГ. Т. 3. С. 56–58, 85.

<sup>68</sup> Там же. С. 125.

ся 25 февраля к Полубенскому, и выступил со своими полками 1 марта из Бреста на восток<sup>69</sup>.

Теперь его путь лежал на Ляховичи, одну из трех последних не занятых русскими «фортеций» Белоруссии. Вместе со Слуцком и Несвижем они оставались серьезным очагом сопротивления, куда недавно отступили выбитые из Турово-Пинской земли отряды Д. Мурашки и С. Оскерки (белорусские казаки-изменники и шляхта)<sup>70</sup>. За надежными стенами мятежей П. Сапеги (Ляховичи и Несвиж) и Б. Радзивилла (Слуцк), укрепленных по лучшим образцам западноевропейской фортификации<sup>71</sup>, скрывалось множество знатной и богатой шляхты.

По пути, в mestечке Журовичи, Хованского встретил стольник К. Щербатов с похвалой от Алексея Михайловича самому воеводе и всем его ратным людям, будто за их «храбростью великое княжество Литовское все хочет учиниться под... самодержавно рукою в вечном подданстве». Правда, конкретные указания безнадежно устарели: предписывалось «зимним временем до весны... посыпать войной» к Варшаве и другим городам, «и Аршава разорить, и пушки московские, которые есть в Аршаве, привезти к себе». В ответ Хованский пообещал послать на Варшаву после распутицы, объяснил настоящий поход заботой о безопасности тыла и попросил подмоги. Он скромно оценивал возможности своего войска, считая необходимым поход главных сил с самим царем: «Ныне время тебе промысл чинить над неприятелем, в кою пору не в большом собранье, и Богом [Г]оним по твоей праведной молитве, трепетен неприятель от твоего храброго меча»<sup>72</sup>.

В середине марта 1660 г., одним своим появлением прогнав казаков Мурашки к Слуцку<sup>73</sup>, победоносный легион Третьего Рима подступил к Ляховичам. «Москали шли как на мед или забаву какую, смело, имея оружие надежное, а бердыши – ясно полированные, острые и веревки с петлями конопляные у пояса, для вязания наших»<sup>74</sup>. На предложение о сдаче гарнизон крепости ответил отказом, и было решено идти на приступ. В ночь на 26 марта пехота, казаки и полоцкие шляхтичи незаметно подошли к стенам и взобрались на них, водрузив даже знамена. Но неизбежный в ночном бою «ясачный крик» (пароль) «Царев город!» заставил многочисленных защитников Ляховичей (2,5 тыс. чело-

<sup>69</sup> Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 228, 231; Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 418.

<sup>70</sup> Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667. С. 90.

<sup>71</sup> Ткачоў М. А. Абарончыя збудованні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст. С. 83–90, 107–108.

<sup>72</sup> АМГ. Т. 3. С. 56–58.

<sup>73</sup> Там же. С. 58.

<sup>74</sup> Цит. по: Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660. Lwow, 1922. (Szkice historyczne. Ser. VI). S. 360.

век) броситься на стены, откуда они сбили еще немногих забравшихся и стрельбой и камнями стали поражать штурмующих<sup>75</sup>. С тяжелыми потерями – 10 старших офицеров и две сотни ратников – русским пришлось отступить. Царь, при известии о неудаче, запретил новые штурмы и сделал воеводе выговор<sup>76</sup>. Однако осада была серьезно осложнена нехваткой «стенобитного наряда» (осадной артиллерии) и пехоты. Орудия крепости доставали до «таборов» – русского лагеря, а извне на него нападала конница из-под Слуцка и Несвижа. Осаждающие смогли отвести воду, осушив ров, подожгли деревянные строения в замке<sup>77</sup>, но, кроме как на новый штурм, надеяться было не на что.

По уверению Маскевича, Хованский привлек даже колдуна-мельника, вызвавшегося помочь москалям «достать Ляховичи». Он пообещал «заговорить» все огнестрельное оружие замка и сделать «лестницу на срубах», способную поднять на стены сразу 2 тыс. человек<sup>78</sup>. Возможно, о чем-то подобном узнал С.Чарнецкий, сказавший накануне приступа (по Пасеку): «Я имею сведения, что... на штурм Ляховичей готовились и только [ждут, как] им лестницы и другие принадлежности привезут, так как потеряли все при первых штурмах»<sup>79</sup>.

Тем более, что военная ситуация в Восточной Европе в это время стала серьезно меняться. Вскоре после неудач в Дании шведский король Карл X Густав скончался, и истощенная Швеция пошла на заключение мира с Речью Посполитой и ее союзниками (3 марта (н. ст.) 1660 г.). В итоге, уже весной шведы, стараясь повлиять на ход переговоров с Россией, стали шантажировать ее походом по Западной Двине – и слухи об этой угрозе достигли Новгородского полка уже в апреле<sup>80</sup>. Но гораздо опаснее стало полное освобождение для войны на востоке всей польской армии: более 50 тыс. только «компутовых» (состоящих на жаловании) воинов, закаленных в беспрестанных боях со шведами, казаками, венграми и татарами<sup>81</sup>. Правда, обычные для Республики внутренние неурядицы отдаляли момент выступления: коронные и литовские сенаторы спорили о направлении главного удара – на Украину или Литву, а войска перманентно бунтовали из-за отсутствия жалованья. Так, «сапежинская дивизия» после вторичного бегства от Хованского составила конфедерацию во главе с С. Кмичи-

<sup>75</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 297.

<sup>76</sup> АМГ. Т. 3. С. 64, 65.

<sup>77</sup> Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667. С. 92.

<sup>78</sup> Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). S. 298, 300.

<sup>79</sup> Pasek J. Ch. Pamiętniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska. S. 90.

<sup>80</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 72.

<sup>81</sup> Wimmer J. Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Szwecją 1655–1660. S. 96–99.

чем, отказавшись подчиняться Полубенскому – «что он из Курляндии их вывел и их с голоду поморил, а в Курляндии-де им было кормно». Кмичич предъявил королю претензии о жаловании и даже грозился в связи с этим перейти с войском на службу к московскому царю<sup>82</sup>. Дивизия «левого крыла» («жмудская») во главе с М. Пацем не спешила под команду П. Сапеги из-за недоверия к гетману и стремления «регистраторя» укрепить личное положение в Курляндии<sup>83</sup>. Росло дезертирство, а в коронных землях распространялись панические слухи о походе Хованского на Варшаву и Пруссию и даже пленении С. Чарнецкого<sup>84</sup>.

Тем временем Хованский попытался наладить отношения со шляхтой завоеванных земель. Присягнувшие царю шляхтичи получали охранную грамоту и «залогу» – солдата или стрельца – для охраны своего имения<sup>85</sup>. Зная о конфедерации литовского войска, боярин согласился с предложением кн. Ф. Горского, воеводича Мстиславского, начать вербовку в отряд последнего хорунги шляхетские и 500 драгун – в надежде переманить туда литовцев щедрым царским жалованием<sup>86</sup>. По словам Б. Маскевича, оказавшегося среди новых «присяжных», Хованский не слушал наветов об их измененных замыслах – в чем, кстати, больше всего старалась «шляхта русская» во главе с полковником Слонским (т.е., полоцкая). Однако, возможность недовольным чем-либо уйти в одну из королевских крепостей привела к новым изменам, после чего «крикнула вся Москва: “От, изменники все, всех вырубить надо!”», – и, по словам Маскевича, «приказано уже все дворы, кроме самого Новогрудка, грабить и жечь. И так было»<sup>87</sup>. В апреле отряд из под Ляховичей в «несколько десятков коней» пробрался даже к с. Выгонощи под Пинском, разведав туда переправы через болота<sup>88</sup>.

Попытки активизировать военные действия литовцев получили действенную поддержку местной шляхты. Так, в ночь на 19 апреля полк Сесицкого при помощи шляхты и мещан ворвался в «большой город» в Вильно – правда, был довольно легко отброшен гарнизоном<sup>89</sup>. Волонтеры – «черкасы» Русецкого тогда же осадили брестский замок,

<sup>82</sup> *Codello A. Konfederacja wojskowa na Litwie w l. 1659–1663.* S. 26; АМГ. Т. 3. С. 85.

<sup>83</sup> *Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660.* S. 360; *Саганович Г. Невидомая война 1654–1667.* С. 89.

<sup>84</sup> *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655.* S. 420.

<sup>85</sup> *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII).* S. 286–288.

<sup>86</sup> АМГ. Т. 3. С. 58.

<sup>87</sup> *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII).* S. 289, 301.

<sup>88</sup> Акты, изданные Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 34. С. 145–146.

<sup>89</sup> АМГ. Т. 3. С. 80–82.

но понесли большие потери при попытке подкопа<sup>90</sup>. Дивизия Чарнецкого продвинулась за Буг, и ее «подъезд» 30 апреля без особого труда разбил во Мстибове отряд литовской шляхты, набранный кн. Ф. Горским – несомненно, из-за его низкого морального состояния<sup>91</sup>.

Конечно, все это не могло не волновать Хованского, что выражалось не только в отправке карательных отрядов. В своих отписках он постоянно подчеркивал опасность, передавал сведения о мире со Швецией, подготовке похода на его полк и ложности намерений польских комиссаров на переговорах: им-де «только б промысл учинить и города свои отобрать»<sup>92</sup>. Поэтому боярин и спешил покончить с Ляховичами. Вскоре к нему прибыли три приказа московских стрельцов (по-видимому, 1,5–2 тыс. человек), что являлось большой честью для воеводы. Через несколько дней, 15 мая, был предпринят новый приступ.

Какое ему придавалось значение, видно из того, что теперь в штурме приняли участие даже дворяне отборных сотен. Полк В. Кунингама перед отправкой обратно в Вильно также был брошен в бой вместе с присланными ему на смену московскими стрельцами, которых, кстати, использовать так царь строго запретил. Несмотря на все это, приступ был отбит с тяжелейшими потерями: если после первого штурма в Москву за жалованьем за раны отправился 31 человек, то сейчас – 54<sup>93</sup>, т.е. всего были убиты и ранены несколько сот человек.

Между тем, к весне 1660 г. значение полка Хованского сильно возросло. Теперь ему отводилась роль главного войска на западном направлении, для комплектования которого ресурсов одного Новгородского разряда было явно недостаточно. Уже при известии о взятии Бреста Хованскому направили московских стрельцов. В ответ на просьбу о подкреплении (от 17 марта) из гарнизонов Смоленска, Витебска, Могилева и Старого Быхова был сформирован отряд умелого, но незнанного воеводы С. А. Змеева в составе «шквандроны» (половина полка) смоленских рейтар, витебской, могилевской и кричевской шляхты, полочинских «грунтовых» и донских казаков, а также опытных, созданных еще в 1653 г., полка солдат Я. Треля и «шквандроны» (шесть рот) из «генеральского полка» А. И. Лесли во главе с его сыном Робертом<sup>94</sup> – в общей сложности 2400 человек, имевших наградные золотые за взятие Старого Быхова 6 декабря 1659 г.<sup>95</sup>. Змеев прибыл к Ляховичам 27 мая, успешно отбив под Слуцком нападение отрядов

<sup>90</sup> АМГ. Т. 3. С. 84–85; *Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 238, 239.*

<sup>91</sup> *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 420; Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 242; РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 5.*

<sup>92</sup> АМГ. Т. 3. С. 81.

<sup>93</sup> РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 16об.–37об.

<sup>94</sup> АМГ. Т. 3. С. 68–69, 128.

<sup>95</sup> РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 35.

С. Оскерки «со товарищи» и захватив в плен более 30 гусар. Уже через день он приступил к осаде соседнего Несвижа<sup>96</sup>.

Еще один воеводский полк стал создаваться 23 мая, когда государеву грамоту о назначении в «сходные воеводы» к И. А. Хованскому, а также наказ и списки ратных людей получил брат боярина – князь Семен Хованский. На усиление его отряда по указу от 8 июня направлялось два полка солдат (2 тыс. человек) Днепром из Киева, а в Борисове дожидались приказ московских стрельцов и «добрые и полные» дворяне московских чинов (250 человек и даточные) из охраны послов<sup>97</sup>. Наконец, тогда же «в сход» к Хованскому были направлены Нежинский и Черниговский полки украинских казаков В. Золотаренко<sup>98</sup>. В целом к концу июня войско боярина должно было увеличиться до 30–40 тыс. человек.

Для его обеспечения была заранее организована поставка продовольствия (хлеб и крупа) и боеприпасов. Воеводы Полоцка и Борисова отправили первые значительные обозы 17 и 26 мая соответственно<sup>99</sup>. А 23 июня достигла Смоленска посланная из Москвы для осады Ляховичей «верховая пушка» (мортира) с гранатами<sup>100</sup>.

Замысел командования раскрывается в статьях и «Тайном наказе», данных стольнику В. Кикину 22 июня 1660 г. Здесь уже подразумевалось прекращение переговоров в Борисове и после провожания польских послов восвояси указывалось «итить в войну на их польские обозы... и до Аршавы». Базами назначались Брест и Гродно, сроки похода – с июля по 8 сентября: в знак особой милости конникам Новгородского разряда было обещано отпустить их домой «летним путем по траве». Особые статьи предназначались дворянам и детям боярским, в том числе обещался сыск беглых крестьян, невзимание новых даточных, защита их семей от притеснений; развеивались слухи о новом походе шведов; при нахождении в Польше указывалось «женска полу, також и младенцов и мужиков, которые битца не учнут... раздавать в полон ратным людям и гнать их в Московское государство со всеми их животы, и скотом, и хлебом, чтоб им в дороге не помереть голодом».

В отношении конкретного плана действий И. А. Хованскому давалась полная свобода действий («смотря по тамошнему делу») и большая власть, в том числе распоряжаться «мастностями изменников». По осени, после отхода, намечалось оставить гарнизоны лишь в Бресте и Гродно<sup>101</sup>. Целью этого похода было буквально поставить Речь Посполитую на колени и продиктовать ей унизительный мир: условия

<sup>96</sup> АМГ. Т. 3. С. 69, 95.

<sup>97</sup> Там же. С. 82, 100; РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. №. 102. Л. 20–22.

<sup>98</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Л. 59.

<sup>99</sup> АМГ. Т. 3. С. 67, 78.

<sup>100</sup> Там же. С. 103–104.

<sup>101</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 27. № 166. Л. 58–76.

мирного договора в «Тайном наказе», который Хованский должен был «вскрыть, когда польские и литовские люди учнут говорить о мире», можно было обсуждать только при таком развитии событий<sup>102</sup>.

Между тем, план кампании разрабатывался и противной стороной. На прошедшем 24–30 мая (н. ст.) в Варшаве военном совете так и не удалось согласовать направление главного удара, но поход на выручку Ляховичей твердо решено было начать уже 12 июня (н. ст.) соединением войск П. Сапеги и С. Чарнецкого<sup>103</sup>. Решения польских военачальников говорят о том, что они спешили сразиться, пока к Хованскому не подошли новые подкрепления. Кстати, сенатор Я. А. Храповицкий в начале их похода писал, что боярин примет бой, потому что ему необходимо оправдаться за неудачи под Ляховичами<sup>104</sup>.

Костяк войска Чарнецкого составляли хорунги «коронного» Королевского полка, находившиеся под личной опекой и в распоряжении короля и прошедшие трудный боевой путь в беспрестанных войнах. Перед походом в Данию, в 1658 г., под начало «воеводы русского» была поставлена уже целая «дивизия» из нескольких полков – 5 тыс. человек отборной конницы и драгун, а сам Чарнецкий был сделан «как бы третьим гетманом» – с титулом «генерала войск Его Королевского Величества»<sup>105</sup>. Этот «гетман» был лоялен королю, что отражалось и на обеспеченности дивизии. В ней поддерживалась строжайшая дисциплина, и даже внешним видом – более европейской (после Дании) одеждой – она выделялась из массы польских войск. Но, конечно, главным являлось тактическое мастерство, основанное на традициях «лисовчиков» и за пять лет войны достигшее совершенства. Обманные отступления, засады, глубокие обходные маневры – все это успешно осуществлялось Чарнецким в десятках боев против шведской армии, хорошо обученной по канонам линейной тактики и превосходившей поляков в слаженности движений и силе огня<sup>106</sup>. Летом 1660 г. дивизия включала в себя более 4 тыс. человек, в т.ч. гусар Короля и Чарнецкого (350 человек) и пять отрядов драгун (1300 человек)<sup>107</sup>.

Литовские войска, напротив, не обладали столь же высокими боевыми и моральными качествами: они не раз бежали при одном появлении Хованского, а местное население говорило, что «пана Чарнецкого жолнеры – ангелы, а литва – дьяволы».

<sup>102</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 27. № 166. Л. 245–267.

<sup>103</sup> Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 420–422.

<sup>104</sup> Chrapowicki J. A. Diariusz. Cz. I. S. 549.

<sup>105</sup> Nagieński M. Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i komputowej za ostatniego Wazy (1648–1668). S. 61–62; Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. S. 118.

<sup>106</sup> Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. S. 338–345.

<sup>107</sup> Majewski W. Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Szwedzkiej 1655–60. S. 127.

Гетман П. Сапега не спешил выступать и в итоге опоздал на десять дней. По словам Пасека, Чарнецкий в сердцах пообещал гетману выступить для спасения Литвы один, не дожидаясь его, что и заставило литовцев, наконец, двинуться<sup>108</sup>. Численность своего войска гетман оценивал в 8 тыс. человек, в составе которых находились гусары короля и Сапеги и до 3 тыс. драгунской пехоты. В общей сложности силы противников Хованского оцениваются в 6–8 тыс. конницы, 3–4 тыс. драгун, семь или девять орудий<sup>109</sup>.

Какими силами располагал московский воевода? Обеспокоенный волнениями в Литве, он в течение мая–июня посыпал карательные отряды в присягнувшие поветы. Так, накануне битвы при Полонке до 400 рейтар разных полков отправились под Вильну, где полковник Сесицкий вновь «перенял» дороги. Сразившись с литовцами 10 июня, они повернули в Глубокое для сопровождения обоза из Полоцка под Ляховичи<sup>110</sup>. Другой отряд, возможно, сотня новгородских казаков, еще 16 июня сопровождал обратно через Минский повет стольника И. Кондырева<sup>111</sup>.

Отправка в тыл добычи и полона также отвлекала значительные силы. Так, в феврале с полковником Обуховичем в обход Вильны через Глубокое было отправлено 90 рейтар, а всего только в полк М. Реца к 18 июня еще не вернулось из провожавших «вязней» 160 человек<sup>112</sup>. Дисциплина ослабла, и многие шляхтичи, а также рейтары самовольно уезжали из полка<sup>113</sup>. В итоге, из начавшей поход конницы у Хованского оставалось всего 700 дворян и 350 казаков в сотнях, 1600 – в трех неполных полках рейтар и до 1100 человек полоцкой шляхты<sup>114</sup>.

Еще более плачевной ситуация выглядела в пехоте, которая за время похода сократилась вдвое. Правда, среди ее начального состава потери, несмотря на ряд неудач, были невелики. К середине июня в драгунском полку оставалось 29 начальных людей и 219 рядовых, в трех солдатских – соответственно 75 и 1143. Все четыре приказа городовых стрельцов после потерь и командировок в различные гарнизоны со-

<sup>108</sup> Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska. S. 64, 104.

<sup>109</sup> Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 423; ср. русские данные об этом войске: АМГ. Т. 3. С. 123–124, 166, 187–188.

<sup>110</sup> Pamietniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII). S. 301; АМГ. Т. 3. С. 67, 139.

<sup>111</sup> Акты, изданные Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 34. С. 152–153; АМГ. Т. 3. С. 118.

<sup>112</sup> АМГ. Т. 3. С. 118; Pamietniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku. S. 68.

<sup>113</sup> РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 245об.–258об.; Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 280.

<sup>114</sup> Подсчитано автором по: АМГ. Т. 3. С. 117–119; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 215–263об.

ставляли, по нашим расчетам, не более 600 человек<sup>115</sup>. В целом, с учетом московских стрельцов и полка С. А. Змеева, под Ляховичами и Несвижем Хованский имел не более 4,8 тыс. конницы и 5,4 тыс. пехоты.

Итак, по численности и качеству русские явно уступали в главном, в то время господствовавшем на полях Восточной Европы роде войск – коннице. То, что отличало рейтар западных армий – твердая дисциплина и слаженность действий, еще не вполне было усвоено новгородцами, ведь приемы западной муштры не всегда годились для покрытых шрамами гордых детей боярских и казаков. Хорошо обученная и опытная пехота могла компенсировать указанный недостаток, но лишь при достаточно грамотном тактическом руководстве. Между тем, в 1654–1660 гг. боевые действия чаще всего носили характер так называемой малой войны – отдельных мелких стычек. Так, кн. И. А. Хованский уже пятый год был полковым воеводой, но участвовал лишь в двух крупных битвах: в ночном бою под Гдовом, где разбил шведов М. Делагарди (1657), и при Мядзелах (1659) против литовцев. Показав себя за это время мастером традиционного для Восточной Европы военного искусства – с его ночными атаками и маршами, глубокими обходами и обманными движениями, он с трудом адаптировался к новой, линейной тактике. При Гдове он доверил руководство боем эскадронов рейтар и солдат опытным офицерам и младшим воеводам, а при Мядзелах вообще оставил их в тылу<sup>116</sup>. Поход 1659–1660 (7168) г. стал первым, в котором уже новгородская конница начала осваивать «рейтарский строй», и это не могло не осложнить для князя руководства ею в бою. Сравнение его действий при Полонке и под Гдовом<sup>117</sup> показывает, что они оказались довольно шаблонными.

Битва при Полонке обеспечена обширным корпусом источников сочинений с польской стороны. Ее описание занимает видное место в мемуарах Б. К. Маскевича<sup>118</sup>, М. Форбек-Леттова<sup>119</sup>, Лося<sup>120</sup> и дневнике Я. А. Храповицкого<sup>121</sup>; она является, пожалуй, наиболее ярким эпизодом знаменитых записок Я. Х. Пасека<sup>122</sup>. Добротные очерки содержатся в работах А. Валевского<sup>123</sup> и Л. Кубали<sup>124</sup>; исчерпывающая характеристика польских источников – в книге А. Керстена<sup>125</sup>; обстоятельный во-

<sup>115</sup> АМГ. Т. 3. С. С. 117–119.

<sup>116</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №. 488. Л. 27.

<sup>117</sup> Сборник МАМЮ. Т. 6. С. 340–343.

<sup>118</sup> *Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII)*. Wrocław, 1961. S. 302, 303.

<sup>119</sup> *Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci*. S. 291.

<sup>120</sup> *Pamiętniki Łosia towarzysza chorągwii pancernej...* Krakow, 1858. S. 50–55.

<sup>121</sup> *Chrapowicki J. A. Diariusz*. Cz. 1. S. 249–251.

<sup>122</sup> *Pasek J. Ch. Pamiętniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska*. S. 94–101.

<sup>123</sup> *Walewskij A. Historia wyzwolonej Rzeczypospolitej...* T. II. S. 155–156.

<sup>124</sup> *Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660*. S. 363–366.

<sup>125</sup> *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655*. S. 423.

енно-исторический разбор, снабженный схемой, – в польской военной энциклопедии<sup>126</sup>. Вместе с тем слабой стороной всех указанных очерков является опора исключительно на польские источники и полное отсутствие данных противной стороны. Показательно, что сведения единственного доселе известного русского описания битвы из письма Алексея Михайловича к А. Матюшкину<sup>127</sup>, обычно с ходу отвергаются ими как недостоверные. Ввиду этого целесообразно привести здесь краткий очерк боя, снабженный новыми сведениями русских документов.

Соединение войск Сапеги и Чарнецкого произошло 13–14 (23–24) июня 1660 г. по дороге к Слониму. Литовские «подъезды» 15 июня атаковали русских в окрестностях города, взяв в плен голову дворянской сотни; на следующий день коронные хорунги Поляновского разбили в самом городе части отряда, возвращавшегося из-за Немана: погибли два ротмистра, ранен сотенный голова, в плен попали 18 человек<sup>128</sup>. Застав врасплох русские отряды, полякам удалось достичь важного морального преимущества.

Однако Хованский не собирался уступать инициативу. Уже 16 июня С. А. Змеев, узнав о происходящем, «все возы отправил за Неман, а сам, запалив лагерь под Несвижем... со всеми своими силами двинулся под Ляховичи на помощь Хованскому» и соединился с ним на следующий день<sup>129</sup>. Тем временем сам боярин послал на разведку к Слониму Подъезжую сотню Ульяна Нащокина, усиленную рейтарами, и стал готовиться к выступлению. Главе прибывшего в Борисов посольства ближнему боярину кн. Н. И. Одоевскому он послал записку следующего содержания: «Князь Никита Иванович! Бога ради берегитесь: идут на вас люди из Жмуди, а на нас уже пришли Чарнецкий с товарищами; посольству у вас никак не статья, обманывают; не покручинься, что коротко написал; и много было писать, да некогда, пошел против неприятеля. Ивашка Хованской челом бьет. Бога ради, берегитесь!»<sup>130</sup>

Итак, несмотря на недостаток сил, и мысли об отступлении не возникло. Трактовка этого как «беспутной дерзости» воеводы – фраза, брошенная в сердцах царем, – в свете приведенных выше фактов представляется неудовлетворительной<sup>131</sup>. И дело не только в том, что под Ляхов-

<sup>126</sup> Encyklopedia Wojskowa / Red. O. Łaskowskij. Warszawa, 1937. T. VI. S. 665–668.

<sup>127</sup> Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути. М., 1856. С. 64–67]; (подробнее: Kurbatow O. A. Połonka 1660 – spojrzeniże z Moskwy. S. 27–36).

<sup>128</sup> РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 38–39 об.; АМГ. Т. 3. С. 117–119; Chrąpowicki J. A. Diariusz. Cz. 1. S. 249; Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 423; Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660. S. 362.

<sup>129</sup> Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. S. 290–291.

<sup>130</sup> Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 81.

<sup>131</sup> Kurbatow O. A. Połonka 1660 – spojrzeniże z Moskwy. S. 27–36.

вичами были уже сосредоточены крупные запасы продовольствия для разворачивающейся крупной армии: буквально накануне битвы боярин получил на этот счет недвусмысленный приказ царя. Стольник И. Кондырев, выехавший в Литву 25 мая, в ответ на тревожные сообщения воеводы от конца апреля должен был «говорить боярину... о промысле над польскими и литовскими людьми, чтоб им не дать собратца». А при подходе неприятеля «будет Ляхович не на дороге, и отступить мочно, а будет отступить нельзя, что стоит на пути, и он бы разделился, и, оставя осаду, итить и за Божьею помощью над неприятелем одноконечно промышлять, чтоб неприятеля не дождатца також, что и под Конотопом: все извязли под городом»<sup>132</sup>. Так что Хованскому оставалось только рассчитывать на обычную внезапность и стремительность действий: неожиданно напасть на противника на марше и посеять панику. Низкий моральный дух литовцев увеличивал вероятность успеха.

Дождавшись Змеева, боярин в тот же день, 17 июня, выступил в поход. Для скорости движения по плохой дороге он, по своему обычанию, не взял обоз; а для поддержания осады оставил некомплектную новгородскую пехоту<sup>133</sup>. Тем временем, отряд Нашокина по дороге к Слониму, возле местечка Полонка, столкнулся с авангардом литовцев под командой С. Кмичича (13 хорунг). Сперва русские, как «привыкшие побеждать», одержали верх, но к вечеру, с подходом новых сил поляков, были опрокинуты и отступили к д. Мыши (30 км северо-западнее Ляховичей), куда к тому времени поспели основные силы<sup>134</sup>. Хованский, узнав о неудаче авангарда, не стал задерживаться на ночлег и тотчас поспешил к Полонке – на празднующего успех неприятеля. У него было около 4,5 тыс. конницы и до 4 тыс. пехоты.

Однако Сапега и Чарнецкий, принявшие поначалу отряд Нашокина за главные силы, уже поспешили соединить свои дивизии поздним вечером 17 июня. На восходе солнца (около 5 утра), соблюдая полную тишину, их войско построилось в боевой порядок в полумиле западнее Полонки. По обычанию, на правом крыле стали коронные, на левом – литовские части. Ксендзы и все воины пропели молитвы, и полки, видимо, в колоннах, двинулись на восток. За местечком дорога поднималась в гору, затем по длинной плотине шла через болотистую речку Полонку и снова поднималась на другой берег. По обе ее стороны лежала топкая местность, на юге находилась возвышенность с фольварком, на севере – редкий лесок.

<sup>132</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 88–95.

<sup>133</sup> РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 63–64об.; *Chrapowicki J. A. Dariusz. Cz. 1. S. 302; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. S. 291.*

<sup>134</sup> *Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660. S. 362; Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Gosławic Paska. S. 92–93; Encyklopedia Wojskowa. T. VI. S. 665–666*

В утреннем тумане при переходе плотины польский авангард внезапно столкнулся с полками белорусской шляхты Хованского. Вначале «присяжные» потеряли пленным полковника Ф. Слонского, но затем смогли одолеть поляков и овладеть переправой. Однако быстрая и грамотная реакция Чарнецкого, фактически взявшего на себя общее командование, исправила положение. Запалив дома Полонки и скрыв за дымом и пригорком подходившие главные силы, он приказал передовым частям притворно отступать. Вид спешно уходящих войск и повозок окончательно уверил Хованского в бегстве неприятеля, таком привычном за последние годы. Он спешно направил солдат Змеева закрепиться за плотиной, подходящие войска стал разворачивать по берегу, а сам с отборными частями встал на правом крыле. Было 8 часов 15 минут.

Змеев перешел речку и начал наступать дальше «с плотной стрельбой». В этот момент Чарнецкий нанес контрудар: его драгуны с двумя пушками открыли огонь сбоку из засады, а затем коронные гусары атаковали с палашами (видимо, приберегал копья для последнего натиска). Это было столь неожиданно, что солдаты «не успели и отыкаться»<sup>135</sup>, т.е. соорудить заграждение из полупик, и были опрокинуты и отброшены за речку, а Змеев получил тяжелые раны.

Далее сражение развивалось столь же стремительно и драматично, как и завязалось. Уяснив расположение противника, Чарнецкий послал в обход с юга «коронный» полк опытного в этом деле Г. Войниловича, а Хованский решил сломить морально слабейшее литовское крыло севернее, где оно во главе с Сапегой и Полубенским с трудом преодолевало топь. Здесь, по словам Сапеги, «когда мы уже в огне стали, конница нас с тылу обошла, от этого испытали мы большие трудности... ибо нас уже было окружили»<sup>136</sup>; вожди литовской дивизии едва спаслись. Но разить успех Хованскому не удалось.

В это время конница Войниловича сумела охватить его левое крыло и выйти с тыла на дорогу к Ляховичам, а отборный драгунский полк Чарнецкого под убийственным огнем овладел плотиной и, при поддержке конницы русскими пушками. Увидев знамена Войниловича в русском тылу, Чарнецкий послал «горячую просьбу» к Сапеге об общей атаке, а сам нанес решающий удар всеми гусарами. Ряд последовательных неудач и ужасающая атака «крылатых гусар» сломили моральный дух русской конницы. Большая ее часть обратилась в бегство, а многие «присяжные» шляхтичи со своей челядью стали добровольно переходить к неприятелю<sup>137</sup>. Вся описанная выше схватка продолжалась всего около получаса.

<sup>135</sup> Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложений сокольничья пути. С. 64.

<sup>136</sup> Цит по: Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660. S. 365.

<sup>137</sup> АМГ. Т. 3. С. 124.

Только лучшие дворяне – «дородные и знатные люди» – продолжали рубиться насмерть вокруг своих знамен, несмотря на всю безнадежность положения. Почти все сотенные головы, командиры двух полков и «шквандроны» и десятки офицеров, рейтар погибли или, израненные, попали в плен; 31 человек из знаменщиков и завоеводчиков сложили свои головы при защите государева знамени<sup>138</sup>. Повальное бегство не затронуло и русскую пехоту. Сохраняя порядок и отбиваясь залпами, она отступила «на полмили» к березовой роще на взгорке, где соорудила засеку и заняла оборону. Все атаки польской конницы оказались тщетны. Лишь после того, как подтянули артиллерию, и орудия дали два перекрестных залпа, пехота начала выходить из засеки с намерением капитулировать. Однако Чарнецкий приказал не давать пощады. Обреченные ратники жестоко отбивались бердышами, убив и покалечив много людей и коней, но были изрублены.

Здесь, однако, возникает ряд противоречий в польских и русских источниках. Во-первых, пехоты все-таки пленили немало: известно, что после боя пленных «солдат и стрельцов Сапега и полковники раздали по своим полкам»<sup>139</sup>, т.е. пополнили ими свою пехоту и челянь. Более того, 800 стрельцов и 400 солдат, т.е. треть пеших ратников, смогли отойти в целости к Полоцку. Смоленские рейтары в их рядах «бились, не щадя голов своих, и пехоту с собой отводили, и знамена с бою свезли, и пришли... с бою в Полоцк разными дорогами»<sup>140</sup>. Наконец, сам Хованский, как следует из челобитной ратных людей (и вопреки утверждениям польских источников), сумел «отводом» отступить с поля боя к своему обозу под Ляховичи. Здесь он поспешно забрал новгородскую пехоту и продолжил отход к Полоцку. И вовремя: «и как мы... пошли из обозу... и того ж часу литовские люди пришли прямо в обоз и в обозе... людишок наших достолных всех побили и животишко наши и лошади все поймали без остатку»<sup>141</sup>.

По максимуму, русские потери можно оценить в 1 тыс. конных и 2,5 тыс. пеших, в том числе более 1 тыс. убитых, похороненных после битвы<sup>142</sup>. Многие просто разбежались: так, С. Змеев писал через месяц, что у него побито солдат с 1 тыс., «и, чаять, меньши, потому что иные выходят»<sup>143</sup>. Не менее 700 человек попали в плен<sup>144</sup>, в том числе воевода кн. С. Л. Щербатов, стрелецкие головы М. Ознобишин и М. Волков. Кстати, из пленных бежали в «государевы города» не только русские,

<sup>138</sup> АМГ. Т. 3. С. 117–119; РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 87. Л. 40–63.

<sup>139</sup> АМГ. Т. 3. С. 124.

<sup>140</sup> Там же. С. 143–144.

<sup>141</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 86.

<sup>142</sup> Pamiętniki Łosia towarzysza chorągwi pancernej... S. 55.

<sup>143</sup> АМГ. Т. 3. С. 128.

<sup>144</sup> Kubala L. Wojny Duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660. S. 366.

но и многие белорусские шляхтичи и их челядники<sup>145</sup>. В заявлении числе взятых орудий – 60 – усомнился еще А. Валевский, и то, что в дивизии Сапеги было лишь три взятых под Ляховичами пушки<sup>146</sup>, подтверждает сомнения. Количество отбитых знамен – 120 – тоже сильно преувеличено. Поляки, по собственным показаниям, потеряли свыше 300 человек убитыми и «огромное количество» ранеными<sup>147</sup>, при этом их потери приходятся преимущественно на кавалерию. Правда, убыль эта была восполнена перебежчиками и пленными. Кроме того, в их руки попала огромная добыча: полковая медная и серебряная казна, медные пушки, тысячи голов скота, продовольствие и боеприпасы.

Но главное, полностью провалились планы русского командования по наступлению на Варшаву. Уходивший отряд Хованского на р. Вилии был встречен новгородскими рейтарами, сопровождавшими полоцкий обоз, который повернулся назад при известии о поражении<sup>148</sup>. После этого боярин через Долгинов, Докшицы и Глубокое прибыл 26 июня в Полоцк. По пути в боях и, главное, в атмосфере паники была потеряна почти вся новгородская пехота: в Полоцке не досчитались 797 солдат (осталось 346) и почти всех драгун (осталось 11 человек). На смотре 1 июля объявились только 2333 конных и 1144 пеших ратных людей Новгородского разряда, 135 конных и 400 пеших С. А. Змеева, не считая полоцкой шляхты (до 700 человек)<sup>149</sup>. Конечно, с такими остатками полков, да еще и деморализованными, нечего было и думать о новом походе. Полковник А. Силин со своим Черниговским, частью Нежинского полков и «охотниками», шедший «в сход» к С. Змееву, был застигнут известием о битве в Бобруйске и отступил к Нежину<sup>150</sup>. Наконец, отряд кн. С. А. Хованского так и не был собран и более не упоминается в источниках. Единственное, послам, предупрежденным об опасности, удалось вовремя ускакать из Борисова в Смоленск<sup>151</sup>.

Поражение повлекло за собой окончательное отпадение западной половины ВКЛ от царской власти: небольшие гарнизоны Новогрудка и некоторых других городов капитулировали сразу, а Брест, Гродно и Вильно – после одно–двулетнего сопротивления<sup>152</sup>. Правда, продвижение польско-литовской армии остановилось под Борисовом, взять который ввиду полного отсутствия осадных средств ей не удалось.

<sup>145</sup> РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 245; Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 432. Л. 295, 307.

<sup>146</sup> АМГ. Т. 3. С. 124; *Walewskij A. Historia wyzwolonej Rzeczypospolitej...* S. 156.

<sup>147</sup> *Encyklopedia Wojskowa*. Т. VI. S. 667.

<sup>148</sup> АМГ. Т. 3. С. 139.

<sup>149</sup> Там же. С. 117–119, 128; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 Новгород. № 64. Л. 215–263об.

<sup>150</sup> АМГ. Т. 3. С. 114–115, 134.

<sup>151</sup> Там же. С. 104.

<sup>152</sup> Там же. С. 349; *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655*. S. 352.

Осенью же спешно созданный полк кн. Ю. А. Долгорукова остановит дальнейшее продвижение неприятеля на восток.

И все же Литовский поход 1668 г. кн. И. А. Хованского нельзя назвать бесплодным. Страшная память о нем заставляла литовцев уделять его полку самое пристальное внимание, подчас несоразмерное с реально исходящей от него угрозой, и почти забыть смоленское направление. Как говорили сами «языки»: «А на государевых ратных людей, которые в Полоцке, идут для того промысл чинить, что они им грубны, воевали в их земле 2 года и поветы разоряли»<sup>153</sup>. Постоянное чрезмерное восхваление побед над Хованским всеми, сколько-нибудь причастными к ним мемуаристами показывает значение в их глазах этой личности и полка Новгородского разряда – полка, по объективным причинам одного из самых слабых и ненадежных в русской армии. События 1660 г. положили начало нескольким историографическим традициям в трактовке личности и исторической роли князя Ивана Андреевича Хованского – феномену, достойному отдельного исследования не меньше, чем история самого похода или полководческая деятельность воеводы.

---

<sup>153</sup> АМГ. Т. 3. С. 222.

## Приложение 4

## МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ РУССКОЙ КОННИЦЫ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Данная работа имеет целью рассмотреть некоторые аспекты преобразований русского войска, активно проводившихся в середине XVII столетия, связанные, прежде всего, с освоением так называемой линейной тактики. Сам по себе факт применения полками царя Алексея Михайловича этой новой формы боя не вызывает сомнений: на это ясно указывают свидетельства отечественных и зарубежных источников, это признавалось и рядом исследователей (Н. Н. Обручев, А. В. Чернов, П. П. Епифанов)<sup>1</sup>. Правда, в ходе дискуссии о глубине этих преобразований был выдвинут тезис о том, что данные перемены в тактике, будучи неизбежно связаны с внедрением единообразного вооружения и жесткой дисциплины, тщательным обучением – «муштрай» личного состава, массовой подготовкой офицерских кадров и т.п., не могли прочно укорениться в существовавшем сословном войске – что и потребовало решительной ломки всего старого и создания регулярной армии при Петре Великом. Таким образом, особенным сомнениям в «регулярности» своего вооружения и тактики подверглись наиболее консервативные служилые слои Московской Руси – стрельцы и поместная конница. В ходе изучения истории конницы Новгородского разряда автором был собран материал о боевой практике этих подразделений, а также, что особенно важно в связи с направлением «круглого стола» по военной антропологии, о взаимовлиянии новых форм боя и традиций служилого сословия. Изменения в психологии ратных людей – это показатель глубины произошедших военных реформ и перехода на новую тактику.

В XVI – первой половине XVII в. русская конница при всей своей сложной иерархии московских и городовых чинов, татарских, иноzemских и казачьих служилых отрядов, не делится на какие-либо подразделения по виду вооружения и способу боя. Снаряжение всадника зависело от его собственного состояния, включая в себя, в различных случайных сочетаниях, сабли, саадаки, пистолеты, «завесные пищали» или карабины, иногда легкие копья<sup>2</sup>. Лучше обеспеченных дво-

<sup>1</sup> Обручев Н. Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год. СПб., 1853. С. 102; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.; Епифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». С. 77–98.

<sup>2</sup> Легкие копья типа рогатины польско-литовской национальной (не гусарской) конницы, длиной в 2,5 м (*Brzezinski R. Polish Armies 1569–1696*. L., 1987. Vol. 1. P. 23, 35, 43).

рян и детей боярских воеводы сводили в отборные сотни – Выборную, Подъезжую или Ертоульную, а также в охрану Государева знамени, отряды «завоеводчиков» и «есаулов» (адъютантов). Однако и этот отбор производился не столько по принципу качества их снаряжения, сколько по знатности, «честности» рода служилого человека. По существовавшему тогда общему убеждению, стойкость, храбрость, удачливость бойца, его моральный уровень вообще были напрямую связаны с «дородством» – знатностью и «честностью» службы государю его и его предков. Из этого, к примеру, следовала показательная характеристика дворян «московских чинов»: «А его Государеву полку: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, – боятся таким обычаем: только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли остры; на которое место ни наедут, никакие полки против них не устоят»<sup>3</sup>. Внутри Новгородского разряда также выделялись свои роды знатных дворян – в первую очередь, княжеские (Мышецкие, Елецкие и Шаховские), – а также Елагины, Нашокины и многие другие. Эти люди первыми являлись на службу и последними покидали ее – как правило, были в полку «до отпуску»; в бою они рубились в первых рядах своих сотен, а при преследовании и взятии обозов им по праву доставались лучшая добыча и полон; при неудаче они отступали последними и, как правило, не покидали поля боя, а съезжались к знамени и воеводе, под прикрытие обоза – «табора» или пехоты.

Корни такого поведения уходят в дружинную древность, но в московский период русской истории оно, добросовестно фиксируясь в полковом и приказном делопроизводстве («смогренных списках», «приездах», «списках раненых», «сказках» о службе, отписках воевод), чисто практически обеспечивало быстрейшее продвижение по службе (повышение в чинах и окладах) не только служилому человеку лично, но и его родственникам – конечно, наряду с протекцией сородичей, воеводы или иных покровителей. Мужественно терпя «полонное сиденье» или раны и даже погибая в безнадежной схватке, дворянин знал, что его подвиг послужит спасению его души, будет отмечен государем и тем повысит «честность» его рода. Наоборот, уклонение от службы могло «обесчестить» и его, и весь род: новгородец Я. А. Меницкий в 1662 г. донес на своего юного двоюродного брата, что тот обманом уклоняется от службы; просьбу выслать его в Новгород он заканчивает словами: «Чтоб, государь, ему, Василью, не быть вечным неслугою, и нам, холопем твоим, не быть в нем, брате нашем, в вечном позоре»<sup>4</sup> – поистине, «береги платье снову, а честь смолоду»! Конечно,

<sup>3</sup> Из рассказа посла в Венеции Чемоданова о русском войске в 1657 г. (цит. по: Зотов Р. М. Военная история Российского государства. С. 189).

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбы Новгородского стола, № 126. Л. 105.

определенное значение играли чисто материальные факторы: менее знатные дети боярские обычно не могли хорошо снарядиться на службу, вовремя прибыть на нее или дождаться «отпуску» просто из-за своей бедности – что, конечно, препятствовало переводу в более высокий чин не меньше, чем пресловутая «худородность». Соответственно, и стойкость их даже во время боя была, как правило, не столь велика, как у «лучших людей», что и предопределяло «выбор» последних в более надежные подразделения.

Заканчивая предварительные замечания, необходимо сказать несколько слов о казаках Новгородского разряда – потомках «вольных казаков» Смутного времени, поселенных в уездах Северо-Запада России в ходе их «верстания» 1619 г. Они составляли значительную долю конницы разряда, иногда, вместе с донскими, достигая половины ее состава. Это были служилые люди «по прибору» со своими устоявшимися традициями и спайкой внутри станиц, сложившихся еще в ходе боевых действий. Казаки были равны между собой как по родовому принципу, одинаково отрекшись от сословий предков при вступлении в станицу, так и в материальном плане, неся службу только за государево жалованье. Часть казаков, получивших поместья, отличалась лучшим вооружением и «доброконностью», но они также не смешивали себя со служилыми людьми «по отечеству». Воеводы по-особому строили свои отношения с атаманами и их станицами, при необходимости противопоставляя их своим равнодушным дворянам, доверяя им отдельные «посылки»<sup>5</sup>, особенно разведывательные. Кстати, во время поражения под Валками (08.06.1657), если из служилых «по отечеству» знатнейшие все же собирались в «обозе» при воеводе<sup>6</sup>, то казаки пробежали мимо «таборов» все поголовно, без различия – городовые или донские.

## I

При изучении тактики русской конницы Московского периода обращает на себя внимание серьезный упор именно на морально-психологическую сторону боя. Уже описанный выше характер вооружения всадника не позволял ни опрокинуть противника при помощи копейного натиска, ни, тем более, физически истребить значительную его часть техническими средствами в ходе боя. Вообще, потери конницы даже в крупных битвах того времени исчислялись считанными десятками и только изредка – сотнями убитых и раненых. Военное искусство русских воевод заключалось прежде всего в воздействии на мораль, на боевой дух вражеского войска, сломе его различными сред-

<sup>5</sup> Посылка: 1) командирование отдельного, обычно мобильного отряда из войск главного полкового воеводы для выполнения локальных боевых задач; 2) название данного отряда.

<sup>6</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 252–253.

ствами, после чего обращенный в бегство неприятель и нес основные потери при преследовании.

Иноземцы, уже в XVI в. привыкшие к рационализированным, геометрически правильным построениям своих рот и батальй, с презрением писали об отсутствии чего-либо подобного у «варваров-московитов»: «Войско идет, или ведут его, без всякого порядка, за исключением того, что четыре полка... находятся каждый у своего знамени, и таким образом все вдруг, смешанною толпою, бросаются вперед по команде генерала... Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производят дикий, страшный шум. В сражении они прежде всего пускают стрелы, потом действуют мечами, размахивая ими хвастливо над головами, прежде нежели доходят до ударов»<sup>7</sup>. Таким образом они описывали один из впечатляющих, но наименее замысловатых тактических приемов – так называемый «первый напуск», проводившийся «главой», зачастую всеми силами конного войска. Кстати, и у поляков в начале века считалось, что «в нынешнем веке... сражения решаются только натиском», так что битвы, шедшие «с переменным счастьем» несколько часов, «почитались за диво»<sup>8</sup>.

Иной знаменитый способ – это неожиданный удар из засады, решивший исход таких битв, как Куликовская (1380), при Ведроши (1500) или под Москвой (25.08.1612, первый бой с Ходкевичем). Засада оказывала прежде всего моральное воздействие на противника: появление крупного свежего отряда в тылу уже втянувшихся в схватку вражеских подразделений вызывало панику среди них, всадники прекращали организованное наступление и искали спасения в бегстве. В ходе «малой», маневренной войны применялись и иные, похожие на засаду приемы – нападение ночью или на марше на неготового к бою врага. К примеру, зимой 1654–1655 гг. Матвей Шереметьев всего с 7 «сотнями» Новгородского полка сорвал контрудар полковника С. Лукомского на Витебск: уверив литовцев в своем намерении дать бой у самого города, он ночью обошел их другой дорогой и внезапно напал с тыла на марше. Численно превосходящий противник был рассеян и загнан на лед Западной Двины, где многие утонули; весь обоз и множество пленных достались победителям<sup>9</sup>. Подобный замысел очень часто приносил успех русским и иным полководцам Восточной Европы (вторая битва под Тверью (10.07.1610), бой под Орлом (20.08.1615), бой между Гдовом и Сыренском (15.09.1657), ряд боев кн. И. А. Хованского в Лит-

<sup>7</sup> Флетчер [Дж.] О государстве русском. СПб., 1906. С. 68, 69.

<sup>8</sup> Маркоцкий Н. История московской войны. М., 2000. С. 190.

<sup>9</sup> Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 4. С. 135–138.

ве (1659–1661); у поляков – действия А. Лисовского и С. Чарнецкого). Наконец, для достижения эффекта внезапности нередко использовались ложные переговоры, которые обычно сопровождались противостоянием целых армий, поддерживавших требования послов силой оружия. Особенно удачно этот прием умел применять кн. Ю. А. Долгоруков: под Вильной, захватив в плен гетмана А. Гонсевского (1658), и перед боем на р. Басе (1660). В свою очередь, Новгородский полк сильно пострадал от подобной уловки литовцев в 1655 г. под Брестом.

В том походе боярин кн. С. А. Урусов «приводил к кресту» шляхту юго-западных поветов в. кн. Литовского и держал путь на Брест, где Ф. М. Ртищев добился от гетмана П. Сапеги предварительного согласия на подданство царю. Новгородцы выступили из-под Вильны в надежде на дополнительное жалование и богатую добычу, однако по дороге на смерть рассорились с воеводою Урусовым, который по своему обычанию слишком жестоко и бесцеремонно относился к дворянам. Это привело к тому, что перед самим Брестом они плохо изготовились к бою и, когда Сапега во время переговоров внезапно атаковал их «на брестком поле», потерпели тяжелое поражение (13.11.1655)<sup>10</sup>.

Данный пример показывает, что, наряду с тактическими приемами воздействия на противника, не менее важным фактором в достижении успеха являлось общее моральное состояние самих ратных людей. И служилые люди «по отечеству», и, в период Смуты, вольные казаки принадлежали к сословиям со своими четко осознанными интересами, которые они защищали, участвуя в государственных делах. Особенно ярко это проявилось в эпоху Смутного времени, когда недовольство непопулярными царями привело к поражениям войск Годуновых и Василия Шуйского. Неудачи под Новгород-Северским (1604), Кромами (1605), Ельцом и Москвой (1606), Болховом (1608) и Клушином (1610) невозможно объяснить какими-либо чисто техническими или тактическими моментами. Не понимая или не принимая целей гражданской войны, не имея уверенности в правильности и успехе избранного пути, а, следовательно – и в своем будущем, помешники не видели смысла в честном несении службы, не готовы были терпеть голод и отдавать жизнь за чуждые интересы и стремились покинуть полки в первом же удобном случае – как правило, при неудачном развитии похода или сражения. Отсюда и поразительная нестойкость дворянских отрядов, напоминавшая о себе десятилетиями после окончания Смуты и воцарения Романовых.

Общее осознание необходимости жертвы во имя спасения православия и государства, своей чести или из-за других, может быть, не столь высоких причин, могло поразительно укрепить стойкость и мужество этих воинов: достаточно вспомнить примеры из истории зем-

<sup>10</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 252–253.

ских ополчений 1611–1612 гг. Каким образом обращение к подобным чувствам ратных людей влияло на ход сражения, показывает еще более ранний пример из истории борьбы с Болотниковым. В бою на реке Возьме (05.07.1607) «начаша воры московских людей осиливати. Московские же люди, видя такую над собою победу от врагов, все воззопиша единогласно, что померети всем до единого. Бояре же и воеводы: князь Андрей, князь Борис<sup>11</sup>, езда по полком, возопише ратным людем со слезами: «Где суть нам бежати? Лучче нам здесь померети друг за друга единодушно всем». Ратные же люди все единогласно воззопияху: «Подобает вам начинати, а нам помирати». Бояре же, призвав Бога, отложиша все житие свое, наступили на них злодеев со всеми ратными людми, многую храбрость показаху предо всеми ратными людми. По милости же Всесвятого Бога тех воровских людей побиша наголову...»<sup>12</sup>

Отметим здесь необычную для нас роль бояр-воевод, возглавивших атаку конницы. В таких случаях образцом поведения должны были служить, среди прочего, известные по популярным повестям и сказаниям поступки легендарных князей-полководцев, в частности, Дмитрия Донского перед Задонщиной или Довмонта Псковского<sup>13</sup>. Новгородские полковые воеводы и в середине XVII в. следовали их примеру. Так, когда под Валками конница Псковского полка обратилась в бегство, старший воевода Матвей Шереметев «остался в отводе и сорвал немецких людей. Да навстречу иные пришли роты, и Матвей напустил и на тех с небольшими людми, да лошадь повалилась, так его и взяли!»<sup>14</sup> После известия об этом второй воевода кн. Т. И. Щербатов «ратным людям говорил же и плакал, чтобы им против немецких людей поворотиться и на них скочить», но «мочи их устоять» уже от малолюдства не было; отойдя к обозу, воевода дважды сходил с лошади, уговаривая бегущих остановиться, и, наконец, сумел организовать отступление «отводом»<sup>15</sup>.

Обычно, судя по стандартным фразам отписок, обращение к ратным людям заключало призыв «помнить страх Божий и Государево крестное целование», «премногую к себе Государскую милость» и «свое дородство». Перед решающей битвой под Брестом (при с. Верховицах 17.11.1655) новгородцы «за Государево крестное целование и за

<sup>11</sup> Князья А. В. Голицын и Б. М. Лыков.

<sup>12</sup> ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. 1-я половина. С. 75.

<sup>13</sup> Древнерусские княжеские жития / Публ. текста, перевод и комм. В. В. Кускова. М., 2001. С. 268–286; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л.: 1985. С. 188–230.

<sup>14</sup> Из письма Алексея Михайловича А. Матюшкину (ДАИ. Т. 3. С. 254, № 71. IX).

<sup>15</sup> Ф. 310. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 245–247; то же подтверждал сотенный голова П. Ф. Нелев (Там же. Л. 187).

свою породу хотели все помереть и с людьми своими...»<sup>16</sup> В той же битве воевода Урусов, не имевший особого авторитета, перед лицом капитуляции и разгрома от вдвое превосходящего противника «велел до бою твое Государево Большое знамя вынести и роспустить. И учили у Всесильного в Троицы Славимаго Бога и у Пречистей Его Богоматери Пресвятей Богородицы и у всех небесных сил помощи просить и молебствовать, и воду велели святить и твоих Государевых ратных людей кропить»<sup>17</sup>. Литовцы стали приближаться к таборам полка со всех сторон. Растворив его в двух местах, новгородцы одним полком (Урусова) обрушились на гетманскую пехоту и близстоящие роты, а другим (второго воеводы кн. Ю. Н. Барятинского) – на гусарскую роту; уничтожив их, они обратили в бегство все войско<sup>18</sup>. Вслед за воеводой Алексеем Михайловичем приписал успех чудесному заступлению архистратига Михаила, чье изображение содержал сюжет полкового Государева знамени и о видении которого над русским лагерем в начале битвы сообщили литовские пленные<sup>19</sup>.

Отношение к Государеву знамени как к главной святыне войска нередко могло привести к мгновенным переломам в стремительном ходе конного боя. Так, в битве на р. Ходынке (25.06.1608) во время преследования конницей Шуйского отрядов Лжедмитрия II «вдруг один донской казак, спешившись, убил из самопала хорунжего в московском войске, да так, что и хоругвь с ним упала. Наши приободрились и ринулись через реку к неприятелю. Московитяне показали нам спины»<sup>20</sup>. Таким образом, настроение всадников менялось в зависимости от ряда факторов, порой самых неожиданных, и талант полководца проявлялся в своеобразной мастерской игре на этих струнах, в искусстве чувствовать нерв войска. Одним из таких воевод был в то время кн. Иван Андреевич Хованский, долгое время возглавлявший полки Новгородского разряда.

Образцом его искусства можно считать январский поход Псковского полка 1659 г., увенчавшийся победой при Мядзелах... К концу 1658 г. крупное соединение литовских войск расположилось на зимние квартиры в окрестностях Мядзел (северо-запад Белоруссии) – в местности, ранее присягнувшей русскому царю. Туда же стали съезжаться шляхтичи Полоцкого и иных воеводств, отозвавшиеся на призыв гетмана Сапеги о Посполитом рушении. На них и двинул свои полки, вернувшись во Псков после заключения Валиесарского перемирия со шведами, стольник кн. Хованский.

<sup>16</sup> ЗОРСА. С. 666.

<sup>17</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162, л. 112 .

<sup>18</sup> Там же. Л. 321.

<sup>19</sup> ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 129 (№ 89).

<sup>20</sup> Мархоцкий Н. История московской войны. С. 43.

Успех похода был предрешен развитием событий и разным моральным уровнем противников. Поветовая шляхта все больше заботилась о судьбе своих поместий, попавших под удар царских карательных отрядов; жолнеры «регулярных» хорунг требовали у короля выплаты жалованья, угрожая в случае отказа перейти «в вечное холопство» к царю<sup>21</sup>. Уже в начале января 1659 г. такие войска потерпели несколько поражений, и о частях полковника Г. Воловича, к примеру, было известно, что «как де русские люди наступят, и оне де думают бежать вон»<sup>22</sup>.

Полную противоположность в этом отношении являли ратники Псковского полка Хованского. Его дворяне считали, что шведы пошли на уступки в перемирии, «устрашась» их славного воеводы и «убоясь» их; устремившись теперь за Двину, они рассчитывали только на победу: ведь те, кому новый поход был в тягость (половты тысячи из двух с половиной<sup>23</sup>), просто разъехались по домам, потому что «зимовая служба была не сказана» им заранее<sup>24</sup>. Вскоре сдались изменившие было Браслав и Икажно, а из Дисны подошли казаки и новокрещены Новгородского разряда, только что одержавшие победу над полковником Воловичем.

Хованский составил многочисленный «ертоул» (до 1 тыс. всадников), «проведав великое собранье полских и литовских людей в Мядилове и на Глубоком, и выshed ис-под Бряслова, с первово стану» отправил его в «посылку... для языков»<sup>25</sup>. Двигаясь по замерзшим озерам и руслам рек Дрисвяты и Мяделки, русские, преодолев более 60 верст, на следующий день (24.01.1659) разгромили заведомо слабейший авангард противника в с. Поставы, захватив пленных и знамя. Воеводы с главными силами догнали их только через несколько дней, причем за 20 верст от села оставили задерживающую движение пехоту, приведя с собой от силы еще тысячу всадников.

Весть о нападении с севера Псковского полка всполошила литовцев, заставив Юдицкого, «кавалера Мальтийского», выступившего было с полком на Икажно, вернуться в Мядзелы, а Воловича поспешить туда же из Глубокого. Несмотря на то, что шляхтичи начали отъезжать обратно «под Государеву высокую руку»<sup>26</sup>, войска противника еще насчитывали до 6 тыс. чел<sup>27</sup>, – втрое больше, чем у Хованского!

<sup>21</sup> Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. С. 107.

<sup>22</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. Л. 355, 356, 492–494.

<sup>23</sup> ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. 1-я половина. С. 75.

<sup>24</sup> Древнерусские княжеские жития. С. 268–286; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. С. 188–230.

<sup>25</sup> Из письма Алексея Михайловича А. Матюшкину (ДАИ. Т. 3. С. 254. № 71. IX).

<sup>26</sup> Ф. 310. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 245–247; то же подтверждал сотенный голова П. Ф. Неелов (Там же. Л. 187).

<sup>27</sup> ЗОРСА. С. 666.

Это не остановило полководца. На рассвете 29 января его ертоульные сотни смяли литовское охранение в версте от Мядзел, «гнали и секли» его до самого города. Здесь, на замерзшем озере, уже «стояли в справе» основные силы врага. Начались «многие напуски» с обеих сторон, и не удивительно, что успех склонился в сторону литовцев; однако те несколько хорунг, «перед которыми неприятель уже хотел было отступать», едва сойдясь врукопашную, вдруг обратились в бегство. В своем описании шляхтич Маскевич не поясняет причин внезапной перемены<sup>28</sup> – скорее всего, сыграло роль приближение (возможно, с фланга) «основных сил» Хованского, в реальности уступавших в численности своему передовому отряду. Известно еще, что Волович и Юдицкий враждовали друг с другом и не объединили полки<sup>29</sup>. Эффект получился ошеломительным: вся масса литовцев обратилась в такое безудержное бегство, что на следующий день остановилась только в Новогрудке. Русские преследовали их больше 30 верст до д. Куренец, «отгроимили» весь обоз и «наряд» и взяли более 200 пленных<sup>30</sup>!

## II

Блестящая победа, казалось бы, только подтвердила великолепные качества русской конницы. Однако служилые люди Новгородского разряда, только два месяца отдохнув дома, были вновь вызваны в Новгород и Псков, где начиналось формирование новых полков рейтарского строя. Здесь более обеспеченные и знатные дворяне, а также лучшие казаки по-прежнему «расписывались» в сотни, а остальные, хронически неспособные нести конную службу без регулярного крупного жалованья, зачислялись в рейтары – менее «честную», по местническому счету, службу. Какие же преимущества должна была принести русской коннице данная реформа?

В это время основная тяжесть борьбы была окончательно перенесена из степи в Прибалтику и Белоруссию, где привычные охваты и обманные удары были затруднены условиями пересеченной местности. От лобового же столкновения всадники «сотенной службы» предпочитали уклоняться, ведь они не были предназначены выдерживать удар сплоченных эскадронов рейтар или лавины «крылатых гусар», и прекрасно это осознавали. Переход в «рейтарский строй» должен был исправить эти недостатки и придать массе служилой «мелкоты» необходимую стойкость, без которой выигрывать полевые бои у западного противника становилось все труднее.

Мы можем представить себе общие черты тактики «рейтарского строя» на примере кавалерии Западной Европы сер. XVII в. Эскадро-

<sup>28</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162, л. 112.

<sup>29</sup> Там же. Л. 321.

<sup>30</sup> ААЭ. Т. 4. С. 129 (№ 89).

ны рейтар представляли собой тактическую единицу определенной численности и составлялись из разного числа рот одного полка: чаще всего – из двух<sup>31</sup>, у шведов – из 3–4, т.е., средняя сила эскадрона – 150–200 человек. По мнению австрийского полководца Р. Монтекукколи, большая численность эскадрона неудобна для управления<sup>32</sup>. Общепринятая уже глубина построения – 3 шеренги. Для свободного выполнения сложных внутренних перестроений существовал так называемый «разомкнутый порядок», когда между лошадьми в шеренге было 3 фута («шаг»), а в ряду – длина лошади. В бою становились тесно, колено к колену, с расстоянием 1,5–3 фута между шеренгами – в «сомкнутый порядок». Двинувшись в атаку, лошади сначала шли легким шагом, что позволяло сэкономить им силы, а всадникам – и поточнее выстрелить, затем переходили на рысь и вблизи от противника – в галоп<sup>33</sup>.

Шведский король Густав II Адольф адаптировал тактику своих кавалеристов к условиям войны в Восточной Европе. Снаряжение его рейтар оставляло желать лучшего: небольшие скандинавские лошади, больше похожие на пони, на которых статные шведы смотрелись комично; нехватка карабинов, палашей, доспехов, седел и т.п.<sup>34</sup> Тогда Северный Лев сделал ставку на огненное превосходство и дисциплину. При приближении противника пальбу по его лошадям открывали сначала команды мушкетеров, размещенные в интервалах между эскадронами; иногда усиливали картечные залпы приданых им полковых пушек; затем залпы из карабинов и пистолетов производили первые шеренги рейтар, после чего на уже расстроенного противника производился энергичный натиск плотно сомкнутых эскадронов<sup>35</sup>. В дальнейшем конский состав и вооружение шведских полков заметно улучшились, а простых мушкетеров заменили более приспособленные к маневренной войне драгуны. Именно к такой коннице накануне вторжения в Польшу (т.н. «Шведского потопа» 1655 г.) примкнул шотландский дворянин Патрик Гордон – будущий русский генерал и учитель Петра I.

По его словам, шведский командующий так инструктировал своих офицеров: «Коль скоро сей поход направлен против Польши, надлежит дать указания солдатам (многие из коих не отличались дисциплиной), каким образом себя вести при любом случае, но особливо при всту-

<sup>31</sup> История конницы. Кн. 2. С. 81, 138, 143.

<sup>32</sup> Записки Раймунда графа Монтекукколи, генерала цесарских войск... М.. 1760. С. 32.

<sup>33</sup> Tincey J. Soldiers of the English Civil War. Vol. 2. P. 8–10, 16, 18.

<sup>34</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. Л. 355, 356, 492–494.

<sup>35</sup> Списочный состав Псковского полка на лето 1658 г.: Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 44–158; подсчеты по походу и его описание сделаны на основе послужных списков Псковского полка февраля 1659 г.: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

плении в бой или сражение с поляками, причем не следует обращать внимание на их крики и шум, но плотно держать строй. Ибо поляки – прекрасные наездники и весьма проворны во всяком деле, но опасаются схватки с плотно построенными частями... Предстоит иметь дело с новым противником, непохожим на немцев<sup>36</sup>. Шведы блестяще показали себя в боях 1655–1556 гг., правда, победу им в значительной мере принесло не превосходство в тактике, а низкий моральный уровень коронных войск в сложившейся политической ситуации. Со временем их хваленые рейтары и драгуны стали терпеть серьезные поражения от воспрявших духом польских подразделений, особенно отборного полка (а затем «дивизии») Стефана Чарнецкого<sup>37</sup>.

Через год–два с описанным способом боя впервые в своей практике столкнулись русские войска в Прибалтике, причем всадники Новгородского разряда испытали настоящий шок. Сотенный голова Понсник Неелов, который привез весть о несчастном бое под Валками (08.06.1657), так описал царю схватку с занимавшими выгодную позицию шведскими эскадронами: «А конные де немецкие люди в то время за деревнею у лесу подле пеших людей стояли в справе. И окольничего полк с теми немецкими людьми бился стрелбою, а как пришел со своим полком столник и воевода Матвей Шереметев, и в то время послал перед собою к окольничему на помошь своею полку дворян и детей боярских 4 сотни. И те де сотни наехали на пеших немецких людей, и пешие немецкие люди стрелбою их смешали, а конные де немецкие люди в то время на государевых людей на оба полки напуск учинили, и государевых людей потолкнули». Видя это, многие русские всадники, «покиня государевы знамена, и воевод, и голов», обратились в бегство, так что под сотенными знаменами осталось по 10–15 чел. (из 50–60)<sup>38</sup>. Поражение было обусловлено ошибками разведки: Шереметев и Щербатов рассчитывали застать противника врасплох на их квартирах, – но недисциплинированность сотенных людей, их склонность покидать свои знамена и начальников перед лицом вражеских эскадронов проявились и в других столкновениях этой войны (под Вольмаром 07.08.1656, под Лялицами 15.06.1657)<sup>39</sup>. Полной противоположностью этому стало поведение 250 рейтар одного из немногих еще русских полков (Д. Д. Фонвизина), входивших в состав Псковского полка в битве при Валках: «и немецкие де люди на рейтар скочили,

<sup>36</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 290–292 (коллективные челобитные).

<sup>37</sup> Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, № 488. Л. 135.

<sup>38</sup> Витебская старина. С. 107, 110.

<sup>39</sup> *Maskewiczy S. i B. K. Pamietniki Samuela i Bogusława Kaziemierza Maskiewiczow (wiek XVII)*. S. 272; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, № 429. Л. 759, 760 («распросные речи» ротмистра Я. Брезицкого).

и рейтары де от них устояли, и, прострелявся, от них назад пожались. И немецкие люди всеми роты на них и на сотенных людей, которые остались на отводе, и на рейтар напустили, и учинили стрелбу, а не так, чтоб пруткою гоньбою»<sup>40</sup>.

Боевой опыт столкновений со шведской конницей в походах 1656–1658 гг. дал Москве богатейшую пищу для размышлений. Кстати, и воевода Белгородского разряда, действовавший в совершенно иных условиях и против другого противника, констатировал, что «рейтары на боях крепче сотенных людей»<sup>41</sup>. Шведский опыт был особенно полезен ввиду изначального сходства в качествах русской и шведской конницы: обычные «меринки» русских детей боярских также проигрывали при прямом столкновении с чистокровными турецкими лошадьми польской «гусарии», зато государство имело возможность в избытке снабдить своих рейтар огнестрельным оружием, а их полки – подготовленным офицерским составом. Вообще, новоформированные рейтары сразу выделились в среде «московитской» конницы выучкой и снаряжением западноевропейского образца и привлекли к себе внимание иноземцев: «Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением. Ратные люди отчетливо исполняли все движения, в точности соблюдая ряды и необходимые размеры шага и поворота. Когда заходило правое крыло, левое стояло на месте в полном порядке, и наоборот. Со стороны, эта стройная масса воинов представляла прекрасное зрелище», – восхищался польский хронист Веспасиан Коховский «всадниками в латах» войск В. Б. Шереметева в 1660 г.<sup>42</sup>

Три новых полка рейтар, сформированные из дворян и казаков Новгородского разряда, прошли долговременный курс обучения с апреля с мая по октябрь 1659 г. Учения продолжались и позже, что было связано не только с необходимостью подготовки пополнения. Так, в июле 1662 г. луцкие казаки рейтарского строя жаловались на своих командиров, которым они были вверены в конце предыдущего 1661 г.: «Ведали нас, холопей твоих, с тех мест и доныне, а того мы, холопи твои, не ведаем, по какому указу оне нас... ведают. И на недели нас, холопей твоих, по дважды и по трижды смотрели и на ученье многожды нас, холопей твоих, выводили для ради своей бездельной корысти. А которая, Государь, наша братия на ученье и на смотр не поспеют, и оне тех нас, холопей твоих, били палками, а инех батогами, и сажали на съезжей двор, и на съезжем дворе держали по недели и больше...»<sup>43</sup> Тогда же во Пскове «училися на съезжем дворе безпрестанно» музыканты (трубачи

<sup>40</sup> *Maskiewiczy S. i B. K. Pamietniki...* S. 271–272.

<sup>41</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 146.

<sup>42</sup> Цит. по: Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 300.

<sup>43</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284.

и литаврщики) нового рейтарского полка<sup>44</sup>, а воевода кн. Б. А. Репнин настойчиво требовал присылки из Москвы командиров-иноzemцев взамен выбывших из строя в прошлом году: «и тем, Государь, полком без полковников и подполковников быть некоторыми обычай немочно, потому что тех полков рейтаром ученье худо, и маеоры, Государь, и начальные люди приходя к нам, холопям твоим, извещают, что им рейтары чинятика непослушны, и рейтарскому строю учат их худо...»<sup>45</sup>

Годом раньше мы встречаем известие о совместном обучении всех рейтар и солдат войска кн. И. А. Хованского. Подчиненные боярину генерал-поручик Томас Далиель с полковниками И. Гулецом (солдатским) и Р. Дугласом (рейтарским) в своих «приговорных статьях» о ратных делах предлагали: «Чтоб боярин и воевода все войско, конницу и пехоту, велел ставить в лаву почасту, чтоб против неприятеля знали, в лаву ставитца как ведетца...», на что получили одобрение царя. Вместе с тем, беспокоясь, что у них «в полках пехоты большая половина новоприборной и ученья не знает...», они ни словом не обмолвились о подобных проблемах у рейтар<sup>46</sup>.

Превосходство новосозданных полков в бою ярко обрисовал Я. Х. Пасек – «товарищ» войск С. Чарнецкого, бившийся с Хованским при Полонке (1660): перед рукопашной схваткой «рейтары дали по нам огня густо, из наших же редко кто выстрелил...»<sup>47</sup>

### III

К каким же последствиям в психологии ратных людей приводили подобные интенсивные изменения? В первую очередь, это должно было коснуться поведения командиров подразделений. Военачальник старой конницы, особенно в нижнем звене, был скорее ее вождем, вождевавшим свой отряд личным примером и прокладывавшим дорогу менее опытным соратникам. Так, в 1633 г. сотенный голова невлячин Г. С. Коваль получил награду за то, что «лутцких и невелских людей под Полотеском привел и Государю служил явственно: наперед ратных людей вшол в ров, а з рову на острожной вал, и на валу выломил острожной тын и в острог вшол первой человек. И в остроге литовского острожного дозорщика убил и на воротех сторожа ссек и у острожных ворот замок сбил и ворота государевым людям отворил»<sup>48</sup>. В 1654 г. в бою перед литовским острожком при м. Глубокое стольник Семен Жданов сын Кондырев, отец которого возглавлял здесь весь

<sup>44</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 57об, 278.

<sup>45</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 223.

<sup>46</sup> Записки Раймунда графа Монтеуккули, генерала цесарских войск... С. 32.

<sup>47</sup> Tincey J. Soldiers of the English Civil War. Vol. 2. P. 8–10, 16, 18.

<sup>48</sup> Лайдре М. Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655–1661 годах. С.68, 69; Brzezinski R. The army of Gustavus Adolphus. Vol. 2. P. 2–6.

русский отряд, «былся явственно, збил с лошади полковника Петра Беганского, да он же убил мужика»<sup>49</sup> – так что поединок видных предводителей еще отнюдь не являлся преданием седой старины!

Совершенно иной характер должно было носить поведение начальных людей нового строя. Алексей Михайлович, узнав, что рейтары полка Г. Тарбеева при атаке на них поляков «выпалили не близко» (на р. Басе, 28.09.1660), указывал воеводе этого войска кн. Ю. А. Долгорукову: «А впредь на крепко приказывай, рабе Божий, полуполковнику и начальным людем рейтарским и рейтаром, чтобы отнюдь никотоюй начальной, ни рейтар, прежде полковничья указу и ево самово стрелбы карабинной и пистонной, никто по неприятеле не палил. А полковники бы, за помошюю Божию, стояли смело, и то есть за помошюю Его Святою. Да им же, начальным, надобно крепко тое меру, в какову близость до себя и до полку своего неприятеля допустя, запалить, а не так, что полковник или начальные со своими рогами по неприятелю пропалят, а неприятели в них влипают, и то стояние и знатье худое и неприбыльно... Добро бы, за помошюю Божию, после паления рейтарского или пешего строя, неприятельския лошади побежали и поворачивались... И ружья в паленье держали твердо и стреляли они же по людям и по лошадем, а не по аеру»<sup>50</sup>. Таким образом, храбрость и мужество рейтарского командира заключались теперь в хладнокровии, выдержанке и точном расчете, что неизбежно меняло психологию кавалеристов.

Подобные же перемены должны были коснуться знаменосцев. В отличие от хорунжего польской роты, который шел третьим в списке и являлся уважаемым и ответственным ветераном<sup>51</sup>, «знаменщик» русской сотни занимал положение гораздо менее «честное», чем большинство из его рядовой «братьи». Представители знатных родов служилого «города» в местнических спорах указывали, что ни они, ни их родители и братья «зnamени не воживали» и «по вести не посыпались»<sup>52</sup>. Звание это приравнивалось к положению человека на посылках, видимо, потому, что знаменосец не мог принимать равного с иными (а особенно «дородными») дворянами участия в рукопашной схватке, брат полон и, соответственно, претендовать на видную долю добычи во время ее раздела («дувана»). Зато при неудачном обороте дела он становился заманчивой целью для всадников противника. Как следствие – сотенные знамена ценились низко, потеряя их не являлась каким-то позором, в отличие от священного Государева знамени. Показателен с этой точки

<sup>49</sup> Ibid. P. 23–36.

<sup>50</sup> ЗОРСА. С. 763.

<sup>51</sup> Nagiełski M. Choragiie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i krola Jana Kazimierza w latach 1648–1666... S. 94.

<sup>52</sup> Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. 1. С. 38.

зрения пересказ боярином кн. С. А. Урусовым требований о капитуляции, предъявленных ему П. Сапегой накануне битвы при с. Верховичах (16.11.1655): «Да им же бы отдать твое Государево знамя и наряд и зелье и свинец и мушкеты и сотенные знамена...»<sup>53</sup> – вряд ли сами литовцы так разнесли разные типы знамен в перечне. Соответственно, при бегстве с поля боя знаменщики зачастую бросали свои знамена или гибли без защиты<sup>54</sup>. Усилия Алексея Михайловича исправить положение, не ставить это звание «в бесчестье и в укоризну», приблизить сотенные знамена к полковым Государевым, выбирать к ним «добрых и жилопоместных» дворян<sup>55</sup> долго не приносили заметного результата<sup>56</sup>.

Однако, когда в битве при Полонке (1660) большая часть конницы кн. И. А. Хованского в беспорядочном бегстве покинула поле боя, смоленские рейтары «бились, не щадя голов своих, и пехоту с собой отводили, и знамена с бою свезли, и пришли... с бою в Полоцк разными дорогами»<sup>57</sup>. В рейтарском строем за знамя – «штандарт» – роты отвечал прапорщик – младший начальный человек – и подпрапорщики – урядники (унтер-офицеры), которые при атаке следовали в глубине строя своего эскадрона. Новые нормы поведения в бою и отношения к своему штандарту, принесенные в Россию ветеранами Тридцатилетней и Английской Гражданской войн, постепенно находили признание среди молодого слоя начальных людей иноземного строя.

#### IV

Вместе с тем, осваивая «хитрости ратного строения», русский рейтар по духу оставался прежним «служилым человеком», членом своего сословия, и сохранял полученные с детства навыки. Это ярко показывает пример новгородских рейтар в 1659–1664 гг., которые по-прежнему стремительно вторгались на вражескую территорию, били противника привычными обходами, засадами и ночными нападениями, своим характером являя полную противоположность, к примеру, вербованным рейтарам и кирасирам Австрии и Речи Посполитой. Последние в боях с «нестройной» конницей Восточной и Юго-Восточной Европы (турками, татарами, казаками) не решались отрываться от своей пехоты и прятались за «испанскими рогатками»<sup>58</sup>; и уж конечно же, речи не шло о том, чтобы эти профессионалы гонялись за противником

<sup>53</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 320.

<sup>54</sup> Характерен в этом смысле эпизод битвы при Полонке, описанный Пасеком (*Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska. S. 99*).

<sup>55</sup> ПСЗРИ. Т. I. С. 364 (№ 157); Записки... с. 662.

<sup>56</sup> Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века. С. 126.

<sup>57</sup> Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 146.

<sup>58</sup> Рюстов Ф. В. История пехоты. Т. 2. С. 108; Wimmer J. Historia piechoty polskiej do roku 1864. S. 219–222.

по степи – для этого в их армиях предусматривались специальные легкие войска (кроаты, венгерские гусары и все те же казаки).

Дух русской конницы по-прежнему зависел от заинтересованности ратных людей в продолжении войны или конкретного похода, что ярко проявилось на втором этапе войны с Речью Посполитой (1658–1667 гг.). К тому же, в отношении Новгородского разряда злую роль сыграл подавляющий перевес противника в силах: ведь с 1660 г. этому полку обычно противостояла вся армия Литвы, усиленная подкреплениями из Короны. Отборная королевская «дивизия» С. Чарнецкого выступила в качестве таковых в битве при Полонке (18.06.1660).

Здесь, несмотря на уже «линейный» характер «боя» русской пехоты и части конницы, произошло во многом типичное для Восточной Европы того времени столкновение. Старый опытный С. Чарнецкий, начинавший службу еще «лисовчиком», искусно заманил горячего Хованского в засаду, сумел охватить его фланг и выйти в тыл. Уже второй год находившиеся в походе ратные люди не выдержали копейного удара вражеских «крылатых гусар» и обратились в беспорядочное бегство. Только отдельным стойким подразделениям рейтар удалось сохранить порядок и присоединиться к блестяще державшейся пехоте. Знатные, «дородные» и «помнящие страх Божий» дворяне также пробились к Государеву знамени (при защите которого погиб 31 «подзnamенщик» и «завоеводчик») или к пехоте, большая часть которой была вскоре окружена у небольшой рощи и уничтожена (изрублена или взята в плен). Видимо, с этим эпизодом следует связать гибель почти всех сотенных «голов», командиров двух полков, отдельной шкадроны и десятков ротмистров и иных начальных людей «рейтарского строя»<sup>59</sup>. Правда, Хованскому все же удалось собрать вокруг себя остатки войска и организовать отступление «отводом» к своему лагерю под Ляховичи, а оттуда – и далее к Полоцку<sup>60</sup>.

Битва при Полонке стала роковым рубежом в истории Новгородского разряда. Невиданный разгром – после целого ряда непрерывных побед (с 1657 г.), – гибель и пленение сотен дворян и детей боярских и более половины пехоты, потеря обоза и всех «животов» ратных людей – все это решительным образом сказалось прежде всего на моральном духе новгородской конницы. «Дробны, за грех наш, ратные люди стали, не видев неприятельских сабель, бегут неведомо от кого, не остаются мало. Не ведомо: от Бога за наше согрешение, или они, враги, своим злым ухищрением, чародейством и волхвованием страх напустили; никто, Государь, такого греха не видывал, что ныне вижу: лишь

<sup>59</sup> Описание битвы: *Kersien A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 423, 424; Kurbatow O. A. Polonka 1660 – spojrzeniie z Moskwy. S. 27–36; потери: АМГ. Т. 3. С. 117–119 (№ 126); Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 46–63.*

<sup>60</sup> Ф. 210. Столбы Новгородского стола. № 125, л. 86.

скажут про поляков, побегут все разно, нимало не остоятся...»<sup>61</sup>, – со-крушился князь Хованский – сам, даже по отзыву своих противников, человек «отважного сердца»<sup>62</sup>. Боярин немедленно стал предпринимать усилия по восстановлению войска: в частности, в коннице всем ратным людям было выплачено повышенное жалованье (до 70 руб.), назначены новые командиры<sup>63</sup>. Но для повышения морального духа и боеспособности требовались необычные меры, и решение, судя по всему, подсказал сам ход последней битвы: через два месяца в его войске появились роты, а затем – полк... «гусарского строя»<sup>64</sup>!

Шок, испытанный войсками Хованского при Полонке, не мог не связываться в их памяти со впечатляющими атаками польских «крылатых» гусар, определившими исход противоборства. Эти копейщики, симбиоз западноевропейского типа польских рыцарей и турецких легких кавалеристов – «делия»<sup>65</sup>, в середине XVII в. начали было сокращаться в численности – из-за своей дороговизны и неэффективности против казаков и татар. Однако, со вступлением в войну русских и шведов, применявших линейный боевой порядок, гусары вновь оказались полезными – для погонь и внезапных стремительных нападений на марше и взламывания этих неуклюжих построений. Атакованный противник успевал сделать не более одного действенного залпа и априори проигрывал в качестве своей конницы, так что в битве под Варшавой (1656 г.) шведский король даже «приказал всем бригадным и полковым командирам, когда гусары или копьеносцы ударят на них, расступиться и дать волю их яростному напору, который, как он знал, нельзя было в то время сдержать никакою силой или тактикой»<sup>66</sup>.

В Польше к гусарской службе относились с таким уважением, что «знатнейшая шляхта записывается в эти хорунги, и заслуженные офицеры, которые командовали казаками или в иных отборных полках, не считают зазорным для себя служить простыми жолнерами в гусарах»<sup>67</sup>. О таком авторитете, несомненно, имели понятие и ратные люди Новгородского разряда, и это должно было стать важной частью замысла князя Хованского: ведь он прекрасно понимал, что на подготовку полноценного подразделения, его обучение, изготовление и присылку необходимого вооружения и доспехов уйдет немало времени<sup>68</sup>, а достать соответствующих лошадей и сбрую вообще вряд ли удастся.

<sup>61</sup> Цит. по: Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. С. 300.

<sup>62</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола, № 126, л. 284.

<sup>63</sup> Там же. Л. 57об., 278.

<sup>64</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 223.

<sup>65</sup> Ф. 27. Приказ Тайных дел. № 166. Л. 112–120.

<sup>66</sup> Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska. S. 96.

<sup>67</sup> Relacje nunciuszow apostolskich i innych osob o Polsce. T. II. S. 330.

<sup>68</sup> Например, «гусарские древки» (копья) и доспехи из Оружейной палаты на

Для начала боярин «выбрал» из каждого рейтарского полка по 100 рядовых для рот «гусарского строя»<sup>69</sup>. Никакого указа о принципе отбора не сохранилось, но можно сделать некоторые предположения. Во-первых, среди гусар оказались только служилые «по отечеству»<sup>70</sup>. Во-вторых, это были преимущественно старослужащие воины старших чинов (дети боярские «дворового списка» и дворяне «по выбору»<sup>71</sup>). На основе этого выстраивается прямая параллель с отборными подразделениями старого, «сотенного» строя – Выборной и Подъезжей сотнями. Это неудивительно: несмотря на переход к новой тактике и организационным формам, и боярин, и его соратники продолжали мыслить старыми категориями, и «честность» службы была в их глазах важнее технических и тактических новшеств. Таким образом, гусары были задуманы как элита конницы «нового строя» Новгородского разряда, главным поводом их создания в этот момент стала необходимость укрепления морального духа войска.

Расчет Хованского блестяще подтвердился уже осенью 1660 г. Тогда под давлением деморализованных дворян князь был вынужден бросить свой укрепленный лагерь и начать отход к Полоцку. Гусарские роты шли в центре «обоза», оберегая Государево знамя. За 25 верст от города, возле переправы, все же пришлось принять неравный бой (21.10.1660). «Сотенные люди» и рейтары («все разбежались, и всех твоих ратных конных людей было в то время человек с 500») навели литовцев на поставленную в лесу пехоту, «и учат быть бой жестокий... неприятельские люди стали наступать на твоих ратных пеших людей... чтобы их разорвать и побить, и... пешие люди... стали твердо и не уступили неприятелю места, бились, не щадя голов своих; и мы, взяв гусар и что было с нами всяких чинов твоих ратных людей, скочили на польских людей... и польских людей сорвали и пешим людям вспоможенье учинили»<sup>72</sup>. Как видим, гусары оказались наименее подвержены дезертирству, боярин смог удачно использовать их в качестве последнего сильного резерва, и это снова подчеркивает именно моральное значение данного «выбора».

Со временем гусары, получив в полной мере положенное снаряжение, несомненно, освоили новую тактику, причем их богатый конный опыт должен был облегчить эту задачу. По признанию западных вое-

весь полк были получены лишь в августе 1661 г.: АМГ. Т. 3. С. 357 (№ 390).

<sup>69</sup> Ф. 210. Смотренные списки. № 27. Л. 433об., 474, 503об.

<sup>70</sup> Только вначале было 5 гусар из зажиточных луцких казаков – «помещиков», но к 1662 г. они исчезают из списков: Ф. 210. Смотренные списки, № 27. Л. 414; *Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661–1663 гг.* С. 10.

<sup>71</sup> Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 123–132, 156–162 (списки по Торжку и Твери).

<sup>72</sup> ЗОРСА. С. 763.

начальников, кавалерист, вооруженный «ланцой»<sup>73</sup> – «душой всему ружью у конницы», – к середине XVII в. исчез из их армий в первую очередь ввиду чрезвычайной трудности – не в пример рейтару, – обучения конного копейщика, и лишь затем по причинам дорогоизны «доброй и ученой лошади» и доспехов, тактических неудобств и т.п.<sup>74</sup> Постоянное упоминание об особой «тяжести» гусарской службы в Новгородском разряде, по сравнению с сотенной или рейтарской, – а это признавали дворяне – «окладчики» при распределении скучного годового жалованья<sup>75</sup>, – должно указывать на интенсивность, с которой русские копейщики осваивали совершенно новый для себя вид боя.

## V

За последние годы войны произошли значительные изменения в личном составе конницы Новгородского разряда. С 1661 г. для ее пополнения стали широко привлекаться новые источники: конные монастырские слуги, «вольные гулящие люди», родственники городовых казаков и т. п.; появились целые полки, укомплектованные даточными или новоприборными казаками «рейтарского строя»<sup>76</sup>. Все это повлекло за собой изменение характера тактики конницы – ведь теперь значительную часть рядовых рейтар составляли люди, не готовившие себя с малолетства к воинской конной службе, или, по крайней мере, не имевшие навыков прежнего, «сотенного» строя. Что, правда, не сильно осложняло задачу начальных людей, готовых, как на Западе, обучить рядового держаться в строю (а то и просто сидеть в седле) и выполнять команды за считанные месяцы, – ведь для сомкнутых эскадронов были значимы не личная подготовка, а слаженность движений и пальбы, глубина иширина построения, что нивелировало качественную разницу стоящих плечом к плечу кавалеристов.

Еще одним фактором стало ухудшение дисциплины и морального духа служилых людей, вызванные непосильной для них постоянной службой, разорением поместий и скучостью жалования (в связи с кризисом медных денег)<sup>77</sup>. Так, зимой 1664 г. новгородцы «огнем и мечом» прошли по Восточной Белоруссии вслед за отступавшими из России литовскими полками, однако к лету их боевой пыл угас. В упорной битве с литовцами под Витебском (06.06.1664) победитель определился далеко

<sup>73</sup> Ланца – рыцарское копье, отсюда «лансыеры» – конные копейщики.

<sup>74</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства. С. 98–101; Записки Раймунда графа Монтекуккули генерала цесарских войск... С. 17, 240–241.

<sup>75</sup> Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12, Л. 22об.–23, 24об., 115об.–116 и др.

<sup>76</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 320.

<sup>77</sup> Характерен в этом смысле эпизод битвы при Полонке, описанный Пасеком (Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska. S. 99).

не сразу. Было даже захвачено гетманское знамя М. Паца<sup>78</sup>, но после отбитой атаки многие всадники Хованского не отошли в табор, а бежали с поля боя прямо по домам<sup>79</sup>. В другом случае дети боярские попытались учинить «ложный всполох» в обозе, а после показательного битья виновных кнутом составили «поносную челобитную» на своего воеводу<sup>80</sup>.

Царю были понятны сложности боярина, и с 1661 г. он требовал от Хованского не увлекаться конными схватками, а больше заботиться об укреплении своего лагеря<sup>81</sup>. После боя под Витебском Алексей Михайлович велел передать ему, чтобы впредь «над неприятелем промышляли... со всякою осторожностью и с крепостью, и бились с ним из обозу болши огненным боем и за обоз в дальние мести не ходили»<sup>82</sup>.

Хованский учел печальный опыт, и в походе августа 1665 г., вызванном необходимостью снабдить припасами Борисоглебский гарнизон (г. Динабург), постарался, елико возможно, ограничить участие дворян в прямых боевых столкновениях, удерживая их в лагере или в строгом строю. Так, лонтонную переправу через Двину боярин обеспечил многочисленной пехотой и казаками, а затем, «собрав... людей дворянских всех у ково сколко есть, болши трех тысяч, и учиня им значки, и постройя ротами», отправил их с казаками «в войну», собирать «кормы» и печь хлеб за реку, оставшись с дворянами и пехотой «в справе» в обозе.

Вечером 24 августа, узнав о подходе литовских полков Чернавского и Соломоновича, Хованский «со товарыши» выступил на них: «Пошли ис-под Линоборка (так в тексте. – О. К.) за Двину со всеми твоими Государевыми ратными конными и пешими людьми и с нарядом и с рогатками, постройся и ополченьем. А стравщики, твои великого Государя ратные люди, сошлись с неприятельскими людьми в трех верстах». Им на «прибавку» Хованский послал «ертоульные сотни», и литовцы отошли на пятнадцать верст, за реку, к местечку Алыкшти. «В полчаса ночи» 25 августа русские полки двинулись следом, «и об реку, Государь, во всю ночь был бой у твоих великого Государя ратных людей у донских казаков с неприятелем. А мы, холопи твои, пришед к реке, стояли в справе во всю ночь: за крепость, Государь, ночью идти было нельзя – места незнакомые». Утром, увидев подход основных сил Новгородского разрядного полка, литовцы бросили обоз и бежали. А вскоре и боярин, прослышиав о спешном соборе всего войска гетмана Паца, счел

<sup>78</sup> ПСЗРИ. Т. I. С. 364 (№ 157); Записки... С. 662.

<sup>79</sup> Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века. С. 126.

<sup>80</sup> АМГ. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол (1660–1664). С. 143–144 (№ 161).

<sup>81</sup> АМГ. Т. 3. С. 380 (№ 426).

<sup>82</sup> Ф. 27. Опись 1. № 166. Л. 82–84.

за благо увести свои полки обратно к Пскову – задачу они выполнили, а надежд на победу в открытом бою оставалось уже слишком мало<sup>83</sup>.

\* \* \*

Антропологический метод в исторической науке, фокусирующий внимание исследователя на человеке, его образе мыслей, традициях, стереотипах и т. п., а также психологических и физических качествах, способен послужить к образованию новой системы координат и в военно-исторической сфере. Теория линейного прогресса в военном деле, заданная в XIX в. и довольно примитивно развитая в советское время, в настоящий момент, по мере возрождения интереса к военно-исторической тематике, введение в научный оборот массы новых источников и исчезновения идеологического диктата, все больше перестает удовлетворять исследователей. Особенно это относится к такой чрезвычайно мифологизированной области отечественной истории, как военное дело, войны и преобразования XVII – начала XVIII вв.

Не удивительно, что уже полвека назад основные споры историков развернулись на том направлении, которое способно было поставить под серьезное сомнение необходимость и оправданность методов военных реформ Петра I, их принципиальную новизну и успех. Уже тогда было ясно, что образ боя русской армии, ее вооружение и снаряжение большую часть XVII в. полностью соответствовали современным европейским образцам и нередко отличались в лучшую сторону по сравнению с непосредственным противником. В полках «нового строя» существовали строевая дисциплина и оптимальная система командных чинов; многочисленные западные, а затем и отечественные военные специалисты тщательно обучали подчиненных при помощи хорошо разработанных методик<sup>84</sup>. Однако, несмотря на внешнее сходство с позднейшей императорской армией, царские воины, особенно кавалеристы, отнюдь не являлись «механизмами, артикулом предусмотренным».

Новые для себя формы боя осваивали полководцы, воспитанные в богатейшей военной традиции Московской Руси – Третьего Рима, унаследовавшей, в свою очередь, и многие достижения Рима второго. К византийскому наследию восходят нормы подготовки к войне, обязательность Божьего благословения перед началом походов и битв, многие чисто прикладные моменты (обязательная постройка полевых лагерей, тактика «выжженной земли», тщательная постоянная разведка, различные военные хитрости и т.п.). Роднит эти традиции и пристальное внимание к морально-психологическому состоянию воинов.

<sup>83</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 23–25, 43–45.

<sup>84</sup> Описание битвы: *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599–1655. S. 423–424; Kur-batow O. A. Polonka 1660 – społgzenie z Moskwy. S. 27–36; потери: АМГ. Т. 3. С. 117–119 (№ 126); Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 46–63.*

Во всяком случае, когда кн. И. А. Хованский без риска громил накануне битвы какой-либо небольшой вражеский отряд, чтобы его ратники ощутили вкус победы и приободрились при виде пленных, знамен и иных трофеев, а затем воодушевляя их пламенной речью, напоминая им о чести и верности государю, он (возможно, сам того не зная) буквально следовал указаниям еще императора Маврикия, изложенным в его «Стратегиконе» тысячелетием ранее<sup>85</sup>!

Несомненно, столь глубокие традиции не позволили их носителям чисто механистически отнести к освоению новой техники боя и оружия Западной Европы. Ярким примером служит осмысление сути строевой дисциплины своих полков царем Алексеем Михайловичем (в уже цитированном послании к кн. Ю. А. Долгорукову 1660 г.): «Тот прямой рейтар, что за помошю Божию имеет сердце смелое и отымки от покрылян не смотрит (т.е., не следит, спасет ли его кто-нибудь от обошедших с фланга врагов. – О. К.). Таковым надобно быть рейтару и гусару и солдату, а отымка покрылная добре добро, и конечно надобно от тебя рейтаром и пешим, а им того помышлять и надеяще николи не надобно, для того, что смелее и усерднее перстыми своими, за помошю Божию, в воинском деле промышляют и промысл свой всякой указают и устаивают против неприятеля крепче»<sup>86</sup>. Характер и язык инструкции разительно отличается от приведенного выше приказа Карла С Густава перед вторжением в Польшу, хотя указания даются схожие. Король призывал рейтар надеяться на превосходство своего плотного строя и дисциплину, а Тишайший – уповать на помощь Божию, соблюдать спокойствие и бесстрашие в душе и тщательнее следить за сигналами полковников.

В свою очередь, и рядовые ратные люди подходили к освоению нового строя со своим богатым опытом, багажом традиций и норм поведения. Без учета их самосознания, таких основополагающих понятий, как «честь», «служба», «жалованье», не понять сути многих преобразований. Огромное влияние оказывали и конкретные военные события (такие, как поражение при Полонке в 1660 г.), и яркие личности, подобные кн. И. А. Хованскому, и чисто прикладные моменты, как качество и порода лошадей и т.п. Новый взлет после 1655 г., казалось бы, архаичного и изжитого на «передовом» Западе конного копейного боя в Речи Посполитой объясняется не столько техническими моментами (скорострельность мушкетов существенно не менялась больше столетия), сколько высочайшим авторитетом «крылатого гусара» – символа непобедимости польского войска, что стало особенно важно на патриотической волне периода «Потопа». Причины появления «гусарского

<sup>85</sup> Ф. 210. Столбы Новгородского стола. № 125. Л. 86.

<sup>86</sup> АМГ. Т. 3. С. 208 (№ 220): отписки от 26.10.1660.

строя» в Новгородском разряде также несут морально-психологическую окраску – необходимость создания «выборных» подразделений из рейтаров после тяжелого поражения. Даже внешняя схожесть построения и образа действий пеших и рейтарских полков кн. Хованского в походе 1665 г. с пехотой и кирасирами фельдмаршала Р. Монтекукколи в период австро-турецкой войны 1660–1664 гг. имеет под собой совершенно своеобразное объяснение (не только появление полков из новобранцев, но и падение дисциплины дворянской конницы).

Данная работа из-за своей единичности и ограниченности в охвате исследования по срокам и региону не может претендовать на какие-либо более серьезные обобщения и выводы. Скорее, это лишь опыт подобного подхода к изучению военного дела, доказывающий его продуктивность, и постановка серьезной проблемы. Представляется, что беспочвенные политизированные споры на уровне, чья армия и в какой период более прогрессивна и сильна духом, должны, наконец, уступить место кропотливому и беспристрастному исследованию истории военного дела XVII – начала XVIII вв., с широким привлечением антропологических методов исследования.

## Приложение 5

## РОЛЬ СЛУЖИЛЫХ «НЕМЦЕВ» В РЕОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ КОННИЦЫ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Тема иноземцев на русской службе в XVII в. и их вклада в реформирование отечественных вооруженных сил в последнее время привлекает внимание все большего количества исследователей. В свете этого, как представляется, имеет перспективу более узкий и детальный взгляд на роль и место западных специалистов в развитии родов войск, территориальных округов и даже отдельных подразделений русской армии, что позволит лучше уяснить себе особенности военной политики правительства, ее приоритеты, сложности и т.п. В частности, своей яркой спецификой выделялось положение и функции иноземных начальных людей в коннице – т.н. частях «ретарского строя».

Эпоха XVI–XVII вв. со стремительным прогрессом огнестрельного оружия поставила перед воинскими сословиями самых разных европейских государств схожую проблему адаптации к новым формам боя. «Пороховая революция» сопровождалась глубокими социально-экономическими и политическими изменениями традиционного устройства общества. В отношении конницы, которая издавна была служебным поприщем для поколений высшей и низшей знати, данный процесс получил весьма меткое определение Ганса Дельбрюка – «преобразование рыцарства в кавалерию»<sup>1</sup>. Однако российский путь данного преобразования не вполне укладывается в очерченные немецким историком тенденции.

Дело в том, что на Западе внедрение т.н. «линейной тактики» сопровождалось изменением способов комплектования, когда уделом дворянства стала служба преимущественно в офицерском составе кавалерийских полков, а рядовых начали набирать путем вербовки свободного населения. В России же освоением новых форм конного боя занимались традиционные военно-служилые корпорации ратных людей, и в первую очередь – служилые люди «по отечеству».

Все отношения между дворянами и детьми боярскими были проникнуты понятиями «чести»: чести рода, чести города, чести государя. Потомки древнерусских дружиинников, они дорожили своим почетным правом во время войны нести «дальнюю полковую конную службу», то есть «одувконы», в «полном доспехе» и с холопами. Фактический перевод многих обедневших детей боярских в пехоту (т.н. «конную

<sup>1</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 87–103 (глава «Преобразование рыцарства в кавалерию»).

службу с пищальми»), в 1570–1600-х гг., стал серьезной местнической «потерькой» для их родов и целых служилых городов<sup>2</sup>.

Определенное место в иерархии служилых людей занимали служилые иноземцы. Под таким понятием в приказном делопроизводстве XVI–XVII вв. объединялись выехавшие «на царское имя» воины самых разных национальностей и исповеданий: черкасы, литва, поляки, немцы, греки, валахи, сербы. Исключение составляли лишь татары и представители горских народов, в отношении которых нормы приема на службу сложились в период владычества Большой Орды и в силу этого отличались значительным своеобразием.

Те из иноземцев, чье обеспечение (кормовое или поместное) позволяло снаряжаться в «далнюю конную службу», несли ее наряду с русскими детьми боярскими, выделяясь особенностями полковой организации. Если дети боярские выступали в полк своим «городом» и только в походе расписывались в сотни – временные боевые подразделения, – то иностранные всадники проходили службу в ротах, по которым получали жалование и в составе которых сражались на поле боя. Роты эти имели своеобразное национальное «лицо» (немецкие, литовские и иные), поскольку иноземцам позволялось сохранять привычный уклад и жить в обществе единоплеменников. Кроме того, эти бойцы должны были цениться за своеобразные, полученные на своей родине воинские навыки, почему иногда выходцы из региона Османской империи («гречея и сербеня и волошения и угреня и мултания») или из Речи Посполитой («поляки и литва и черкасы») могли сводиться в роты и без различия вероисповедания<sup>3</sup>.

Интерес к новым способам боя, развивавшимся в Западной Европе, заметно проявляется в России уже в годы Ливонской войны. При завоевании ливонских городов царские воеводы стали призывать на государеву службу опытных европейских воинов, в особенности дворян, и уже в 1560–1570-х гг. их отряды появились на татарской границе<sup>4</sup>. Они представляли собой конных аркебузиров или карабинеров, вооружен-

<sup>2</sup> Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 22–23; Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. С. 191; мещерские дворяне Любовники особо подчеркивали в родословной, что из них «в пищальниках и в станице» никого не бывало (Лихачев Н. Любовники // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 215).

<sup>3</sup> Ф. 210. Книги Московского стола. № 49. Л. 20, 142 (списки служилых иноземцев 7144 г.).

<sup>4</sup> Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // ИА. 1959. № 4. С. 173, 175, 179–180; Скobelkin O. B. Иностранные известия об иноземцах в русском войске в XVI веке // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое и Новейшее время: Сб. науч. трудов. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 16.

ных, помимо холодного оружия, легкими ружьями для стрельбы с коня и пистолетами<sup>5</sup>. Тогда как русские ратники вели пальбу только из-за прикрытия «гуляй-города», «немцы» плотным строем выезжали в поле и расстреливали татар с коня, что вызывало у последних нескрываемый ужас; отличились их отряды и при Добрыничах в 1605 г. Судя по тому, что до 700 немцев из рот Розена<sup>6</sup>, Маржерета и Кнутсона<sup>7</sup> в этом сражении были объединены в два «эскадрона» («Geschwader»)<sup>8</sup>, они применили тактику, обычную для рейтар Западной Европы. Вместе с тем, никаких попыток перенять подобные формы боя русской конницей пока не наблюдается: видимо, для морального воздействия на противника считалось достаточным иметь наличный отряд иноземцев.

Первый известный опыт планомерного обучения русских ратников иноземными специалистами, по методике «нидерландской военной школы», был предпринят в войсках кн. М. В. Скопина-Шуйского в Калязинском лагере осенью 1609 г. Однако он был распространен только на пеших ополченцев из посошных ратей северных уездов<sup>9</sup>, поскольку «немецкая» пехота, прибывшая на помощь Шуйскому против «Тушинского вора», смогла успешно противостоять полякам. Рейтары же шведского короля оказались бессильными против сокрушительных атак конных копейщиков (гусар и пятигорцев), так что русские всадники предпочитали перенимать польское оружие и способ копейного боя<sup>10</sup>. Власти Второго ополчения, отвергнув предложение о найме со стороны «немцев», не отказались от услуг польско-литовских жолнеров роты Хмельевского, которые вскоре своей атакой предрешили победный исход битвы под Москвой в 1612 г.<sup>11</sup>

Первое время после воцарения Михаила Федоровича Романова отряды служилых «немцев», пополнившись новыми ротами («бельские

<sup>5</sup> Там же. С. 22–23.

<sup>6</sup> Автор придерживается транскрипции фамилий иноземцев, принятой в разрядной документации, за исключением тех случаев, если в историографии установилась иная транскрипция.

<sup>7</sup> В росписи войск кн. Мстиславского указаны пять рот «сербен и гречен и немец» (1024 чел.), у которых назван только один ротмистр – «Матус Кнутцов». О двух других известно из записок Буссова: Буссов К. Московская хроника 1584–1613. С. 102; ср.: Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 37.

<sup>8</sup> Буссов К. Московская хроника 1584–1613. С. 102, 227; возможно, в эскадроны были построены только отряды Розена и Маржерета, поскольку Маржерет в своих записках говорит о двух ротах («deux compagnies d'estrangers» – Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 105, 192).

<sup>9</sup> Бибиков Г. Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // ИЗ. М., 1946. Т. 19. С. 3–16.

<sup>10</sup> Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 64–74, 84; Herbst S. Wojna Inflancka 1600–1602; Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. Vol. 1. P. 6–7, 18.

<sup>11</sup> ПСРЛ. Т. 14. 1-пол. С. 126.

немцы»), продолжали нести традиционную конную службу против татар под Тулой. Ситуация стала меняться только накануне Смоленской войны 1632–1634 гг., когда началось формирование полков солдатского строя из русских людей во главе с иноземными офицерами. Поначалу, в апреле 1630 г., по городам были разосланы грамоты с призывом к беспоместным детям боярским записываться в такие полки для «ратного наученья» у полковников-иноземцев на Москве. Одновременно главному вдохновителю всего предприятия, бывшему полковнику шведской службы Александру Лесли было велено нанять в протестантских странах несколько целых пехотных полков. Однако в его наказе еще содержалось условие «конных солдатов не приговаривать»: если «немецкая» пехота ценилась и за стойкость на поле боя, и за способность к осадным работам, то невысокое мнение о качествах западной конницы со времен Смуты не изменилось. Так, в июле 1631 г. в Москве обсуждалось предложение шведского короля Густава Адольфа навербовать на русские деньги целый корпус для вторжения в Польшу с запада. Предлагалось составить его из 10 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы, но в Москве «не захотели включать конницу в нанимаемое войско, предпочитая лучше нанять лишних 5 тыс. пехоты, а конницу направить собственную к условленному месту встречи»<sup>12</sup>. В России посчитали излишним тратить лишние средства на дорогостоящую, но неэффективную наемную кавалерию.

Однако, вскоре обнаружилось, что даже беднейшие дети боярские неохотно идут в пешие солдаты, увидев в этом, быть может, новый вариант бесчестной «службы с пищальми». Вместе с тем, слишком многие из них после «Московского разорения» были неспособны к полноценной конной службе в городовых сотнях, что усиливало необходимость их записи в новые полки с казенным обеспечением. После долгих колебаний, в июне 1632 г. был, наконец, издан указ о начале формирования русского полка рейтарского строя в 2 тыс. человек, командование которым через месяц принял француз Самуил («Самоил») Шарль Де Эберт<sup>13</sup>. Он был назначен по ходатайству «старшего полковника» А. Лесли, в полку которого поначалу числился подполковником. Заметим, что по крайней мере с начала XVII в. французы занимали видное место в командном и рядовом составе шведской кавалерии, тогда как немцам и шотландцам принадлежал приоритет в пехоте.

Начальный состав полка пришлось укомплектовать большей частью из наличных немцев «старого» и «нового выезду», поскольку Лесли

<sup>12</sup> Поршинев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. С. 256.

<sup>13</sup> Основные данные о формировании полка: Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. С. 62, 77, 80, 91, 98, 110–114; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.

не имел указаний вербовать кавалерийских офицеров. Так, подполковником рейтар стал ротмистр поместных немцев старого выезду Петр Гамолтон (в крещении Давыд), ротмистрами – старого выезду Василий Кречетников, Ян Вод, поручиком – Юрий Лермонт (из бельских немцев) и т. п. С одной стороны, часть этих ратников сохранила навыки традиционного «немецкого боя» и потому оказалась более восприимчива к освоению новых форм линейной тактики. С другой стороны, они владели русским языком и служили передаточным звеном между прибывшими с Запада специалистами и русскими рядовыми.

В 1631–1632 гг. полковники сами составляли штаты своих полков и «смету» необходимого вооружения и запасов. При этом, если в пехоте они придерживались в общем единообразного штата шведского 8-ротного полка, то Самуил Шарль предложил довольно оригинальный проект: 2 тыс. рейтар были разделены поровну на 12 рот (по 167 чел.). Аналоги штатной структуре полка следует искать в практике французской, а не шведской армии, что проявилось и в названиях таких чинов, как «бригадир» (капрал), и в назначении в состав полка сильного драгунского отряда.

Последнее указывает на хорошее знакомство полковника с практической усиления мушкетерами огневой силы эскадронов – тактическим приемом, имевший к тому времени уже давнюю историю. Впервые в знаменитой битве при Павии (24 февраля 1525 г.) кавалерия Германского императора, слабая по численности и находившаяся «в дурном состоянии», одержала победу над отборными французскими жандармами благодаря поддержке своих пеших стрелков<sup>14</sup>. Затем имперцы стали применять шахматное построение конных и пеших полков против османской армии, обладавшей подавляющим превосходством в коннице. В то же время, во Франции появились «драгуны» – пехотинцы, которые для быстрых передвижений использовали захваченных лошадей. С 1615 г. каждая французская конная рота имела в своем составе карабинеров, которые вскоре вооружились мушкетами. Вскоре такие конные мушкетеры (или драгуны) организационно вошли в состав всех французских конных частей, а с 1638 г. каждый полк шеволежеров (по сути, рейтар) стал включать в себя мушкетерскую роту<sup>15</sup>.

Согласно сочинению И. Якоби фон Вальгаузена «Военное искусство кавалерии» (1616), ротам и командам драгун, а также мушкетерам, размещавшимся среди эскадронов конницы, отводилась роль мобильной огневой поддержки копейщиков и кирасир<sup>16</sup>. Этот учебник выражал нормы организации и тактики, общие для всей Западной Европы того

<sup>14</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. С. 73; Марков С. Л. История конницы. Ч. 3. Отд. 1. С. 34–35; Pavia. S. 761–762.

<sup>15</sup> Брикс Г. О. Р. История конницы. Кн. 2. С. 74–79.

<sup>16</sup> Марков С. Л. История конницы. С. 66, 156–157; Рюстов Ф. В. фон. История пехоты. Т. 2. С. 108.

времени. Шведский король Густав II Адольф в борьбе с польской «гусарской» так отработал методы этой взаимной поддержки рейтар, драгун и мушкетеров, что некоторые историки до сих пор приписывают ему само «изобретение» данного тактического приема. На заключительном этапе Тридцатилетней войны и в иных войнах 1640–1650-х гг. мушкетерские команды, иногда даже снабженные легкими пушками, усиливали конницу практически всех западных армий. Особенностью русской рейтарской кавалерии, перешедшей из французской военной практики, стало организационное включение драгун-мушкетеров в один полк с рейтарами, тогда как в иных странах такое соединение происходило только непосредственно перед битвой<sup>17</sup>. Пристальное внимание к взаимодействию драгун и рейтар вполне понятно, если учесть, что именно стрельба из дальнобойных крупнокалиберных мушкетов расстраивала мощную атаку польской кавалерии, позволяя хуже экипированным всадникам одерживать верх.

Надежды на рейтар блестящие подтвердились в первом же сражении, в которое полк Де Эберта вступил после прибытия под Смоленск в августе 1633 г.: рейтары оказались достаточно вооружены и обучены, чтобы в открытом столкновении с польской конницей сбить ее с поля и одержать верх. Как писал полковник: «И сентября де в 18 день приходили польские и литовские и немецкие люди из обозу королевского и из города на мой обоз, да Индрика Фандама на шанцы, гусары и рейтары и пехота немецкая (и) гайдуки на утренней заре; и милостью Божьей и твоим государским счастьем побили у них многих людей, и я своим полком их конных людей, гусар и рейтар, многих побил и в реку потоптал и за реку за Днепр прогнал. И того ж дня в четвертом часу выходили из города и из обоза король с гетманом Козановским да с Родивилом на наши полки, и я со своим полком стал в поле у монастыря Архангельского и дал им полевой бой против их гусарских и рейтарских рот, и тут Божьей милостью и твоим государским счастьем побили у них многих людей; а был бой у нас с ними того числа во весь день, с утра до вечера»<sup>18</sup>.

По окончании войны рейтарский полк был распущен, и его чины (кроме тех наемников, что пожелали вернуться в Европу) обратились в традиционное состояние дворян, детей боярских и служилых иноземцев. Правда, начальные люди из немцев не вернулись в состав рядовых, а сохранили принадлежность к своим полкам и старые чины<sup>19</sup>. Уже через два года они приступили к планомерному обучению новых контингентов русских солдат и драгун на южной границе, где возобновилось строительство укрепленных линий. Чего нельзя сказать о рейтарах из немцев,

<sup>17</sup> Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. Vol. 2. P. 15–16.

<sup>18</sup> АМГ. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. С. 536.

<sup>19</sup> Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. С. 776–779; Ф. 210. Книги Московского стола, № 49. Л. 940–1450.

которые были вынуждены продолжать конную службу в ротах, оказавшись невостребованными в качестве инструкторов кавалерии вплоть до 1649 г. Причиной этому стало особое положение в обществе их потенциальных подопечных – русских служилых людей «по отечеству».

Не смотря на знатность многих иноземцев, служба русских дворян и детей боярских, как московских, так и городовых, традиционно считалась «честнее». Как правило, эту «честность» военно-служилой сословной группы отражали разрядные росписи, в которых каждой из них постепенно усваивалось четко определенное место. Так, в период Ливонской войны отряды из немецких наемников записывались в одном ряду с наемными казаками с Поля и охочими людьми, выставленными Строгановыми; однако, уже к началу XVII в. «немцы» заняли свое место среди прочих служилых иноземцев (после греков, сербов и литовцев). Эта категория в период Смуты несколько поднялась в разрядных росписях: если в 1604 г. иноземцы были записаны после служилых татар и прямо перед служилыми людьми «по прибору», то после 1615 г. их стали указывать выше татарских отрядов<sup>20</sup>. Но в любом случае несколько поколений дворян и детей боярских привыкли на смотрах и при раздаче жалованья слышать, как имена иноземных ротмистров и их товарищей «кличут после всех городов». Такой порядок вполне соответствовал их взглядам на «честность» служилых сословий – ведь еще в 1660-х гг. дворяне и дети боярские Новгородского разряда, доказывая свою верность царю в категориях давности, «природности» своей службы, писали: «Мы холопи твои, великого государя, природные, а не иноземцы и не донские казаки»<sup>21</sup>.

Обычным было и то, что в походе для начальства иноземцами назначался русский «голова» из выборных дворян – так же, как и в отрядах служилых татар и донских казаков. В бою рядовыми «товарищами» роты руководили ротмистры и поручики, профессионалы своего дела, а эти головы осуществляли связь с воеводами и решали административные вопросы. Обратное явление, когда тысячи дворян и детей боярских оказались под началом «некрещеных» немцев, стало по крайней мере необычным.

Явным поводом для недовольства служилой знати послужил немыслимо высокий оклад денежного жалования рейтарских начальников из «немцев», который был установлен по европейским нормам. В своей известной челобитной после Смоленской войны московский дворянин И. А. Бутурлин заявил о необходимости сократить гигантские расходы на иноземных офицеров, набрав вместо них поместных дворян,

<sup>20</sup> Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. С. 175; Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. С. 37; Книги разрядные, по официальным оных спискам... Т. 1. Стб. 48, 101–102.

<sup>21</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. С. 607.

хотя в самой целесообразности рейтарского полка не сомневался<sup>22</sup>. Но в указанных требованиях читается не только забота об экономии: слишком большие полномочия представителей этой категории служилых людей «по отечеству» создавали реальную угрозу чести дворян и детей боярских. Мало того, что под началом Де Эберта оказалось больше ратников, чем у иных полковых воевод. Согласно «наказу» от 30 июня 1633 г., француз получил над русскими рейтарами и драгунами всю полноту судебной власти, доверяемой прежде только царским воеводам: бить батогами или кнутом, в зависимости от тяжести преступления, а за «самое большое воровство» (убийство и иное) «держать за профосы», сдавая преступника властям в ближайшем городе. Также и ротные командиры-иноземцы должны были в походе смотреть «над своими подначальными людьми, которые были у них на Москве в науке, и над ратиары»<sup>23</sup>. Все это, несомненно, диктовалось военной необходимостью и требованиями единоначалия, но не могло не вызвать неприятия у служилых людей «по отечеству». Поскольку с ними было принято считаться в большей степени, чем с иными военно-сословными группами, правительство избрало наиболее мягкую форму реформирования конницы на западный манер.

В первую очередь, началось перевооружение конницы сотенной службы по рейтарскому стандарту: пистолетами и, главное, карабинами. Уже осенью 1637 г. московским и городовым помещикам, назначенным на следующий год в полки по Большой засечной черте, было велено обзавестись пищалями или карабинами – чтобы «с одним пистолем однолично никаков человек в полку не был». Тогда это мотивировалось неэффективностью пистолетов в боях с татарской конницей, предпочитавшей уклоняться от рукопашной схватки и вести лучный бой на расстоянии: «короткий бой к татарскому бою без карабинов худ и короток»<sup>24</sup>. После того, как ратные люди обзавелись требуемым оружием, наступил следующий этап: в конце 1649 г. им было указано на следующий год «быти на государеве службе с приезду до отпуска, на добрых лошадях. И которые владеют лучною стрелбою, и тем быти с саадаки, да у них же быти по пистоле; а которые с саадаки не ездят, и у тех быти по карабину по доброму, да по два пистоли; а служилые б люди были за ними с карабины ж или с долгими пищалями»<sup>25</sup>. Судя по данным смотров, к началу новой войны с Речью Посполитой (1654–1667) задача вооружения конницы сотенной службы пистолетами и, в значительной степени, карабинами была выполнена.

<sup>22</sup> Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. С. 134.

<sup>23</sup> Книги разрядные... Т. 2. Стб. 491–501.

<sup>24</sup> Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. С. 46.

<sup>25</sup> Записные книги Московского стола (1636–1663 гг.). С. 437.

По тому же рейтарскому образцу конные сотни в боевых походах стали сопровождаться новообразованными подразделениями драгунского строя. Так, двести отборных дворян и детей боярских Большого полка, которые помесячно служили «в Поле» при охране городов Новой (Белгородской) укрепленной черты, отправлялись туда в сопровождении драгунской роты (100 чел.) из «приказа Тульского драгунского строя»<sup>26</sup>. В походах 1654 и 1655 гг. сотенная конница Новгородского полка также систематически усиливалась драгунами из поселенных солдат Заонежских погостов и Сомерской волости. В последнем случае они выполняли задачу не только мушкетеров, но и конных пионеров, прокладывая путь по глухим лесам и болотам Белоруссии<sup>27</sup>. При этом драгуны, набиравшиеся из незнатных ратников (украинных детей боярских, казаков, даточных и т.п.), как правило, находились под командой немецких начальных людей.

Указанные явления были в то время характерны и для традиционной кавалерии соседней Речи Посполитой – т.н. польского «autoratmentu». Однако, если модернизация польской конницы в XVII в. на этом исчерпала себя, то в России скоро последовал этап более глубоких реформ, заключающийся в организационном преобразовании конной ратной службы. Этому способствовало оживление военных связей с протестантскими землями Западной Европы в начале царствования Алексея Михайловича и начало массового приема на царскую службу иноземных военных специалистов, уволенных из армий Европы после Вестфальского мира 1648 г., а также покинувших по политическим соображениям Англию. В 1649 г. был учрежден Рейтарский приказ во главе с царским тестем боярином И. Д. Милославским, а доверенное лицо боярина – голландец Исаак Фанбуковен – возглавил новый полк «рейтарского строя» в 2 тыс. чел.

В полк на добровольной основе поступали дворяне и дети боярские изо всех уездов, включая значительное количество жильцов и более знатных дворян «московских чинов». Неприятие этими новыми рейтарами иноземных офицеров не утаилось и от сторонних наблюдателей: по донесению шведского резидента в Москве Поммеринга (ноябрь 1649 г.), «так как 2000 дворян-рейтар Букговена никоим образом не хотят позволить командовать собою голландским и вообще иноземным офицерам, которых они называют некрещеными и о которых отзываются, что они сами большей частью не служили, а бывшие под Смоленском русские понимают больше них, то ежедневно упражняются 200 рейтар, из числа упомянутых 2000, чтобы они могли потом обучать

<sup>26</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1118. Л. 61, 92–93, 99.

<sup>27</sup> ЗОРСА. СПб., 1861. Т. 2. С. 67–72; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 598–604.

своих товарищем и командовать ими»<sup>28</sup>. Из текста неясно, выражалось ли это отношение к иноземцам официально, в виде челобитной – скорее, Поммеринг просто объяснил, почему правительство изначально взяло курс на подготовку командного состава пехоты и кавалерии «нового строя» из русских дворян и детей боярских.

Рейтарский полк действительно превратился в настоящую офицерскую школу, аналоги которым существовали в то время во многих европейских государствах. Система преподавания, которой придерживался полковник Фанбуковен, являлась плодом классической к тому времени нидерландской военной мысли. Однажды даже старейшие полковники русской службы, А. Лесли, А. Краферт и Я. Бутлер признали, что «полковник Исаак фан Буковен... рейтарским ротам своего полку в ученье и к стрелбе оказывал в многие статьи, чево, – сказали, – они, Александр Лесли с товарыщи, и не видали»<sup>29</sup>. Рейтар с самого начала обучали не только конному, но и пешему, солдатскому строю «с мушкеты и с пики», чтобы через несколько лет они вполне могли занять командную должность в войсках и сами обучать своих подчиненных<sup>30</sup>. Некоторые из них в челобитных о пожаловании в начальные люди прямо указывали: «Которому ученью конному и пешему учен, и то ученье умею» (сын боярский Т. С. Неелов), «ученья конная и пешая с мушкеты и с пики умею» (сын боярский вязмитин Волжинский)<sup>31</sup>. Другой шведский посолщик всего через три года передавал о Фанбуковене и его рейтарах: «Думают, что он их теперь так сильно обучил, что среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника»<sup>32</sup>.

Итак, можно констатировать, что при возобновлении частей рейтарского строя из русских людей правительство взяло курс на как можно более полное замещение их командных должностей дворянами и детьми боярскими. Вызвано это было как соображениями экономии, так и местническими отношениями внутри сословия служилых людей «по отечеству», а стало возможным благодаря заблаговременно организованному обучению национальных кадров западным уставам.

С лета 1653 г. начались и массовые выпуски рейтар в полки, где они по смотру боярина И. Д. Милославского и по определению полковни-

<sup>28</sup> Цит по: Цветаев Д. В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 707.

<sup>29</sup> «Перевод с галанского письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарского строю полковник Исаак фан Буковен...». С. 9 (комм. А. В. Малова).

<sup>30</sup> Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII веке. С. 159–160, 164, 166–168, 170, 192.

<sup>31</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 262, 330.

<sup>32</sup> Цит по: Цветаев Д. В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 707.

ков-иноzemцев занимали должности от капитана и ниже<sup>33</sup>. В новых рейтарских частях роль иноземцев свелась в основном к контролю за обучением рейтар, для чего, как правило, было достаточно одного – двух старших офицеров на полк<sup>34</sup>. При этом, предпочтение оказывалось либо давно известным ветеранам Смоленской войны, либо знатным и опытным иноземцам нового выезда. Так, в 1654 г. упоминается 5 рейтарских полковников: Исаак Фанбуковен, его сын Филипп Альберт («Филиппиос Альбертус») – он возглавлял с 1649 г. «вторую тысячу» рейтарского полка – Василий Кречетников – сын ротмистра «старого выезда», – нововыезжие Лоренц Мартот и Василий Фан Дроцкий баронет<sup>35</sup>. К 1655 г. чин полковника получил иноземец «старого выезда» Денис Фанвисин, сын ротмистра поместных немцев и прапорщик еще первого рейтарского полка<sup>36</sup>. Вскоре в полковники стали жаловать и русских дворян, таких как стольник Венедикт Андреев сын Змеев, у которого в полку среди майоров и ротмистров не встречается ни одного «немца» (в 1656 г.)<sup>37</sup>. К 1662–1663 гг. на 16 полковников-иноzemцев приходилось уже 8 русских; небольшие копейные полки Белгородского разряда возглавили подполковник и майор из иноземцев, а гусарский полк Новгородского разряда – подполковник из новгородских дворян. Все это резко контрастирует с ситуацией в пехоте, где порядка сорока полков солдат и драгун состояли в ведении только иноземных генералов и полковников: исключение составляли лишь два «выборных» (гвардейских) полка<sup>38</sup>. Среди начальных людей среднего звена в пехоте иноземцев было также больше, чем в кавалерии: к примеру, из сотен офицеров поселенных полков Заонежских погостов и Сомерской волости в 1649–1655 гг. вообще не было ни одного русского<sup>39</sup>.

Сильно ограниченными оказались судебные полномочия иноземцев. Так, рейтарский полковник действовавшего на Украине войска А. В. Бутурлина Д. Д. Фанвисин не имел судебной власти над началь-

<sup>33</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 26–35, 258–290, 320–331 (челобитные о пожаловании чинов и кормовых денег).

<sup>34</sup> Роспись большей части рейтарских полков в октябре 1655 г.: Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 874. Л. 340 и далее; № 908. Л. 52–70.

<sup>35</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 203, 361.

<sup>36</sup> Его брат Юрий, в крещении Афанасий, был пожалован в стольники: он и был предком известного русского писателя XVIII в. (Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. [21]: Фабер–Цывловский. С. 171; Ф. 210. Книги Московского стола. № 49. Л. 1410об.)

<sup>37</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 126–127, 343–344.

<sup>38</sup> Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. С. 989, 990; Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. С. 1–60.

<sup>39</sup> ДАИ. СПб.. 1848. Т. 3. С. 170–173 (№ 41); Ф. 210. Книги Московского стола. № 57. Л. 104–171об.

ными людьми и иноземцами своего полка, которые судились в Приказном шатре у воеводы, а его ротмистры сами приводили туда же виновных в убийстве рейтар. Он был обязан следить за поведением своих подчиненных на походе и «на стану», а нарушителей задерживать и отдавать под арест профосу до воеводского распоряжения<sup>40</sup>.

Наконец, уже в начале войны был установлен единый образец организации рейтарских подразделений, что прекращало практику составления проектов штатной структуры полка самим полковником. И воеводы, и сам Алексей Михайлович уже неплохо разбирались в тактических особенностях этих частей, так что в зависимости от задачи Рейтарский приказ снаряжал на службу отряды разной численности. Рот в полку могло быть и 5, и больше 15, по необходимости они усиливались драгунами, но во всем виден четко установленный порядок, а не произвол командиров. Теперь только наиболее авторитетные иноземные начальные люди привлекались к консультациям при организации полков рейтарского строя<sup>41</sup>.

Перевод дворян и детей боярских в эти полки происходил постепенно: в 1654 г. число рейтар увеличилось до 6 тыс. человек, затем процесс замедлился, а в 1658–1659 гг. возобновился уже в рамках территориальных военно-административных округов – т.н. «разрядов». Такое промедление было обусловлено целым рядом экономических и тактических соображений: необходимо было убедиться в эффективности новых полков, а затем изыскать крупные средства на их формирование и снаряжение.

В отдельных разрядах уже в обязательном порядке производился «разбор» конных ратных людей и запись их либо в рейтары, либо в сотни – в зависимости от достатка и знатности рода. Затем команду над рейтарами принимали начальные люди, присланные из Москвы: как правило, ветераны прежних походов из русских дворян и несколько иноземцев в высоких чинах (полковник и заместители). Так, весной 1659 г. во главе полков рейтарского строя в Новгородском разряде встали иноземец «старого выезду» Денис Денисов сын Фанвисин, его старый сослуживец Мартин Рец<sup>42</sup> и шотландец Томас Бойт. Среди их подчиненных мы находим лишь нескольких иноземцев, причем в основном старых: ротмистра Ивана Афанасьева сына Сербенина и нескольких прапорщиков. Уже в следующем году все они выбыли из строя в ходе знаменитого Литовского похода 7168 г. кн. И. А. Хованского<sup>43</sup>, и их заменили вначале знатные дворяне московских чинов, а затем городовые дворяне Новгородского разряда.

<sup>40</sup> Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 15, 76, 82, 142, 154–158, 205–206, 276.

<sup>41</sup> См. выше.

<sup>42</sup> Майор «Мартын Рыцын» служил в полку Д. Д. Фанвисина еще в 1655 г.: Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 278.

<sup>43</sup> Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 г.» кн. И. А. Хованского и битва при

Между тем, большие потери не только среди начального состава, но и среди рядовых этого округа в боях 1659–1661 гг. потребовали привлечения новых источников комплектования: вольных людей, городовых казаков, монастырских слуг и дворянских даточных. Для надзора за их обучением снова понадобились компетентные специалисты, а к 1662 г. новгородскими полками командовали майоры из местных дворян. Боярин кн. Б. А. Репнин, ставший в том же году воеводой Новгородского разряда, долго добивался присылки из Москвы иноземных полковников для своих рейтарских полков: «и тем, Государь, полком без полковников и подполковников быть некоторыми обычай немочено, потому что тех полков рейтаром ученье худо, и маеоры, Государь, и начальные люди приходя к нам, холопям твоим, извещают, что им рейтары чинята непослушны, и рейтарскому строю учат их худо...»<sup>44</sup> Судя по контексту, теперь полковник-иноземец стал восприниматься как беспристрастный арбитр, оценивающий качество обучения и стоящий вне разногласий различных групп служилых людей. К тому же регулярные учения стали источником злоупотреблений со стороны некоторых офицеров и причиной конфликтов: так, в июле 1662 г. луцкие казаки рейтарского строя жаловались на своих ротмистров из дворян, которым они были вверены в конце предыдущего 1661 г.: «Ведали нас, холопей твоих, с тех мест и доныне, а того мы, холопи твои, не ведаем, по какому указу оне нас... ведают. И на недели нас, холопей твоих, по дважды и по трижды смотрели и на ученье многожды нас, холопей твоих, выводили для ради своей бездельной корысти. А которая, Государь, наша братия на ученье и на смотр не поспеют, и оне тех нас, холопей твоих, били палками, а иных батогами, и сажали на съезжей двор, и на съезжем дворе держали по недели и больше...»<sup>45</sup>

Годом раньше мы встречаем известие о совместном обучении всех рейтар и солдат войска кн. И. А. Хованского. Подчиненные боярину генерал-поручик Томас Далиель с полковниками И. Гулецом (солдатским) и Р. Дуклясом (рейтарским) в своих «приговорных статьях» о ратных делах предлагали: «Чтоб боярин и воевода все войско, конницу и пехоту, велел ставить в лаву почасту, чтоб против неприятеля знали, в лаву ставитца как ведетца...», на что получили одобрение царя. Вместе с тем, беспокоясь, что у них «в полках пехоты большая половина новоприборной и ученья не знает...», иноземцы не жаловались на необученность рейтар<sup>46</sup>.

Война 1654–1667 гг. стала целой эпохой в истории отечественной конницы, приведя ко многим принципиальным изменениям и в ее тактике и вооружении, и в организации «полковой службы», и, – что подчер-

Полонке 18 июня 1660 г. С. 25–40.

<sup>44</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 223.

<sup>45</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284.

<sup>46</sup> Ф. 27. Приказ Тайных дел. № 166. Л. 112–120.

кивает глубину реформ, – в нормах поведения и обычаях ратных людей. В 1662 г. для командования над полком из монастырских даточных и казаков в Новгород был вновь назначен целый штат иноземцев от рядовых рейтар до полковника<sup>47</sup>, что стало резко отличать это подразделение от других. Полковник Готлип Фоншнейн должен был проверять качество и полноту вооружения и хлебного запаса у монастырских слуг, и по его списки воевода разряда отправлял «памяти» в соответствующие монастыри с требованием устраниТЬ недостатки. Иноземец был обязан не только следить за этим, но и «накрепко» наказывать, вплоть до битья кнутом «нешадно», если слуга не бережет свои запасы, продает или пропивает их<sup>48</sup>.

К концу этой долгой войны иноземные начальные люди, как и перешедшие на царскую службу литовцы и поляки, стали привычными персонажами в окруже постоянных боевых действий. Так, 7 ноября 1663 г. во Пскове перед воеводой А. В. Бутурлиным «сказывал... псковитин Леонтий Окунев. Ноября-де, Государь, в 4 день был он, Леонтий, в усадьбе своей во Псковском уезде в Демьянинской засаде в Виделебской губе, ото Пскова в тритцат[и] верстах на Черехе-реке. И того ж-де дн[и] поутру рано в другом часу дни ехал[и] мимо ево усадбу болшою проезжею дорогою верхи немчин да с ним два человека литовских людей, а сказывалися, Государь, он[и] ему, Леонтию, что они едут из Смоленска во Псков с отписки, и поехали-де ко Псков[у] по псковской большой дороге»<sup>49</sup>. Вышеупомянутые гонцы во Пскове так и не появились, а чуть ранее, в ночь на 3 ноября, в тамошнем кремле взорвался пороховой погреб<sup>50</sup>. Сопоставив известия, приказ Тайных дел разослал государев указ по городам и полку Новгородского разряда, «приказать накреп[ко] з большим подкреплением, что[бы] русских людей никаков человек в полс[ком] и в немецком платье не ходи[л], для того, чтоб из литовские стороны лазутчики и всякие воровские люди знатны были»<sup>51</sup>.

Итак, участие иноземцев в реформировании русской конницы с 1630-х гг. характеризуется рядом особенностей по сравнению с иными родами войск. В первую очередь они были вызваны своеобразным, во многом уникальным явлением, когда начальные люди полков рейтарского строя по своему сословному статусу принадлежали к менее «честной», не такой знатной группе, как подчиненные им рядовые. Стремление преодолеть неизбежные местнические конфликты, устранить основное препятствие для службы дворян и детей боярских в

<sup>47</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 51–52.

<sup>48</sup> Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 21 (память Новгородского Юрьевского монастыря архимандриту Феодосию); Л. 218 (память полковнику Г. Фоншнейну от 28 июня 1662 г.)

<sup>49</sup> Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 189.

<sup>50</sup> Там же. Л. 196–200.

<sup>51</sup> Там же. Л. 189, 301.

этих полках вынуждало ограничивать участие иноземцев в командовании конницей и стимулировало скорейшее создание офицерского корпуса из русских дворян.

Степень и характер вклада служилых «немцев» в реформирование конницы со временем менялись. Первый ратный полк был создан полностью по проекту и под руководством французского полковника и при участии большинства старых иноземцев русской службы. Затем роль наиболее выдающихся своей знатностью и образованием специалистов свелась к обучению «премудростям» ратного строя русских начальных людей, наблюдению за подготовкой рядового состава и консультациям воевод и приказов по отдельным вопросам организации и обеспечения войск. В то же время, иноземцы – начальные люди среднего командного звена (от ротмистра и ниже) нашли себе применение в полках, сформированных из представителей незнатных служилых сословий – казаков, монастырских слуг, даточных и вольных людей. Помощь всех этих специалистов позволила уже к середине русско-польской войны 1654–1667 гг. перевести большую часть русской конницы в состав полков ратного строя, хорошо вооруженных и обученных для боя в линейном строю.

Если же говорить об общественном и историко-культурном аспектах, то эпоха 1630–1660-х гг. стала временем, когда царские воины «природные» и иноземного, западноевропейского происхождения почувствовали друг друга близкими соратниками, преодолели, в совместных походах и тяготах, былое отчуждение и научились взаимопониманию. Вместе с тем, в силу сохранения традиционного сознания в обществе, пытает перед искусством «немецких» специалистов не перерос во всея власть последних и низкопоклонство перед всем иностранным, что резко отличает военные реформы первых Романовых от многих последующих периодов отечественной военной истории.

# ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

## ИСТОЧНИКИ

### НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

- Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 86. Ч. I; 166; 176; 277; 568.  
Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Новгород. Кн. 60; 64.  
Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1626 г. № 7; 1654 г. № 100.  
Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1. № 1135; Оп. 3. № 164.  
Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. № 475.  
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен. Кн. 141; 276; 282;  
Смотренные списки. Кн. 13; 20; 21; 27; 85; 87; 120;  
Книги Московского стола. Кн. 49; 56;  
Книги Новгородского стола. Кн. 7; 11; 12;  
Столбцы Московского стола. № 256. Столпик I; 274; 276; 317; 341;  
342. Столпик II; 344; 347; 349; 351; 352. Столпик I; 355. Столпик II;  
361; 362; 374; 864; 874;  
Столбцы Новгородского стола. № 113; 117; 118; 120; 125; 126; 127;  
129; 132; 135; 136; 146; 148; 156; 162; 164; 165; 178; 180; 187; 188; 260;  
349;  
Столбцы Белгородского стола. № 387; 418; 429; 432; 486; 488; 510;  
Столбцы Приказного стола. № 286; 340; 469; 490; 549; 600; Оп. 17.  
№ 83; 214; Оп. 19. № 6; Оп. 20. № 119.  
Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 90; 91; 94; 96; 101;

### ОПУБЛИКОВАННЫЕ

Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634; Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб. 1894; Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб. 1901.

Акты о выездах в Россию иноземцев // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. III–IV.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVII вв. Т. III. М., 1964.

Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183. М., 1908.

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.

Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. М., 1911. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М. 1911. Кн. 3. С. 1–60.

Витебская старина / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945.

Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000.

Гордон П. Дневник. 1660–1668. М., 2002.

Дворцовые разряды, издаваемые по высочайшему повелению... СПб., 1852. Т. III (1645–1676).

Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. III.

Дополнения к III тому Дворцовых разрядов... СПб., 1854.

Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21.

Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165–7183. М., 1908.

Донские дела. Кн. 5 // Русская историческая библиотека. Пг., 1917. Т. 34.

Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.

Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. СПб., 1904.

Записные книги Московского стола 1636–1663 гг. // Русская историческая библиотека. СПб., 1888. Т. 10.

Записные книги Московского стола. I (1664–1665 гг.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1889. Т. 11.

«Известие о начале, учреждении и состоянии легиурярного войска в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были»/ Пред. А. В. Терещенка // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Смесь. С. I–IV, 1–61.

Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1.

Кожуховский поход. 1694. (Современное описание) // Военный сборник. СПб., 1860. № 1. С. 49–106.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 11–146.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884.

Малов А. В. «Перевод с галанского письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарскому строю полковник Исак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. VI. С. 7–9.

Мейерберг А. Путешествие в Москвию барона Августина Мейерберга... в 1661 году. М., 1874.

Опись Новгорода 1617 года. М., 1984.

Палицын А. Сказание Авраамия Палицына. М., 1955.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I.

Посошков И. Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И. Т. Книга о скучности и богатстве и другие сочинения / Ред. Б. Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 245–272.

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2002.

Разрядная книга 1637–38 года. М., 1983.

Роде А. Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Оделунда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М., 1991.

Русская бытовая повесть. М., 1991.

Сборник Московского архива Министерства юстиции. СПб., 1914. Т. VI.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. М., 1826. Ч. IV.

Ченеда А. В. да. Известия о Московии, писанные Албертом Вимена да Ченеда, в 1657 году (отысканы в Риме) // Отечественные записки, издаваемые П. Свиньиным. СПб., 1829. Ч. 37. № 105. С. 13–32; № 106. С. 224–253; № 107. С. 421–441; Ч. 38. № 108. С. 79–94.

Chrapowicki J. A. Diariusz. W., 1978. Cz. 1: lata 1656–1664.

Łos. Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi pancernej Władysława margrabi Myszkowskiego, wojewody Krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667, z rękopisu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane. Krakow, 1858.

Maskiewiczy S. i B. K. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kaziemierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wrocław, 1961.

Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy księga pamietnicza wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668. Krakow, 1875.

Pamietniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku / Wyc. M. Balinskij. Wilno, 1857.

Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / Opr. J. Czubek. Lwow, [1929].

Pasek J. Pamietniki / Wstep. Wl. Chaplinski. Wyd. 5, Wrocław, 1979.

Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladislawa Poczobuta-Odlanickiego (1640–1684). / L. Potocki, I. J. Kroszewski. Warszawa, 1877.

Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce. Berlin; Poznań, 1864. T. II.

## ИССЛЕДОВАНИЯ

### НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

*Александров В. А.* Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1947.

*Верходубов В. Д.* Создание русской регулярной армии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1948.

*Епифанов П. П.* Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1969.

*Левыкин А. К.* Пушечный наряд и пушкари во второй пол. XVII в. в России (По материалам южнорусских городов): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985.

*Малов А. В.* Выборные полки солдатского строя. 1656–1671 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2002.

*Пенской В. В.* Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Белгород, 1996.

*Чернов А. В.* Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1949.

### ОПУБЛИКОВАННЫЕ

*Аграрная история Северо-Запада России* / под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1989.

*Александров В. А.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 240–241.

*Андреев И. Л.* Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.

*Андреев И. Л.* «О бедном дворянстве замолвите слово...» // Родина. 1997. № 9. С. 37–43.

*Арсений, иеромонах.* Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря. Тверь, 1899.

*Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.

*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и иных лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

*Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4; СПб., 1884. Кн. 5.

*Бегунова А. И.* «Сабли остры, кони быстры...»: Из истории русской конницы. М., 1992.

*Беляев И.* О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.

*Броворот П. О.* Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.

*Богоявленский С. К.* Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки АН СССР. М., 1938. Т. 4. С. 269–289.

*Брикс Г. О. Р.* История конницы: В 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. М., 2001.

*Буганов В. И.* Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 60–81.

*Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

*Важинский В. М.* Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (по материалам южных уездов) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1976. Т. 157. С. 52–68.

*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.

*Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

*Волынский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне: В 4 книгах СПб., 1912. Вып. 1. 1698–1706.

*Воробьев В. М.* Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб. 1994. С. 82–91.

*Гадзяцкий С. С.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества// Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 14–57.

*Гадзяцкий С. С.* Карелия и южное Приладожье в войне 1656–58 гг. // Исторические записки. М., 1941, Т. 11. С. 236–281.

*Голицын Н. Н.* Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1912.

*Голицын С. Н.* Всеобщая военная история новых времен в Восточной Европе и Азии. 1613–1740. СПб., 1878. Отд. 1.

*Голицын Н. С.* Русская военная история. СПб. Т. 1. 1877.

*Гордеев А. А.* История казаков. М., 1992. Ч. 2.

*Греков Б. Д.* Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины) СПб., 1914. Часть I.

*Гудим-Левкович П. К.* Историческое развитие вооруженных сил России до 1708 г. СПб., 1875.

*Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4.

*Денисова М. М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник. М., 1948. Вып. XX. С. 29–46.

*Денисон Дж.* История конницы. Кн. 1. М., 2001.

*Елагин С.* Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. СПб., 1866. № 1. С. 109–127.

*Епифанов П. П.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1978. Ч. 1. С. 234–264.

*Епифанов П. П.* «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.) // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167.

*Зеньковский В. В.* История русской философии. Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1.

*Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.* Во славу отечества Российского (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М., 1984.

*Зотов Р. М.* Военная история Российского государства. СПб., 1839. Ч. 1.

История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма / РАН. Ин-т истории. СПб. филиал. СПб., 1994.

История Северной войны 1700–21 гг. М., 1987.

*Калинчев Ф. И.* Русское войско во второй половине XVII в. // Доклады и сообщения Института Истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2. С. 74–86.

*Каптерев Н.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874.

*Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000.

*Каштанов С. М.* К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 112–115.

*Каштанов С. М.* Россия // История Европы. М., 1991. Т. 3. С. 118–138.

*Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Великая государева крепость. Л., 1972.

*Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

*Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1995.

- Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
- Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- Кошелева О. Е.* Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // *Отечественная история*. 1982. № 12. С. 171–177.
- Кристенсен С. О.* История России в XVII веке: Обзор исследований и источников / Пер. с дат. В. Е. Возгрин, ред. В. И. Буганов. М., 1989.
- Кром М. М.* О численности русского войска в первой половине XVI в. // *Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева*. СПб., 2002. С. 67–81.
- Курбатов О. А.* «Литовский поход 7168 г.» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г. // *Славяноведение*. 2003. № 4. С. 25–40.
- Курбатов О. А.* Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // *Военно-историческая антропология. Ежегодник*. М., 2003.
- Курбатов О. А.* Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // *Цейхгауз*. 2002. № 19 (3/2002). С. 4–6.
- Курбатов О. А.* Рецензия на книгу: Саганович Г. Невядомая война 1654–1667. Минск, 1995 // *Архив русской истории*. М., 2002. Вып. 7. С. 339–344.
- Курбатов О. А.* Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // *Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие*. М., 2002. С. 150–166.
- Куц О. Ю.* Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50 – начала 60-х гг. XVII столетия // *Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева*. СПб., 2002. С. 437 – 463.
- Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.
- Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000.
- Лайдре М.* Количество и состав шведской пехоты в Лифляндии в 1655–1661 гг. // *Скандинавский сборник*. Таллинн, 1986. Т. XXX. С. 27–39.
- Лайдре М.* Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655–1661 годах // *Скандинавский сборник*. Таллинн, 1988. Т. XXXI. С. 64–77.
- Леер Г. А.* Значение критической военной истории в изучении стратегии и тактики // *Военный сборник*. СПб., 1863. № 5. Отд. II. С. 55–95.
- Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.
- Малов А. В.* Государевы выборные московские полки солдатского строя: Командиры выборных полков // *Цейхгауз*. 2001. № 2 (14). С. 2–7.

*Малов А. В.* «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной: На материале Великих Лук // Цейхгауз. 2002. № 2 (18). С. 12–15.

*Малов А. В.* Начало выборных полков – предшественников Петровской гвардии // «За веру и верность»: 300 лет Российской императорской гвардии: Тезисы научной конференции. СПб., 2000. С. 56–59.

*Малов А. В.* Невельское взятие 1632 г. // Цейхгауз. 2002. № 3 (19). С. 7–8.

*Малов А. В.* Русско-шведская война 1656–58 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековые и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 126–149.

*Мальгин Т.* Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год. М., 1825.

*Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

*Марголин С. Л.* Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного исторического музея. М., 1948. С. 85–105.

*Марголин С. Л.* К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1953. Т. 27: Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 63–96.

*Марголин С. Л.* Рецензия на книгу А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.» // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 154–157.

*Марков С. Л.* История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1.

*Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. 1683–1762 г.

*Масловский Д. Ф.* Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. СПб; 1890. № 9. С. 7–31.

*Михайлов А. А.* Использование списков раненых для изучения русской военной истории XVII в. // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 355–360.

*Мышлаевский А. З.* Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899.

*Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. СПб., 1896.

*Николаев Н. Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898, Т. 1.

*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1994. С. 13–115.

- Новосельский А. А.* Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // *Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма*. М., 1994. С. 178–197.
- Новосельский А. А.* Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // *Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма*. М., 1994. С. 117–136.
- Новосельский А. А.* Распад землевладения «служилого города» в XVII в. (по десятням) // *Русское государство в XVII в. Сборник статей*. М., 1961. С. 231–253.
- Описание Московского архива Министерства юстиции. М., 1896–1901. Т. 10–12.
- Орленко С. П.* Стрельцы и «немцы» в России XVII века // *Западноевропейские специалисты в России XV–XVII веков: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 24–25 сентября 2002 года)*. М., 2002. С. 54–56.
- Очерки по истории СССР. Период феодализма / Под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955.
- Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990.
- Павлов А. П.* Новгородское дворянство и Государев двор XVI–XVII вв. // *От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкович*. М., 2003. С. 140–147.
- Пономарева И. Г.* Слуги Троицкого-Макарьева Калязина монастыря // *Архив русской истории*. Вып. 7. М., 2002. С. 83–102.
- Поршинев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.
- Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.
- Русская бытоваая повесть. М., 1991.
- Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. [16]: Рейтерн–Рольцберг.
- Рюстов Ф. В. фон.* История пехоты / Пер. с нем. Пузыревского. СПб., 1876. Т. 1–2.
- Саганович Г.* Невядомая война 1654–1667. Мінск, 1995.
- Сахаров В.* История конницы. СПб., 1889.
- Советская военная энциклопедия М, 1978. Т. 5: Линия–Объектовая.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1991. Кн. VI–VII.
- Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
- Сташевский Е. Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.
- Сташевский Е. Д.* Смета военных сил Московского государства в 1663 году. Киев, 1910.

*Сташевский Е. Д.* Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.

*Тараторин В. В.* Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999.

*Устрилов Н. Г.* О системе прагматической русской истории: рассуждения, написанные на степень доктора философии... СПб., 1836.

*Устрилов Н. Г.* Русское войско до Петра Великого. [СПб, 1856].

*Цветаев Д. В.* Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.

ЦГАДА СССР: Путеводитель: В 4 т. М., 1991. Т. 1.

*Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

*Чернов А. В.* Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Автoreферат на соискание научной степени доктора исторических наук. М., 1950.

*Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

*Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

*Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

*Яковлев А. И.* Приказ Сбора ратных людей 146–161 (1637–1653) гг. М., 1917.

*Baranowski B.* Organizacija regularnego wojska polskiego w latach 1655–1660 // Studia i materiały do historii sztuki wojennej. Warszawa, 1956. T. II. S. 209–229.

*Belkin S. C.* Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. Dekalb, 1995.

*Brown P. B.* Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478–1717. Chicago, 1978.

*Brzezinski R.* The Army of Gustavus Adolphus. L., 1993. Vol. 2 (Osprey military. Men-at-Arms series. 262).

*Carlon M.* Ryska Kriget 1656–58. Stockholm, 1903.

*Davies B.* Village into Garrison: the Militarised Peasant Communities of Southern Muscovy // The Russian Review. Vol. 51 / Number 4 (October 1992). Ohio State University Press, 1992. P. 481–501.

*Encyclopédja wojskowa / Red. O. Laskowski.* Warszawa, 1931–1937. T. 1–7.

*Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago; L., 1971.

*Herbst S.* Wojna Inflancka 1600–1602. Warszawa, 1938.

*Kersten A.* Stefan Czarniecki 1599–1655. Warszawa, 1963.

*Kivelson V. A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford, 1996.

- Kotlubaj E.* Galereja Nieswiezska portretow Radziwillowskich. Wilno, 1857.
- Kurbatow O. A.* Połonka 1660 – spojrzenie z Moskwy // Mowią wieki: Magazyn historyczny. 2000. № 10/00 (490). S. 27–36.
- Majewski W.* Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Szwedzkiej 1655–60 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Wrocław, 1978. T. XXI. S. 333–345.
- Nagielski M.* Choragi Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i króla Jana Kazimierza w latach 1648–1666... // Acta Baltico Slavica. Wrocław, 1983. T. XV. S. 77–138.
- Nagielski M.* Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648–1668). Warszawa, 1989.
- Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1978. T. 23/4; Wrocław, 1979. T. 24/4.
- Ten Raa F. J. H., De Bas F.* Het staatsche leger 1568–1795. Breda, 1918.
- Tessin G.* Die Deutschen Regimenter der Krone Schweden. Köln; Graz, 1965. Teil I.
- Tincey J.* Soldiers of the English Civil War. L., 1990. T. 2. Cavalry. (Osprey military. Elite series. 27).
- Vaupell O.* Den Danske Haers Historie til nutiden og den Norske Haers Historie indtil 1814. Kjobenhavn, 1872.
- Wimmer J.* Błażeja Lipowskiego pierwszy polski regulamin piechoty // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Warszawa, 1976. T. XX. S. 333–357.
- Wimmer J.* Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978.
- Wimmer J.* Przegląd operacji w wojnie Polsko-Szwedzkiej 1655–1660 // Wojna polsko-szwedzka 1655–1660. Warszawa, 1973. S. 127–197.
- Wimmer J.* Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Szwecją 1655–1660 // Wojna polsko-szwedzka 1655–1660. Warszawa, 1973. S. 37–99.
- Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa, 1965.
- Wisner H.* Działalność wojskowa Janusza Radziwilla 1648–1655 // Rocznik Białostocki. Warszawa, 1976. T. XIII. S. 53–109.
- Wisner H.* Wojsko Litewskie I połowy XVII wieku. Cz. 1 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Warszawa, 1973. T. XIX; Cz. 2 // SiMHW. Warszawa, 1976. T. XX. S. 5–26; Cz. 3 // SiMHW. Warszawa, 1978. T. XXI. S. 45–148.
- Wörterbuch zur Deutschen Militär-Geschichte. Berlin, 1985.
- Young P.* The English Civil War. L., 1973 (Osprey Military. Men-at-Arms series. 14).

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Авт. – примечание автора  
АМГ – Акты Московского государства  
в. – век  
ВИ – Вопросы истории  
Вып. – выпуск  
г. – год  
Гл. – глава  
ДР – Дворцовые разряды  
ДДР – Дополнения к III тому Дворцовых разрядов  
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.  
ИЗ – Исторические записки  
ИСССР – История СССР  
Кн. – книга  
Л. – лист  
М. – Москва  
об. – оборот  
ОИ – Отечественная история  
Отд. – отделение  
пер. – перевод  
примеч. - примечания  
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи  
РГАДА – Российский государственный архив древних актов  
РИБ – Русская историческая библиотека  
руб. – рублей  
С. – страница  
Сборник МАМЮ – Сборник Московского архива Министерства юстиции  
см. – смотрите  
СПб. – Санкт-Петербург  
Стб. – столбец  
Т. – том  
Цит. – цитируется  
Ч. – часть  
чел. – человек  
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

## СОКРАЩЕНИЯ В ТАБЛИЦАХ ПРИЛОЖЕНИЙ

дат. – даточный  
зн. – знаменщик  
зnam. – знаменщик  
Л. В. – Луки Великие  
новг. - новгородский  
п. – пятина  
П. – Псков  
солд. – солдатский

# СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА .....	5
ВВЕДЕНИЕ .....	12
<b>ГЛАВА 1</b>	
Полковая служба» конницы к началу реформ. ....	51
§ 1. Государева служба «по отечеству» .....	51
§ 2. Казачество «городовое», «донское» и «вольное» .....	63
§ 3. Первые полки «рэйттарского строя» .....	73
Выводы .....	83
<b>ГЛАВА 2</b>	
Преобразование конницы в 1659–1662 гг. ....	86
§ 1. Разбор 1659 г. и создание полков «рэйттарского строя» в Новгородском разряде .....	86
§ 2. «Литовский поход 7168 г.» кн. И.А. Хованского и создание конницы «гусарского строя» .....	92
§ 3. Поход 1661 г.: проблема комплектования. ....	98
§ 4. Кушниковые горы: развал полка Новгородского разряда (осень 1661 г.) .....	116
§ 5. Воеводство кн. Б. А. Репнина и реорганизация конницы Новгородского разряда (1662 г.) .....	123
Выводы .....	127
<b>Глава 3</b>	
Организация конницы на исходе войны (1662–1667 гг.) .....	130
§ 1. Ход и характер боевых действий. ....	130
§ 2. Боевые подразделения конницы Новгородского разряда в 1662–1667 гг. ....	139
Выводы .....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	177
ТАБЛИЦЫ .....	185
<b>ПРИЛОЖЕНИЯ</b>	
Приложение 1. Русско-шведская война 1656–1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников .....	201

<i>Приложение 2. Рецензия на книгу: Саганович П. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск: Навука і тэхніка, 1995 . . . . .</i>	220
<i>Приложение 3. «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке . . . . .</i>	226
<i>Приложение 4. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века. . . . .</i>	251
<i>Приложение 5. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века . . . . .</i>	274
<b>ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА . . . . .</b>	289
<b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ . . . . .</b>	301

Олег Александрович Курбатов

## Военные реформы в России второй половины XVII века: Конница

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*  
Художественный редактор *Н. А. Стариков*  
Корректор *М. Г. Смирнова*  
Верстка *Н. А. Стариков*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.  
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 20.  
Тираж 500. Заказ 5876

Издательство «Квадрига»  
[kvadriga-izdat.ru](http://kvadriga-izdat.ru)

ISBN 978-5-91791-210-3



Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1  
Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), тел. 8(499)270-73-59

*На 1-й сторонке переплета: рейтарский подпрапорщик с полковничьим  
 знаменем (на коне) и пеший рейтар. Современная реконструкция, 2015*

*На контратитуле: князь Иван Андреевич Хованский. Гравюра из книги  
 Historiadi Leopoldo Cesare ... Vienna, Appresso G. B. Hacque, 1670–1674.*

*На 4-й сторонке переплета: голландский шлем-шишак.*

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

История Новгородского полка – одно из «белых пятен», и из-за чего многое предстает искаженно, в т.ч. командование: талантливый, но «дерзостный» воевода князь И. А. Хованский, честный и дотошный князь Б. А. Репнин, сам царь Алексей Михайлович.

Знаменательно совпадение начала и конца карьеры Хованского. Во главе Псковского полка он за пару месяцев добился перелома и разгромил главные силы шведов под Гдовом. Победа принесла ему славу и совпала с рождением царевны Софии Алексеевны

17 сентября 1657 г. Ровно через четверть века среди пунктов «измены» был назван Гдовский бой... Анализ его военно-административной и полководческой деятельности, создания рейтарских и гусарского полка, кампаний 1661 и 1664 гг., походов Русско-польской войны 1665–1666 гг. – дань памяти полководцу.

Походы Новгородского полка отразились на судьбах дворянства, тысяч казачьих, стрелецких, солдатских семей. Книга будет полезна и исследователям генеалогии, краеведам и любителям микроистории.



ISBN 978-5-91791-210-3

9 785917 912103